

ТЗ(4/9)
Т47

В.А.Тишков

ИСТОРИЯ
И
ИСТОРИКИ
В
США

USSR ACADEMY OF SCIENCES

Institute of General History

V. A. Tishkov

HISTORY
and
HISTORIANS
in
USA

MOSCOW

«N A U K A»

1985

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт всеобщей истории

В. А. ТИШКОВ

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ В США

Ответственный редактор

Г. Ц. СЕВОСТЬЯНОВ

МОСКВА
«НАУКА»
1985

Рассматриваются место и роль исторической науки в США, положение с преподаванием истории в высшей школе, кризисная ситуация 70—80-х годов и попытки ее преодоления; дается характеристика подготовки дипломированных кадров историков, включая анализ тематики диссертационных работ. Особое внимание уделено кадрам высшей квалификации, основным направлениям специализации и сфер занятости, организации и финансированию исторических исследований, деятельности профессиональных обществ и ассоциаций, анализируются связи историков с правительством, морально-политический климат внутри профессии.

Рецензенты:

доктор исторических наук
А. Е. БОЛЬШАКОВА (КУНИНА),
доктор исторических наук
И. П. ДЕМЕНТЬЕВ

Валерий Александрович ТИШКОВ
ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ В США

Утверждено к печати Институтом всеобщей истории Академии наук СССР

Редактор издательства Е. А. Мишакова. Художник А. А. Кушенко.
Художественный редактор Н. Н. Власик. Технические редакторы Ф. М. Хенох,
М. Ю. Соловьева. Корректоры В. А. Нарядчикова, Е. В. Шевченко

ИБ № 28337

Сдано в набор 30.10.84. Подписано к печати 20.03.85. Т-02744. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага книжно-журнальная импортная. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая
Усл. печ. л. 18,48 Усл. кр. отт. 18,48. Уч.-изд. л. 21,5 Тираж 2400 экз.
Тип. зак. 781 Цена 2 р. 60 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука».
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

ВВЕДЕНИЕ

Интерес и уважение к прошлому свойственны любому народу, чей коллективный прожитый опыт — необходимое условие его существования и дальнейшего развития. В равной мере этот опыт, вернее, характер его осмысления и интерпретация несут важную идеологическую функцию — он служит интересам того или иного класса и господствующей в обществе социально-политической системы. Как отмечалось в докладе советских ученых на XIII Международном конгрессе исторических наук (США, 1975), «использование исторических знаний для обоснования политических целей борющихся общественных классов, правительств, государств и других социальных институтов является одной из форм социального функционирования научного знания»¹.

В США история выполняет активную идеологическую миссию, ибо целенаправленно используется власть имущими для оправдания и превознесения капиталистического строя и буржуазного образа жизни. По словам американского историка Г. С. Коммаджера, «американцы снабдили себя блестящим, богатым, романтическим и почти безукоризненным историческим прошлым, в котором были одни герои и победы,— прошлым, служившим прологом Восходящей Славы Америки»².

Обращение к истории особенно необходимо господствующему классу в трудные времена обострения социальных конфликтов и неудовлетворенности масс. Здесь исторический материал, «славное прошлое» Америки призваны возрождать чувства уверенности и лояльности по отношению к существующим институтам, предупреждать возможные социальные взрывы. Именно так правящие круги страны использовали 200-летие провозглашения независимости Соединенных Штатов. Среди официально санкционированных к юбилею 88 892 проектов и мероприятий значилась подготовка 4387 публикаций, 115 конференций, 295 семинаров и симпозиумов, 1072 образовательных курсов, 1591 выставки, 1201 ки-

¹ История и общество.— *Вопр. истории*, 1977, № 1, с. 4.

² *Commager H. S. The Search for a Usable Past and Other Essays in the Historiography*. N. Y., 1967, p. 27.

поленты и фотокolleкции, направленных на повышение интереса американских граждан к национальной истории³.

Было бы неверно недооценивать предпринятые в этой области усилия. Сделанные с размахом историко-художественные ленты типа «Хроника семьи Адамсов» собрали многомиллионные аудитории телезрителей. Поставленный в 1977 г. по роману А. Хейли «Корни» одноименный фильм об истории нескольких поколений негритянской семьи смотрели по вечерам 130 млн. человек — более половины населения страны! Тысячи любителей истории занялись генеалогическими изысканиями. Выходцы из разных стран мира, бывшие иммигранты, афроамериканцы и аборигены, составляющие ныне различные компоненты американской нации, все чаще стали обращаться к прошлому, чтобы проследить свой вклад в общеамериканский путь развития и обосновать требования, выдвигаемые в ходе общественно-политической борьбы. Бурный рост интереса к истории страны, получивший название «феномена корней», породил целую армию любителей истории; довольно широкие масштабы приобрело движение за сохранение памятников истории и культуры. В настоящее время в США насчитывается около 4,5 тыс. различных исторических обществ, объединяющих профессионалов-историков и любителей-энтузиастов (в 1945 г. таких обществ было 833)⁴.

Казалось бы, все это должно было позитивно воздействовать и на науку, по крайней мере повысить спрос на историков и на их продукцию. Но парадокс состоит в том, что кампания, связанная с 200-летием США, отнюдь не приостановила развития «кризиса профессии», о котором американские историки пишут и говорят последние 10—15 лет. Выражение «история в кризисе» стало обычным в академической среде.

Обращаясь в 1976 г. к ежегодному съезду Организации американских историков (ОАИ), ее тогдашний президент, гарвардский профессор Ф. Фридел, сказал: «Никогда в прошлом американская история не была настолько в центре внимания общественности, как в год 200-летия. Однако одновременно с повсеместным обращением к нашему национальному наследию и восхищением американской историей существует большой вопрос: никогда еще не было столь большой нужды в профессионально подготовленных специа-

³ The Bicentennial of the United States of America: A Final Report to the People. Wash., 1977, vol. 2, p. 261—262.

⁴ The Past Before Us. Contemporary Historical Writing in the United States / Ed. by M. Kammen. Ithaca, 1980, p. 12.

листах по истории Америки, как сегодня, и никогда еще не было, чтобы так много историков искали себе работу... Историческая профессия находится в состоянии кризиса»⁵.

Учитывая, что речь в данном случае идет об одной из наиболее развитых национальных историографий капиталистического мира, анализ статуса исторической профессии, рассмотрение институциональных, социологических сторон функционирования исторической науки в США представляет бесспорный интерес, тем более что данный аспект в нашей литературе, посвященной американской историографии, до сих пор почти не затрагивался. Автор ставит своей целью проанализировать прежде всего место истории в системе высшего американского образования, подготовку профессиональных историков и состояние кадровой базы современной исторической науки, сферы занятости и специализации историков, некоторые вопросы условий их труда, финансирования и организации исследований. Особое внимание обращено на деятельность важнейших научных центров, исторических ассоциаций и обществ. Все эти вопросы непосредственно влияют на развитие исторической мысли, а также отражают место профессиональных историков в системе государственно-монополистического капитализма, каналы и формы обслуживания учеными интересов господствующей в США системы.

В советской историографии написаны десятки, а может быть, и сотни добротных статей и книг о развитии исторической мысли в США, о ее идейно-методологических позициях, основных школах и концепциях, политической направленности исторических исследований. Это прежде всего исследования Н. Н. Болховитинова, К. С. Гаджиева, И. П. Дементьева, Р. Ф. Иванова, Р. Е. Кантора, А. Е. Куниной, Б. И. Марушкина, В. Л. Малькова, Б. Я. Михайлова, Г. Н. Севостьянова, Н. В. Сивачева, В. В. Согрина, А. А. Фурсенко, Н. Н. Яковлева и многих других. Практически ни одна работа советских историков-американистов не обходится без элементов серьезного историографического анализа. Нет сомнений, что анализ и критика исторической мысли были, есть и останутся основными в историографических исследованиях. Но разве можно согласиться с тем, что мы имеем фрагментарное, а иногда просто смутное представление о том, какое место занимает история в американской системе высшего образования, как готовятся про-

⁵ *Freidel F. American Historians: A Bicentennial Appraisal.*— *Journal of American History*, 1976, N 1, p. 5. (Далее: JAH).

фессиональные историки и как действуют их профессиональные организации, каковы, наконец, профессиональная этика и политический климат внутри профессии, связи историков с правительством и частным бизнесом?

Намерение заняться изучением вопросов, связанных с положением исторической науки и статусом профессии историка в США, возникло у автора в период работы в аппарате Президиума АН СССР, где в центре внимания находятся прежде всего вопросы организации науки. Оно было подкреплено представившейся автору возможностью, помимо нескольких краткосрочных научных командировок в США по линии Академии наук СССР в 1975—1984 гг., совершить в 1980 г. двухмесячную поездку в эту страну в качестве стипендиата фонда Эйзенхауэра. Автору удалось посетить штаб-квартиры ведущих исторических ассоциаций, ряд крупных исследовательских центров, правительственных учреждений, издательств, исторических обществ, университетов, редакций журналов. Но самое главное — была получена возможность встретиться с большим числом американских историков, прежде всего с теми, кого в США коллеги называют «активистами профессии», имея в виду их деятельность в руководящих органах и комитетах исторических ассоциаций, например с такими видными историками, как профессор Гордон Райт и Карл Деглер (Стэнфордский университет), Мерл Курти и Аллан Боуг (Висконсинский университет), Бернард Бейлин и Оскар Хэндлин (Гарвардский университет), Уильям Эшбакер и Генри Унклер (Цинциннатский университет), Рэй Биллингтон и Мартин Ридж (Библиотека Хантингтона), Ричард Моррис и Джон Гаратти (Колумбийский университет). Итоги бесед с 53 историками, включая деканов исторических факультетов, редакторов исторических журналов, историков на государственной службе, библиотечных, музейных и архивных работников, составили тот абсолютно необходимый фон, который мог позволить взглянуть на американскую историческую профессию «изнутри».

Тем не менее основой для работы послужили не столько интервью с историками, сколько изучение первоисточниковой документации самого разного характера. Прежде всего это некоторые архивные материалы. С любезного согласия тогдашнего исполнительного директора Американской исторической ассоциации (АИА), доктора Мака Томпсона, мы получили возможность ознакомиться с архивным фондом АИА, хранящимся в Библиотеке конгресса в г. Вашингтоне. Это преимущественно материалы о деятельности ассоциации

в 50—60-е годы. Информация о современной деятельности АИА была получена от нынешнего исполнительного директора доктора Сэмюеля Гэммона. Тогдашний исполнительный секретарь ОАИ профессор Ричард Киркендейл предоставил ряд ценных материалов из текущего архива этой организации в г. Блумингтоне (Индиана): протоколы заседаний исполкомов, деловых собраний организации, документы комиссий, в том числе результаты обследования положения исторического образования в школах и колледжах США. Интервью с нынешним исполнительным секретарем ОАИ доктором Джоан Хофф-Уилсон дало возможность получить информацию о последних годах деятельности организации.

Исключительный интерес для нашего исследования представили материалы личных архивов некоторых историков, в том числе их текущая корреспонденция. Профессор Мерл Курти дал разрешение ознакомиться с его бумагами в архиве Висконсинского исторического общества (г. Мэдисон), где нами были обнаружены некоторые интересные материалы, характеризующие положение в исторической профессии в годы «холодной войны». Ныне покойный профессор Рэй Биллингтон предоставил возможность во время нашего пребывания в Библиотеке Хантингтона (г. Сан-Марино, Калифорния) частично ознакомиться с его личным архивом. В бумагах этого историка были обнаружены ценные материалы об истории ОАИ, о связях историков с политиками, о деятельности левых историков. Здесь же, в Библиотеке Хантингтона, профессор Мартин Ридж дал согласие на чтение своей корреспонденции в период пребывания на посту редактора журнала «Джорнел оф америкен хистори». Описание деятельности журнала в значительной мере построено на этих материалах. Наконец, к разряду архивных материалов мы можем также отнести коллекцию интервью с видными американскими историками, которая хранится в Архиве устной истории при Колумбийском университете в г. Нью-Йорке. Мы ознакомились с текстами интервью с известными историками Сэмюелем Морисоном и Алланом Невинсом. В Библиотеке Кеннеди в г. Бостоне некоторый интерес для нас представили материалы из фонда Артура Шлезингер-младшего.

Основной тип использованных источников составили материалы статистических и социологических обследований. Значительная часть этих обследований и подсчетов была сделана нами на основе самого разнообразного первичного материала. Некоторые обследования и подсчеты, использо-

важные в книге, были выполнены историческими ассоциациями, другими организациями или отдельными лицами. Там, где источник статистических материалов в книге не указан, это означает, что они — результат подсчетов автора. Эти подсчеты были сделаны на основе данных о 6155 историках — основной массы ныне здравствующих и работающих в системе высшего образования профессиональных исследователей и преподавателей. Эти исходные данные содержатся в издаваемом АИА справочнике-путеводителе по историческим факультетам⁶. Используемое нами издание 1980 г. справочника-путеводителя включает сведения о профессорско-преподавательском составе 295 американских и 9 канадских исторических факультетов колледжей и университетов. Поскольку методика количественного анализа в историографических исследованиях может быть, на наш взгляд, использована не только применительно к американской историографии (справочно-библиографическая литература об историках издается и в других странах), полезно сказать о ней несколько подробнее.

В справочнике АИА сведения расположены в алфавитном порядке по названиям колледжей и университетов, начиная с колледжа Адамса в г. Аламоса, Колорадо, и кончая Янгстаунским университетом в г. Янгстаун, Огайо. Сначала приводятся общие данные об историческом факультете (присуждаемые степени, размер платы за обучение, количество занимающихся студентов и присужденных степеней в год и др.). Затем дается список профессорско-преподавательского состава. Приведем для примера по три выборочных записи по двум университетам.

Колумбийский университет (г. Нью-Йорк, штат Нью-Йорк): Fitzpatrick, Sheila (DPhil, Oxford 1969; assoc. prof.) Soviet education, modern Russia; Garraty, John (PhD, Columbia 1948; prof.) 20th century U. S., comparative 20th century; Garsoian, Nina G. (PhD, Columbia 1958; prof.) Armenia.

Айдахский университет (г. Москва, штат Айдахо): Proctor, Raymond (PhD, Oregon 1966; prof.) modern Europe, Near East, military; Rolland, Siegfried B. (PhD, Wisconsin 1952; prof.) American colonial, Pacific Northwest, Idaho; Winkler, Fred H. (PhD, Northwestern 1957; prof.) American diplomatic, European diplomatic.

⁶ Guide to US Departments of History, 1979—80. АНА. Wash., 1980. Работа по приведению данных в машиночитаемую форму выполнена при содействии А. А. Бородатовой. Первоначальная консультация получена у Л. И. Бородкина и А. К. Соколова.

Вот и все данные, которые содержатся в справочнике. Однако можно тем не менее определить 13 признаков (или переменных величин) для большинства историков:

- 1) пол⁷;
- 2) место работы (университет);
- 3) регион страны, где расположен университет⁸;
- 4) категория факультета по числу преподавателей;
- 5) уровень квалификации;
- 6) время получения степени (по десятилетиям);
- 7) место получения степени (по регионам);
- 8) место получения степени (по 10 крупным университетам);
- 9) занимаемая должность;
- 10) общая специализация;
- 11) вторая общая специализация;
- 12) проблемная специализация;
- 13) специализация специалистов по истории США.

Внутри каждого признака составлен перечень возможных вариантов (значений переменной), каждый из которых приобрел порядковый номер, или код. Признак пола получил значения: 1 — мужской, 2 — женский, 3 — установить не удалось. Каждый университет получил свой порядковый номер в алфавитном порядке, а регионы — обозначения от 1 до 8. Что касается категорий исторических факультетов, то их шесть: 1 — свыше 50 преподавателей; 2 — от 41 до 50; 3 — от 31 до 40, 4 — от 21 до 30; 5 — от 11 до 20; 6 — от 1 до 10 преподавателей. Весь контингент по уровню квалификации поделен так: 1 — доктора наук, 2 — магистры, 3 — бакалавры, 4 — без степени; по времени получения степени определены когорты: 1 — получившие степень до 40-х годов, 2 — в 40-е годы, 3 — в 50-е годы, 4 — в 60-е годы,

⁷ Определялся по имени, и только в редких случаях по именам азиатского происхождения его определить не удалось.

⁸ Мы разделили территорию США на 8 районов, согласно одной из многих принятых систем регионального деления этой страны: Северо-Восточный (штаты Мэн, Вермонт, Нью-Гэмпшир, Нью-Йорк, Массачусетс, Род-Айленд, Коннектикут), Восточно-Атлантический (Нью-Джерси, Пенсильвания, Мэриленд, Делавэр, Виргиния, Западная Виргиния), Юго-Восточный (Кентукки, Теннесси, Северная Каролина, Южная Каролина, Джорджия, Алабама, Миссисипи, Флорида), Средне-Западный (Огайо, Индиана, Мичиган, Иллинойс, Висконсин, Айова, Миннесота, Небраска, Канзас, Миссури), район Скалистых гор (Монтана, Северная Дакота, Южная Дакота, Вайоминг, Колорадо, Юта), Юго-Западный (Арканзас, Оклахома, Нью-Мексико, Техас, Луизиана), Западный (Невада, Калифорния, Аризона, Гавайи), Северо-Западный (Вашингтон, Орегон, Айдахо, Аляска).

5 — в 70-е годы. Преподаватели по месту получения степени расписаны по 8 регионам, а также введено значение 9 — степень присвоена не в США; по должностям были определены пять основных значений: 1 — полный профессор, 2 — доцент, 3 — ассистент, 4 — лектор, 5 — инструктор.

Наиболее трудоемкую и сложную часть составило определение специализации историков. Дело в том, что записи в справочнике сделаны не по какой-то более или менее заданной классификации научных направлений и исторических дисциплин. Каждый из историков указывал свою специализацию так, как он считал это нужным, что обусловило огромную пестроту сведений, требующих упорядочения. Мы ввели понятия общей и проблемной специализации, положив в основу первой принятые в советской историографии категории: 1 — история США и Канады, 2 — история древнего мира, 3 — история средних веков, 4 — новая и новейшая история стран Западной Европы, 5 — история стран Восточной Европы (без СССР), 6 — история СССР, 7 — история стран Азии, 8 — история стран Африки, 9 — история стран Латинской Америки. Перечень проблемных специализаций составил более 20 названий, по которым было распределено большое число разных вариантов определения американскими историками своих научных интересов. Для тех историков, у кого сфера научных интересов выходила за рамки одной из общих специализаций, была введена категория второй специальности. И, наконец, учитывая большое число специалистов, занимающихся отечественной историей, мы ввели особый признак специализации по истории США, включив в него следующие значения: 1 — доколумбова Америка, 2 — колониальный и ранний национальный период (XVII—XVIII вв.), 3 — история США в XIX в., 4 — история США в XX в., 5 — специализация не указана.

В итоге в память ЭВМ данные на историков были введены в следующем зашифрованном виде:

FITZPATRICK S	2	058	1	6	1	4	9	11	2	6	0	10	0
GARRATY J A	1	058	1	6	1	4	1	02	1	1	0	00	4
GARSOIAN N G	2	058	1	6	1	3	1	02	1	6	0	00	0
PROCTOR R L	1	096	8	1	1	4	8	11	1	7	0	09	0
ROLLAND S B	1	096	8	1	1	3	4	06	1	1	0	12	2
WINKLER F H	1	096	8	1	1	3	4	11	1	1	4	06	5

Обычная программа сплошного статистического обшета способна дать любые распределения и зависимости, из кото-

рых только самые основные были использованы в книге⁹.

Аналогичным источником, только гораздо меньшего значения, послужили материалы двух обследований американской исторической профессии, предпринятых АИА в 1980—1981 гг. Массив данных, заложенных в компьютеры, был нам недоступен. Однако результаты, изложенные в обобщенных докладах, использованы достаточно полно¹⁰.

К этой же категории источников следует отнести многочисленные опубликованные и неопубликованные материалы докладов, подготовленных комиссиями исторических ассоциаций по самым разным вопросам состояния исторической науки и исторического образования, положения историков в США. Так, например, большой фактический материал по положению вузовского исторического образования в 70-е годы был накоплен постоянно действующей комиссией при ОАИ, частично опубликованный, а частично (отчеты членов комиссии по штатам) хранящийся в штаб-квартире организации.

По вопросам подготовки профессиональных историков наиболее обстоятельный обзор был опубликован комиссией АИА под председательством Д. Перкинса, но его данные конца 50-х годов устарели и были использованы исключительно для сравнительного анализа¹¹. Сведения о тех, кто получает докторские степени по истории, содержатся в специальных ежегодных отчетах, а также в других публикациях Национального исследовательского совета, действующего при Национальной академии наук США¹².

В 70—80-х годах довольно обстоятельные обследования были предприняты комиссиями АИА и ОАИ по таким вопросам, как статус женщин-историков внутри профессии, права историков как граждан и исследователей, взаимоотношения историков с правительством, проблемы занятости и трудоустройства молодых специалистов, обеспечение доступа исследователей к архивным документам и т. д. Некоторые

⁹ Все данные переданы нам в ИНИОН АН СССР, где, как нам представляется, их можно было бы, преобразовав в обычный текст и дополнив библиографией трудов ученых, превратить в довольно ценный справочный материал, подлежащий, конечно, регулярному обновлению.

¹⁰ Survey of the Historical Profession. Academia. 1980—81. AHA. Summary Report. Wash., 1981; Survey of the Historical Profession. Public Historians. 1980—81. AHA. Summary Report. Wash., 1981.

¹¹ Perkins D., Snell J. The Education of Historians in the United States. N. Y., 1962.

¹² Doctorate Recipients from United States Universities. Summary Reports, 1976—1982. Wash., 1977—1983; Science, Engineering and Humanities Doctorates in the United States. 1977 Profile. Wash., 1978.

из этих докладов были опубликованы в виде отдельных брошюр. Некоторые, как, например, итоги расследования совместной комиссией АИА и ОАИ конфликта, вызванного отказом администрации Йельского университета в чтении учебного курса историку-марксисту Герберту Аптекеру, были опубликованы в информационных бюллетенях этих ассоциаций¹³. Кстати, сами информационные бюллетени АИА и ОАИ (выходящие 9 и 5 раз в год) представляют собой очень ценный источник информации наряду с ежегодными отчетами организаций историков США.

Однако далеко не все сведения о положении исторической науки и статусе историков в американском обществе были доступны в обобщенном виде. В частности, отсутствует более или менее аналитическая информация о формах и содержании среднего и высшего исторического образования, об организации и финансировании исторических исследований, о состоянии издания научных трудов и учебной литературы по истории. Для составления обобщенной картины автор ознакомился с учебными программами и планами ряда исторических факультетов (Гарвардского, Колумбийского, Стэнфордского, Индианского, Висконсинского, Чикагского, Цинциннатского). Была изучена работа некоторых книгоиздательств, занимающихся выпуском книг и учебников по истории, а также редакций журналов «Америкен историкел ревью», «Джорнел оф америкен хистори».

Особых усилий потребовало изучение вопроса о финансировании исторических исследований. Посещение Национального гуманитарного фонда в г. Вашингтоне и материалы ежегодных отчетов этой организации дали достаточную информацию о финансовых ассигнованиях на историю, по крайней мере по правительственной линии.

И, наконец, необходимые сведения о характере научной деятельности историков, прежде всего наиболее заметных исследовательских центров США, были получены из публикаций этих центров и в результате личного ознакомления с их работой. Среди них, помимо десятка крупных университетов, ведущие научные библиотеки (Ньюберри в г. Чикаго, Хантингтона в г. Сан-Марино, Компанейская в г. Филадель-

¹³ АНА. Final Report ad Hoc Committee on the Rights of Historians. Wash., 1975; АНА. A Report on the Status of Women in the Historical Profession. Wash., 1970; Yale University and Dr. Herbert Aptheker. A Report of the American Historical Association — Organization of American Historians Committee on the Defense of the Rights of Historians under the First Amendment, December 1977. — ОАН Newsletter, 1978, Jan., vol. 5, N 2.

фии, Нью-Йоркская публичная, Библиотека конгресса в г. Вашингтоне и др.), исследовательские центры и институты (Смитсоновский институт и Международный центр ученых им. Вудро Вильсона в Вашингтоне, Межуниверситетский консорциум общественных наук в Анн-Арборе, Междисциплинарный центр изучения Филадельфии, Центр по изучению проблем народонаселения в Принстоне, Институт внешнеполитических исследований в Филадельфии).

Содержание и формы деятельности историков, занятых в системе правительственных учреждений, музейной, архивной, краеведческой и просветительской работой, удалось выяснить благодаря посещению некоторых федеральных правительственных ведомств (Исторического отдела госдепартамента, Исторического бюро сената США, Национального архива США и Национальной комиссии исторических публикаций, Национальной службы парков и Национального треста по сохранению исторических памятников), а также некоторых государственных учреждений в штатах и городах (Историческая комиссия Филадельфии, департаменты образования штатов Висконсин и Иллинойс). Была изучена деятельность ряда крупнейших исторических обществ (Пенсильванского, Висконсинского, Массачусетского, Индианского, Огайского), а также местных исторических обществ в графствах и мелких населенных пунктах. Большой интерес представила информация, полученная в итоге посещения некоторых парков и музеев исторического профиля: Парка морской истории в г. Сан-Франциско, Музея статуи Свободы в г. Нью-Йорке, Бостонского национального исторического парка, Национального исторического парка Независимости в Филадельфии, Музея американского Запада в Денвере.

Конечно, все названные выше учреждения и имена специалистов — только малая часть от огромного числа существующих ныне в США исторических обществ и организаций и от довольно многочисленной армии профессиональных историков (около 35 тыс.). Но все же мы вправе полагать, что полученный нами материал дает довольно полную картину в целом по стране. Там, где этот материал был недостаточен, мы стремились привлечь существующую в США литературу по тем или иным вопросам. Достаточно основательна, пожалуй, только литература по организации архивного дела в США (работы Т. Шелленберга, Г. Джонса, Г. Дженкинсона, Д. Роудса, Ч. Доллара)¹⁴. О технике исторических исследований и вспомогательных службах для

¹⁴ См. библиографию в главе 3.

историков в США имеется обзорное исследование У. Ранделла¹⁵. Ценная информация о деятельности крупнейших исторических обществ содержится в книге У. Уайтхилла¹⁶. Ряд работ общего характера о развитии американской исторической мысли содержит данные и об организационной стороне этого процесса. В этой связи необходимо упомянуть таких авторов, как Дж. Хайзм и Д. Вэн Тассел¹⁷. Имеются также издания биографо-исторического характера¹⁸. Но специальной работы об исторической профессии в США нет.

И все же мы не можем обойти молчанием одну книгу, которая оказала определенное влияние на автора. Эта книга, строго говоря, скорее публицистическое произведение — пространный памфлет, изданный в 1976 г. в торонтском издательстве, который принадлежит левому американскому историку Джесси Лемису, — «На активной службе войне и миру. Идеология и политика в американской исторической профессии»¹⁹. Это одна из наиболее радикальных попыток рассмотреть идейно-политические устои и активное участие американских историков в проведении политики антидемократизма и антикоммунизма внутри страны.

И, наконец, необходимо отметить важный вклад, который вносят американские историки-марксисты, прежде всего Герберт Аптекер, в раскрытие социально-классовых основ и идейно-политической ориентации исторической науки в США. Марксистско-ленинский подход к анализу общественных явлений позволяет рассмотреть во всей полноте, сложности и обусловленности процесс функционирования научного знания в буржуазном обществе и тем самым ответить на вопрос, какое место занимает и какую роль играет история как наука и дисциплина в американском обществе.

¹⁵ *Rundell W.* In Pursuit of American History. Research and Training in the US. Norman, 1970.

¹⁶ *Whitehill W. M.* Independent Historical Societies. Boston (Mass.), 1962.

¹⁷ *Van Tassel D.* Recording America's Past: An Interpretation of the Development of Historical Studies in America. Chicago, 1960; *Higham J.* Writing American History. Bloomington, 1970; *Idem.* History. Englewood Cliffs, 1965.

¹⁸ *Cunliff M., Winks R. M.* Pastmakers: Some Essays on American Historians. N. Y., 1969; *Garraty J. A.* Interpreting American History: Conversations with Historians. N. Y., 1970. Vol. 1, 2; Twentieth-Century American Historians. Dictionary of Literary Biography / Ed. by Clyde N. Wilson. Detroit (Mich), 1983. Vol. 17.

¹⁹ *Lemisch J.* On Active Service in War and Peace: Politics and Ideology in the American Historical Profession. — Toronto, 1975.

ВЫСШЕЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ПОДГОТОВКА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ИСТОРИКОВ

Вопрос о высшей школе в США неоднократно рассматривался в советской литературе¹, но специально гуманитарное образование, а тем более высшее историческое шире из специалистов до сих пор не затрагивалось. Наши сведения по этому вопросу чрезвычайно отрывочны и случайны: их обычный источник — это впечатления от пребывания в стенах того или иного американского университета или же информация, полученная из рассказов американских коллег — вузовских историков. В самих США ровно четверть века назад состояние высшего исторического образования в стране было обстоятельно изучено специальной комиссией Американской исторической ассоциации (АИА) под председательством видного историка Декстера Перкинса. Отчет этой комиссии в виде отдельной книги был опубликован в 1962 г.² Содержащиеся в нем сведения почти полностью устарели. Результаты планировавшегося социологического обследования студентов-историков в американских колледжах, которое было начато в 1980 г. Р. Дженсеном в Библиотеке Ньюберри, пока неизвестны, как и судьба всего этого проекта по изучению статуса истории в системе американской высшей школы.

1. Особенности американской системы высшего исторического образования и характеристика исторических факультетов

Высшая школа в США, в том числе гуманитарное образование, имеет ряд особенностей, которые необходимо учитывать при рассмотрении вопроса о преподавании истории

¹ Об американской высшей школе см.: Громека В. И., Масленникова В. И., Федорович В. А., Филиппова Л. Д. США: наука и образование. М., 1974; Филиппова Л. Д. Высшая школа США. М., 1981.

² Perkins D., Snell J. The Education of Historians in the United States. N. Y., 1962.

в высшей школе и о подготовке профессиональных историков. Во-первых, в США отсутствует единая общегосударственная система высшего образования, и в стране имеется несколько типов высших учебных заведений (колледжей и университетов). Значительная часть вузов — государственные, т. е. они финансируются из бюджетов штатов, которые по конституции осуществляют контроль за образованием. Кроме этого, многие университеты и колледжи являются частными учреждениями, т. е. они финансируются различными фондами и частными лицами и управляются как автономные корпорации.

Во-вторых, почти все американское университетское образование состоит из двух элементов: первая ступень — четырехгодичный колледж и вторая ступень — основная исследовательская школа, где и осуществляется подготовка научных кадров высшей квалификации. Американские университеты присуждают несколько степеней разного уровня и значения. Окончание четырехгодичного колледжа дает степень бакалавра искусств (Bachelor of Arts — BA), окончание одногодичной программы исследовательской школы — степень магистра искусств (Master of Arts — MA), завершение трехгодичной исследовательской школы — степень доктора философии (Doctor of Philosophy — PhD) в той или иной области, например истории. Только степень доктора может рассматриваться как «ученая» в нашем понимании и соответствует примерно степени кандидата наук. Степени бакалавра и магистра соответствуют неполному и полному высшему образованию: первая при дополнительной подготовке дает право на преподавание истории в школе, вторая — в школе, колледжах и даже университетах.

Сразу же следует отметить, что историческое образование само по себе не имеет четкой педагогической направленности. Эта направленность проявляется более определенно при подготовке кадров высшей квалификации, т. е. докторов, чье основное предназначение — университетская карьера. По крайней мере, так было до последнего времени. Подготовкой школьных учителей в американских университетах ведают прежде всего педагогические отделения. Исторические факультеты только косвенно участвуют в этом процессе. Лишь в некоторых университетах на исторических факультетах в последнее время появились специальные программы, готовящие магистров по специальности «преподаватель истории (Master of Arts in Teaching — MAT). О присвоении таких степеней в 1980 г. объявили 29 факультетов из 295.

Набор студентов производится не на какой-то определенный факультет, а в университет в целом, и только затем, в процессе обучения, студент определяет свою специализацию. Этот выбор должен быть сделан на первом году обучения, когда студенты пребывают в категории «новичков». Поэтому исторические факультеты не имеют установленной численности обучающихся на них студентов младших курсов: все зависит главным образом от того, сколько студентов, поступив в университет, примут решение прослушать исторические курсы и специализироваться по истории. Причем прохождение курсов на историческом факультете и специализация по истории — это несколько различные вещи. На некоторые курсы (лекционные или семинарские) записываются студенты других, особенно гуманитарных, факультетов, желающие расширить свое образование. Специализация же предполагает выполнение определенной программы и учебного плана и ведет к получению первой степени — бакалавра.

Таким образом, численность студентов-историков в американских колледжах и университетах определяется специализирующимися студентами. Она более или менее становится определенной на втором году обучения студентов в колледже и не носит постоянного характера, за исключением некоторых максимальных цифр, определяемых числом работающих преподавателей.

Привыкнув к более строгой и единообразной системе высшего образования, нам нелегко представить некоторые особенности американской университетской системы. Скажем, учебные планы составлены не строго по годам обучения и перечень курсов не содержит четкой привязки к последним. Студенту известен общий объем требований, который он должен выполнить для получения образования той или иной степени, а далее очень многое зависит от самого студента, от личного учебного плана, который вырабатывается, как правило, с участием преподавателей-наставников и под контролем администрации. На факультетах, а также на межфакультетском уровне существуют особые учебные службы, осуществляющие контроль за учебной работой студентов и обеспечением учебного процесса. Эти службы, как правило, двух уровней: одна — для студентов младших курсов, другая — для старшекурсников. Первая — обеспечивает программу для получения степени бакалавра, вторая — магистра и доктора.

Последовательность обучения и прохождения исторических дисциплин обуславливается в значительной мере их

сложностью и ориентированностью. Так, например, в Чикагском университете все курсы разделены на две группы: в первую входят обзорные, вводные и специальные курсы, рассчитанные на студентов колледжа, т. е. первых четырех лет обучения; во вторую — продвинутые и специализированные курсы, семинары, занятия с диссертантами, рассчитанные на студентов-аспирантов. На историческом факультете Пенсильванского университета студентам предлагаются учебные курсы нескольких категорий: обзорные, вводные, средней сложности, и для студентов-аспирантов. Практически все категории курсов доступны для студентов колледжа, получающих степень бакалавра. Только для прохождения аспирантских курсов преподаватель-наставник должен дать особое разрешение.

Если для студентов колледжа основной тип учебных занятий — лекционные курсы и просеминары, то для студентов исследовательской школы главная форма — это исследовательский семинар и занятия по подготовке диссертационной работы. Во многих американских вузах существуют также разные формы самостоятельной работы студентов, и прежде всего так называемое направляемое чтение, т. е. изучение литературы по рекомендованному списку.

Историческое образование в американском вузе построено в значительной мере на рыночном принципе «спрос — предложение». Перечень предлагаемых факультетом курсов во много раз превышает то количество, которое требуется каждому отдельному студенту для выполнения учебного плана. Факультет в целом и преподаватели в отдельности заинтересованы, чтобы как можно большее число студентов университета специализировалось по истории: от численности студентов и прежде всего от вносимой ими платы за изучаемые курсы зависит материальное положение факультета, число штатных преподавателей, а значит, в конечном итоге работа каждого преподавателя. В Чикагском университете студент исследовательской школы за прохождение нормальной программы в три учебных курса в семестр должен был платить в 1979/80 учебном году 1435 долл. и 400 долл. за каждый дополнительный курс. Сокращенная программа в два курса стоила 1035 долл. и в один курс — 435 долл. Многие студенты, кстати, вынуждены сознательно сокращать свою нагрузку и по финансовым соображениям удлинять срок обучения.

Уменьшение в последние годы числа специализирующихся по истории студентов служит главной причиной и

обоснованием для администрации университетов урезать ассигнования историческим факультетам и сокращать число штатных профессоров.

Отсюда вполне понятно, как настойчиво и «агрессивно» стараются профессура и администрация исторических факультетов представить в наиболее привлекательном виде и «продать свой товар», т. е. историческую науку и профессию, обучающимся в университете студентам. Каждый преподаватель стремится извлечь из своего научного багажа и опыта максимум возможного для подготовки и чтения как можно большего числа небольших, но желательно привлекательных по названию и учитывающих «моду» учебных курсов. Полные учебные классы — самая надежная гарантия не только преподавательского авторитета, но и стабильности и прочности занимаемой должности.

Пожалуй, прежде всего этим можно объяснить одну из столь примечательных особенностей высшего исторического образования в США. В Чикагском университете, например, где в штате исторического факультета 59 преподавателей, студентам в 1980 г. предлагалось 386 лекционных курсов, а также 261 исследовательский и семинарский курс: в среднем по 11 курсов и семинаров на каждого преподавателя! В Индианском университете 50 преподавателей исторического факультета в 1980 г. объявили свыше 200 курсов, т. е. в среднем по 4 курса на преподавателя. В Цинциннатском университете, где 27 преподавателей истории, факультет предлагает 92 курса для колледжа и 92 курса для исследовательской школы, т. е. по 7 курсов на профессора. В среднем исторические факультеты ежегодно объявляют запись на 150—200 курсов, а каждый преподаватель имеет обычно 5—7 курсов.

У этой системы есть некоторые преимущества: она стимулирует самостоятельность студентов, углубленное изучение отдельных исторических предметов и проблем, заставляет преподавателей совершенствовать свою квалификацию, уровень подготовки и проведения учебных занятий. Но у нее есть и серьезные недостатки: она не может обеспечить освоение основ истории как науки в полном и систематическом виде. Скажем, в Висконсинском университете список предлагаемых курсов по истории античности и средних веков включает 46 различных названий, из которых студенту требуется выбрать и изучить минимум один курс и тем самым выполнить требования учебного плана. Таким образом, прослушав курс по одной из проблем или региональной теме, студент «покопчит» со всей древней и средневе-

ковой историей, даже иногда не открыв ни единой книги по истории Древней Греции и Рима или средневекового Востока.

Кроме того, при отсутствии единого учебного плана тематика и содержание академической подготовки студентов-историков в значительной мере определяются личными научными интересами и склонностями работающих на факультете профессоров. Скажем, Индианский университет располагает богатой библиотекой по славистике, а при историческом факультете действует Институт по изучению СССР и стран Восточной Европы. На этом факультете для студентов колледжа предлагается 84 учебных курса: 4 вводных или обзорных, 17 по истории США, 16 по истории Европы в средние века и новое время, 7 по древней истории, 20 по истории СССР и Восточной Европы, 5 по истории стран Латинской Америки, 4 по истории Восточной Азии, 1 по истории стран Африки, а также несколько просеминаров и курсов для студентов-отличников. Ясно, что при такой программе общеисторическая подготовка студентов Индианского университета будет иметь неизбежный уклон в сторону изучения истории славянских и других народов Восточной Европы. Такая «специализация» целых факультетов по тем или иным направлениям исторической науки — довольно распространенное явление в американских университетах.

Учебный год в американских колледжах и университетах организован по-разному: в одних он делится на три семестра, в других — на четыре. Так, например, в Индианском университете первый семестр длится с сентября по декабрь, второй — с января по май и третий (летний) семестр, или летние сессии, — с мая по август. В Чикагском университете год делится на четыре квартала: первый (летний) — с конца июня до конца августа; второй (осенний) — октябрь, ноябрь, декабрь; третий (зимний) — январь, февраль, март; четвертый (весенний) — апрель, май, июнь. Аналогичное деление года на три или четыре семестра имеют и остальные университеты.

Основной единицей учебного плана является курс, который обычно читается в течение одного семестра раз в неделю и засчитывается студенту за три зачетных часа. Нормальной нагрузкой для студентов колледжа считается одновременное прохождение в семестр трех или четырех курсов, для студентов исследовательской школы — трех курсов. По крайней мере, так считается в Чикагском и в ряде других университетов. Некоторые университеты уста-

павливают лишь общий объем нагрузки для студентов, особенно первых четырех лет обучения. Так, например, в Индианском университете для студентов колледжа необходимо пройти не менее 27 зачетных часов (девять курсов в течение двух семестров) в год.

Разница в организации учебного процесса и в формальных требованиях на исторических факультетах американских вузов столь велика, что при переходе студентов из одного учебного заведения в другое требуется потратить немало времени с карандашом в руке, чтобы вычислить все необходимые эквиваленты пройденным занятиям в одном вузе требованиям, предъявляемым в другом. Это особенно важно в том случае, когда студент, получив степень бакалавра или магистра в одном, обычно небольшом, провинциальном колледже или университете, решает пройти программу на степень доктора философии в более крупном и престижном учебном заведении. Смена одного или даже двух учебных заведений в процессе получения высшего образования довольно распространенное явление в США.

Итак, высшее историческое образование осуществляется в США через исторические факультеты колледжей и университетов. Справочник 1980 г. перечисляет 295 факультетов, которые расположены по всей территории страны в каждом из 50 американских штатов. Распределение исторических факультетов по стране следующее:

Район	Число факультетов	%
Северо-Восточный	58	20
Восточно-Атлантический	45	15
Юго-Восточный	42	14
Средне-Западный	71	24
Район Скалистых гор	12	4
Юго-Западный	31	11
Западный	24	8
Северо-Западный	12	4
<i>Всего</i>	<i>295</i>	<i>100</i>

Таким образом, около половины факультетов (49%) сосредоточено на востоке Соединенных Штатов, прежде всего в районе Новой Англии (штаты Мэн, Вермонт, Нью-Гэмпшир, Массачусетс, Нью-Йорк, Род-Айленд, Коннектикут, Нью-Джерси), где находится примерно $\frac{1}{3}$ всех американских вузов. В последние десятилетия регионом с высокой концентрацией образовательных институтов стал Средний

Запад (штаты Огайо, Индиана, Мичиган, Иллинойс, Айова, Висконсин, Миннесота, Небраска, Канзас, Миссури). Здесь ныне находится почти $\frac{1}{4}$ всех исторических факультетов.

Целесообразно и интересно проанализировать весь список исторических факультетов, разделив их по категориям в зависимости от численности профессорско-преподавательского состава, постоянно занятого на факультете (сюда включены также и те профессора, которые заняты часть времени, т. е. работают на половину или часть преподавательской ставки). Конечно, показатель численности профессуры не является всеобъемлющим для классификации факультетов по качественным категориям, но он, пожалуй, самый важный из всех прочих, ибо от численности профессуры зависит число обучаемых студентов, объем и разнообразие предлагаемых курсов и в целом качество обучения.

Категория исторического факультета	Число факультетов	%
I (свыше 50 преподавателей)	11	3,7
II (от 41 до 50)	15	5,1
III (от 31 до 40)	29	9,8
IV (от 21 до 30)	70	23,7
V (от 11 до 20)	96	32,6
VI (от 1 до 10)	74	25,1
<i>Всего</i>	<i>295</i>	<i>100,0</i>

Из полученных данных видно, что самую многочисленную категорию составляют исторические факультеты с числом преподавателей от 11 до 20 человек. Их можно условно назвать наиболее типичными историческими факультетами Америки. Вместе с ними существуют и «карликовые», где трудится 3—5 преподавателей. Это прежде всего исторические факультеты небольших колледжей. Так, например, Кэрролл-колледж в Висконсине имеет на историческом факультете трех преподавателей и два преподавателя работают на часть ставки. Все пятеро — доктора по истории. Кабрини-колледж в Пенсильвании имеет двух штатных преподавателей на историческом факультете, оба — доктора. Не только колледжи, но и некоторые университеты имеют немногим больше преподавателей в штате своих исторических факультетов. В иллинойском Веслейанском университете (г. Блумингтон, Иллинойс) весь коллектив факультета — четыре человека, из которых три доктора и один магистр. Университет Северного Огайо (г. Ада, Огайо) также имеет четырех докторов-историков, в том числе двух жен-

щин. Такими ограниченными силами осуществляется подготовка специалистов на некоторых исторических факультетах американских вузов.

Вверху списка по всем показателям стоят элитные частные университеты и некоторые крупные университеты штатов. Среди факультетов с числом преподавателей свыше 50 — следующие 11: Калифорнийский (Беркли), Калифорнийский (Лос-Анджелес), Колумбийский, Индианский, Мэрилендский, Мичиганский, Нью-Йоркский городской, штата Огайо, Ратгерский, Висконсинский, Йельский. Еще 11 университетов имеют на исторических факультетах от 41 до 50 преподавателей: Аризонский, Гарвардский, Гавайский, Иллинойский (Урбана), Канзасский, Массачусетский, Миннесотский, Северокаролинский (Чапел-Хилл), Принстонский, Флоридский.

Сводная таблица распределения исторических факультетов по категориям и по районам страны выглядит следующим образом:

Район	Факультеты с числом преподавателей						Всего
	от 1 до 10	от 11 до 20	от 21 до 30	от 31 до 40	от 41 до 50	свыше 50	
Северо-Восточный	12	23	11	4	3	4	57
Восточно-Атлантический	13	12	11	6	2	1	45
Юго-Восточный	13	11	11	4	2	0	41
Средне-Западный	17	21	21	5	4	4	72
Район Скалистых гор	3	6	1	3	0	0	13
Юго-Западный	8	13	7	2	1	0	31
Западный	4	6	5	5	2	2	24
Северо-Западный	4	4	3	0	1	0	12
<i>Всего</i>	<i>74</i>	<i>96</i>	<i>70</i>	<i>29</i>	<i>15</i>	<i>11</i>	<i>295</i>

Как мы видим, самые крупные исторические факультеты расположены все в тех же районах Северо-Востока и Среднего Запада, а в ряде районов таких факультетов вообще нет.

2. История в колледжах и подготовка бакалавров

По данным комиссии Перкинса, в США в 50-х годах было 1937 высших учебных заведений, из которых около 900 колледжей присуждали степень бакалавра по истории.

Учитывая, что в 60—70-е годы рост численности высших учебных заведений шел главным образом за счет двухгодичных, так называемых младших колледжей, с большой долей определенности можно сказать, что в начале 80-х годов около 1 тыс. колледжей готовили бакалавров по истории.

Преподавание истории в американских колледжах интересует нас прежде всего потому, что, во-первых, именно в них осуществляется массовая подготовка студентов с общеисторической подготовкой, подавляющая часть которых идет работать учителями истории в школы; во-вторых, из бакалавров отбираются будущие магистры и доктора по истории, т. е. кадры высшей квалификации; в-третьих, колледж — это место, где трудится значительная часть, а точнее, большинство американских профессиональных историков.

На протяжении 50—60-х годов в США росла численность студентов колледжей, специализирующихся по истории или просто изучающих исторические курсы. Росла и численность подготовленных бакалавров, которая достигла своего максимума в начале 70-х годов (в 1973 г. 40 900 бакалавров по истории). После этого начинается долгий и сильный спад в наборе студентов на исторические отделения, а значит, и в производстве специалистов. Этот спад частично пережили и некоторые другие общественные науки, но историческую науку он затронул в большей степени.

Число бакалавров (тыс.)	1973 г.	1974 г.	1975 г.	1976 г.	1977 г.	1978 г.	1979 г.	1980 г.
По всем наукам	922,4	945,8	922,9	925,7	919,5	921,2	921,4	929,4
Общественные науки	156,4	150,8	135,7	126,8	117,4	113,2	108,3	103,9
Историческая наука	40,9	37,0	31,5	28,4	25,4	23,0	21,0	19,3

Источник: Statistical Abstract of the United States, 1980. Wash., 1980; Ibid., 1982—83. Wash., 1983.

Если число лиц, получивших высшее образование, было на протяжении 70-х годов стабильным и даже несколько выросло, то число историков-бакалавров за восемь лет сократилось более чем в 2 раза! В 1973 г. историки составляли 4,4% всех получивших степень бакалавра и 26,1% бакалавров-гуманитариев. В 1980 г. эти показатели равнялись соответственно 2 и 18,5%.

Десятки специалистов и специальных комиссий пыта-

лись разобраться в происходящем, но дальше констатации достаточно очевидного факта — сокращения набора студентов — дело фактически не пошло. Однако материалы одной из таких комиссий — комиссии Организации американских историков (ОАИ) по статусу истории в школах и колледжах — представляют несомненный интерес. Эта комиссия под председательством исполнительного секретаря ОАИ профессора Ричарда Киркендейла провела в середине 70-х годов ряд обстоятельных обследований по всем американским штатам.

Уже к 1975 г. с полной отчетливостью выявился процесс сокращения численности студентов-историков в американских колледжах. Из всех штатов только в Вермонте число специализирующихся по истории за последнее десятилетие выросло. В некоторых штатах ситуация выглядела более или менее стабильно (Арканзас, Миссисипи, Джорджия), а в некоторых наблюдались противоречивые тенденции: часть колледжей теряла студентов, а часть, наоборот, зачисляла с каждым годом все больше (Кентукки, Техас, Аризона, Гавайи). В большинстве штатов положение было гораздо мрачнее. В Пенсильвании, например, рост числа студентов в 60-е годы сменился упадком с 1969 по 1974 г. Сокращение наблюдалось и в штатах Нью-Гэмпшир, Массачусетс, Коннектикут, Нью-Йорк, т. е. в районе Новой Англии. На Среднем Западе ситуация была аналогичной. В Мичигане число студентов-историков в колледжах, достигнув пика в конце 60-х годов, в начале 70-х годов стало резко падать. В Огайо запись на исторические курсы после 1970/71 учебного года сократилась на 25—30%. В Индиане, Иллинойсе и Висконсине с 1963/64 по 1968/69 учебный год рост был почти на 50% и на столько же произошло сокращение в последующие пять лет. В Айове почти в каждом учебном заведении в конце 60-х — начале 70-х годов произошло сокращение на 30%. В Миссури максимум численности в 1969—1971 гг. сменился в последующие годы сокращением на 25—40%. В южных и западных штатах эта тенденция была выражена не менее четко: в Луизиане и Оклахоме, например, пик численности студентов в конце 60-х годов сменился последующим упадком. В Монтане все колледжи, кроме одного, пережили резкое сокращение числа студентов, изучающих историю. В Орегоне, Вайоминге, Неваде и Юте, хотя общее число оставалось больше, чем десять лет назад, тем не менее в начале 70-х годов оно сократилось. На Аляске в колледже университета Фэрбанкса

в первой половине 70-х годов число студентов сократилось на 40%, в колледжах Анкориджа — на 18%³.

Причины падения популярности истории и сокращения числа студентов, избравших эту дисциплину предметом своей специализации, выявить довольно сложно. Американские специалисты в области образования и преподаватели-историки среди главных причин чаще всего называют исключение исторических курсов из числа обязательных в учебных программах многих учебных заведений. Однако одновременно столь же часто указывается на неблагоприятную ситуацию на рынке труда, сокращение возможностей для молодых историков найти работу. Отход студентов от истории, их интерес к другим наукам, более ориентированным на практические дела, а значит, и с большими возможностями получить место, также способствовали падению престижа исторической науки и профессии историка.

Некоторые смутные надежды на улучшение ситуации были высказаны в середине 70-х годов, но они не оправдались в будущем. Р. Киркендейл сделал такое заключение: «Признаки улучшения очень слабые; история остается в кризисе. Доверие и интерес к истории уже не так широко распространены и сильны среди студентов, работников образования и политиков, как это было несколько лет назад. На отношение к истории сильное влияние оказывают сомнения на счет ее пользы для личности и общества в целом»⁴.

В штаб-квартире ОАИ нами были просмотрены отчеты членов комиссии (по одному от каждого штата), присланные в 1976—1977 гг. О росте численности студентов сообщили только несколько штатов: Аризона, Оклахома, Небраска, Нью-Мексико, Теннесси. В Аризоне улучшение с набором студентов-историков произошло в значительной мере благодаря решению властей штата об обязательном изучении курса по истории США для всех, кто собирается стать учителем в школах Аризоны. В Небраске положительный эффект дали настойчивые усилия по расширению изучения и преподавания местной истории и истории штата; краеведческая ориентация исторических курсов привлекла дополнительно некоторое число желающих специализироваться по истории. В Теннесси численность студентов, изучающих историю, удалось стабилизировать благодаря принятию в 1974 г. закона штата об обязательном изучении двухсеместрового курса истории США для всех студентов, получаю-

³ *Kirkendall R. S.* The Status of History in the Schools.— *The Journal of American History*, 1975, Sept., vol. 62, N 2. (Далее: JAH).

⁴ *Ibid.*, p. 569.

щих степень бакалавра. В итоге данные о числе студентов, которые записаны на исторические курсы в колледжах и университетах штата, выглядели следующим образом: 1963 г. — 28 827 человек, 1968 — 46 535, 1973 — 37 606, 1975 г. — 37 838 человек⁵.

Стабильная ситуация отмечалась в Джорджии, Вайоминге, Массачусетсе, Миннесоте и в ряде других штатов, но представители этих штатов в комиссии высказали серьезную озабоченность. «Упадок численности студентов, специализирующихся по истории, даже если он, возможно, сейчас начинает стабилизироваться, отражает обеспокоенность студентов целями своей будущей профессии, реальную заботу о необходимости найти работу... Хотя студенты способны увидеть ценность и почувствовать интерес к истории, они находят эту науку непрактичной с точки зрения интересов будущей карьеры», — писал представитель Миннесоты⁶.

Во всех остальных штатах продолжалось сокращение числа студентов. На Аляске, где для получения степени бакалавра искусств не требуется изучение обзорных курсов по истории, запись студентов на курсы по истории США и истории западной цивилизации составила $\frac{1}{3}$ от уровня 10-летней давности, когда, кстати, общее число студентов было меньше, чем сейчас. В Арканзасе сокращение продолжалось несмотря на ряд принятых мер: увеличение исторических курсов в программе подготовки школьных учителей, введение для первокурсников колледжей вводного цикла лекций, цель которого «представить в надлежащем виде историю как область возможной специализации». О положении в Айове красноречиво доложил декан исторического факультета Айовского университета: «На нашем факультете вновь воцарилось чувство пессимизма, вызванное тем, что кажущееся выравнивание положения с набором обернулось еще одним шагом в сторону продолжающегося упадка, и этот упадок уже распространился и на наши основные курсы, несмотря на попытки разных реформ. Мы сейчас создали факультетскую комиссию по вопросу о кризисе с набором, предложили новый курс по истории второй мировой войны, ввели новую систему учета интересов студентов и приспособления наших предложений под их требования. Но я не уверен, чтобы кто-нибудь из нас действительно поверил в эффективность этих мер»⁷.

⁵ Status of History in the Schools and Colleges. Committee reports for 1976—77. — OAH Office in Bloomington (Ind.).

⁶ Э. Плют — Р. Киркендейлу, 26 февр. 1977 г. — Ibid.

⁷ Д. Цитнах — Р. Киркендейлу, 25 февр. 1977 г. — Ibid.

Итак, в 70-е годы число студентов-историков и специалистов со степенью бакалавра сильно сократилось. Но все же в США эту степень продолжают получать около 20 тыс. специалистов ежегодно. Далеко не все из них становятся профессиональными историками, а только те, кто получает степень магистра, а затем и ученую степень доктора. В 1900 г. примерно 1 из 60 бакалавров-историков становился доктором, в 50-х годах — 1 из 40, а в 1980 г. — 1 из 27. Как правило, студенты, окончившие колледжи при крупных университетах, поставляют кадры будущих профессиональных историков. Те факультеты, которые имеют программы для подготовки магистров и докторов, обычно располагают и достаточно обширными контингентами студентов колледжа. По данным справочника по основным историческим факультетам, общее число специализировавшихся по истории студентов в 1979 г. составляло почти 40 тыс.

Район	Число студентов-историков	%
Северо-Восточный	7 798	20,6
Восточно-Атлантический	4 390	11,5
Юго-Восточный	4 615	12,1
Средне-Западный	8 068	21,2
Район Скалистых гор	1 792	4,7
Юго-Западный	4 332	11,4
Западный	5 674	15,0
Северо-Западный	1 329	3,5
<i>Всего</i>	<i>37 998</i>	<i>100,0</i>

Подсчитано по: Guide to US Departments of History. Wash., 1980.

В этом же году 280 факультетов (15 не дали сведений) присвоили степень бакалавра по истории почти 12 тыс. человек (всего по стране эту степень получила 21 тыс. человек). См. с. 31.

Из этих данных видно, что северо-восточные и средне-западные штаты остаются бесспорными лидерами в подготовке бакалавров-историков. Это вполне естественно, ибо здесь сосредоточена значительная доля исторических факультетов университетов, в том числе самых крупных. Рекордсменами в подготовке бакалавров в 1979 г. были следующие университеты: Калифорнийский (Лос-Анджелес) — 323 человека, Ратгерский — 200, Калифорнийский (Беркли) — 185, Йельский — 178, Вашингтонский — 169, Висконсинский (Мэдисон) — 164, Техасский — 155, Гарвардский — 150 человек.

Район	Число бакалавров-историков	%
Северо-Восточный	2 895	24,6
Восточно-Атлантический	1 570	13,4
Юго-Восточный	1 243	10,6
Средне-Западный	2 541	21,6
Район Скалистых гор	404	3,4
Юго-Западный	1 141	9,7
Западный	1 415	12,0
Северо-Западный	554	4,7
<i>Всего</i>	<i>11 763</i>	<i>100,0</i>

Подсчитано по: Guide to US Departments of History.

Еще 15 университетов выпустили от 100 до 150 бакалавров каждый.

В конце 50-х годов в четырехгодичных колледжах при подготовке бакалавров велись следующие курсы:

Тематика курсов	Колледжи, где этот курс читался, %
История США	97
Новая история Европы	91
История Британского содружества	77
История средних веков	74
История западной цивилизации	69
История дипломатии	64
История древнего мира	64
История стран Латинской Америки	54
История стран Дальнего Востока	52
Экономическая история	50
История СССР	50
История штата	43
История культуры	41
Конституционная история	36
Методология	35
История религии	33
Всемирная история	27
Социальная история	23
История стран Ближнего Востока	20
Философия истории	15
История науки	9
История стран Африки	6
Военная история	4

Источник: Perkins D., Snell J. The Education of Historians in the United States.

Таким образом, наиболее распространенным в американских колледжах был курс по истории Соединенных Штатов. Это вполне понятно, ибо речь идет об отечественной истории, которая имеет все основания на приоритетное положение. Тем не менее только 39% колледжей имели курс по истории США или американской цивилизации в числе обязательных. Вторыми по значимости были курсы по истории Европы в новое время или истории западной цивилизации. В 54% колледжей эти курсы были в числе обязательных. Примерно половина будущих бакалавров (49%) специализировалась по истории Европы или Британского содружества, $\frac{2}{3}$ (41%) — по истории США, на все остальные области приходилось только 10% студентов⁸. Только один курс обычно носил обязательный характер — это вводный курс по истории Соединенных Штатов; так было предусмотрено принятым после второй мировой войны федеральным законом.

За четверть века в содержании исторического образования в колледжах произошли существенные перемены, обусловленные реформами в высшей школе и развитием самой исторической науки. Следует иметь в виду, что степень бакалавра искусств остается в Соединенных Штатах степенью, свидетельствующей о неполном высшем образовании, вернее, об образовании широкого профиля без специальной подготовки в той или иной области знания. Специализация по истории в данном случае означает подготовку не историка по специальности, а гуманитария с высшим образованием, имеющего более углубленные знания (или уклон) в области истории. Так, например, в колледже искусств и наук Индианского университета в 1979/80 учебном году обучалось около 7000 студентов, желающих получить степень бакалавра искусств или бакалавра наук. Колледж состоит из 50 факультетов и межфакультетских программ, обеспечивающих специализацию в той или иной области гуманитарных и естественных наук, в том числе в области истории. Есть общие для всех будущих бакалавров требования:

1) минимум 122 зачетных часа (это означает около 40 семестровых курсов в течение четырех лет обучения). Из них не менее 112 часов в самом колледже, а остальные 10 часов могут быть пройдены в других подразделениях университета;

2) минимальная средняя оценка по сданным предметам 2,0;

⁸ Perkins D., Snell J. Op. cit., p. 73—75, 78.

3) минимум 30 часов (10 курсов) должны быть пройдены на уровне 3—4 годов обучения;

4) не менее 25 часов должны быть пройдены по предмету специализации.

Каждый из четырех лет для студента имеет свое обозначение: первый год обучения (freshman), второй курс (sophomore), предпоследний курс (junior) и старший курс (senior). Первые два года обучения обычно посвящены общеобразовательной (для бакалавров искусств — общегуманитарной) подготовке. Сюда входят курсы английского и иностранного языков, зарубежной культуры, а также несколько кратких вводных курсов по каким-либо гуманитарным и естественным наукам. В конце второго — начале третьего года обучения студенты должны выбрать область своей специализации и, если это история, записаться в число студентов исторического факультета, выбрав себе из штатных профессоров этого факультета преподавателя-наставника.

Требования для специализирующихся по истории в разных колледжах значительно различаются, но все они предусматривают, помимо общегуманитарной, общеисторическую подготовку, а также специализацию по какой-либо отрасли исторической науки или просто конкретной исторической эпохе или региону. Так, например, в Стэнфордском университете специализирующиеся по истории студенты должны:

1) прослушать не менее десяти исторических курсов и сдать по ним экзамены с положительной оценкой;

2) минимум пять из десяти обязательных курсов пройти у постоянных преподавателей факультета;

3) пройти минимум по два курса из трех следующих: а) Западная Европа и США после 1700 г.; б) Африка, Средний Восток, Азия, Латинская Америка, Россия и Восточная Европа; в) всемирная история до 1700 г. (по крайней мере один курс по западноевропейской истории);

4) участвовать в двух семинарах или коллоквиумах;

5) прослушать курс иностранного языка или вместо него курс по математической статистике и количественным методам.

Кроме перечисленного минимума, студентам рекомендовано прослушать 5—7 курсов по смежным дисциплинам, в том числе по проблемам общественной мысли, литературы и искусства, социологии, истории науки и техники.

В Пенсильванском университете для специализации необходимо избрать одну из трех областей исторической нау-

ки: 1) американскую историю; 2) историю Европы; 3) историю неевропейских стран. По избранному направлению обязательно прохождение минимум шести учебных курсов, причем четыре из них должны быть специализированными. С согласия администрации можно прослушать до четырех курсов на других факультетах, причем два из них могут быть засчитаны за обязательные, если относятся к избранной области специализации. Наконец, все студенты должны пройти занятия в семинаре какого-либо преподавателя.

Исторический факультет Индианского университета требует прохождения минимум 25 часов исторических курсов, не менее одного просеминара в счет этих часов или сверх, распределения этих курсов так, чтобы не менее двух были по американской истории, два по истории Западной Европы и два по истории других регионов мира.

В Цинциннатском университете от специализирующихся требуется прохождение 63 зачетных часов, из которых 18 часов обзорных курсов, не менее 36 часов углубленных курсов и 9 часов исследовательского семинара.

Более детальными выглядят требования к студентам-историкам в Висконсинском университете.

1. Прослушать не менее чем по одному курсу по истории США, европейской истории, истории стран Азии, Африки и Латинской Америки. Причем по меньшей мере один из этих трех обязательных курсов должен быть связан с историей Европы или Средиземноморья до 1500 г. или с историей Африки и Азии до того, как эти районы попали под европейское господство.

2. Пройти занятия не менее чем в одном специальном семинаре с углубленным изучением одной темы или проблемы.

3. Выполнить курсовую письменную работу по тематике курсов для старших студентов или прослушать лекционный курс на уровне исследовательской школы.

Если студент избрал узкой сферой специализации историю культуры, то необходимо в этом случае прослушать не менее трех курсов на других гуманитарных факультетах (по литературе и искусству, философии, политической теории, праву и т. п.), а также пройти подготовку по иностранному языку, если это требуется.

Для студентов, которые приписаны к педагогическому отделению и решили стать школьными учителями, на историческом факультете Висконсинского университета, а также на многих других факультетах существует особый учебный

план. Он включает три курса по истории стран Европы, три курса по истории США, два курса по истории стран Азии, Африки и Латинской Америки, курс основ педагогики, два курса по методике преподавания истории и других общественных наук, курс психологии и педагогическую практику в школе. Вообще педагогическая направленность высшего исторического образования приобрела более или менее определенные черты только в последние годы. До этого вопросы подготовки школьных учителей по истории мало волновали исторические факультеты и профессиональные организации историков.

В 60-х годах АИА подготовила своего рода рекомендации вузам по подготовке школьных учителей истории⁹. Этими рекомендациями ныне руководствуются многие колледжи и университеты при разработке учебных планов и программ. Суть этих рекомендаций сводится к следующему.

Программа подготовки школьных учителей по истории в американских четырехгодичных колледжах должна состоять из трех частей: общеобразовательной подготовки, академической специализации и профессионального (имеется в виду педагогическое) образования. Общеобразовательная подготовка не имеет четких программ, но, по мнению АИА, колледжи, готовящие учителей, должны предусматривать овладение минимумом полезных знаний в разных областях: литература и язык, математика и философия, естественные науки и пр. Знание хотя бы одного из иностранных языков также является важным признаком образованности.

Академическая специализация по историческим наукам должна включать дополнительное изучение некоторых проблем социальных наук и географии. Необходимо основательное изучение американской истории, которое начинается с обзорных курсов. Существенное место должно занять изучение всемирной истории, прежде всего истории Европы, но изучение истории неевропейских стран также должно быть включено в учебные планы. Учителя истории должны проходить минимум трехлетнюю подготовку углубленного изучения истории, требующую изучения обширной литературы, написания письменных работ. Поскольку учителям истории приходится преподавать другие предметы по курсу социальных наук, нужны дополнительные курсы по культурной антропологии, экономике, социологии, географии и т. д. В целом академическая специализация, по мнению

⁹ Preparation of Secondary-School History Teachers. Statement of the Committee on Teaching of the American Historical Association. Wash., 1962, p. 11.

АИА, должна занимать около половины четырехлетней программы колледжей.

Профессиональная подготовка должна включать изучение социальных и психологических основ образовательного процесса, методов и материалов обучения, педагогическую практику. Семестровые курсы по этим предметам вполне достаточны. Общий же объем профессиональной подготовки, по мнению АИА, не должен превышать 18 семестровых часов, или 15% четырехлетнего обучения в колледже. Причем, половина этой подготовки должна быть прямо связана с методикой преподавания истории.

В настоящее время американские университеты ведут довольно большую работу по повышению квалификации практикующих школьных учителей. Прежде всего это делается через систему летних курсов, на которые прибывают учителя из школ штата или региона. Кроме этого, для местных учителей в университетах организуются вечерние курсы. Учителя могут проходить — и это всячески поощряется школьным руководством, вплоть до прибавок к заработной плате, — курсы для аспирантов, т. е. более углубленно изучать отдельные проблемы исторической науки.

Стремясь преодолеть кризис с набором студентов и занятостью историков, некоторые исторические факультеты разработали в последние годы учебные программы, рассчитанные на студентов, которые хотели бы специализироваться по истории, но готовят себя к карьере за пределами учительской профессии. Так, например, Аппалачский университет (г. Бун, Северная Каролина) предлагает программу получения степени бакалавра наук по истории с профессиональной ориентацией на работу в трех сферах: бизнес, правительство, музеи и охрана памятников. В добавление к общим требованиям колледжа эта программа предусматривает 63 семестровых зачетных часа специализации по истории. В них входят минимум 33 семестровых часа курсов по истории, 3 часа исторической географии (семестровый курс), а также 27 семестровых часов специальной подготовки, т. е. курсов, которые могут быть прослушаны на различных факультетах и по различным дисциплинам. Если студент ориентируется в будущем на работу в сфере бизнеса, то это могут быть курсы по экономике, организации делопроизводства, психологии, социологии и другим необходимым предметам. Если студент предполагает работать в государственных учреждениях, то это могут быть курсы по политологии, социологии, географии, праву, психологии и экономике. Для будущих работников музеев и службы охраны и использова-

ния исторических заповедников и памятных мест это могут быть курсы по искусству, биологии, географии, антропологии, природоведению и др. Аналогичные программы в настоящее время имеют многие исторические факультеты, в том числе в самых крупных университетах. Это одно из новых явлений в подготовке студентов-историков.

3. Подготовка магистров искусств по истории

В отличие от степени бакалавра, которая свидетельствует об общеобразовательной подготовке и неполном высшем образовании, степень магистра в полной мере может быть приравнена к диплому о высшем профессиональном образовании. Одновременно степень магистра есть начальная ступень к получению ученой степени доктора (не зря подготовка магистров в США осуществляется в университетах в исследовательской школе, где готовятся также и доктора). Поэтому почти все американские университеты, а также часть колледжей высокого ранга имеют программы по подготовке магистров. По справочнику 1980 г., из 295 исторических факультетов магистерские степени присуждали 223 факультета, т. е. 75,6%. Поскольку в справочнике отсутствуют сведения о некоторых колледжах и университетах, реальная цифра факультетов с магистерскими программами, бесспорно, больше. Для сравнения отметим, что в 1959 г. эту степень по истории присуждали в США 196 высших учебных заведений, что было гораздо больше, чем по каким-либо другим обществоведческим дисциплинам¹⁰.

Число получающих степень магистра по истории постоянно росло в 50—70-е годы, за исключением конца 70-х — начала 80-х годов, когда вслед за сокращением набора студентов-историков в колледжи стало сокращаться и число студентов старших курсов университетов.

Год	Число магистров-историков	% от общего числа магистров	% от числа магистров-обществоведов	% от числа бакалавров-историков
1955	1199	2,0	—	12,6
1960	1794	2,4	—	12,2
1978	3033	1,0	20,7	13,2
1980	2367	0,8	19,4	12,3

Источник: Perkins D., Snell J. The Education of Historians in the United States, p. 21; Statistical Abstract of the United States, 1980, p. 175; Ibid., 1980—82, p. 167.

¹⁰ Perkins D., Snell J. Op. cit., p. 87.

Итак, историки со степенью магистра составляют около 1% всех получающих в США эту степень по всем дисциплинам. Доля историков с высшим образованием сократилась не только в абсолютном выражении. За последние годы значительно увеличилось число специалистов по таким дисциплинам, как бизнес и управление, медицина, образование, биология, информатика. Среди общественных наук также наблюдается тенденция к снижению доли историков с высшим образованием.

Доступ в университет для обучения в исследовательской школе (аспирантуре) как бы осуществляется заново. Наряду с теми, кто прошел обучение в колледже университета, в аспирантуру поступают и те, кто получил начальное высшее образование в других вузах. Требования предъявляются самые различные и со временем меняются. Вступительного экзамена в нашем понимании здесь не бывает. Основное, что требуется, — это диплом бакалавра, три письменных рекомендации от бывших преподавателей, желательно с того же факультета, перечень пройденных курсов и академических оценок, прохождение собеседования. Такова общая практика фактически для всех исторических факультетов. Некоторые университеты требуют от поступающих хорошего знания иностранного (обычно французского или немецкого) языка.

Получение магистерской степени рассчитано в среднем на 1—2 года, но все студенты должны обязательно выполнить учебный план и завершить образование в течение 3—5 лет после начала обучения, иначе они отчисляются. С самого начала определяются как бы два возможных варианта: один ведет к получению обычной магистерской степени и служит чаще всего этапом к дальнейшей учебе на степень доктора философии; другой рассчитан на завершение обучения со степенью магистра в области преподавания.

Второй вариант более сокращенный, так как он не требует подготовки письменной работы — магистерской диссертации. Его цель — подготовка квалифицированного преподавателя средней школы. Важно отметить, что еще в 60-х годах около половины всех обладателей магистерской степени по истории находилось среди учительского персонала и более 40% учителей средней школы имели степень магистра¹¹.

Обычная магистерская программа по истории ставит своей целью, как отмечено в одной из факультетских инст-

¹¹ Preparation of Secondary-School History Teachers, p. 11.

рукций, «привить студенту основные профессиональные навыки в области истории, а также дать углубленные знания в двух отраслях этой дисциплины. Основное внимание обращается на подготовку в наиболее важных разделах исторической науки, а также на обучение историческому методу исследования и написания работ». Программа исторического факультета Индианского университета «имеет своей целью способствовать тому, чтобы студент имел хорошее представление о прошлом, чтобы он развил исследовательские способности и приобрел навыки и умение, необходимые ему для будущей профессиональной деятельности»¹².

Получение степени требует прохождения в среднем 8—10 курсов под контролем преподавателя-наставника (обычно это преподаватель, ведущий семинар по главной специальности), а в некоторых университетах, как, например, в Висконсинском, студентом, специализирующимся по истории США, руководит комиссия из трех человек.

В Стэнфордском университете необходимо пройти девять курсов, семь из которых — обязательно на историческом факультете. Из этих семи один должен быть семинаром для студентов-исследователей, а три могут быть коллоквиумами или семинарами того же уровня. В Индианском университете обязательные курсы включают один исследовательский семинар, один коллоквиум и другие курсы общим объемом 30 часов в неделю, из которых 20 часов должны быть строго по исторической тематике. В Цинциннатском университете студент должен прослушать и сдать два основных лекционных курса по двум областям специализации, выбрав последние из следующего списка:

История США до 1877 г.
История США после 1840 г.
Древняя Греция
Древний Рим
Индия после 1526 г.
Китай с 1644 до 1949 г.
Япония
Англия до 1783 г.

Англия после 1783 г.
Раннее средневековье
Позднее средневековье
Византийская империя
Европа нового времени
Европа новейшего времени
Африка
Латинская Америка

По этим курсам студент должен сдать устные экзамены продолжительностью по одному часу. Итоговый экзамен или письменная работа есть не во всех университетах и не для

¹² Graduate Program. Department of History. University of Cincinnati. 1979, p. 6; A Guide to Graduate Studies in History. Indiana University, 1980, p. 2.

всех студентов. В Индианском университете экзамен сдают только те, у кого средняя оценка по всем курсам ниже «Б» с плюсом, а написание письменной работы снижает на 6 часов общий объем недельной учебной нагрузки. В Цинцинпатском университете итоговый устный экзамен продолжительностью один час принимает экзаменационная комиссия не менее чем из трех преподавателей. Для положительной оценки нужно единогласие членов комиссии. Оценка «сдал с отличием» дает право на продолжение учебы. Если экзамен не сдан, повторная и последняя сдача может быть через 2—10 месяцев.

Довольно трудно определить какие-либо общие требования, предъявляемые к магистерской диссертации. В некоторых университетах письменная работа должна быть написана на основе изучения первоисточников и существующей литературы и носить по возможности самостоятельный исследовательский характер. Однако в большинстве случаев работы не дотягивают до исследовательского уровня, а имеют обзорный характер. Размеры диссертаций также различны: в 50-е годы они в среднем составляли 100—160 страниц машинописного текста¹³, а в настоящее время, по нашим наблюдениям, их средний размер составляет 60—80 страниц. Очень редко на основе таких работ появляются первые научные публикации. Гораздо чаще они служат предварительной разработкой для будущей докторской диссертации.

В некоторых университетах существуют два варианта магистерских программ: одна — терминальная, т. е. без дальнейшего обучения на доктора, и другая — как этап к приобретению докторской степени. Так, в Висконсинском университете первый вариант требует прохождения восьми семестровых курсов (24 часов в неделю), включая два исследовательских семинара или шесть семестровых курсов, а также два исследовательских семинара и написание магистерской работы. Первый вариант завершается заключением квалификационной комиссии или устным экзаменом, если писалась письменная работа. При дальнейшем обучении студент может выполнить магистерскую программу, прослушав шесть семестровых курсов, включая три исследовательских семинара. Часто студенты, выбирая первый вариант и получив степень магистра по истории, тем не менее продолжают обучение для получения следующей степени.

Некоторые университеты требуют от кандидатов на получение степени магистра знания иностранного языка,

¹³ Perkins D., Snell J. Op. cit., p. 105.

а иногда и двух. Если, например, отрасль специализации — история средних веков, то вторым языком может быть латынь или древнегреческий; если история стран Азии и Африки, тогда — один из восточных или африканских языков. По крайней мере, таковы требования в Индианском университете, который отличается от многих других американских университетов высоким уровнем лингвистической подготовки студентов. Обследование конца 50-х годов показало, что почти половина университетов (48%) при присуждении магистерской степени требовала сдачи экзамена по одному из иностранных языков¹⁴. Спустя четверть века требования к лингвистической подготовке студентов в американских университетах стали еще более высокими.

Остается неизменной большая разница в уровне подготовки магистров в различных учебных заведениях. По-прежнему справедливы слова Д. Перкинса: «Обзор подготовки магистров показывает, что бесполезно говорить о том, что такое магистерская степень по истории. Определения этой вещи не существует. Вместо этого есть дюжины разных вариантов магистерских степеней по истории с различной комбинацией некоторых или даже всех предъявляемых требований. Во многих институтах магистр — это сильная степень, в других — слабая»¹⁵.

Обзор системы высшего исторического образования был бы неполным без попытки охарактеризовать в целом читаемые в настоящее время на исторических факультетах основные учебные курсы, которые одновременно являются и областями специализации для бакалавров и магистров. Часть этих курсов изучается также докторантами, о чем речь пойдет ниже. Справочник 1980 г. дает перечень 72 учебных дисциплин, или сфер специализации, с указанием, какие из них включены в программы исторических факультетов.

18 основных курсов хронологического и проблемного характера по истории Соединенных Штатов можно расположить в следующем порядке по доли (в %) факультетов, где они читаются:

Дисциплина, или сфера специализации	Число факультетов	%
История США, 1900–1945 гг.	262	88,8
Колониальный период и Революция	260	88,1
Гражданская война и Реконструкция	255	86,4
История США, 1945 г. — настоящее время	250	84,7

¹⁴ Ibid., p. 92.

¹⁵ Ibid., p. 95.

Дисциплина, или сфера специализации	Число факультетов	%
История США, 1820—1860 гг.	241	81,7
История США, 1877—1900 гг.	240	81,3
История США, 1789—1820 гг.	237	80,3
Дипломатическая история США	230	77,9
Социальная история США	222	75,2
История общественной мысли США	207	70,1
История афроамериканцев	169	57,2
История американского Запада	152	51,5
История штатов и мест	147	49,8
Экономическая история США	138	46,7
История американского Юга	137	46,4
История американской конституции и права	124	42,0
История иммиграции и этнических групп	110	37,2
История американских индейцев	92	31,1

Подсчитано по: Guide to US Departments of History.

Таким образом, в сравнении с данными на конец 50-х годов практически нет факультета, где бы ни читалось минимум 5—8 курсов по отечественной истории. Это прежде всего традиционные систематические курсы по основным хронологическим периодам. И только в самых крупных университетах и колледжах читаются курсы и осуществляется специализация по значительно более широкой тематике. Все 18 курсов значатся в учебных планах только 8 факультетов, 17 курсов — в учебных планах 15 факультетов и 16 курсов — в учебных планах 35 факультетов. Одновременно есть факультеты, особенно небольших учебных заведений, где история США представлена всего 2—3 курсами. Так, например, государственный университет Уичито (Канзас) имеет на историческом факультете только два курса: по отечественной истории США 1877—1900 гг. и истории американского Запада. Техасский университет (Сан-Антонио) имеет три проблемных курса (история иммиграции, американского Запада и культуры) и ни одного хронологического. Государственный университет Эмпория (Канзас) предлагает студентам курсы: колониальный период и США в 1900—1945 гг.

В целом же преподавание истории США характеризуется все большим внедрением курсов проблемного характера, хотя традиционный хронологический подход остается преобладающим. Особенно примечательно введение в учебные планы 222 факультетов курса по социальной истории США, 169 факультетов — курса по истории американских негров, 110 факультетов — курса по истории этнических меньшинств

и иммиграции и 92 факультетов — курса по истории американских индейцев. Два — три десятилетия назад такие курсы и области специализации студентов по истории США были большой редкостью даже в крупных университетах.

Вторая группа учебных дисциплин может быть определена как зарубежная история. Здесь исторические факультеты сообщают о наличии 36 сфер специализации. Их внутренняя «иерархия» в зависимости от числа факультетов, где читаются эти курсы, следующая:

Дисциплина, или сфера специализации	Число факультетов	%
Европа с 1815 г. по настоящее время	261	88,4
Европа с 1648 по 1815 г.	236	80,0
Европа в средние века	236	80,0
История Великобритании до 1688 г.	234	79,3
История Великобритании с 1688 г.	233	78,9
История России до 1917 г.	230	77,9
История СССР с 1917 г.	228	77,2
Европа в эпоху Возрождения	228	77,2
Европа в эпоху Реформации	227	76,9
Латинская Америка с 1815 г.	219	74,2
История Германии	218	73,1
История Франции	206	69,8
Латинская Америка до 1815 г.	203	68,8
История европейской общественной мысли	204	69,1
История Китая	199	67,4
История Древней Греции	188	63,7
История Древнего Рима	185	62,7
История Японии	178	60,3
Социальная и культурная история Европы	159	53,8
Дипломатическая история Европы	151	51,1
История Центральной и Восточной Европы	141	47,7
История Британской империи и Содружества	137	46,4
История Африки	128	43,3
История Ближнего Востока	104	35,2
Экономическая история Европы	88	29,8
История Испании и Португалии	88	29,8
История ислама	77	26,1
История Индии (Южной Азии)	65	23,0
История Юго-Восточной Азии	67	22,7
История Византии	64	21,6
История Италии	59	20,0
История Османской империи и Турции	57	19,3
История евреев	55	18,6

Дисциплина, или сфера специализации	Число факультетов	%
История Канады	50	16,9
История Скандинавских стран	24	8,1
История стран Бенилюкса	21	7,1

Подсчитано по: Guide to US Departments of History.

Сравнивая эти данные с данными конца 50-х годов, нельзя не отметить, что некоторые традиционные курсы по истории стран Западной Европы в новое и новейшее время и в средние века (например, история Британского содружества, история древнего мира, история дипломатии, история религии и ряд других) утратили имевшиеся позиции. Бесспорно сохранили главенствующее положение курсы по истории СССР и истории стран Латинской Америки. В конце 50-х годов курсы по истории СССР были в планах 50% исторических факультетов, в 1980 г. — в 77%. 228 факультетов имеют ныне специализацию по истории России до 1917 г. и 230 факультетов — по истории СССР после 1917 г. В конце 50-х годов история стран Латинской Америки преподавалась в 54% американских вузов, в 1980 г. 74% (203 факультета) имели эту дисциплину в качестве возможной специализации для студентов. История Африки, Китая, Японии, стран Центральной и Восточной Европы преподается в виде отдельных курсов на 43,3% факультетов против 6% в конце 50-х годов.

Наконец, третья группа учебных дисциплин исторического цикла может быть определена как проблемные курсы или вспомогательные дисциплины. Справочник приводит сведения о 16 курсах:

Дисциплина, или сфера специализации	Число факультетов	%
История города	162	54,9
История женщин	152	51,5
Военная история	109	36,9
История науки и техники	107	36,2
История рабочего движения и трудовых отношений	94	31,8
Количественные методы	82	27,7
История семьи	70	23,7
История открытий и колониализма	68	23,0
Охрана памятников и музееведение	52	17,6
История медицины	49	16,6
Психоистория	45	15,2

Дисциплина, или сфера специализации	Число факультетов	%
Историческая демография	43	14,5
История образования	38	12,8
Редактирование и издание исторических трудов	33	11,1
Аграрная история	33	11,1
История в кино и средствах информации	27	9,1

Подсчитано по: Guide to US Departments of History.

Последний список примечателен во многих отношениях: он подтверждает возрастающее значение в содержании высшего исторического образования и профессиональной подготовке студентов-историков проблемных курсов, которые в современной американской историографии оформляются в самостоятельные научные дисциплины. Еще 20 лет назад трудно было найти в программах американских колледжей и университетов такие предметы, как история города или история женщин. Сейчас более половины исторических факультетов ведут специализацию студентов по этим дисциплинам. Около $\frac{1}{3}$ факультетов имеют самостоятельные курсы по истории трудовых отношений и рабочего движения, по истории семьи. Все это является бесспорным отражением существенных перемен, происшедших в современной американской историографии, в научных интересах и направлениях исследовательской работы историков, в распространении новых методов, в том числе междисциплинарного подхода¹⁶. Разве не примечателен тот факт, что исторические факультеты 82 университетов предлагают курсы и ведут специализацию студентов по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях? Двадцать лет назад сам вопрос о применении компьютеров в работе историков был еще на стадии академических дискуссий и первых опытов.

Новые методики, заимствованные из психоанализа и бихевиористских теорий, привели также к довольно широкому распространению таких входящих в моду учебных курсов, как психоистория, история медицины и образования и т. п.

¹⁶ См. об этом: *Гаджиев К. С., Сивачев Н. В.* Проблемы междисциплинарного подхода и «новой научной» истории в современной американской буржуазной историографии.— В кн.: Вопросы методологии и истории исторической науки / Отв. ред. Ю. С. Кукушкин. М., 1978, вып. 2; *Соколов А. К.* О применении новых методов в исследованиях историков США.— В кн.: Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях / Отв. ред. И. Д. Ковальченко. М., 1981.

В свою очередь обеспокоенность будущим трудоустройством молодых специалистов и меняющиеся приоритеты в сферах занятости историков (об этом см. следующую главу) привели к включению в программы значительной части исторических факультетов курсов и специализации по вопросам охраны и использования памятников истории и культуры, музейного дела, редакторско-издательского труда, использования истории в областях массовой культуры и средств информации.

4. Подготовка кадров высшей квалификации

Последним звеном в системе высшего исторического образования и подготовки профессиональных историков США является обучение на доктора по истории. Эта ученая степень, которую присваивают далеко не все университеты страны, означает высшую квалификацию специалиста с профессиональной ориентацией научного работника и преподавателя вуза.

В США отсутствует единая государственная система аттестации кадров высшей квалификации, равно как нет и единых условий, которые позволяли бы тому или иному высшему учебному или научно-исследовательскому учреждению иметь программу по подготовке докторов философии. Естественно, что отсутствуют и единые требования, предъявляемые к соискателям ученой степени и выполняемой ими диссертации. В принципе каждый исторический факультет университета, если он располагает необходимыми кадрами и материальной базой, может начать подготовку докторов. Комиссия АИА по состоянию подготовки историков в стране так примерно определила минимум необходимых условий для того, чтобы историческому факультету организовать программу подготовки докторов в какой-либо области исторической науки: иметь в штате факультета не менее десяти преподавателей — специалистов не менее чем в пяти разных областях, опытных педагогов, чьи научные достижения признаны специалистами; располагать финансовыми ресурсами, необходимыми для помощи студентам и поддержки исследовательской работы на факультете; иметь библиотечные ресурсы, достаточные для ведения исследовательского семинара и общего образования студентов-докторантов¹⁷. Таким образом, решение о создании того, что мы назвали бы аспирантурой, принимается каждым историческим факуль-

¹⁷ Perkins D., Snell J. Op. cit., p. 139.

тетом и администрацией университета самостоятельно. В этом решении американские институты высшего образования чаще всего руководствуются не столько общенациональными потребностями в преподавателях высшей квалификации и научных работниках, сколько соображениями поднятия престижа своего учебного заведения, получения дополнительных финансовых ассигнований и платы за обучение, привлечения для работы известных и ведущих специалистов.

Численность институтов, присуждающих степень доктора по истории, росла в Соединенных Штатах постоянно с момента учреждения самой степени, но особенно бурным этот рост был в 60—70-е годы, когда действительно, помимо престижных и прочих соображений, возникла объективная необходимость в кадрах вузовских преподавателей для обучения быстро растущего контингента студентов-историков в колледжах.

Характерной особенностью прошлого было существование сравнительно небольшого числа крупных университетов, которые присуждали большинство докторских степеней по истории. В 1893—1935 гг. 6 и в 1948—1958 гг. 11 университетов присуждали 54% всех докторских степеней по истории в стране. Среди крупных университетов были гиганты, которые готовили, как, например, Гарвардский (вместе с Рэдклифским колледжем) — 12% и Колумбийский — 9%, всех докторов-историков в стране. Гарвардский готовил докторов больше, чем 42 мелких университета, также присуждающих степень, а Колумбийский — больше, чем 38 мелких университетов¹⁸.

Исторические факультеты с докторскими программами отличал высокий уровень квалификации преподавателей: 6 из 7 членов профессорско-преподавательского состава имели докторскую степень. Среднее число преподавателей на таких факультетах было 17 человек, хотя 7 крупнейших факультетов имели в среднем 39 человек, а почти 22% факультетов с докторскими программами имели менее 10 преподавателей и 5% — только 4—5 преподавателей¹⁹.

За последние два десятилетия положение очень существенно изменилось. Ныне докторские степени по истории присваивают 120 исторических факультетов. Они расположены по всей стране, но больше всего их в районах Северо-Востока и Среднего Запада.

¹⁸ Ibid., p. 109—111.

¹⁹ Ibid., p. 114—117.

Район	Число факультетов	%
Северо-Восточный	20	16,7
Восточно-Атлантический	19	15,8
Юго-Восточный	17	14,2
Средне-Западный	31	25,8
Район Скалистых гор	5	4,2
Юго-Западный	12	10,0
Западный	12	10,0
Северо-Западный	4	3,3
<i>Всего</i>	<i>120</i>	<i>100,0</i>

Подсчитано по: Guide to US Departments of History.

Число докторантов, успешно заканчивающих обучение, каждый год в крупнейших университетах примерно одинаковое. Поэтому, основываясь на данных 1978/79 учебного года, можно выделить крупнейших «производителей» докторов-историков.

Университет	Число преподавателей на ист. факульт.	Район страны	Число присужденных степеней
Калифорнийский (Лос-Анджелес)	68	Западный	73
Калифорнийский (Беркли)	56	»	40
Мичиганский (Анн-Арбор)	66	Средне-Западный	28
Чикагский	45	»	26
Висконсинский (Мэдисон)	56	»	24
Йельский	67	Северо-Восточный	23
Дьюкский	39	Юго-Восточный	19
Гарвардский	45	Северо-Восточный	18
Колумбийский	63	»	17
Нью-Йоркский городской	31	»	17

Подсчитано по: Guide to US Departments of History.

Лидеры в подготовке кадров высшей квалификации поменялись. Гарвардский и Колумбийский университеты оттеснены соответственно на 8 и 9 места. Два калифорнийских университета готовят теперь больше всех докторов-историков: 13,1% от общего числа получивших докторскую степень в целом по стране.

Почти все перечисленные выше университеты имеют исторические факультеты с числом преподавателей более

40 человек, а среднее число преподавателей на десяти крупнейших факультетах — 54 человека. Средний же показатель численности профессорско-преподавательского состава для всех 120 факультетов, по нашим подсчетам, составляет около 23 человек: на 6 человек больше, чем аналогичный показатель конца 50-х годов. Однако это не означает, что исчезли карликовые «производители» докторов. Маломощных исторических факультетов с докторскими программами в 80-е годы стало не меньше, а даже больше. В 1978/79 учебном году из 120 факультетов 16 вообще не сообщили данных о присужденных степенях, а 17 присвоили по одной степени.

Допуск к прохождению докторской программы осуществляется после завершения магистерской и требует от студента отличной успеваемости, хорошего знания одного-двух иностранных языков и подготовки письменного реферата (20—40 страниц) с изложением плана или концептуальной основы будущей диссертации. Решение принимается после устного собеседования с членами приемной комиссии. В Стэнфордском университете, например, решение о допуске студента к докторской программе голосуется всеми преподавателями факультета.

Учебные планы студентов-аспирантов носят индивидуальный характер и разрабатываются в самом начале вместе с комиссией, которая создается администрацией факультета для каждого студента отдельно. В нее входят научный руководитель будущей диссертации (председатель комиссии) и обычно еще два факультетских профессора: один — по профилю основной специализации, другой — специалист из смежных областей. Члены комиссии обязаны индивидуально и коллективно руководить занятиями студента, подготовкой к квалификационному экзамену и провести этот экзамен в соответствии с требованиями.

В Стэнфордском университете, например, студент-аспирант должен выполнить следующий учебный план:

1. Вместе с руководителем определить одну главную область занятий для специализации и последующего устного университетского экзамена. Эти области могут быть:

Европа в 300—1400 гг.
Европа в 1400—1789 гг.
Европа после 1700 г.
Россия
Восточная Европа
Средний Восток
Восточная Азия до 1600 г.

Восточная Азия после 1600 г.
Африка
Англия и Британская империя
после 1460 г.
Латинская Америка
Соединенные Штаты Америки,
включая колониальный период.

В этой области в первый год обучения студент занимается во вводном коллоквиуме, где изучаются основная литература и проблематика по специальности. Здесь же обычно и происходит выбор темы для будущей диссертации.

2. На втором году обучения пройти два исследовательских семинара, один из них по главной области специализации.

3. По совету руководителя определить вторую область специализации из следующего списка:

Древняя Греция

Древний Рим

Европа в 300—1000 гг.

Европа в 1000—1400 гг.

Европа в 1400—1600 гг.

Европа в 1600—1789 гг.

Европа в 1700—1781 гг.

Европа после 1848 г.

Россия до 1800 г.

Восточная Европа до 1800 г.

Россия после 1800 г.

Восточная Европа после 1800 г.

Средний Восток до 1800 г.

Средний Восток после 1800 г.

Африка

Китай до 1600 г.

Китай после 1600 г.

Япония до 1600 г.

Япония после 1600 г.

Англия в 450—1460 гг.

Британия и империя
в 1460—1714 гг.

Британская империя после 1714 г.

Латинская Америка до 1825 г.

Латинская Америка после 1810 г.

Соединенные Штаты до 1865 г.

Соединенные Штаты после 1850 г.

По второй области пройти или два аспирантских курса, или один и сдать устный экзамен. Можно также пройти один курс и написать сравнительно-историческую работу (около 6 тыс. слов), одобренную двумя преподавателями факультета.

4. Выполнить определенную программу по расширению образовательного кругозора, прослушав некоторые курсы за пределами исторического факультета. Эта программа разрабатывается вместе с руководителем.

5. Прослушать курс по теории и практике преподавания истории и пройти преподавательскую практику на уровне колледжа, работая помощником преподавателя или преподавателем для младших студентов.

6. Сдать один-два (в зависимости от специализации) экзамена по иностранным языкам.

7. Сдать итоговый квалификационный экзамен университетского уровня по главной области специализации в начале третьего года обучения.

8. Завершить и представить диссертацию, которая явля-

ется результатом самостоятельной исследовательской работы и вносит вклад в историческое знание.

Аналогичным образом выглядят учебные планы аспирантов в других университетах. В Индианском университете от аспиранта требуется прохождение двух и более семинаров у четырех различных профессоров (один из этих семинаров должен быть по главной области специализации), трех или более коллоквиумов минимум по двум областям специализации, а также других курсов, которые студент и его комиссия сочтут необходимыми для подготовки в трех областях специализации. Главное внимание в подготовке будущих докторов в первые два года уделяется работе в семинарах, коллоквиумах, прохождению курсов чтения научной литературы. Студенты готовят для обсуждения на семинарах небольшие исследовательские работы. Коллоквиумы чаще всего носят историографический характер. Факультеты стараются, как правило, дать возможность студенту по каждой из избранных областей специализации (две или три) заниматься не менее чем в одном семинаре в год и в одном коллоквиуме в семестр. Если таких возможностей нет, тогда проходит курс чтения литературы.

Общая почасовая учебная нагрузка студентов старших курсов, готовящихся стать докторами, обычно не фиксируется, но некоторые университеты имеют установленный минимум: в Цинциннатском он составляет 135 учебных часов семинаров и коллоквиумов. Обычной нагрузкой студентов считается три курса в неделю, т. е. девять часов аудиторных занятий, не считая других форм учебной работы.

Таким образом, обучение в аспирантуре складывается из двух фаз: общеакадемической подготовки и написания диссертационной работы. Первая завершается к началу третьего года обучения квалификационным устным экзаменом, когда студент прослушал и сдал на хорошие оценки все промежуточные экзамены и зачеты. Бывает, что студент по разным причинам не укладывается в установленные сроки, и прохождение курсов затягивается. Если период времени между сданным курсом и итоговым экзаменом превышает установленный срок (в Стэнфордском университете — семь лет), то экзамен сдается заново.

Допуск к итоговому квалификационному экзамену университетского уровня осуществляется после того, как соискатель степени не только сдал все требуемые текущие экзамены, но и проявил свое умение работать самостоятельно как исследователь. Для этого в некоторых университетах, например в Стэнфордском, минимум за три недели устраи-

вается предэкзамен, который может быть или четырехчасовым письменным, или часовым устным. В этом случае сам экзамен, уже только устный, длится два часа и принимается комиссией из четырех экзаменаторов, председатель которой — преподаватель, работающий не на данном историческом факультете.

В Индианском, Висконсинском и многих других университетах предэкзамен отсутствует, но сам квалификационный экзамен состоит из письменной и устной частей. Письменная часть касается одного из основных курсов, который изучался студентом. Устная часть затрагивает только основную область специализации с акцентом на избранной исследовательской теме. Устный экзамен сдается только после сдачи письменного.

В Висконсинском письменная часть экзамена представляет собой подготовку ответов на три или шесть заданных вопросов. Вопросы выдаются студенту утром в понедельник, а ответы (каждый не более 20 страниц на машинке) должны быть возвращены в пятницу. В Цинциннатском на письменную часть экзамена отводится четыре дня: два дня — для ответа на вопрос по основной специализации и по одному дню — для ответов по двум другим пройденным темам второй и третьей областей специализации). Каждый член комиссии должен читать письменные ответы студента и вынести свое заключение, но экзамен оценивается целиком после устной его части, которая может длиться полтора или два часа.

Положительная оценка по экзамену выставляется, если большинство членов комиссии (в некоторых университетах единогласно), включая ее председателя, согласны. Если экзамен не сдан, возможна повторная сдача через несколько месяцев (в Стэнфордском — не ранее чем через три месяца и не позднее чем через год); если переэкзаменовка снова безуспешна, тогда дальнейшее обучение в университете прекращается. При повторной сдаче в состав комиссии включается руководитель отделения студентов исследовательской школы.

Важнейшим моментом в подготовке кадров историков и присвоении им ученой степени доктора является написание диссертации, которая в американских университетах рассматривается как первая самостоятельная исследовательская работа, основа для первой серьезной публикации (серии статей или книги). Тема диссертации и ее письменное обоснование готовятся студентом заранее и представляются комиссии, которую создает администрация для каждого студента

сразу же после сдачи им квалификационного экзамена. В комиссию входит не менее четырех человек, один из специалистов в главной области специализации является ее председателем, в нее также входят научный руководитель диссертанта и два профессора с исторического факультета (один из них может быть с другого факультета, но он должен быть компетентен в диссертационной теме).

Тема диссертации должна быть зарегистрирована в АИА, чтобы избежать прямого дублирования, хотя таковое является повсеместным явлением в университетах США.

Проведение исследования и написание работы требуют обычно не менее двух лет. Если работа не завершена по истечении пяти лет после квалификационного экзамена, формально обучение в университете прекращается и студент не числится больше в списках обучающихся.

Во время работы над диссертацией студент обязан только более или менее регулярно встречаться с научным руководителем. В руководстве для студентов старших курсов Индианского университета записано: «Эффективное и постоянное научное руководство обеспечивает основу для успешного выполнения карьерных планов студента, и первоочередная обязанность студента — встречаться регулярно с руководителем (не менее одного раза в семестр и желательно перед началом занятий) и обсуждать ход работы и дальнейшие планы»²⁰.

Объем докторской диссертации по истории может быть самым различным, но в большинстве университетов установлены пределы: 250 страниц в Стэнфордском, 300 — в Индианском и т. п.

Когда студент представляет диссертацию, создается комиссия из трех человек по чтению и оценке работы, один из которых — руководитель, второй назначается по предложению студента и руководителя, и третий назначается администрацией из смежных областей. Каждый член комиссии должен прочитать и одобрить диссертацию до ее официальной защиты. Только тогда определяется точный срок процедуры публичной защиты, которая происходит перед членами комиссии с возможным присутствием посторонних лиц.

После устного представления соискатель отвечает на вопросы членов комиссии. После этого посторонние могут задавать вопросы или выступать. К концу защиты комиссия удаляется для принятия решения. Если два и более чле-

²⁰ A Guide to Graduate Studies in History. Indiana University, 1980, p. 6.

нов комиссии голосуют против присвоения диссертанту докторской степени, тогда диссертация должна быть доработана и представлена на новую защиту. Если и повторная защита проваливается, тогда степень уже присвоена быть не может.

5. Общая характеристика историков, получивших ученую степень

Как мы уже отмечали, процесс подготовки докторов в США носит децентрализованный характер и никакими центральными, тем более правительственными, органами не регулируется. Однако учет получателей докторских степеней в общенациональном масштабе и их некоторый социологостатистический анализ все же осуществляется. Этим занят Национальный исследовательский совет при Национальной академии наук США, который готовит ежегодно обзоры получателей докторских степеней на основе стандартных анкет, направляемых деканам исследовательских школ американских университетов.

На основе этих, а также некоторых других данных можно сделать статистическую выборку по историкам и определить некоторые общие характеристики получателей докторских степеней по истории. Исключительно важным является определение общей численности присуждаемых в стране степеней, ибо это главный показатель роста кадров высшей квалификации в американской исторической науке. До начала 60-х годов численность присуждаемых докторских степеней по истории выглядела следующим образом:

Годы	Число степеней	Годы	Число степеней
1876—1885	17	1926—1937	1448
1886—1895	78	1938—1947	1219
1896—1905	187	1948—1957	2830
1906—1915	260	1958—1962	1671
1916—1925	394		

Источник: *Stull Holt W. The Historical Profession in the United States. Wash., 1963, p. 7. (AHA Publication, N 52).*

С середины 60-х годов в США число историков, получающих докторскую степень, стало резко возрастать, и этот рост продолжался более десятилетия, сменившись в конце 70-х годов медленным спадом.

Год	Число докторов-историков	Число докторов по общественным наукам	% историков от всех обществоведов	Число докторов по всем наукам	% историков от всех докторов
1962	366	—	—	11 500	3,2
1964	530	—	—	14 325	3,7
1966	645	—	—	17 949	3,6
1968	741	—	—	22 936	3,2
1970	1092	—	—	29 498	3,7
1972	1185	10 325	11,5	33 043	3,6
1974	1183	11 343	10,6	33 047	3,6
1976	1093	11 471	9,5	32 946	3,3
1978	853	10 696	8,0	30 873	2,8
1980	744	10 121	7,4	31 013	2,4
1982	692	9 810	7,0	31 048	2,2

Источники: Statistical Abstract of the United States. 1980; Ibid., 1982; Doctorate Recipients from United States Universities. Summary Reports, 1962—1982. Wash., 1963—1983.

Приведенные данные показывают не только сокращение с 1973 г. общей численности получающих докторскую степень историков, но и явную тенденцию сокращения удельного веса историков среди получающих ученую степень по общественным наукам и по всем наукам в целом. Это, конечно, реакция на чрезмерный рост подготовки кадров в конце 60-х — начале 70-х годов, вызвавший «перепроизводство» историков с докторской степенью. Это в свою очередь вызвало обострение проблемы занятости, которая по сегодняшний день остается самой серьезной проблемой для тысяч дипломированных специалистов. Плохие перспективы найти преподавательскую должность в вузе заставили многих подающих надежды студентов-историков воздержаться от продолжения учебы в аспирантуре и получения степени. Администрация университетов и преподавательские коллективы исторических факультетов также были вынуждены проявлять сдержанность в наборе новых студентов-докторантов. Руководство АИА пришло к заключению, что оптимальная численность новых докторов-историков не должна превышать 600 человек ежегодно, что позволит сохранять баланс между уходящими в отставку преподавателями и новым пополнением, а через несколько лет, возможно, ликвидировать существующую проблему безработицы среди молодых докторов. По предварительным данным, в 1983 г. в США получили докторскую степень по истории около 650 человек. Это почти в два раза меньше, чем в 1973 г. (1213 человек).

За последние 20 лет в стране получили ученую степень около 20 тыс. историков. Это в 2,5 раза больше, чем за все предыдущие 88 лет присуждения докторской степени. Имен-

по этот отряд специалистов высшей квалификации составляет основу современной кадровой базы американской исторической науки, анализ которой будет сделан далее.

При рассмотрении вопросов подготовки кадров высшей квалификации нельзя обойти стороной распределение их по научным интересам, т. е. специализацию подготавливаемых докторов. Проведенное АИА в 1980/81 учебном году обследование вузовской исторической науки включало среди 68 вопросов вопрос о численности готовящихся к получению степени по истории студентов согласно их специализации. Эти данные по 121 факультету с магистерскими и докторскими программами (столько ответило на вопросник) следующие (материал нами агрегирован и добавлено процентное исчисление):

Специализация	Всего		Мужчин		Женщин	
	число	%	число	%	число	%
История США	1683	39,0	1069	39,8	613	37,6
Европа в новое и новейшее время	1030	23,9	646	24	384	23,6
Средневековая Европа	147	3,4	76	2,8	71	4,3
Древний мир и Византия	110	2,5	75	2,8	35	2,2
Латинская Америка	215	5,0	136	5,0	79	4,8
Азия	152	3,5	96	3,6	56	3,4
Страны арабского мира	152	3,5	100	3,7	52	3,2
История женщин	59	1,3	3	0,1	56	3,4
История науки и медицины	63	1,4	36	1,3	27	1,6
Дипломатия и международные отношения	114	2,6	86	3,3	28	1,7
Экономическая история	38	0,9	30	1,2	8	0,5
История мысли	20	0,5	14	0,5	6	0,4
История образования	20	0,5	14	0,5	6	0,4
Другие области	514	12,0	305	11,4	209	12,9
<i>Всего студентов</i>	<i>4317</i>	<i>100,0</i>	<i>2686</i>	<i>100,0</i>	<i>1630</i>	<i>100,0</i>

Источник: Survey of the Historical Profession. Academia. 1980—81. Wash., 1981, p. 16.

Примечательно, что в 1980/81 г. только 39% студентов-аспирантов специализировались по истории США. Это вполне очевидная переориентация научных интересов молодых специалистов на области, лежащие за пределами отечественной истории. Значительной остается доля студентов,

специализирующихся по новой и новейшей истории Европы. Аналогичных данных по предшествующим годам нет, но ясно, что такие направления, как история стран Азии, Африки и Латинской Америки, привлекают все большее число студентов, готовящихся к карьере профессионального историка. Необходимо также обратить внимание на своеобразную «геттоизацию» женщин-историков по таким направлениям, как история женщин (этот вопрос будет рассмотрен в следующей главе).

О специализации подготавливаемых докторов можно судить вполне определенно и по тематике защищаемых в университетах докторских диссертаций. Эти сведения регистрируются и публикуются АИА, на их основе составлена следующая обобщенная таблица:

Тематика диссертаций	1968 г.		1970 г.		1982/83 г.	
	число	%	число	%	число	%
Общие проблемы	14	4,3	12	3,9	17	3,2
Историография	5	1,6	2	0,6	10	1,9
Древняя история	—	—	5	1,6	10	1,9
Средние века (V—XV вв.)	10	3,1	14	4,6	18	3,4
Европа нового времени	80	24,8	64	21,6	94	17,8
Европа новейшего времени	29	9,0	24	7,9	41	7,8
Ближний Восток	3	0,9	2	0,6	8	1,5
Африка	7	2,2	13	4,3	17	3,2
Азия	17	5,3	25	8,2	31	5,9
Латинская Америка	16	5,0	15	5,0	29	5,5
США всего	141	43,8	129	42,3	253	47,9
В том числе:						
общие проблемы	9		4		23	
колониальный период и революция (до 1815 г.)	19		13		29	
1815—1900 гг.	38		23		44	
1900—1945 гг.			27		39	
после 1945 г.	42		10		25	
региональные и местные темы	33		52		93	
Всего (сообщено АИА)	322	100,0	305	100,0	528	100,0

Источник: АНА Annual Reports, 1968, 1970; Guide to Department of History, 1983—84.

И, наконец, статистические данные о специализации подготавливаемых кадров историков высшей квалификации содержатся в материалах Национального исследовательского совета, из которых мы сделали две выборки: одну по 70-м годам и другую по началу 80-х годов. Специализация докторов-историков при получении степени в 1970—1978 гг. (до июня 1978 г.) выглядела следующим образом: из 9905 получивших докторскую степень историков 4073 (41,1%) имели специальность по истории США, 2874 (29,0%) — специальность по истории Европы и 2958 (29,8%) — специальность по истории других стран²¹. В начале 80-х годов число получателей докторских степеней по тем же трем крупным категориям (плюс история науки) составляло:

Специализация	Получатели докторской степени					
	1980 г.		1981 г.		1982 г.	
	число	%	число	%	число	%
История США	282	38,0	227	33,0	271	39,0
История Европы	194	26,0	164	23,7	158	23,0
История других стран	247	33,2	274	39,6	234	33,8
История науки	21	2,8	26	3,7	29	4,2
<i>Всего</i>	<i>744</i>	<i>100,0</i>	<i>691</i>	<i>100,0</i>	<i>692</i>	<i>100,0</i>

Источник: Doctorate Recipients from United States Universities. Summary Reports, 1980—1982.

Таким образом, в последние годы специализация молодых докторов-историков имела вполне определенную тенденцию: увеличение доли специалистов по истории зарубежных неевропейских стран за счет снижения доли специалистов по истории Европы и отчасти истории США.

Представляет определенный интерес и половозрастной состав историков, получающих докторскую степень. Здесь также наблюдаются новые тенденции (см. с. 59).

Рост численности женщин среди получателей докторских степеней — одно из наиболее примечательных явлений в профессиональной среде американских историков. В 70-х — начале 80-х годов женщины более чем в два раза увеличили свое представительство среди нового пополнения кадров высшей квалификации, и ныне около 200 женщин ежегод-

²¹ Employment of Humanities Ph.D.'s: A Departure from Traditional Jobs. The National Research Council's Report. Wash., 1980, p. 71.

Год	Общее число	Мужчины		Женщины		Средний возраст
		число	%	число	%	
1970	1092	948	86,8	144	13,2	31,5
1971	1064	929	87,3	135	12,7	31,2
1972	1185	1002	84,6	183	15,4	31,3
1973	1213	1034	85,2	179	14,8	31,5
1974	1183	963	81,4	220	18,6	31,7
1975	1184	921	77,8	263	22,2	32,0
1976	1093	861	68,8	232	21,2	32,7
1977	961	745	77,5	216	22,5	32,2
1978	853	661	77,5	192	22,5	33,1
1979	829	614	74,1	215	25,9	33,0
1980	744	551	74,1	193	25,9	33,3
1981	691	497	71,9	194	28,1	33,4
1982	692	491	71,0	201	29,0	33,7

Источник: Doctorate Recipients from United States Universities. Summary Reports, 1970—1982.

но защищают докторские диссертации по истории и получают ученую степень. И все же женщины не полностью представлены среди получателей докторских степеней, если учесть, что доля женщин среди студентов колледжей значительно выше.

Заметно увеличился (на два года) и средний возраст получателей степени, что можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, как правило, молодые женщины в силу прежде всего семейных обстоятельств затрачивают больше времени на выполнение докторской программы, делая иногда значительные перерывы в обучении в связи с рождением детей. В 1982 г., например, средний возраст получившей докторскую степень женщины был на один год больше, чем средний возраст мужчины (соответственно 34,4 и 33,4 года) ²². Во-вторых, инфляция, рост жизненных расходов, в том числе платы за обучение, замедляют процесс обучения студентов, особенно на старших курсах и при написании диссертации, когда молодые люди вынуждены совмещать учебу с работой. Наконец, вполне возможно и действие такого фактора, как повышение требований со

²² Doctorate Recipients from United States Universities. Summary Report 1982. Wash., 1983, p. 37, 39.

стороны ряда университетов к тем, кто получает ученую степень по истории.

Необходимо отметить и такое важное обстоятельство, как наличие среди обучающихся в аспирантуре историков довольно значительной части иностранных граждан. Причем эта категория в последние годы несколько возрастает. Таким образом, видимо, администрация американских вузов пытается хотя бы частично компенсировать сокращающийся набор студентов, специализирующихся по истории, тем более что плата за обучение с иностранца обычно выше, чем с местных жителей, особенно из того же штата.

Статус	1970 г.		1972 г.		1974 г.		1976 г.	
	число	%	число	%	число	%	число	%
Граждане США	1015	93,0	1098	92,6	1074	90,6	995	
Иностранцы	53	4,9	69	5,8	69	5,8	79	7,2
Не известен	23	2,1	19	1,6	43	3,6	21	1,9
<i>Всего:</i>	<i>1092</i>	<i>100,0</i>	<i>1185</i>	<i>100,0</i>	<i>1183</i>	<i>100,0</i>	<i>1093</i>	<i>100,0</i>

Статус	1978 г.		1980 г.		1982 г.	
	число	%	число	%	число	%
Граждане США	783	91,9	677	91,0	605	87,4
Иностранцы	51	6,0	47	6,3	54	7,8
Не известен	18	2,1	20	2,7	33	4,8
<i>Всего:</i>	<i>853</i>	<i>100,0</i>	<i>744</i>	<i>100,0</i>	<i>692</i>	<i>100,0</i>

Источник: Doctorate Recipients from United States Universities. Summary Reports, 1970—1982.

Данные об этническом составе получателей докторской степени носят, безусловно, приблизительный характер и отражают принятое в американской социально-культурной антропологии деление населения на «белое», т. е. американцев европейского происхождения, и «цветное», или так называемые «меньшинства». Однако даже в столь приближенном виде эти данные представляют интерес (см. с. 61).

Итак, почти 9 из 10 получателей докторской степени по истории принадлежат к привилегированной части американской нации — белым американцам, к тем, чье происхождение восходит к европейским корням. Представители негри-

тянского населения, составляя более 13% населения страны, имеют среди молодого пополнения ученых-историков всего около 4%. Еще меньше представлены американцы латиноамериканского и азиатского происхождения, а также коренное население — индейцы.

Этническая принадлежность историков — получателей докторской степени	1980 г.		1981 г.		1982 г.	
	число	%	число	%	число	%
Американцы европейского происхождения	599	86,2	538	86,2	558	89,7
Афроамериканцы	27	3,9	22	3,5	27	4,3
Испаноамериканцы	12	1,7	19	3,1	9	1,4
Американцы азиатского происхождения	14	2,0	8	1,3	8	1,3
Индейцы	1	0,1	2	0,3	1	0,2
Другие и неизвестные	42	6,1	35	5,6	19	3,1

Источник: Doctorate Recipients from United States Universities. Summary Reports, 1980, 1981, 1982.

И, наконец, последний и, пожалуй, самый острый и болезненный вопрос при характеристике получателей докторских степеней по истории — вопрос о трудоустройстве, о поиске соответствующей квалификации должности. Системы обязательного общегосударственного распределения специалистов в США не существует, равно как и сами университеты не несут никаких формальных обязательств по трудоустройству подготавливаемых кадров. Вопрос о работе каждый оканчивающий аспирантуру должен решать самостоятельно. Во времена благоприятной ситуации на рынке академического труда, особенно в конце 50-х и в 60-х годах, проблема трудоустройства докторов-историков решалась достаточно несложно: всегда можно было найти университет, который нуждался в преподавателе для растущего числа специализирующихся по истории студентов. Фактически все, кто получал ученую степень, имели уже постоянную работу или же пребывали в стадии поиска более подходящего места. В последующее десятилетие ситуация резко переменилась, о чем дают представление данные о планах трудоустройства получателей докторских степеней (%):

Планы трудоустройства	1970 г.	1972 г.	1974 г.	1976 г.	1978 г.	1980 г.	1982 г.
Не имеют работы и ищут место	13,6	24,9	32,5	34,4	33,6	31,9	34,1
Продолжают исследовательскую работу	2,1	1,7	2,0	1,9	3,4	4,3	4,0
Имеют определенное место	78,7	64,3	55,3	52,0	53,2	56,9	52,6
В том числе:							
в высшей школе	73,1	57,6	46,0	40,5	40,3	37,6	36,1
в средней школе	1,1	2,0	2,0	2,5	2,0	3,6	3,5
в промышленности и бизнесе	0,5	0,9	1,9	1,8	2,8	4,2	4,5
в правительстве	2,2	2,9	3,7	4,4	4,3	7,5	4,3
в общественных организациях	0,8	0,8	1,4	2,7	3,3	4,0	3,9
в других сферах	1,1	0,1	0,3	0,0	0,5	0,0	0,3
Планы неизвестны	5,6	9,1	10,1	11,7	9,9	6,8	9,2

Источник: Doctorate Recipients from United States Universities. Summary Reports, 1982, p. 20.

Как видим, в начале 80-х годов только немногим более половины получивших степень историков имели постоянную работу, а более $\frac{1}{3}$ докторов были фактически безработными. Резко, почти в 2 раза, сократилось число тех, кто получал место среди профессорско-преподавательского коллектива исторических факультетов. Одновременно значительно больше молодых докторов стали добиваться контрактов на работу в правительственных учреждениях, частных фирмах и корпорациях, о чем речь более подробно пойдет в следующей главе.

КАДРЫ ИСТОРИКОВ: СФЕРЫ ЗАНЯТОСТИ, ОБЛАСТИ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ И УСЛОВИЯ ТРУДА

Общая численность американских историков, учитывая не только докторов, но и обладателей магистерских степеней, составляла 30 лет тому назад около 6 тыс. человек, из которых 4900 — преподаватели высших учебных заведений. Остальные работали в музеях, архивах, правительственных органах, различных фондах, общественных организациях и т. п.¹ Университетская карьера была, таким образом, занятием подавляющего большинства историков, и преподавательской работой были обеспечены фактически все, кто имел ученую степень. В 1952 г. среди 3 тыс. ответивших на вопросник членов АИА (всего в организации состояло 4662 человека) только 46 (1,5%) были безработными, а 82 (2,8%) заняты неполностью². Еще в 1960 г. 7 из 8 докторов-историков после получения степени становились преподавателями колледжей или университетов³.

Радикальные перемены в состоянии кадровой базы американской исторической науки произошли в 60—70-е годы, когда в стране ежегодно почти 1 тыс. человек получали ученую степень по истории. Из 22,2 тыс. докторов-историков, подготовленных в период с 1920 по 1978 г., 26,6% приходится на 60-е годы и 43% — на 1970—1978 гг.⁴ В начале 80-х годов в американской исторической науке более 70% кадров высшей квалификации составили преимущественно молодые ученые, защитившие диссертации после 1960 г. По возрастным когортам получатели докторских

¹ *Wellemeier J. F. Characteristics of Historians*, 1952, p. 3, 21.— Library of Congress, Manuscript Division, American Historical Association (AHA), Box. 444.

² *Ibid.*, p. 8.

³ *History as a Career. To Undergraduates choosing a Profession*. AHA. Wash., 1964, p. 9.

⁴ *Employment of Humanities Ph. D.'S: A Departure from Traditional Jobs*. The National Research Council's Report. Wash., 1980, p. 10.

степеней по истории, работавшие в вузах, в 1980 г. распределились следующим образом:

Время получения степени	Число	%	Время получения степени	Число	%
До 40-х годов	62	1	60-е годы	2356	38,3
40-е годы	315	5,1	70-е годы	2057	33,4
50-е годы	1115	18,1	Время неизвестно	250	4,1

В данной главе анализ кадров американских историков делается раздельно по двум основным отрядам: вузовским историкам (так называемая академия) и историкам, работающим за пределами высшей школы (так называемая публичная история).

1. Историки академического мира

Кадровый состав академической (вузовской) исторической науки в США проанализирован на базе двух основных источников. Прежде всего это обработанные нами на ЭВМ данные по 6155 профессорам — преподавателям 295 исторических факультетов. Кроме этого, были привлечены результаты обследования АИА, выполненного на основе ответов 462 высших учебных заведений с историческими отделениями, в которых содержатся сведения о 4477 историках. Наши данные — более полные по охвату и «качественному» составу специалистов, так как они носят сплошной, а не выборочный (в зависимости от присланных ответов) характер по всем основным американским вузам. Поскольку оба источника относятся почти к одному времени — 1979/80 и 1980/81 учебным годам, они могут служить для взаимной проверки в определении тех или иных характеристик. Обследование АИА было проведено по 9 параметрам, а наше — по 11, фактически не повторяя характера вопросов, но зато значительно дополняя друг друга.

Распределение профессорско-преподавательских кадров историков по территории страны самым непосредственным образом связано с территориальным распределением исторических факультетов. Естественно, что в тех районах, где больше исторических факультетов, там и большее сосредоточение преподавательских кадров (см. с. 65).

Исключение составляют два района: Юго-Западный и Западный. В первом расположено 11% факультетов и 9,1% преподавателей, во втором — 8% факультетов и 10,5% преподавателей. Объясняется это наличием на Западе

Район	Преподаватели	
	число	%
Северо-Восточный	1238	20,1
Восточно-Атлантический	904	14,7
Юго-Восточный	787	12,8
Средне-Западный	1557	25,3
Район Скалистых гор	243	4,0
Юго-Западный	563	9,1
Западный	646	10,5
Северо-Западный	217	3,5
<i>Всего</i>	<i>6155</i>	<i>100,0</i>

крупнейших в стране исторических факультетов калифорнийских университетов в Беркли и Лос-Анджелесе и Стэнфордского университета.

Итак, самым «густонаселенным» историками районом страны являются штаты Среднего Запада, где работает $\frac{1}{4}$ всех преподавательских кадров и где находится 24% всех исторических факультетов. В то же время почти половина историков (47,6%) работает в трех восточных районах страны.

Специализация историков по отраслям и дисциплинам отражает как структуру исторического знания, которая на сегодня в мировой историографии имеет более или менее всеобщий характер, так и определенные традиции и современные приоритеты той или иной национальной историографии. Ура-патриотизм и провиденциализм обусловили такие специфические черты американской историографии, как национальная ограниченность и американоцентризм. Лишь после двух мировых войн и по мере роста внешнеполитической активности американского империализма научные интересы историков стали меняться. В 1952 г., когда на вопросник АИА из 4662 ее членов ответили 2979, специализация историков по дисциплинам выглядела следующим образом: более 1 тыс. (или более $\frac{1}{3}$) — специалисты по истории США (кроме того, для 280 это была вторая область специализации); 685 (23%) занимались новой и новейшей историей Европы, 183 (6%) — древней и средневековой историей⁵. Опрос АИА, проведенный в 1974 г., показал, что только у 13% членов ассоциации научные интересы лежат за пределами истории США и европейских

⁵ Library of Congress, Manuscript Division, АНА Papers, Box 444.

стран, в том числе только 2% изучают и преподают историю Африки⁶.

За четверть века произошли изменения в сфере научных интересов и специализации американских историков. Кругозор исследователей, особенно молодых, заметно расширился. Это нашло отражение прежде всего в более богатом спектре тематики публикуемых результатов исследований, во введении новых учебных дисциплин и курсов для студентов исторических факультетов. Активизация исследований по ряду новых для американской историографии направлений, выход большого числа работ послужили, например, достаточным основанием для того, чтобы включить в коллективный труд о новейшей американской историографии, который АИА подготовила для XV Международного конгресса исторических наук (Бухарест, 1980 г.), очерки по историографии стран Востока, африканской истории, истории стран Латинской Америки⁷. При этом выход за рамки национальной ограниченности сопровождается претензией американских историков на роль лидера в мировой историографии. Упомянутые очерки позволили составителям книги сделать заявление на ее обложке: «Они (очерки.— В. Т.) показывают резко расширившийся культурный кругозор и космополитизм американской историографии нынешнего поколения и то, что историки в Соединенных Штатах сегодня пишут, преподают и ведут исследования по истории других стран гораздо в большей степени, чем делают историки какой-либо страны». Это высказывание являет собой образчик отражения в мышлении американских историков мании величия и исключительности США.

Однако вернемся к вопросу о специализации американских историков, работающих в академической системе. Наше обследование 6155 человек на этот счет содержит точную и интересную информацию. Прежде всего мы имеем возможность определить распределение историков по общим сферам специализации (см. с. 67).

Из этих данных видно, что история США остается главной сферой научных интересов, хотя, как мы уже знаем, доля специалистов по истории США среди получателей докторских степеней заметно снизилась на протяжении 70-х годов (с 41 до 33%). Всего же на сегодня более 25% аме-

⁶ AHA Newsletter, 1974, Jan., vol. 12, N 1.

⁷ The Past Before US. Contemporary Historical Writing in the United States / Ed. by M. Kammen. Ithaca, 1980.

Специальность	Число историков	%
История США и Канады	2516	40,9
История древнего мира	230	3,7
История средних веков	363	5,9
Новая и новейшая история стран Западной Европы	1452	23,6
История стран Восточной Европы (без СССР)	49	0,8
История СССР	277	4,5
История стран Азии	517	8,4
История стран Африки	150	2,4
История стран Латинской Америки	340	5,5
Специальность не указана	261	4,3
<i>Всего</i>	<i>6155</i>	<i>100,0</i>

риканских историков имеют научные интересы за пределами истории США и истории западноевропейских стран.

Помимо общей специализации, наши данные позволяют определить научные интересы американских историков в проблемном плане, так как значительная часть (около 60%) историков в справочнике по историческим факультетам указали свою специальность более детально. Из всего разнообразия вариантов определения историками своей специальности мы составили перечень 20 предметов и по нему распределили тех профессоров, чью проблемную специализацию было возможно установить.

Таким образом, самая многочисленная группа историков — специалисты по социальной истории. В эту категорию объединены также и те историки, которые определили свою специализацию как городская и рабочая история. Возможно, такое объединение было не совсем правомерно и стоило бы попытаться выделить группы историков, занимающиеся специально историей города и историей рабочего движения и трудовых отношений, но даже в случае несколько расширительного толкования понятия «социальная история» это направление, безусловно, доминирует в современной американской историографии, привлекая внимание самого большого числа специалистов.

Вслед за «социальными историками» идет группа специалистов по истории культуры, в которую также включены те, кто указал своей специальностью «интеллектуальную историю», историю архитектуры, кино, спорта, танца, а также историю образования. Возможно, что эта группа могла бы быть и меньше, если бы мы, скажем, трактовали «интеллектуальную историю» как историю общественной мысли,

Проблемная специализация	Число историков	%
Социальная история	683	11,1
История культуры и образования	500	8,1
История дипломатии и международных отношений	415	6,8
Политическая история	390	6,3
Местная история	314	5,1
Этническая история	260	4,2
Экономическая история	211	3,4
История религии и церкви	147	2,4
История науки и техники	140	2,3
Военная история	129	2,1
История семьи и женщин	117	1,9
Историография и источниковедение	73	1,2
Исторические методы	57	0,9
История общественной мысли	44	0,7
Архивоведение, музейное дело	29	0,5
Демография и историческая география	25	0,4
Эпиграфика, историческая лингвистика	19	0,3
Методология истории	18	0,3
История окружающей среды	14	0,2
Психоистория	14	0,2
Специализация неизвестна	2556	41,6
<i>Всего</i>	<i>6155</i>	<i>100,0</i>

что также вполне возможно. Но это допущение не отменяет того обстоятельства, что история культуры, причем не вообще, а отдельных ее видов и форм, а также история образования ныне являются одной из наиболее популярных сфер научных интересов и специализации историков.

Специалисты по истории дипломатии и международных отношений объединяют и тех, кто занимается историей внешней политики США; может быть, даже последние составляют самую многочисленную группу в этой категории. Что касается категории специалистов по политической истории, то сюда прежде всего были отнесены те историки, которые определили свою специальность как «конституционная история», история права, законодательства, партий, администраций. Сюда же включены специалисты по отдельным крупным событиям (например, «новый курс» в США), за исключением случаев, когда указывались революции (например, французская революция) или войны (например, первая мировая война). В этих случаях мы заносили историков в категорию специалистов по социальной или военной истории.

Довольно многочисленную группу составили специалисты по местной истории. Мы также довольно широко трактовали это понятие, включив в эту категорию специалистов по истории отдельных штатов, а также многочисленную группу историков, занимающихся изучением американского Запада и американского Юга. Поэтому понятие региональной истории здесь также вполне уместно наряду с понятием «местная история». Практически в штате каждого университета или колледжа есть кто-то из преподавателей, кто читает курсы и ведет исследовательскую работу по истории той местности, где находится учебное заведение. Обычно это история соответствующего штата.

Этноисторики объединяют прежде всего тех, кто специализируется по проблемам американских индейцев и негров, истории иммиграции, этнорелигиозных общин и различных этнических групп. Эта категория также относится к числу растущих: 30 лет назад такого рода специалисты среди историков исчислялись единицами. Почти полностью состоит из молодых ученых группа специалистов по истории семьи и женщин.

В группы специалистов по историческим методам включены те, кто определил свою специальность, как «количественные методы», «устная история» или «сравнительная история». Для части историков специализация по методам исторического исследования является как бы вторичной, помимо основной специализации. Наши данные не фиксируют этих историков, за исключением нескольких небольших групп, подсчет по которым возможно было сделать вручную. Так, например, психоисторию в качестве второй области специализации указали еще 8 человек и вся группа составила 22 человека. Историю американских индейцев изучают и преподают 83 человека: 37 — в качестве основной специальности и 46 — в качестве второй специальности.

Нельзя не отметить крайне ограниченное число историков, которые указали своей специальностью методологию истории (теория истории, философия истории и т. п.). Таких на всю страну всего 18 человек.

До сих пор мы не встречали в исторической литературе попыток определить половозрастной и квалификационный состав американских историков. Все данные на этот счет носили поверхностный, умозрительный характер или же основывались на крайне выборочных, непредставительных материалах. Первый существенный вопрос: сколько мужчин и женщин-историков в США среди профессорско-преподава-

тельского состава? Данные АИА показывают следующее соотношение: среди 4365 ответов 3752 (86%) от мужчин и 613 (14%) от женщин⁸. Но эти данные трудно засчитать за подлинное соотношение полов среди всех историков. Наши данные все же носят более корректный характер: из 6155 преподавателей мужчины составляют 5419 (88%) и женщины — 708 (11,5%). Пол 28 человек (0,5%) нам установить по имени не удалось. Таким образом, подавляющее большинство вузовских историков по-прежнему составляют мужчины и женщины представлены в профессии непропорционально малым числом.

Справочник по историческим факультетам не содержит данных о возрасте преподавателей. Обследование АИА дает следующую информацию по количеству полученных ответов (мы укрупнили когорты по десятилетиям и добавили процентное исчисление).

Возраст	Всего ответов		Мужчины	Женщины
	число	%		
От 20 до 30 лет	126	3,3	82	44
От 31 до 40	1212	31,5	995	217
От 41 до 50	1333	34,6	1172	161
От 51 до 60	858	22,3	776	82
От 61 до 65	238	6,2	217	21
Свыше 65	82	2,1	71	11
<i>Всего</i>	<i>3849</i>	<i>100</i>	<i>3313</i>	<i>537</i>

Источник: Survey of the Historical Profession. Academia. 1980—1981. AHA Summary Report. Wash., 1981, p. 12.

Итак, самая многочисленная возрастная когорта среди американских историков — это 40-летние мужчины и 30-летние женщины. Средний же возраст преподавателей — 46 лет для мужчин и 43 года для женщин.

Важнейшей квалификационной характеристикой научных и преподавательских кадров является ученая степень:

Ученая степень	Число	%	Ученая степень	Число	%
Доктор	5806	94,4	Бакалавр	24	0,4
Магистр	312	5,1	Без степени	13	0,1
			<i>Всего</i>	<i>6155</i>	<i>100,0</i>

⁸ Survey of the Historical Profession. Academia. 1980—1981. AHA Summary Report. Wash., 1981.

Практически почти все преподаватели-историки в американских вузах имеют ученую степень. Другое дело, какова подлинная ценность этой степени, так как между докторской степенью, полученной, скажем, в Гарвардском университете, и докторской степенью, полученной в небольшом малоизвестном университете, может быть большая разница. Дать ответ на этот вопрос исключительно трудно, ибо мы вторгаемся здесь в достаточно деликатную область, никакими статистическими показателями не регистрируемую. Однако косвенным образом мы можем получить некоторую информацию об основных источниках (районах), из которых вышли работающие ныне в американских вузах преподаватели.

Место получения степени (район)	Число	%
Северо-Восточный	1859	30,2
Восточно-Атлантический	566	9,2
Юго-Восточный	474	7,7
Средне-Западный	1674	27,2
Район Скалистых гор	84	1,4
Юго-Западный	317	5,1
Западный	660	10,7
Северо-Западный	118	1,9
За пределами США	349	5,7
Неизвестно	54	0,9
<i>Всего</i>	<i>6155</i>	<i>100,0</i>

Данные показывают, что более половины (57,4%) работающих ныне на исторических факультетах страны преподавателей получили ученые степени в университетах Северо-Востока и Среднего Запада. И хотя время монополии десятка старых и крупнейших университетов на подготовку кадров высшей квалификации, видимо, безвозвратно ушло, все же выпускники этих университетов составляют достаточно солидную часть от общего числа всего профессорско-преподавательского контингента. Мы выделили специально те же десять американских университетов, которые 30 лет назад готовили более 60% докторов-историков, и получили данные по составу преподавателей на 1980 г.

Таким образом, ныне 40% всех университетских преподавателей истории получили ученую степень в десяти университетах страны, а Гарвардский университет, хотя и перестал быть лидером в подготовке докторов по истории, тем не менее сохраняет неофициальный титул «столицы» амери-

Место получения степени (ун-т)	Число	%
Гарвардский	557	9,0
Колумбийский	396	6,4
Чикагский	219	3,5
Калифорнийский (Беркли)	256	4,2
Йельский	257	4,2
Висконсинский	367	6,0
Иллинойский	121	2,0
Мичиганский	154	2,5
Пенсильванский	64	1,0
Университет штата Айова	7	0,1
Остальные университеты	3638	59,1
Неизвестно	119	2,0
<i>Всего</i>	<i>6155</i>	<i>100,0</i>

канской исторической профессии, так как до сих пор 9% всех вузовских историков, занимающих в массе своей наиболее престижные должности, составляют его выпускники. Это подтверждает сделанная нами следующая выборка гарвардских выпускников по занимаемым должностям:

Должность	Число	%	Должность	Число	%
Полный профессор	318	57,1	Лектор, инструктор	11	2,0
Доцент	143	25,7	Неизвестна	4	0,7
Ассистент	81	14,5			
			<i>Всего</i>	<i>557</i>	<i>100,0</i>

Если в целом по профессии полные профессора составляют 43%, то среди получивших ученую степень в Гарвардском университете эта категория составляет 57%.

Американская профессура — это главным образом выходцы и представители мелкобуржуазной среды. Только в самые последние годы в связи с расширением и некоторой демократизацией сферы высшего образования в академическую среду пришло достаточно много выходцев из простых рабочих и фермерских семей. Точными данными на этот счет мы не располагаем. Однако данные АИА содержат интересную информацию об этническом происхождении профессорско-преподавательского состава исторических факультетов, согласно принятому в США делению состава населения на «основную группу», или «белое большинство», и так называемые «меньшинства».

Этническая принадлежность	Общее число	%	Мужчины		Женщины	
			число	%	число	%
Основная группа	3856	89,7	3336	90,3	520	86,5
Афроамериканцы	130	3,0	99	2,7	31	5,2
Американцы азиатского происхождения	100	4,6	168	4,5	32	5,3
Американцы испанского происхождения	39	0,9	30	0,8	9	1,5
Индейцы	10	0,2	9	0,2	1	0,2
Иностранцы	62	1,4	54	1,5	8	1,3

Источник: Survey of the Historical Profession. Academia..., p. 12.

Едва ли нужны пространные комментарии к этим данным.

Если среди получателей ученых степеней представительство «меньшинств» в последние годы заметно увеличилось (оставаясь пропорционально составу населения недостаточным), то среди действующего контингента преподавателей-историков это представительство нельзя назвать другим словом, кроме как жалкое. Негритянские историки составляют лишь 3% от всего состава историков, а негритянское население страны — 13% (1980 г.). Историки испано-американского происхождения составляют менее 1%, а среди всего населения страны эта категория граждан достигла уже 5% (1980 г.).

При внимательном рассмотрении заметна еще одна тенденция: среди «меньшинств» женщины представлены лучше мужчин. Одним из объяснений такой ситуации, на наш взгляд, может быть преднамеренная политика «убить сразу двух зайцев», т. е. политика предпочтительного включения в штат преподавателей женщин негритянского или другого «небелого» (неевропейского) происхождения. Таким образом, наймом одного лица можно отвести критику как со стороны феминисток, так и со стороны поборников равноправия этнорасовых групп населения. Но, повторяю, это может быть только одним из объяснений, требующих дополнительной проверки, хотя наши личные наблюдения на этот счет также подтверждают сделанный вывод.

Обычным для американских историков является полная занятость на историческом факультете колледжа или университета, но некоторая часть историков совмещает свою работу с преподаванием дисциплин на других факультетах. Это могут быть география, социология, политология, эконо-

мика и т. д. Кроме этого, существует категория частично занятых преподавателей, для которых нет возможности иметь полную занятость на историческом факультете. Эта категория в последние годы численно возрастает, особенно среди женщин-историков, о чем свидетельствуют данные АИА:

Статус найма	Всего ответов	Мужчины	Женщины
Полный	4509	3519	540
Частичный	282	213	69

Источник: Survey of the Historical Profession. Academia..., p. 11.

Таким образом, «частично занятые», или, как бы мы выразились, «полставочники», составляют 6,3% от общего числа преподавателей, причем среди женщин этот процент значительно выше, чем среди мужчин, — 12,8. Женская дискриминация в вопросах найма проявляется, таким образом, в предоставлении женщинам ограниченных трудовых возможностей в виде должностей-«обрубков» (полставки или четверть ставки).

Должностная иерархия профессорско-преподавательского состава на исторических факультетах американских вузов состоит из пяти категорий: полный профессор (full professor), доцент (associate professor), ассистент (assistant professor), лектор (lecturer), инструктор (instructor). В нашем обследовании распределение историков по должностям получилось следующим:

Должность	Число	%	Должность	Число	%
полный профессор	2662	43,3	Лектор, инструктор	233	3,7
Доцент	1863	30,3	Неизвестна	142	2,3
Ассистент	1255	20,4			
			<i>Всего</i>	<i>6155</i>	<i>100,0</i>

Продвижение по службе в американских вузах имеет свою специфику. Первоначально преподаватели зачисляются на временные должности; они не проходят по конкурсу, и в любой момент им может быть отказано в работе. Затем на старшие должности, особенно на должность полного профессора, преподаватели проходят конкурс и зачисляются в постоянный штат. Этот конкурс заключается в решении всего коллектива постоянных профессоров о зачислении в штат того или иного кандидата. Пройдя конкурс, преподаватель обеспечивает себе достаточно надежное место на данном факультете. Периодических переаттестаций преподавателей в американских вузах не бывает. Поэтому пройти по кон-

курсу на постоянную должность для вузовского историка имеет жизненно важное значение. Период пребывания на временной должности длится обычно три — пять лет, но очень часто растягивается на годы.

Прекращение преподавательской деятельности может произойти по самым различным причинам: уход в отставку в возрасте 65 лет для мужчин и 60 лет для женщин, переход на другую работу, неизбрание по конкурсу или обычное увольнение. Эта сторона производственной жизни американских историков довольно существенна, ибо в условиях безработицы и напряженного положения с наймом историков практически единственный путь открытия вакансий — это освобождение уже ранее занятых мест, а никак не создание новых штатных должностей. Общее число освободившихся в течение 1980/81 учебного года по разным причинам постоянных рабочих мест в 462 высших учебных заведениях выглядит следующим образом:

Увольнение с постоянной должности	18
Невозобновление временной должности на новый срок	81
Переход на другое место по специальности	36
Уход в отставку	73
Добровольный уход по другим причинам	40
Умерли	13
<i>Всего</i>	<i>261</i>

Источник: Survey of the Historical Profession. Academia..., p. 7.

Число получивших отказ в дальнейшей работе на факультетах в течение одного учебного года выглядит достаточно внушительным; фактически речь идет о том, что из 462 учебных заведений были уволены 99 преподавателей-историков. В то же время в американских университетах в настоящее время довольно много молодых историков, ожидающих постоянного назначения. Эта категория составляет своего рода мощный дополнительный рычаг эксплуатации интеллектуального труда преподавателей-историков. Жаждающие в любой момент занять освобождающееся постоянное место, они готовы выполнять любые дополнительные поручения, скованы в своих исследовательских устремлениях и уж тем более осторожно, с оглядкой позволяют себе какую-либо общественно-политическую активность, если она идет в стороне от линии истеблишмента.

Основную часть рабочего времени вузовского историка вполне понятно занимает преподавательская деятельность.

Чтение лекционных курсов, проведение семинаров, консультации, руководство студенческими работами и пр.— главная обязанность преподавателя, условие его успешного продвижения по службе. Хотя научные успехи преподавателя не самое важное для успешной карьеры, тем не менее они крайне необходимы при решении вопроса о прохождении по конкурсу на постоянную должность. Ответы факультетов на анкету АИА показывают следующие примерные требования, служащие критерием при решении вопроса на факультете относительно того или иного преподавателя:

1) опубликованы или приняты к печати одна-две статьи и подготовлены следующие (97 факультетов из 225 придерживаются этого критерия);

2) опубликованы книги или ряд статей и ведется работа над другими темами (67 из 225 факультетов);

3) подготовлены работы, но публикаций нет и не ожидается (18 из 225 факультетов) ⁹.

Как видим, некоторый «научный задел» у преподавателя должен быть уже в самом начале его карьеры, и выполнение научной работы от него ожидается и в будущем.

Объем учебной нагрузки очень разный в различных университетах: обычно чем крупнее университет, тем меньше учебная нагрузка преподавателей в виде лекций и семинаров, но зато больше времени затрачивается на консультации и экзамены, руководство студенческими работами и диссертационными исследованиями. Средний объем учебной (аудиторной) нагрузки по историческим факультетам американских университетов составляет 11,3 часа в неделю ¹⁰. Но в США можно встретить вузы, где историки заняты 8—10 часов в неделю, и есть вузы, где нагрузка достигает 16—18 часов.

Распределение рабочего времени преподавателя-историка в течение учебного года в обобщенном виде следующее (%) ¹¹:

Преподавание студентам младших курсов (подготовка и проведение занятий)	67
Преподавание студентам старших курсов (подготовка и проведение занятий)	5
Научные изыскания и написание работ	12
Руководство диссертациями или проектами (вне формальных классных занятий)	4

⁹ Survey of the Historical Profession. Academia..., p. 9.

¹⁰ Ibid., p. 6.

¹¹ Ibid., p. 6.

Работа на факультете (в комиссиях, общее консультирование и пр.)	11
Работа по специальности и консультирование вне колледжа или университета	2
Другие разные поручения	3
<i>Всего</i>	<i>100</i>

Из этих данных видно, что учебная работа занимает ³/₄ времени преподавателя, а на научные изыскания, если не считать творческие отпуска, остается сравнительно немного времени.

Почти все исторические факультеты имеют практику оплачиваемых творческих отпусков для преподавателей. Только 65 из 462 факультетов не имели в 1980/81 учебном году таких отпусков. Всего в 1980/81 учебном году в творческих отпусках находилось 335 преподавателей, из них 36 — женщины¹². Как правило, творческий отпуск предоставляется на полгода или год в среднем один раз в семь лет. В некоторых крупных университетах — один раз в пять-шесть лет. Он дается преподавателю для научно-исследовательской работы, для разработки программ и подготовки новых курсов. Учебный год для большинства преподавателей длится 9—10 месяцев. В летнее время они могут пользоваться отпуском или преподавать за дополнительную плату на летних курсах для студентов.

На основе данных нашего обследования мы можем рассмотреть более детально (по тем же параметрам, что и для всего массива данных) каждую группу историков по направлениям общей специализации. Поскольку характеристика всех групп может показаться довольно скучной процедурой, мы выбрали для примера только три группы специалистов: по истории США и Канады, по истории древнего мира и по истории СССР.

Специалисты по отечественной истории составляют самый многочисленный отряд американских историков, что вполне естественно для всех развитых национальных историографий. Введя при первичной подготовке материалов показатель «Специализация по истории США», мы получили данные о приблизительном распределении специалистов (более 40% историков этой группы не указали сферу своих научных интересов в рамках американской истории) по основным хронологическим периодам:

¹² Ibid., p. 6.

Период истории США	Число историков	%
Колониальный период	442	17,8
XIX в.	545	22,0
XX в.	428	17,3
Период не указан	1062	42,9
<i>Всего</i>	<i>2477</i>	<i>100,0</i>

Разница между группой специалистов по истории США и Канады (2516 человек) и группой указавших или не указавших конкретно сферу своих научных интересов в области истории США (2477 человек) составила 39 фамилий. Это американские историки, специализирующиеся по истории Канады.

Среди специалистов по истории США и Канады доктора составляют 94,3% (2372 человека), остальные имеют степень магистра (137) или совсем не имеют степени (7 человек). В 30–50-е годы степень получили 644 человека, в 60-е годы — 988, в 70-е годы — 780, и у 104 человек время получения степени неизвестно. Таким образом, 70,3% специалистов получили ученые степени в 60–70-е годы.

Ведущими районами страны по подготовке специалистов по истории США являются Средний Запад (766 человек) и Северо-Восток (650 человек). В университетах этих регионов получили ученые степени 56,3% всех специалистов по истории США и Канады. Больше всех историков из этой группы получило ученые степени в стенах Висконсинского университета — 193 человека (7,7%), в Гарвардском университете — 149 человек (5,9%). Следом за ними идет Колумбийский университет — 143 человека (5,7%). Таким образом, если в целом по всем историкам высшей квалификации «кузницей кадров» № 1 является Гарвардский университет, то в области подготовки специалистов по американской истории это первенство переходит к Висконсинскому университету.

Распределение в этой группе по должностям следующее: полные профессора — 1190 человек (47,3%), доценты — 687 (27,3%), ассистенты — 481 (19,1%), лекторы и инструкторы — 105 человек (4,1%). Здесь можно заметить существенно большую долю полных профессоров в сравнении с общими данными (43,3%). Это позволяет сделать вывод о более благоприятных условиях продвижения по этапам академической карьеры для специалистов по отечественной истории, что, вероятно, прежде всего отражает приоритетное

положение этой дисциплины в ряду других исторических дисциплин.

Что касается представительства полов в этой группе специалистов, то оно почти не отличается от общих показателей: мужчины составляют 88,8% всех специалистов по истории США и Канады.

Теперь рассмотрим группу специалистов по истории древнего мира. Всего таких специалистов в американских университетах работает 230. Из них 211 — доктора и 17 — магистры. Как и вся основная масса историков, эти специалисты больше всего сосредоточены в университетах Среднего Запада и Северо-Востока страны (44,3%). В 30—50-е годы ученые степени получил 51 человек (22,2%), в 60—70-е годы — 166 человек (72,2%). Эти данные указывают на одну достаточно интересную тенденцию, а именно: специалисты по истории древнего мира составляют несколько более молодую генерацию по сравнению с остальной массой историков и тем более по сравнению со специалистами по американской истории.

Больше всего диссертационных исследований среди этой группы историков было выполнено в Гарвардском университете — 17 (7,4%), в Чикагском — 11 (4,8%) и в Йельском — 10 (4,3%).

По занимаемым должностям историки древнего мира распределяются следующим образом: полные профессора — 81 (35,2%), доценты — 75 (32,6%), ассистенты — 60 (26%). Эти данные очень сильно отличаются от общих данных и тем более от данных рассмотренной выше группы. Сравнительно малая доля полных профессоров среди этой группы историков, видимо, характеризует прежде всего недостаточную престижность занятий древней историей в сравнении с другими историческими дисциплинами, а отсюда и более трудное продвижение по должностной лестнице, хотя доля мужчин, которым в целом гораздо легче достаются должности полных профессоров по сравнению с женщинами, в этой группе историков выше средних показателей — 90,4%.

И, наконец, рассмотрим группу специалистов по истории СССР, т. е. американских историков-советологов. Их в начале 80-х годов в американских университетах работало 277. По территории США они распределены следующим образом: Северо-Восток и Средний Запад — по 64 человека, Восточно-Атлантический регион — 43, Юго-Восток — 34, Запад — 28, Юго-Запад — 19, район Скалистых гор — 13, Северо-Запад — 12 человек. Свои ученые степени эти специалисты получили: в 30—50-е годы — 70 человек, в 60—70-е годы —

197, и у 10 человек время получения степени неизвестно. Таким образом, 71% специалистов по истории СССР защитили свои диссертации в последние два десятилетия.

Ведущими районами страны по подготовке специалистов этой категории являются Северо-Восток — 113 человек — и Средний Запад — 71 человек. На долю университетов этих регионов приходится 66,4% всех получивших ученую степень по истории СССР. Это бóльшая степень концентрации подготовки кадров в двух определенных районах страны в сравнении, скажем, со специалистами по американской истории. 22 человека (7,9%) получили степени за рубежом.

Главным «поставщиком» кадров историков-советологов является Колумбийский университет. В его стенах получили ученые степени 43 человека (15,5%). В Гарвардском университете подготовлено 30 докторов, в Чикагском — 17, в Калифорнийском (Беркли) — 14, в Мичиганском — 7. Всего на долю 10 ведущих университетов приходится 130 подготовленных специалистов (47%).

Распределение по занимаемым должностям выглядит следующим образом: 127 полных профессоров, 80 доцентов, 58 ассистентов, 12 человек — остальные. Сравнивая эти данные с аналогичными данными в целом по всем историкам, можно заметить, что доля полных профессоров, т. е. самых престижных должностей, среди специалистов по истории СССР заметно ниже (45,8%) по сравнению с общими данными (57,1%). Зато на менее престижных должностях доцентов и ассистентов специалисты по истории СССР представлены гораздо шире (49,7%) по сравнению с общими данными (40,2%). Выявленная закономерность дает основания для заключения о сравнительно более трудной академической карьере историков-советологов. Видимо, приоритет здесь имеют специалисты другого профиля, прежде всего специалисты по отечественной истории.

К сожалению, неточные данные не позволяют выявить распределение специалистов по хронологическим периодам и хотя бы выяснить, сколько человек занимается историей дореволюционной России и сколько — историей советского периода. Однако такое исследование в принципе выполнить возможно, если проанализировать другие источники, прежде всего тематику докторских диссертаций, но детальный анализ отдельных групп выходит за рамки нашей работы.

Такова в целом характеристика кадровой базы основного отряда американских историков — профессорско-преподавательского состава исторических факультетов колледжей и университетов.

2. «Публичная история».

Историки в бизнесе и правительстве

Термины «публичная история» и «публичные историки» появились в США сравнительно недавно. Они обозначают образовательную ориентацию и сферу занятости историков за пределами высшей школы (академии), т. е. научно-преподавательского труда. Само по себе это явление не новое. В США издавна сферами занятости историков были не только колледжи и университеты: их можно было найти среди архивных и библиотечных работников, в штатах местных исторических обществ. И все же с конца XIX в., а особенно после второй мировой войны в американской исторической профессии полностью доминировали работники академической сферы. Профессорско-преподавательский труд считался единственной настоящей карьерой для историка, и все другие занятия рассматривались как «нетрадиционные» или «альтернативные».

Крупнейшие национальные исторические организации относились к историкам, работающим в музеях, исторических обществах и правительственных органах, как к второсортным представителям своей профессии, неудачникам. В уставах таких организаций, как АИА и ОАИ, было предусмотрено, что избираться в их руководящие органы могут историки, имеющие не менее трех — пяти лет преподавательского стажа. Тем самым неуниверситетским историкам в лучшем случае отводилась роль рядовых членов. Общеизвестным и распространенным было мнение, что историки не должны ничем заниматься, кроме написания книг и статей, предназначенных для коллег-специалистов, и что историк не может быть не кем иным, как преподавателем. Понятно, что многие десятилетия профессора-историки готовили своих студентов исключительно к академической карьере, т. е. производили «себе подобных». Так, например, в брошюре АИА для студентов младших курсов, выбирающих специализацию, дается описание профессии историка именно как исследователя-преподавателя, перечисляются необходимые для этого данные, чтобы студент «определил, имеет ли он все то, что требуется, чтобы стать профессором истории»¹³. В этом же духе были составлены и учебные программы университетов.

Кризис занятости в академической сфере, невозможность найти для всех работу на профессорской кафедре привели к

¹³ History as a Career, p. 7.

важным структурным сдвигам и переменам в ценностных ориентациях внутри исторической профессии. О происшедших переменах в области образования и подготовки кадров мы уже писали в соответствующей главе. Но главное, чем отмечены последние 10—15 лет,— это уход значительной части историков из традиционной сферы занятости в другие области, в «публичную историю», в понятие которой входят прежде всего занятия прикладного, практического характера, включая работу по найму государственных и общественных организаций, частных фирм и корпораций и т. п.

«Отход от традиционной работы» — так был назван специальный доклад Национального исследовательского совета по вопросам занятости докторов-гуманитариев, выявивший четкую тенденцию среди получателей степеней к устройству на работу за пределами академической сферы¹⁴. Среди историков эта тенденция проявилась наиболее сильно: в конце 70-х годов уже менее 1/3 докторов-историков после получения степени избирали академическую карьеру.

Год	Всего докторов	Стали преподавателями			
		число	%	мужчины	женщины
1973	1213	602	49,6	515	87
1974	1183	505	42,7	402	103
1975	1184	429	36,2	339	90
1976	1093	387	35,4	304	83
1977	961	299	31,1	238	61

Источник: Данные получены в штаб-квартире АИА в 1980 г.

В начале 60-х годов в США 80% профессиональных историков были преподавателями¹⁵. В начале 80-х годов, по некоторым оценкам, уже около 50% историков работают вне колледжей и университетов, хотя кадры высшей квалификации по-прежнему в большинстве своем сосредоточены в сфере научно-преподавательской деятельности: в 1977 г. из 15 450 опрошенных Национальным исследовательским советом докторов по истории только 2580 (16,7%) работали в неакадемической сфере¹⁶.

¹⁴ Employment of Humanities Ph. D's..., p. 10.

¹⁵ Stull Holt W. The Historical Profession in the United States. Wash., 1963, p. 8.

¹⁶ Employment of the Humanities Ph. D's..., p. 52.

Процесс массового утверждения историков вне высшей школы и становления «публичной истории» сопровождается горячими дискуссиями и достаточно острыми конфликтами внутри профессии. В центре внимания этих обсуждений место и роль историка и истории в современном американском обществе, состояние исторической науки, новые возможности для деятельности историков и новые формы такой деятельности, общественное и профессиональное лицо историка и т. д. Конечно, не обошлось без серьезных упреков в адрес университетской профессуры и исторических ассоциаций со стороны тех, кто отстаивает свой статус историка в других областях. В этих обвинениях много справедливого и бесспорного. Выступая с приветственным обращением на конференции архивистов Среднего Запада в 1980 г., главный историк лесной службы США Д. Клэри не без иронии сказал следующее: «Лично меня интригует использование самого термина „публичная история“. Когда я его слышу, я спрашиваю себя есть ли противоположное понятие — „частная история“. Возможно, есть, ибо в течение последних двух поколений история превратилась в частную собственность историков, главным образом профессоров, которые обмениваются между собой ее тайнами и презрительно смотрят на тех коллег, кто пытается сделать работы по истории достоянием более широкой публики. Однако принятое обозначение для таких историков — это „академические“, а не „частные“»¹⁷.

В этом же выступлении Д. Клэри отметил, что, «хотя академики издавна полагали, что все историки являются профессорами, многие из них имели некоторое представление о группе людей, которые пришли „со стороны“ и, не будучи профессорами, тем не менее называли себя историками. Но это были представители „странной породы“, и к ним относились настороженно. Из великодушия им позволялось членство в исторических организациях и даже посещение конференций. Но им не хватало атрибутов цивилизованности, которые позволили бы занимать руководящую должность или даже рецензировать книги в журналах... В разной мере как рафинированные древние греки называли своих более грубых соседей „варварами“, так и академические историки унизили странных пришельцев в их среду

¹⁷ *Clary D. A. Trouble is My Business: A Private View of «Public» History. Keynote Address at Midwest Archives Conference. Chicago, Illinois. 1980, May 1. Manuscript, p. 2.* — Архив автора.

понятием „неакадемиков“, выходцев из „нетрадиционного“ или „альтернативного“ мира»¹⁸.

Критика сложившейся ситуации сопровождается попытками найти позитивное решение проблем, а самое главное — выход из кризиса занятости. Все чаще раздаются высказывания, что настоящая значимость истории сегодня лежит «за пределами университетских башен из слоновой кости». «Только малому числу историков предназначено писать толстые книги по различным проблемам исторической науки. Для большинства же наши значимость и авторитет зависят от того, как мы действуем в реальной жизни и используем наши знания, чтобы расширить границы исторической профессии», — заявил в докладе на съезде ОАИ Гарри Батовски — историк из федеральной Национальной службы парков¹⁹.

Упрекая академических историков в том, что они в последнее время утратили интерес и ответственность в использовании знаний о прошлом для решения сегодняшних проблем, Гарри Батовски сказал: «Зачем тратить годы в школе на изучение исследовательских приемов, иностранных языков, сравнительных методов анализа информации, а также на приобретение широких знаний о прошлом и все эти знания не использовать на службе обществу? История не существует в интеллектуальном вакууме. Эта дисциплина самым тесным образом связана с современным миром, и мы, ее представители, несем ответственность за использование наших знаний и умений в этом мире. Роль преподавателя истории — это почетная роль, но она сегодня не является единственной. Если сейчас в исторической профессии происходит кризис, это не потому, что американский народ не интересуется своей историей, а потому, что историк сузил свое видение только до одной специальности — академического историка. Пришло время для историков вернуться к традиционным корням и стремиться строить свою карьеру в сфере бизнеса и правительства»²⁰.

В последние годы отношение к «публичной истории» внутри профессии меняется. В конце 70-х годов уже около 50 исторических факультетов ввели в программу обучения курсы и специализацию по «публичной истории». Теперь значительное число специалистов-историков уже с самого

¹⁸ Ibid., p. 4.

¹⁹ Butowsky H. The Historian in Government. Paper Presented at the OAH Meeting at New Orleans in April 1979. Manuscript, p. 10.— Архив автора.

²⁰ Ibid., p. 2—3.

начала готовят себя к неакадемической карьере, изучая такие предметы, как архивное дело, краеведение и музееведение, охрана памятников истории, редакторское и публикаторское дело и т. п.

Специализация в области «публичной истории» охватывает в ряде университетов и аспирантуру, вплоть до присуждения докторских степеней. Однако изменения в профориентации студентов-историков затронули преимущественно «неэлитные» вузы, те небольшие местные университеты, выпускникам которых достается работа не столь престижного характера и которые теснее связаны с интересами местного штата или города.

Критики новых вузовских программ отмечают также отсутствие необходимого опыта и квалификации в области «публичной истории» у тех, кто преподает эти курсы. «Подавляющее большинство новых программ в области истории,— отмечает Д. Клэри,— не более чем циничные попытки поправить дело с набором, соблазняя студентов неопределенными обещаниями быстро получить выгодную работу после окончания учебы»²¹. Самая слабая черта этих программ заключается в убеждении, по словам Д. Клэри, что «слепые свиньи могут воспитать сторожевых собак», т. е. что обычная факультетская профессура без необходимого практического опыта может научить студентов новым специальностям. «Программы „публичной истории“ вводят студентов в заблуждение, что они смогут на квалифицированном уровне работать в области архивного дела, охраны памятников или административной деятельности — больших и сложных сферах, имеющих собственную долгую историю и требующих особой квалификации от своих работников,— пройдя всего один-два бесцельных семинара под руководством мало знающих профессоров, и не имея никакого практического опыта... Несмотря на рост программ по „публичной истории“, я не могу согласиться, что академические историки как группа признали или исправили те ошибки, которые стали причиной их собственного „кризиса занятости“»²².

В этой критике большая доля истины. Действительно, большинство вводимых вновь курсов и программ специализации в области «публичной истории» не содержат попыток обеспечить связь учебного процесса с будущими сферами профессиональной занятости, слабо отражают конкретный опыт того или иного вида преподавательского труда исто-

²¹ *Clary D. A. Op. cit., p. 6.*

²² *Ibid., p. 7.*

риков. Более того, в крупнейших университетах подготовка по таким специальностям, как охрана и использование памятников, архивная и музейная служба, осуществляется вообще без участия исторических факультетов.

К числу реальных перемен в сторону признания «публичной истории» и тех, кто ей занимается, в качестве равноправных членов профессии можно отнести создание в 1980 г. Национального совета публичной истории, который координирует деятельность исторических ассоциаций и обществ в этом направлении. Американская ассоциация местной истории (ААМИ) создала собственную комиссию по вопросам «публичной истории». Крупнейшие общенациональные организации историков допустили в состав руководящих органов историков не из высшей школы. И все же, по словам Д. Клэри, «пропасть между рафинированной элитой и варварами остается еще достаточно глубокой»²³.

До последнего времени мы не располагали более или менее точными данными, характеризующими специалистов в сфере «публичной истории». Некоторое представление по этому вопросу давало обследование распределения молодых историков, получивших в 1977 г. докторскую степень по истории и избравших карьеру в неакадемической сфере²⁴.

Место работы	%	Место работы	%
Средняя школа	16,5	Правительство	30,8
Бизнес и промышленность	19,3	Другие сферы	33,4

Однако эти данные характеризуют только современную тенденцию возрастающего притока кадров высшей квалификации в систему правительственных учреждений и частного, особенно крупного, бизнеса.

Более детальные данные были получены в результате анкетного обследования «публичных историков», предпринятого АИА совместно с Национальным советом публичной истории в 1980 г. Это обследование охватило историков, работающих в правительстве, музеях, архивах, частном секторе, общественных организациях и т. д. Списки были представлены ААМИ (7260 человек), АИА и Национальным советом публичной истории (по 1400 человек каждая), ОАИ (400 человек), федеральными министерствами и ведомствами (500 человек). Всего вопросник был разослан более чем

²³ Ibid., p. 8.

²⁴ Employment of the Humanities Ph. D's..., p. 53.

11 тыс. историков, и ответы получены от 2347 человек, т. е. примерно от 20%. На основе этой достаточно представительной выборки и был выявлен ряд новых и существенных характеристик, которые до сих пор отсутствовали в литературе об американской исторической науке.

Прежде всего, само определение категории историков вне высшей школы как «публичные историки» неточно и не все с ним согласны. Однако до сегодняшнего дня более совершенного определения пока не предложено. Однако здесь не столь важен сам термин, сколько реальный и формальный статус специалистов в среде, где они трудятся. Ответы на вопросы этого характера выявили следующую картину²⁵.

Вопрос	Ответ			
	Да	Нет		
	число	%	число	%
1. Считаете ли себя историком?	1828	78,1	512	21,9
2. Считаете ли знания и профессиональные умения в области истории важными для вашей работы?	2203	94,0	140	6,0
3. Сохраняете ли постоянный интерес к истории?	2089	89,2	254	10,8
4. Выполняете ли работу историка?	2049	87,3	293	12,7
5. Официально признаны или считаетесь историком на вашей работе?	990	42,3	1353	57,7
6. Есть ли ученая степень по истории?	1467	62,6	876	37,4
7. Есть ли степень бакалавра по истории (высшее образование)?	1498	64,0	841	36,0

Из ответов вполне очевидно, что квалификационный состав историков в этой сфере в настоящее время достаточно высокий: 62,6% их имеют степени магистра или доктора. Подавляющее большинство занятых выполняют работу, непосредственно связанную с приобретенной специальностью, но далеко не все (42,3%) официально считаются на своих рабочих местах историками.

Данные обследования выявили примерное распределение «публичных историков» по сферам занятости²⁶:

²⁵ Survey of the Historical Profession. Public Historians. 1980—1981. AHA Summary Report. Wash., 1981, p. 2.

²⁶ Ibid., p. 9.

Основные виды профессиональной деятельности	Число историков	%
Административная и управленческая деятельность	316	13,6
Исследовательская работа, архивы и музеи	1333	57,3
Охрана памятников	186	8,0
Сфера информации	25	1,1
Бизнес и смешанные организации	164	7,0
Политика планирования	34	1,5
Преподавательская работа	159	6,8
Другие виды	110	4,7

Самая высокая доля историков с учеными степенями — в первых двух категориях, а также в бизнесе. Круг обязанностей и требуемых знаний, навыков и умений у этой части историков самый разнообразный и далеко не всегда приобретенный в результате базового исторического образования. Часть специалистов (около 20%) прошла разного рода дополнительные стажировки по роду своей деятельности. В настоящее время им приходится заниматься программированием и математическими расчетами, статистикой, интервьюированием, редактированием, фотографией, печатанием и стенографией и разного рода реставраторскими работами ²⁷.

Хотя основной отряд «публичных историков» — это работники музеев и архивов, мы не будем рассматривать их подробно, ибо характер этой достаточно традиционной деятельности в общих чертах известен и здесь не появилось в последние годы чего-либо принципиально нового. Что является бесспорно новым явлением в этой области, так это деятельность американских историков в сфере частного бизнеса и правительства, масштабы и характер которой за последние годы претерпели разительные перемены.

Еще четверть века назад факт найма профессионального историка на работу в частные фирмы и корпорации был случаем исключительным. Довольно широкую и противоречивую реакцию вызвало, например, в свое время оказание услуг известным историком Алланом Невинсом компании «Стандард ойл компани» по написанию истории семейства Рокфеллеров, а затем истории автомобильной компании Генри Форда. Сам А. Невинс вспоминал по поводу предложения 90-летнего Джона Рокфеллера-младшего написать историю его дела: «Я взялся за этот труд без особого желания. Мне было ясно, что я вступаю в трудовые и денежные вза-

²⁷ Ibid., p. 12.

имосвязи особой сложности, что проблема отношений „Стандард ойл компани“ с федеральным правительством и правительствами штатов была действительно очень щекотливой и что я навлеку на себя определенные ненависть и отвращение, даже если буду писать об этом в критическом духе...»²⁸. Хотя А. Невинс в устном интервью пытается отрицать получение им денег²⁹, такое финансирование, безусловно, имело место. Но примечателен сам факт наличия определенных моральных сомнений и критического отношения среди части американских историков к сотрудничеству с крупным частным бизнесом.

В настоящее время ситуация изменилась полностью. Работа на крупные фирмы и корпорации по написанию повествований, прославляющих их прошлое, стала обычным делом для профессиональных историков. Сейчас уже фирмы не ограничиваются эпизодическим наймом на работу отдельного — желательно известного — историка, чтобы последний создал необходимый труд. Многие крупнейшие корпорации и банки имеют «исторические отделы» или «бюро», в которых постоянно работают ученые-историки. Они организуют архив, подготавливают исторические справки по деловым вопросам, а самое главное — изучают и публикуют истории того или иного предпринимательства в рекламных, пропагандистских целях или, как в этих случаях любят выражаться американцы, «для налаживания хороших отношений с общественностью». Выходящая из-под их пера главным образом псевдоисторическая литература всячески расписывает и приукрашивает «деяния» частного бизнеса, той или иной фирмы или ассоциации на «благо людей», будь то страна, штат, местная община.

В историческом отделе Нью-Йоркской фондовой биржи работает несколько десятков человек. Один из крупнейших банков западного побережья США имеет отдел, в котором работают восемь историков. Сколько таких фирм и корпораций в США и сколько в них работает историков, сказать точно нелегко. Штатные должности историков заводят не только крупные корпорации, но и небольшие фирмы, предпринимательские и профсоюзные объединения, как, например, Лига кредитного союза штата Иллинойс, которая по случаю своей 50-й годовщины опубликовала брошюру «Пятьдесят лет золотой службы. История». Ее автором значится историк общества некто Глен Пикенс. Крупные профсоюз-

²⁸ Интервью с А. Невинсом, июнь 1963 г., с. 251.— Oral History Collection at Columbia University.

²⁹ Ibid., p. 252.

ные объединения, и прежде всего АФТ—КПП, издавна являются одним из работодателей для американских историков. На профсоюзные деньги не только написаны десятки книг, но в штаб-квартире АФТ—КПП трудится группа специалистов по истории трудовых отношений, а также самого профобъединения.

Историки, вынужденные или желающие работать в частном секторе, не обязательно связывают свою службу с определенной корпорацией. Они иногда создают самостоятельные групповые объединения типа консультативных фирм, действуя по принципу контракта, окупаемости и получения прибыли от оказываемых услуг. Нам известно несколько таких объединений. Одной из первых в 1975 г. в г. Атланте возникла компания из семи человек — «Хистори групп инкорпорейтед». Затем был создан «Хистори рисёрч ассошиэйтс» в Нью-Йорке. Первой группой по контракту был выполнен ряд разработок типа исторических справок по вопросам городского планирования и развития, охраны исторического наследия, туризма и образования. Она подготовила исторический путеводитель по негритянской Атланте с туристскими и образовательными маршрутами по истории города, вернее, его населения афроамериканского происхождения, выполнила ряд договорных работ для местного муниципалитета и властей штата Джорджия. Эта консультативная фирма историков не получает крупной прибыли. Однако она не попала в число 85% американских предприятий мелкого бизнеса, которым не удается продержаться более трех лет.

Нью-Йоркская фирма о своей деятельности заявляет следующим образом: «Мы поставляем информацию, рекомендации и оценки по любому вопросу, имеющему исторический аспект». Ее услуги включают создание историй местных общин и мелких поселений для муниципальных и региональных планирующих органов, юбилейных историй городов, исследования для исторических разделов публичных докладов и отчетов, исходящих от правительственных органов различных уровней, археологические обследования и доклады, работы по истории законодательства и предпринимательства, исследования для владельцев собственности, имеющей исторический интерес, запись и обработку устных историй для институтов культурного и образовательного характера, юбилейные публикации для школ и церквей, истории семей, подготовку учебных материалов для школ и колледжей.

По некоторым данным, различные учреждения и ведомства, включая правительство, все больше предпочитают

пользоваться услугами консультативных фирм по историческим вопросам, особенно для выполнения каких-то конкретных, одиночных программ. Это избавляет от необходимости найма постоянного специалиста-историка, нужда в котором носит эпизодический характер. Для самих же фирм при энергичной рекламе услуг обеспечивается минимальное число заказов от самых разных клиентов.

Конечно, такого рода исследования, ориентированные на клиента, на выполнение задачи, сформулированной в ходе рутинной деятельности, имеют лишь самое отдаленное отношение к науке как таковой. Это в самом прямом смысле прикладные изыскания сугубо справочного характера. Однако энтузиасты нового направления профессиональной деятельности историков полагают, что именно здесь историки приносят непосредственную помощь обществу, способствуют решению современных проблем, какого бы уровня и характера они ни были.

И все же определяющим моментом в деятельности такого рода объединений историков является стремление выжить в условиях кризисного состояния использования труда профессиональных историков. Никто из занятых в сфере «публичной истории» не покинул добровольно преподавательскую должность в колледже или университете, если только не устал от работы временного характера и отсутствия перспективы получить постоянное назначение. В большей своей части «публичные историки» — это те, кому не удалось по разным причинам пробиться в число университетских преподавателей.

Характерна в этом отношении деятельность возникшего в 1976 г. в Нью-Йорке Института исторических исследований, цель которого, как выразился журнал «Тайм», «помочь ученым выжить за пределами академического мира»³⁰. Журнал привел несколько конкретных примеров, кто именно составил актив этой добровольной организации. Так, Стивен Херцберг, 32 года, получил докторскую степень по истории в Чикагском университете, и единственной возможностью для работы была должность помощника профессора (на половину ставки) в колледже штата Миннесота с окладом в 6 тыс. долл. в год. «Я хотел остаться преподавателем, но совсем не хотел голодать», — говорил он. В итоге Херцберг открыл магазинчик скобяных изделий в Нью-Йорке и зарабатывает теперь больше, чем профессор истории в университете, но история остается его любимым занятием. Инсти-

³⁰ Time, 1980, July 28, p. 48.

тут объединяет историков, которые не смогли получить преподавательские должности и зарабатывают на жизнь другими занятиями, сохраняя интерес к истории и выполняя некоторые работы исследовательского или прикладного характера. Среди его членов есть агент по путешествиям с докторской степенью по средневековой ирландской истории, клерк с докторской степенью по европейской истории, есть бывшие преподаватели, не дождавшиеся постоянных назначений, а также около 100 школьных учителей истории г. Нью-Йорка. Беатрис Готлиб, член института, отметила: «Я не хочу заниматься критикой академического мира, по в нем существует большое давление на личность. Пока не получишь постоянного назначения, приходится все время утверждать себя перед коллегами. В институте ты получаешь моральную поддержку»³¹.

За первые четыре года деятельности институт получил от разных фондов около 0,5 млн. долл. на осуществление программ и проектов, предложенных его членами, например на организацию выставки по истории иммиграции в Национальном музее статуи Свободы, документальные фильмы на историческую тематику. Одно из направлений деятельности — оказание консультативной помощи средствам массовой информации в подготовке программ на исторические темы. Институт претендует на роль своеобразного бюро справок и широко рекламирует свои услуги по «продаже исторической информации» разным корпорациям и учреждениям.

Важно отметить, что большинство из 217 членов (1981 г.) института составляют женщины-историки. Издающийся институтом с 1982 г. журнал называется «Вимэн энд хистори» («Женщины и история»).

«От кампуса к коммерции» называлась информация о программе встреч группы членов института с представителями частного сектора и других организаций. Характерно, что название этой программы — «Ученые преобразуются», а материал о встречах был помещен в первом номере информационного листка, который издает институт под названием «Новые карьеры». Среди гостей на этих встречах были вице-президент одного из банков, консультант крупной корпорации, предприниматели и даже старший аналитик из ЦРУ — все в прошлом имевшие образование историка, а некоторые из них даже ученую степень. «Наша группа получила большую пользу от этих встреч, — писалось в том же бюллетене

³¹ Ibid.

не.— Прежде всего мы приобрели уверенность, увидев, как все большее число бывших профессоров осуществило успешные перемены в своей карьере, и узнав, что бизнес может принять в свою сферу не только бакалавров и магистров, но и подобных нам докторов-историков»³².

Кстати, информационный листок регулярно извещает о таких «карьерных переменах». Вот некоторые из них: Паскаль Перетта получила назначение на должность заведующего отделом в Американско-итальянском институте; Бетси Приоло будет руководителем отдела общественной службы в архитектурной фирме; Дорис Шорес готовится стать работником по охране авторских прав в многонациональной фармацевтической компании Хоффман—Ларош; Франсуаз Уордлоу получила назначение на работу в латиноамериканский отдел международного подразделения «Ганновер траст компани» и т. д.

Подобные «новые карьеры» историков с учеными степенями не что иное, как прежде всего проявление кризисных явлений в американской исторической науке; вынужденная профанация труда профессиональных историков, обивание последними порогов частных фирм, жалкое предпринимательство на «продаже исторических знаний» — результат неблагоприятных общественных условий для плодотворной и здоровой деятельности историков, на каких бы должностях они ни трудились.

Еще более значительной сферой, где работают американские историки, является правительство, законодательные, исполнительные федеральные органы штатов. Причем, речь в данном случае идет не о лицах на различных государственных должностях, имеющих историческое образование или даже докторскую степень. Как мы знаем, в США профессиональным историкам доводилось неоднократно занимать даже должности президентов страны (Т. Рузвельт, В. Вильсон), государственных секретарей (Г. Киссинджер, З. Бжезинский), не говоря уже о помощниках президента или других высокопоставленных чиновниках (А. Шлезингер, Р. Пайпс). Мы имеем в виду официально установленные должности историков при том или ином ведомстве. По таблице должностей эта должность значится как Джи-эс-170 (правительственный служащий-170). Из центральных органов, пожалуй, только аппарат Белого дома не имеет такого лица среди своих служащих, хотя предложения установить должность официального историка при президенте страны

³² New Careers, 1981, Sept., N 1.

уже делались со стороны ведущих исторических ассоциаций (об этом см. главу 6).

В целом вопрос о роли истории и историков в вопросах правительственной политики приобрел в последние годы дополнительную значимость не только по причине кризисного состояния профессии и обострения проблемы занятости историков. Внутриполитические трудности и внешнеполитические неудачи администраций Никсона и Картера, ограниченность и опасный авантюризм действий правительства Рейгана послужили поводом для активизации взглядов о существовании в высших эшелонах власти «вакуума историзма», о нежелании и неспособности государственных деятелей изучать и учитывать «уроки истории», об отсутствии квалифицированной консультативной службы правительству со стороны профессиональных историков. Еще в 1976 г. в связи с мероприятиями по поводу 200-летия образования США в одном из выступлений главный историк госдепартамента США Дэвид Траск заметил: «Поскольку руководители так часто апеллируют к истории, мы вправе ожидать наличия значительного числа профессиональных историков, выполняющих роль советников при тех, кто у власти. Но это совсем не так. Руководители не обращаются регулярно к профессиональным историкам за советом, а последние редко сами предлагают себя в качестве советников»³³.

Причины этого явления, по мнению Д. Траска, заключаются в падении престижа истории как науки и ослаблении веры в ее пользу, а также в пассивности самих историков, место которых занимают любители разного толка. «К кому обращаются те, кто делает политику, когда испытывают потребность в истории? Как я отметил ранее, они не особенно заботятся о привлечении профессиональных историков. Боюсь, что почти все из них опираются на собственные ресурсы исторических сведений, которые довольно часто ограничены, или же на познания преданных им, но плохо информированных советников. Я говорю об этом для того, чтобы обосновать большую пользу, которую могут оказать как любители, так и профессиональные историки тем, кто вырабатывает и осуществляет политику»³⁴. Одним из таких вкладов историков в вопросы современной политики, считает Д. Траск, могла бы быть более углубленная и активная разработка проблем новейшей истории. Именно специалисты-историки способны должным образом трактовать про-

³³ Trask D. A Reflection on Historians and Policymakers. Speech. The Department of State. 1976, August, p. 1.— Архив автора.

³⁴ Ibid., p. 3.

исходившие в недавнем прошлом события и на основе этого давать необходимые рекомендации политикам.

Федеральное правительство содержит в настоящее время примерно в 125 подразделениях исторического профиля 983 человека. В большинстве ведомств эти подразделения или группы состоят из одного—четырех историков; в некоторых, как, например, военные ведомства, госдепартамент, министерства внутренних дел, сельского хозяйства, трудятся десятки человек. Из всех этих служащих формально «историками» являются 353 человека и «архивистами» — 359 человек; остальные занимают должности библиотекарей, музейных хранителей, технических специалистов³⁵.

Историки в федеральной правительственной системе выполняют обычно следующие работы: пишут историю самого учреждения, его деятельности (например, история армейских подразделений во второй мировой войне); создают исторические сочинения, необходимые для исполнения основных функций учреждения (например, брошюры об исторических местах и событиях для Национальной службы парков). Историки используются так же для подготовки исследовательских докладов и исторических справок в качестве материала для выработки современной политики и принятия решений.

Обследование рабочих функций и характера исполняемых обязанностей историков, занятых в федеральной правительственной службе, выявило следующее соотношение (%)³⁶:

Исследования и подготовка публикаций	50
Архивная и музейная работа	16
Административная деятельность	14
Публичная информация (главным образом годовые отчеты)	9
Охрана и использование исторических памятников	5
Обеспечение профессиональных связей	3
Преподавательская деятельность	2

Самым крупным работодателем для историков из правительственных ведомств является министерство обороны США (около 1/3 всех федеральных служащих-историков). В конце 70-х годов на министерство работало около 300

³⁵ Directory of Federal Historical Programs and Activities. Wash., 1981, p. 61.

³⁶ Directory and Survey of Historical Offices and Programs in the Federal Government. Wash., 1978, p. 41.

гражданских историков в дополнение к специальному военному персоналу, на который возложены исторические исследования. Кроме этого, довольно широко применяется эпизодический труд в виде временных стипендий или специальных заданий. В одном из номеров бюллетеня ОАИ было помещено, например, такое объявление: «Институт стратегических исследований Военного колледжа армии США ищет опытного исследователя с убедительным списком опубликованных работ для работы в качестве временного исследователя на 1983/84 учебный год. Необходимы знания и интерес к изучению вопросов национальной безопасности, и в случае отбора потребуется проверка из соображений безопасности»³⁷. Непосредственно в Пентагоне имеются два небольших «исторических бюро» (10 человек), которые готовят закрытые доклады и занимаются историей американского верховного командования.

Нужды армии США обслуживают прежде всего Центр военной истории в Вашингтоне (73 человека) и Институт армейской военной истории в штате Пенсильвания (9 человек), которые занимаются изучением проблем военной истории, готовят материалы исторического характера для разработки военных планов, доктрин, директив, инструкций. Историки имеются также при каждом полевом командовании; в их задачу входит составление ежегодных отчетов, подготовка специальных исследований, монографий и исторических справок, обеспечение работы музеев и архивов командования. Всего в системе сухопутных сил США в 1981 г. работало 157 историков.

В системе военно-воздушных сил США действует отдел истории авиации в Вашингтоне (18 человек) и Центр исторических исследований им. Альберта Симпсона в штате Алабама (27 человек), есть также историки при командованиях. На историческом факультете военно-воздушной академии США преподают 32 профессиональных историка. Всего в системе военно-воздушных сил США занято 163 историка. Военно-морской флот располагает Центром морской истории в Вашингтоне (37 человек), Историческим центром военно-морского флота в Вашингтоне (28 человек), а также рядом небольших исследовательских и музейных подразделений. Всего в военно-морском флоте США работает 84 историка³⁸.

³⁷ OAH Newsletter, 1982, Jan., vol. 10, N 1, p. 6.

³⁸ Directory and Survey..., p. 25—47.

Из других ведомств федерального уровня наиболее широко услугами историков пользуется министерство внутренних дел. Входящая в его систему Национальная служба парков располагает специальным отделом истории (39 человек), который обеспечивает подготовку необходимых материалов для развития и функционирования 320 национальных исторических и природных мест и заповедников. Отдел архитектурных и инженерных сооружений, где работает 25 историков, собирает и изучает материал о памятниках архитектуры и техники, хранит историческую документацию и обеспечивает ее использование. 10 профессиональных историков трудятся в Бюро по делам индейцев; они изучают земельные иски аборигенов, состояние ресурсов индейских земель, ведут этноисторические исследования.

Отдел истории имеет государственный департамент США: 25 человек готовят к публикации широко известную официальную серию документов «Внешняя политика Соединенных Штатов», выполняют закрытые исследования по вопросам внешней политики. Некоторые из таких последних исследований приобрели зловещую репутацию антисоветских, ультрареакционных фальсификаций, далеких от какой-либо науки и подготовленных в интересах правых сил и военищины США.

Исторические отделы имеются также в министерствах сельского хозяйства, транспорта, труда, здравоохранения. Министерство труда с 1963 г. осуществляет программу исследований по истории трудовых отношений в США. Действующий при министерстве здравоохранения Национальный институт здоровья выполняет сам, а также финансирует на стороне изыскания исторического профиля, как, например, проект группы исследователей под руководством профессора Р. Фогеля по изучению исторических данных о физическом развитии американцев.

Помимо центральных ведомств, к разряду правительственных организаций относится ряд автономных служб исторического профиля. Это прежде всего Национальный архив США (164 человека), президентские библиотеки (шесть библиотек) со штатом историков в 150 человек, Библиотека конгресса (89 человек), Национальная комиссия исторических публикаций и документации (15 человек), музеи и центры Смитсоновского института, в том числе Национальный музей американской истории (42 человека).

В 1975 г. собственным отделом истории (3 человека) обзавелся сенат США. В его задачи входит помощь исследователям истории верхней палаты американского конгресса-

са, подготовка библиографий, путеводителей и т. п. Палата представителей такое официальное подразделение учредила в 1982 г. Высший законодательный орган страны довольно активно пользуется услугами историков. Среди 11 тыс. человек, работающих в конгрессе, историки далеко не на последних ролях в подготовке докладов, исследований, речей, планировании кампаний политиков. Так, в 1980 г., в год президентской кампании, известный гарвардский профессор-антисоветчик Р. Пайпс работал на «сенатора от Боинга» Г. Джексона, а в штате университета числился номинально.

Примечательным событием явилось создание весной 1980 г. Общества истории в федеральном правительстве. Идея такого общества впервые была высказана на конференции «федеральных историков» в сентябре 1979 г. В уставе этой организации ее цель сформулирована следующим образом: «Поддерживать и развивать историческую, архивную и другую аналогичную деятельность в правительстве Соединенных Штатов». Общество стимулирует профессиональные контакты своих членов, укрепляет отношения между государственными служащими, занятыми историко-архивными, исследовательскими и другими делами³⁹. Судя по названию, членами общества могут быть не только служащие государственных учреждений, но и специалисты, занимающиеся историей федерального правительства.

Мы охарактеризовали только федеральные правительственные службы. В настоящее время на уровне штатов местные правительственные органы все чаще прибегают к помощи историков. Особенно это относится к законодательным и правовым службам, где необходима определенная информация исторического характера для выработки документов и принятия решений. По сведениям на 1977 г., в 46 штатах в аппарате законодательных органов работало 66 человек с учеными степенями по истории. Так, в ассамблее штата Нью-Джерси занято 9 историков с докторской степенью. Они подготовили, например, исторические справки о развитии автомобильного страхования, по истории разрешения трудовых конфликтов, по истории законодательства против торговли и употребления наркотиков⁴⁰.

³⁹ By-Laws of the Society for History in the Federal Government. Manuscript, p. 1.— Архив автора.

⁴⁰ Brady P. Career in State Legislative Research.— AHA Newsletter, 1977, Dec., vol. 15, N 6, p. 11—12; Guzzo P. Applied Research Opportunities for Historians. A Case Study: Legislative Research. A Paper Presented at the OAH Meeting in San Francisco, Apr. 9—12, 1980.— Архив автора.

К услугам историков начинают прибегать городские и коммунальные муниципалитеты и службы, органы образования и здравоохранения, надеясь с привлечением исторических данных и анализа решить некоторые современные социальные проблемы. Так, один из самых дорогостоящих проектов по социальной истории г. Филадельфии (4—5 млн. долл.), осуществляемый под руководством Т. Хершберга при Пенсильванском университете, в значительной мере финансируется из средств городского муниципалитета Филадельфии.

О специфике труда американских историков, занятых в правительстве и высших законодательных органах, дает представление брошюра-наставление «Карьеры для студентов-историков», подготовленная АИА для молодых специалистов: «Доступ к работе в законодательных органах власти осуществляется обычно через личные контакты при работе на ту или иную партию или кандидата; „независимые“ находят себе здесь должность редко. В политических сферах на всех уровнях часто необходимо быть ярым сторонником партии и твердым в своих убеждениях... Как и во многих других правительственных учреждениях, наем на работу в законодательном органе — это результат настойчивости и удачи вместе с личными контактами. Здесь не может быть единой тактики: обладатели докторских степеней напрасно искали работу месяцами, а некоторые недавние выпускники колледжей устраивались в течение нескольких дней»⁴¹.

Не знания и способности являются основными критериями для тех американских историков, кто пожелал связать свою карьеру с государственной службой, а прежде всего безоговорочная готовность служить политическим установкам истеблишмента. Левые, прогрессивные взгляды, а тем более деятельность в этом направлении для таких людей абсолютно исключаются. В упомянутой выше брошюре в качестве приложения напечатана стандартная анкета, которую должен заполнить историк, пожелавший получить работу в системе государственной службы. В ней имеются такие вопросы:

«27. Являетесь ли вы в настоящее время членом Коммунистической партии США или каких-либо подразделений этой партии?

28(a). Являетесь ли вы в настоящее время или были в течение последних десяти лет членом какой-либо организации или группы, включающих Коммунистическую партию

⁴¹ Careers for Students of History. АНА. Wash., 1977, p. 23.

США или какое-либо ее подразделение, которые в период вашего членства призывали или учили, что правительство Соединенных Штатов или любая его политическая организация должны быть свергнуты или заменены силой или другими незаконными методами?

28(б). Если ваш ответ на (а) утвердительный, имели ли вы в период вашего членства особые намерения осуществить цели такой организации или группы свергнуть правительство Соединенных Штатов или какого-либо штата или какой-либо его политической организации силой или другими незаконными методами?

29. Если ваш ответ на 27 и 28(б) утвердительный, укажите названия таких организаций и сроки вашего членства в каждой» ⁴².

Могильным холодом маккартизма веет от этой анкеты, но это — сегодняшний день американской демократии. Если таковая анкета существует и даже обнародована, то нетрудно представить себе, как ее примеру следуют работодатели в других сферах, в том числе администраторы университетов и колледжей, хотя официально считается, что при найме историков на преподавательскую и научную работу нельзя задавать вопросов о политических взглядах и деятельности претендента на рабочее место. Наличие и в университетской среде дискриминации в отношении инакомыслящих подтвердила специальная комиссия АИА по правам историков, действовавшая в первой половине 70-х годов. В ее заключительном докладе, в частности, приводятся следующие сведения об ответах 2179 историков на анкету с вопросом: «Знаете ли вы преподавателей, изгнанных с работы за политические взгляды?» Около половины ответивших (45,9%) сообщили факты нарушения прав (увольнение с работы) тех представителей профессии, чьи взгляды носят левый характер. В 2 раза (24,6%) меньше пострадавших среди тех, кто придерживается крайне правой ориентации ⁴³.

3. Статус женщин-историков

Американским женщинам не повезло в отражении их роли в анналах отечественной истории. На протяжении многих десятилетий на страницах научных трудов и учебников по истории США фигурировали исключительно мужчины,

⁴² Ibid., p. 68.

⁴³ Final Report Ad Hoc Committee on the Rights of Historians. АНА. Wash., 1975, p. 10.

а женские имена и связанные с ними события появлялись лишь в самых редких случаях, причем чаще в иллюстративном материале, чем в тексте. Проведенный в 1970 г. анализ 27 учебников по американской истории для колледжей с подсчетом упоминаний женских имен выявил примерно следующую картину: доля материала, освещающего роль женщин в истории, в сравнении с остальным текстом варьировалась максимум от 2% у таких авторов, как Ч. и М. Бирды, до 0,05% у таких, как Ч. Сэллерс. В известном курсе американской истории С. Морисона всего 0,33% текста посвящено женщинам, но зато им отведено 5% иллюстраций⁴⁴.

Пронизывавший исторические тексты «мужской шовинизм» был не только отражением общей ситуации с решением женского вопроса в Соединенных Штатах Америки и ценностных ориентаций американской историографии, но и результатом того обстоятельства, что армия тех, кто создавал эти тексты, состояла почти исключительно из мужчин. На протяжении долгого времени число женщин среди профессиональных историков США было относительно небольшим. Если взять кадры высшей квалификации, т. е. докторов по истории, то с 1930 по 1973 г. женщины составляли примерно 13% среди получивших ученую степень⁴⁵.

До самого последнего времени американская историография не знала каких-либо крупных имен женщин-историков, а в общей массе университетской профессуры женщинам были отведены главным образом временные и низко оплачиваемые должности.

Особенно неблагоприятно обстояло дело с доступом женщин к профессорским должностям на исторических факультетах наиболее престижных университетов. Хотя женщины и были среди получателей ученых степеней от этих университетов, это совсем не означало, что они могли рассчитывать на преподавательскую и исследовательскую работу в тех же стенах, а тем более на обычное продвижение по службе до должности полного профессора. Предпринятое в 1970 г. обследование выявило следующую картину численности преподавателей женщин и мужчин на исторических факультетах десяти крупнейших университетов США:

⁴⁴ Report of the Committee on the Status of Women to the Organization of American Historians, 1970, p. 4.— OAH Office in Bloomington (Ind.).

⁴⁵ OAH Newsletter, 1981, Oct., vol. 9, N 3, p. 11.

Университет	1959/60 учебный год						1968/69 учебный год					
	профессор		доцент		ассистент		профессор		доцент		ассистент	
	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м
Калифорнийский	0	17	1	15	0	9	0	33	0	18	0	18
Чикагский	0	15	0	8	1	7	0	23	1	11	0	22
Колумбийский	0	30	0	13	0	2	0	47	1	13	1	10
Корнельский	0	8	0	3	0	1	0	16	0	3	0	4
Гарвардский	0	23	0	5	1	7	0	29	0	0	0	7
Мичиганский	0	12	0	8	0	5	1	19	0	13	1	10
Принстонский	0	13	0	6	0	7	0	21	0	5	0	12
Стэнфордский	0	11	0	5	0	2	0	16	0	6	0	10
Висконсинский	0	14	0	8	0	0	0	32	0	10	0	15
Йельский	0	17	1	7	0	6	1	36	0	11	1	24
<i>Всего</i>	<i>0</i>	<i>160</i>	<i>2</i>	<i>78</i>	<i>2</i>	<i>46</i>	<i>2</i>	<i>272</i>	<i>2</i>	<i>90</i>	<i>3</i>	<i>132</i>

Источник: Report of the Committee on the Status of Women in the Historical Profession. АНА. Wash., 1970, App. А.

Из этих данных видно, что 98—99% преподавательского состава в 60-е годы составляли мужчины и лишь мизерное число женщин работало в должности доцентов и ассистентов.

В пяти из десяти университетов женщины вообще отсутствовали среди профессорско-преподавательского состава!

Неравенство и дискриминация в отношении женщин-историков имели место также в оплате труда, в вопросах продвижения по службе, представительства в профессиональных организациях и научных собраниях. В программах ежегодных съездов исторических ассоциаций и других конференций, в составах руководящих органов, комитетов и комиссий ученые-женщины фигурировали редко, причем в этом плане ситуация в 60-е годы ухудшилась по сравнению с предыдущими десятилетиями (см. с. 103).

В 70-е годы под влиянием общественных движений, в том числе общеамериканского феминистского движения, вопрос об обеспечении равноправия женщин приобрел особую остроту в среде американских историков. Одновременно

Год	Участие в съездах АИА			Участие в комиссиях АИА		
	Всего участников	Из них женщин число	%	Всего членов комиссий	Из них женщин число	%
1939	182	12	6	117	11	10,6
1949	169	12	7	68	3	4,4
1959	233	4	1,7	118	5	4,2
1969	402	15	3,7	162	6	3,6

Источник: Report of Committee on the Status of Women..., App. A.

в американской историографии резко возрос интерес к «истории женщин», активизировались исследования в этой области, результаты которых внесли существенные коррективы в общую интерпретацию событий и явлений американской истории. Об объеме этих исследований дают представление специально подготовленная библиография, представленная АИА на XV Международном конгрессе исторических наук, и доклад от США по теме «Женщины в истории»⁴⁶. Библиография включает несколько сот новейших исследований по истории женщин. Наиболее плодотворными оказались направления, связанные с изучением роли женщин в истории американской семьи, трудовых отношений, социальных конфликтов, общественных движений.

В нашу задачу не входит концептуально-содержательный анализ всей этой литературы, однако с точки зрения структурных, организационных начал «история женщин», как новая отрасль научной специализации, оказала определенное влияние на американскую историческую науку. С начала 70-х годов в программы съездов крупнейших исторических ассоциаций стали регулярно включаться доклады и даже специальные заседания, посвященные обсуждению этих проблем. С 1975 г. регулярно проводятся так называемые Беркширские конференции (штат Массачусетс), на которые представляются сотни докладов по данной тематике. На последней конференции 1981 г. в течение трех дней было заслушано около 500 докладов. В 17 секциях обсуждались самые различные проблемы, связанные с анализом роли женщин в истории. Важно отметить, что в тематике докладов наблюдается некоторый отход от анализа исключительно вопросов женской дискриминации и угнетения. Делаются попытки рассмотрения активной, созидательной деятельности женщин, их роли в формировании и функционировании

⁴⁶ Recent United States Scholarship on the History of Women. АНА. Wash., 1980.

социальных и политических институтов, в экономической и культурной жизни общества. От частных вопросов женщины-историки переходят к обсуждению более общих, теоретических проблем: профессор Г. Лернер сделала пленарный доклад «Женщины и мысль: развитие теории о роли женщин в истории», в котором, в частности, был сделан вывод, что «угнетение женщин — это первоначальный источник всех последующих форм угнетения людей»⁴⁷. На этой же конференции работала секция, обсуждавшая некоторые аспекты марксистской теории женского вопроса. Влияние последней на эту область исторических исследований бесспорно.

В 70-е годы начали выходить периодические научные издания, в том числе уже завоевавший хорошую репутацию журнал по проблемам истории семьи «Джорнел оф фэмили хистори». Возникли многочисленные общества и ассоциации, объединяющие женщин-историков или же специалистов по истории женщин. Примечательно, что две последние категории фактически совпадают, т. е. история женщин является почти исключительно сферой интересов и областью специализации историков-женщин. Это обстоятельство приводит в последнее время к «геттоизации» научного и преподавательского труда женщин-историков. Администрация высших учебных заведений смотрит при найме на работу на женщин-историков преимущественно как на тех, кто должен преподавать курсы по истории женщин, которые в большом числе стали возникать в учебных программах исторических факультетов.

Нельзя не отметить, что интенсивные исследования в области истории женщин, авторами которых выступают, как правило, сами женщины, носят «самоутешительный» характер, ибо процесс пересмотра общепринятых трактовок, содержания обзорных курсов и учебных текстов по истории идет очень медленно. Один из немногих специалистов-мужчин в данной области, бывший президент ОАИ профессор К. Деглер, писал в этой связи: «Мы все еще должны признать, что ни история женщин, ни история семьи не добились особых успехов в том, чтобы быть интегрированными в общую историю... Задача сейчас в том, чтобы переосмыслить нашу концепцию прошлого так, чтобы женщины и семья неотъемлемо включались в процесс преподавания и изучения истории»⁴⁸.

⁴⁷ OAH Newsletter, 1982, Jan., vol. 10, N 1, p. 19.

⁴⁸ The Past Before US, p. 326.

В марте 1980 г. в г. Блумингтоне под эгидой ОАИ прошла конференция по вопросу о внедрении в общие исторические курсы материалов по истории женщин. Участницы этой конференции, на которой была сделана попытка выработать конкретные рекомендации преподавателям колледжей и школ, отмечали также, что проблема не в том, чтобы просто упомянуть некоторое количество женских имен при чтении курса, а в том, чтобы заново осмыслить подход к истории западной цивилизации и к национальной истории Соединенных Штатов. «Включить в общее повествование историю женщин — это значит говорить не только о великих, но и о простых людях, не ограничиваться абстракциями о 200 миллионах людей, а проникнуть в содержание и смысл народной жизни»⁴⁹.

Не менее, а даже более сложным оказался вопрос устранения дискриминации в отношении женщин-историков внутри самой профессии. В ответ на петиции и требования две ведущие организации историков — АИА и ОАИ — учредили в 1970 г. постоянные комиссии по проблемам представительства женщин в исторической профессии. В том же году в Нью-Йорке был основан Координационный комитет женщин в исторической профессии, имевший одной из своих целей организацию конференций по истории женщин и научных заседаний в программах ежегодных съездов двух ведущих ассоциаций.

В ноябре 1970 г. комиссия АИА представила предварительный доклад, который после его одобрения стал официальным документом ассоциации по данному вопросу. В докладе содержался призыв к руководству АИА принять «решительные меры по устранению существующей несправедливости и установлению подлинного равенства для женщин-историков»⁵⁰. Комиссия рекомендовала АИА выразить свое официальное неодобрение дискриминации женщин в вопросах приема в аспирантуру, предоставления субсидий и ученых степеней, найма на работу, оплаты и условий труда, продвижения по службе. АИА должна была взять на себя обязательство активно действовать в направлении увеличения числа женщин среди профессиональных историков, более широкого вовлечения женщин в деятельность ассоциации, содействия их научной и преподавательской карьере, увеличения представительства в Исполнительном совете и постоянных комиссиях ассоциации, в программах ее ежегод-

⁴⁹ OAH Newsletter, 1980, Oct., vol. 8, N 2, p. 4.

⁵⁰ Report of the Committee on the Status of Women in the Historical Profession. AHA, 1970, p. 1.

ных съездов. На основе этого доклада в декабре 1970 г. съезд АИА принял соответствующие резолюции по вопросу обеспечения равенства женщин в профессии⁵¹.

Еще раньше, в апреле 1970 г., на съезде в Лос-Анджелесе аналогичные резолюции приняла ОАИ. В этих резолюциях было записано, что организация должна обеспечивать равное представительство женщин-историков на назначаемых и избираемых должностях, в составах комитетов и комиссий, в программах ежегодных съездов и во всех других формах своей деятельности. ОАИ объявила об открытой оппозиции дискриминации женщин в вопросах найма, финансовых субсидий, присуждения степеней, продвижения по службе, оплаты и условий труда и о создании при организации постоянной комиссии по положению женщин в исторической профессии⁵².

По примеру общенациональных возникли многочисленные комитеты и комиссии по положению женщин при исторических обществах штатов, других региональных и отраслевых научных ассоциациях. Во второй половине 70-х годов роль лидера и координатора действий в феминистском движении взяла на себя комиссия при ОАИ под энергичным председательством доктора Дианы Кемпбелл — декана факультета «женских исследований» (это обозначение всего комплекса междисциплинарных исследований по проблемам женщин) Индианского университета. В 1979 г. эта комиссия организовала общенациональную конференцию женских комитетов и организаций в области гуманитарных и социальных наук. 125 участниц конференции представляли 70 профессиональных ассоциаций, 9 частных и правительственных организаций и 46 отдельных женских групп. На конференции была учреждена коалиция женщин в гуманитарных и социальных науках⁵³.

Отражением растущей активности и общественной сознательности женщин-историков стало их участие в общенациональном движении за права американских женщин. С середины 70-х годов в США развернулась борьба за принятие 27-й поправки к федеральной конституции, так называемой поправки о равных правах, которая гласит: «Равенство прав по закону не должно отрицаться или ущемляться Соединенными Штатами или каким-либо штатом на основе раз-

⁵¹ АНА Newsletter, 1971, Mar., vol. 9, N 2, p. 25—27.

⁵² OAH Business Meeting Minutes, 1970, April 17.— OAH Office in Bloomington (Ind.).

⁵³ Committee on the Status of Women. 1978—79. Report to the OAH Executive Board.— OAH Office in Bloomington (Ind.).

личия пола». Для того чтобы эта поправка стала законом, была необходима ее ратификация legislaturesми 38 штатов. Усилиями женских организаций, демократической общест-венности США к 1978 г. удалось добиться ратификации по-правки 35 штатами. Преградой на пути новой конституци-онной поправки стали 15 штатов Юга и Запада — оплот америкапского консерватизма и реакции. В октябре 1978 г. под давлением общественности президент Картер продлил на три года (до 30 июня 1982 г.) срок для ратификации поправки штатами, прежде чем окончательно должна будет решиться ее судьба.

Все эти годы феминистские организации вели упорную, полную драматизма борьбу за ратификацию поправки о рав-ных правах. Женские организации историков приняли в ней самое активное участие, справедливо рассматривая эту борь-бу как необходимое условие достижения собственных целей. В частности, был поддержан метод бойкота тех 15 штатов, которые не ратифицировали поправку, отказа от проведения в них съездов и конференций научных ассоциаций. Такая тактика должна была оказать давление на деловые круги штатов, прежде всего владельцев отелей, которые могли по-нести крупные убытки от несостоявшихся собраний.

Координационный комитет по проблемам женщин в исто-рической профессии обратился к руководству исторических ассоциаций с просьбой поддержать тактику бойкота. Испол-нительный секретарь комитета Дж. Белл писала исполни-тельному секретарю ОАИ Р. Киркендейлу: «Я прошу Вас отнестись благоприятно к петициям, которые Вы получаете в поддержку бойкота штатов, еще не ратифицировавших федеральную поправку о равных правах. Как Вы знаете, этот вопрос будет на голосовании исполнительного совета ОАИ в ноябре. Ваша поддержка, несомненно, поможет при-нятию такой резолюции. Отказ проводить будущие ежегод-ные съезды в 15 штатах, которые не ратифицировали по-правку, поставит ОАИ в длинный и почетный ряд органи-заций, борющихся за правое дело. Угроза потерять доллары за съезды, возможно, выглядит немного грубым методом, но, учитывая нажим, применяемый противниками поправки, экономические санкции могут быть единственным сигналом, к которому могут прислушаться legislatures штатов...»⁵⁴.

Реакция руководства ассоциаций была неоднозначной, прежде всего из-за боязни быть втянутыми в политическую борьбу, чего, как правило, научные общества стараются из-

⁵⁴ J. Bell — R. Kirkendall, 25 Sept. 1977.— Ibid.

бегать. В письме председателю комиссии по статусу женщин при ОАИ президент организации профессор Кеннет Стэмп высказал следующую точку зрения: «Я убежденный сторонник поправки, и меня пугает, что некоторые штаты отказались ее ратифицировать. Хотя вопрос о поправке — это моральная проблема первостепенной важности, это также и политический вопрос. Поэтому я сомневаюсь, стоит ли ОАИ начинать действовать в качестве группы политического давления. Должны ли мы в таком случае бойкотировать штаты, которые отказываются предоставить равные права гомосексуалистам, или штаты, которые де-факто терпят расовую сегрегацию в своих публичных школах?»⁵⁵

Аналогичные сомнения насчет целесообразности выходить в своей деятельности за строгие рамки профессиональных вопросов и становиться «активистской организацией, которой до всего дело, начиная от бедственного положения черных в Южной Африке до защиты детенышей котиков на Ньюфаундленде», были высказаны президентом ОАИ профессором Франком Фриделом⁵⁶. Позднее президент изменил свою позицию в пользу сторонников женского равноправия.

На заседании исполкома ОАИ в ноябре 1977 г. Д. Кемпбелл от имени комиссии по статусу женщин в исторической профессии предложила, чтобы руководство организации оказало практическую поддержку борьбе за женское равноправие, а именно: больше не планировало проведение съездов в штатах, не ратифицировавших поправку о равных правах.

Несмотря на разногласия в руководстве ОАИ, более 200 писем-петиций от членов организации сделали свое дело и исполком одобрил тактику бойкота. Голосование по принятой резолюции: 9 — за, 4 — против и 1 — воздержался⁵⁷. Это решение не касалось уже достигнутой договоренности о проведении очередного съезда в Новом Орлеане (Луизиана), но приглашения на проведение будущих съездов, поступившие из Аризоны и Флориды, были отклонены.

Многие рядовые члены организации высказали полное одобрение позиции руководства. «Цель моего письма — выразить благодарность Совету Организации американских историков за поддержку бойкота Национальной организацией женщин штатов, которые не ратифицировали поправку о равных правах... Я хочу, чтобы Вы знали, что в нашей стране много историков — мужчин и женщин, — кто доволен

⁵⁵ K. Stamp — R. Kirkendall, 20 July 1977.— Ibid.

⁵⁶ F. Friedel — R. Kirkendall, 20 July 1977.— Ibid.

⁵⁷ OAH Newsletter, 1978, Jan., vol. 5, N 2, p. 5.

и горд, что одна из наших профессиональных организаций осознала всю важность этого вопроса. В отличие от тех, кто опасается, что Ваше решение является „политизацией“ профессии, я твердо убеждена, что молчание по вопросу простой справедливости является также завуалированной позицией политического характера. Еще раз примите мою благодарность»⁵⁸ — такое письмо, например, направила профессор С. Купер на имя президента ОАИ.

Многие историки выразили одобрение решению стать членом ОАИ. Один из редакторов бумаг Бенджамина Франклина, К. Прелинжер, направила президенту ОАИ следующее письмо: «Я пишу Вам, чтобы сообщить о решении вступить в ОАИ как выражении моей поддержки позиции организации в отношении поправки о равных правах... Как женщина, посвятившая всю взрослую жизнь профессии историка, я буду счастлива находиться среди тех, кто своими действиями в данной ситуации признал необходимость защиты прав женщин»⁵⁹.

Однако в штаб-квартиру ОАИ пришли письма и другого рода. Некоторые историки выразили несогласие с решением руководства. «Организация американских историков этой и другими своими акциями показала, что она перестала быть просто организацией историков. ОАИ стала группой политического давления и больше не заслуживает поддержки серьезных историков», — заявил один из профессоров, решив прекратить членство в организации⁶⁰.

Следует отметить, что некоторая доля настороженности к действиям феминисток среди историков была вызвана их собственным поведением. Во-первых, Д. Кемпбелл и ее сторонники предложили, чтобы такие организации, как ОАИ и АИА, взяли на себя роль лидеров в женском движении в стране, что, конечно, выходило за рамки деятельности этих ассоциаций. Во-вторых, методы достижения целей у женских активисток также иногда отличались некорректностью и голым практицизмом. На заседании исполкома ОАИ в ноябре 1978 г. профессор А. Хайндинг обратилась с жалобой на то, что представители женской комиссии ведут себя нетерпимо по отношению к инакомыслящим коллегам по профессии. Например, Кемпбелл сказала ей, что «она была избрана в состав исполкома женщинами ОАИ и должна под-

⁵⁸ S. Cooper — K. Stampp, 6 Mar. 1978.— OAH Office in Bloomington (Ind.).

⁵⁹ K. Prelinger — K. Stampp, 22 Mar. 1978.— Ibid.

⁶⁰ L. Born — R. Kirkendall, 20 Febr. 1978; R. Berthoffer — R. Kirkendall, 4 Mar. 1979.— Ibid.

чиняться их желаниям и больше никогда не позволять себе с ними не соглашаться»⁶¹.

Опасения столкнуться с подобного рода ситуацией, видимо, повлияли на позицию более осторожного и консервативного руководства АИА по вопросу о бойкоте, несмотря на то что 600 членов ассоциации подписали петиции с требованием присоединиться к 70 другим профессиональным обществам США, которые уже приняли решения не проводить своих съездов в 15 штатах. Данная петиция была представлена совету АИА в декабре 1977 г., но последний решил провести по почте голосование по данному вопросу среди членов ассоциации. Результаты опроса были: 798 за и 709 против бойкота. И все же в марте 1978 г. совет АИА проголосовал за то, чтобы отложить принятие резолюции по данному вопросу.

Позиция руководства вызвала возмущение среди женских организаций: Координационный комитет по проблемам женщин обратился с призывом к членам АИА не платить ежегодные членские взносы, чтобы оказать давление на руководство ассоциации, а также потребовал отставки некоторых руководящих деятелей со своих постов. Следует отметить, что этот призыв действительно сказался на сокращении численности АИА: за один год ассоциация потеряла 582 члена. По некоторым сведениям, негибкая политика по вопросу о положении женщин в профессии послужила в конечном итоге одной из причин ухода доктора М. Томсона с поста исполнительного директора АИА. В конечном итоге руководство АИА осталось в стороне от бурных общенациональных дебатов по вопросу обеспечения равноправия женщин в стране.

Более десяти лет феминистское движение в среде американских историков боролось за достижение своих целей. Женские комитеты проводили обследования, слушания, выступали с петициями, показаниями, регистрировали случаи открытой дискриминации и нарушения прав женщин, преследовали усилия по уменьшению безработицы среди своих коллег. Все это дало определенные позитивные результаты, которые в конце 70-х годов нельзя было не заметить.

Во-первых, в общем росте численности историков высшей квалификации, имевшем место на протяжении последнего десятилетия, доля докторов-женщин заметно выросла, и последние составляют в настоящее время уже довольно многочисленный отряд исторических кадров высшей квали-

⁶¹ OAH Executive Board Meeting Minutes, 8 Nov. 1978, p. 16—17.— Ibid.

фикации (около 3 тыс.). Во-вторых, администрация университетов и другие работодатели стали чаще обращаться к услугам женского труда. В 1980 г. среди вновь принятых на работу женщины составили 25% в сравнении с 10% в 1968 г. В-третьих, заметно увеличилось участие женщин в ежегодных конгрессах исторических ассоциаций, особенно ОАИ, руководство которой наиболее энергично поддерживает феминисток.

Год	Председатели заседаний		Докладчики		Комментаторы		Всего	
	число	%	число	%	число	%	число	%
1975	17	21	34	30	21	16	77	19
1976	22	19	41	18	18	14	81	17
1977	16	18	32	17	19	14	67	16
1978	15	10	73	21	37	14	125	16
1979	53	29	120	28	77	25	250	27
1980	45	22	102	30	66	28	213	29
1975—1980	168	23,8	402	26,8	238	22,2	813	24,8

Составлено на основе данных программ съездов ОАИ.

На ежегодном съезде ОАИ 1982 г. женщины составили уже 34% его участников. Что касается АИА, то на ее последних съездах также 15—18% участников были женщины.

В последние годы имело место явное увеличение представительства женщин в руководящих органах исторических ассоциаций. В 1980 г. женщины составили 30% среди избранных на различные руководящие должности в АИА и около 30% вновь вступивших в ассоциацию. В ОАИ еще в 1972 г. две женщины были избраны в состав руководства и одна — в состав редколлегии «Джорнел оф америкен хистори». Среди членов Исполнительного совета, избранных в 1980 г., женщины составили 23 и 25% новых членов организации⁶². Примечательным фактом стало избрание в 1981 г. президентом ОАИ профессора Герды Лернер и исполнительным секретарем организации доктора Джоан Хофф-Уилсон. В 1983 г. президентом снова была избрана женщина — профессор Энн Скотт. Однако за этими позитивными переменами скрывается неравенство в других, пожалуй самых главных, областях, а общий прогресс оказался гораздо более медленным в сравнении с затраченными усилиями.

⁶² OAH Newsletter, 1981, Oct., vol. 9, N 3, p. 10.

Прежде всего фактически мало что изменилось в области занятости женщин-историков. Проделанный нами анализ профессорско-преподавательского состава исторических факультетов тех же десяти ведущих университетов на 1979/80 учебный год выявил следующую картину:

Университет	Профессор		Доцент		Ассистент		Общее число	
	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м
Калифорнийский	1	42	3	4	1	2	5	48
Чикагский	1	26	2	10	0	6	3	34
Колумбийский	1	44	1	8	2	5	4	57
Корнельский	0	10	1	10	1	5	2	25
Гарвардский	0	28	0	2	2	9	2	39
Мичиганский	1	31	1	7	1	10	3	48
Принстонский	1	18	1	5	2	9	4	32
Стэнфордский	0	12	1	12	2	5	3	27
Висконсинский	0	36	1	7	0	5	1	47
Йельский	0	27	2	6	7	25	9	58
<i>Всего</i>	<i>5</i>	<i>273</i>	<i>13</i>	<i>61</i>	<i>18</i>	<i>81</i>	<i>36</i>	<i>415</i>

Из приведенных данных хорошо видно, что женщины по-прежнему сохраняют маргинальные позиции среди академической профессуры, особенно если речь идет о наиболее престижных университетах и наиболее высокооплачиваемых должностях. Составляя ныне около 15% всех академических историков США, женщины имеют всего 8,7% мест (должностей) профессорско-преподавательского состава исторических факультетов десяти крупнейших университетов. Но и здесь неравное представительство усугубляется тем, что и без того малое число женщин занимают низшие должности ассистентов (22,2%), а должности полных профессоров по-прежнему фактически им недоступны (1,5%). Пять из десяти университетов остаются «неприступными» в вопросе допущения женщин в ранг полной профессуры.

Исключительно низким остается, например, представительство женщин среди профессорско-преподавательского состава Гарвардского университета, где они фактически не допускаются к преподаванию. В 1969 г. из 731 назначения на постоянные должности профессоров было только 11 женщин. В Чикагском университете из 1189 постоянных профессоров-преподавателей женщин было 87 человек,

т. е. 7% ⁶³. Создается впечатление, что администрация факультетов предприняла некоторые косметические меры по части представительства женщин-историков среди преподавателей и сочла это более чем достаточным.

Но может быть положение женщин-историков в сфере высшей школы лучше в рядовых учебных заведениях? Мы располагаем годовым (1980 г.) отчетом комиссии по статусу женщин при Академии истории штата Огайо (обычное почти для всех американских штатов региональное объединение историков). Женщины составляют около 18% преподавателей колледжей этого штата. На протяжении последних лет доля занимаемых ими профессорских должностей остается примерно на одном — и довольно низком — уровне: 6,5% полных профессоров и 11,5% доцентов. Только на уровне ассистентов с 1975 г. имел место заметный рост — с 15 до 44%. Женщины занимают 9,4% постоянных и 42% временных должностей ⁶⁴.

По данным Национального исследовательского совета распределение докторов-историков по должностям в зависимости от пола выглядело в 1977 г. следующим образом в целом по стране (%):

Пол	Профессора	Доценты	Ассистенты	Лаборанты	Нет данных
Мужчины	44,2	31,0	17,5	3,1	4,4
Женщины	22,1	28,9	28,8	14,1	3,2

Источник: *Employment of Humanities Ph. D's*, Wash., 1980, p. 44.

Наиболее болезненной проблемой для женщин-докторов, особенно молодых, только что получивших степень, остается проблема трудоустройства. Так, из получивших в 1977 г. докторскую степень 216 женщин-историков не имели постоянной работы 85. В целом по профессии около 25% женщин-историков не имеют полной занятости ⁶⁵. Кстати, такова ситуация и по другим гуманитарным дисциплинам. Хотя женщины в 1977 г. составили менее 1/4 всех докторов-гуманитариев, почти половина из 2 тыс. безработных докторов наук были женщины ⁶⁶.

⁶³ *Bynum C. W., Martin J. M. The Sad Status of Women Teaching at Harvard.*— *Radcliffe Quarterly*, 1970, vol. 54. N 2, p. 12—15; *University Women*. Prepared for the Committee of the University Senate, University of Chicago. Chicago, 1970.

⁶⁴ Report of the Committee on the Status of Women to the Ohio Academy of History. April 1980, p. 1—2.

⁶⁵ OAH Newsletter, 1981, July, vol. 9, N 2, p. 23.

⁶⁶ *Employment of the Humanities Ph. D's...*, p. XI.

Более сложной и не столь легко различимой является дискриминация внутри отдельных женских групп. Среди женщин-историков явно не полностью представлены афроамериканки, женщины испанского происхождения или других этнических групп. Предпринятый Национальным исследовательским советом в 1977 г. обзор 1600 женщин — докторов по истории, работающих в колледжах и университетах, смог обнаружить только 36 женщин-негритянок, 38 — азиатского происхождения, 11 — испанского. Ни одна женщина-испаноамериканка (чиканос) с докторской степенью не занимала должности выше ассистента⁶⁷.

Выступая на очередной Беркширской конференции 1981 г. один из лидеров феминистского движения, помощник проректора Калифорнийского университета в Нортридже историк Ширлен Сото, заявила, что, несмотря на все усилия организованного движения, в системе высшего образования «перемены минимальные и лишены реальной значимости». Движение за равноправие женщин не всегда учитывает особенно неблагоприятное положение женщин из числа национальных меньшинств и их особые нужды. «Когда мы призываем к освобождению, мы должны, как это делают, например, социалисты, вкладывать в это тот смысл, что освобождение должно быть освобождением всех людей и распространяться на женщин из этнических меньшинств»⁶⁸.

В одном из последних выступлений в 1982 г., основываясь на личном опыте женщины-испаноамериканки, Ш. Сото заявила: «Несмотря на то что в США всего пять женщин-чиканос с докторскими степенями по истории, два года назад я решила перейти с преподавательской на административную работу. Главная причина моего решения покинуть учебную аудиторию заключалась в том, что ведущие исторические факультеты не идут на перемены в вопросах статуса женщин и меньшинств. Когда я боролась за то, чтобы образовательная система лучше учитывала интересы американцев мексиканского происхождения, к моим взглядам и действиям относились негативно, сфера моих научных интересов (история Мексики и история женщин-мексиканок) рассматривалась как „детская забава“, и мно-

⁶⁷ OAH Newsletter, 1981, Oct., vol. 9, N 3, p. 10.

⁶⁸ Soto S. Toward Sisterhood? Problems and Goals, p. 5—6.— Приложение к письму Ш. Сото В. А. Тишкову от 19 окт. 1982 г.— Архив автора.

гие коллеги-мужчины, а иногда и женщины относились ко мне скептически»⁶⁹.

Дискриминация американских женщин-историков проявляется и в оплате труда. По данным АИА (1979 г.) мужчины-профессора в среднем получают на 3 тыс. долл. в год больше, чем их коллеги-женщины. Мы располагаем также результатами обследования Национальным исследовательским советом оплаты труда историков в 1977 г. по полу и возрасту (долл. в год):

Возраст, лет	Мужчины	Женщины	Возраст, лет	Мужчины	Женщины
30—34	17 000	15 800	40—44	21 400	19 100
35—39	19 500	18 800	45—49	26 600	21 700

Источник: National Research Council, 1977. Profile: Science, Engineering, and Humanities Doctorates in the United States. Wash., 1978.

Оценивая ситуацию по вопросам изучения места и роли женщин в американской истории и их статуса в среде американских историков в целом (эти две проблемы, несмотря на их различный характер, оказались тесно взаимосвязанными), следует отметить прежде всего существенный сдвиг, который произошел за последние 10—15 лет в американской исторической науке в области изучения длительно игнорировавшихся сюжетов. Отныне история женщин в США стала одним из наиболее популярных и активно разрабатываемых направлений в историографии.

Хотя процесс переосмысления устоявшихся трактовок отечественной истории с учетом достижений этого направления еще далек от своей реализации, усилия исследователей оказали существенное влияние на общественный климат в стране по женскому вопросу, способствовали общенациональному движению американских женщин за равноправие. Отражением такой перемены в американском обществе стали решение конгресса США в июле 1981 г. и подписанный на его основе президентом закон, установивший с 7 марта 1982 г. ежегодно отмечаемую Национальную неделю истории женщин. Инициаторами такого празднования, приуроченного к Международному женскому дню 8 Марта, выступили феминистские организации историков, получившие затем широкую общественную поддержку. В резолюции конгресса признается, что «роль американских женщин в

⁶⁹ Soto S. Chicanas in Higher Education: An Analysis.— Там же.

трактовке американской истории постоянно игнорировалась и недооценивалась»⁷⁰.

Однако если научные исследования, общественная деятельность женщин-историков нашли определенное признание в стране, то внутри самой профессии улучшение статуса последних столкнулось с существующей в американском обществе системой дискриминации женщин в вопросах найма и оплаты труда. Исключением в данном случае не стала и сфера научного и преподавательского труда. Несмотря на значительное увеличение численности профессиональных историков-женщин, их реальное положение остается приниженным. Медленный прогресс в данной области объясняется не столько морально-психологической природой данной проблемы (стереотипы в отношении способностей женщин и их места в самодеятельном труде), сколько социальными и экономическими факторами. Система частного предпринимательства, построенная на предельной эксплуатации человеческого труда, постоянно растущие в последние годы безработица и инфляция, сокращение ассигнований на социальные нужды трудящихся, на развитие науки и образования в пользу гонки вооружений, возрождение ультраконсерватизма и патриархальных ценностей фактически делают невозможными осуществление в современной Америке системы реальных равных возможностей и гарантий соблюдения прав для трудящихся женщин, в том числе в сфере исторической профессии.

⁷⁰ OAH Newsletter, 1981, Oct., vol. 9, N 3, p. 16.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ БАЗА
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

С точки зрения поиска, обработки и использования первоисточников историческую науку в США в целом отличает достаточно высокий профессиональный уровень. Американские историки располагают необычайно обширной и разнообразной источниковой базой. Ее основу составляют материалы архивохранилищ, а также рукописные коллекции и материалы, находящиеся в распоряжении различных организаций и частных лиц. К разряду базовых источников следует также отнести большое число документальных публикаций, а также активно создаваемые в последнее время собрания микрокопированных материалов, коллекции так называемой устной истории (записей интервью) и банки данных, представляющих собой обработанные для прочтения на ЭВМ массовые источники исторического характера.

При рассмотрении вопроса о документальной базе американской исторической науки необходимо учитывать некоторые исторические особенности, наложившие отпечаток на организацию архивного дела и документоведения в США. Прежде всего в этой стране до сих пор отсутствует единая система комплектования и хранения документов и далеко не все государственные учреждения, особенно местные органы управления, а также частные учреждения и организации несут ответственность за сохранность создаваемой ими документации. До создания государственных архивов выполнившие свое непосредственное предназначение документы уничтожались или оседали в библиотеках, музеях и исторических обществах, в архивах компаний, учреждений и организаций.

Кроме того, на формирование документальной базы и архивное дело оказала влияние давняя традиция частных и публичных библиотек заниматься собиранием «рукописных коллекций», которые в этом случае рассматриваются как часть библиотечных фондов. До сих пор принципы и техника библиотечной классификации и каталогизации таких

трактовке американской истории постоянно игнорировалась и недооценивалась»⁷⁰.

Однако если научные исследования, общественная деятельность женщин-историков нашли определенное признание в стране, то внутри самой профессии улучшение статуса последних столкнулось с существующей в американском обществе системой дискриминации женщин в вопросах найма и оплаты труда. Исключением в данном случае не стала и сфера научного и преподавательского труда. Несмотря на значительное увеличение численности профессиональных историков-женщин, их реальное положение остается приниженным. Медленный прогресс в данной области объясняется не столько морально-психологической природой данной проблемы (стереотипы в отношении способностей женщин и их места в самостоятельном труде), сколько социальными и экономическими факторами. Система частного предпринимательства, построенная на предельной эксплуатации человеческого труда, постоянно растущие в последние годы безработица и инфляция, сокращение ассигнований на социальные нужды трудящихся, на развитие науки и образования в пользу гонки вооружений, возрождение ультраконсерватизма и патриархальных ценностей фактически делают невозможным осуществление в современной Америке системы реальных равных возможностей и гарантий соблюдения прав для трудящихся женщин, в том числе в сфере исторической профессии.

⁷⁰ OAH Newsletter, 1981, Oct., vol. 9, N 3, p. 16.

пального архива всех вышедших из текущего употребления правительственных документов, которые по причине своей практической или исторической ценности должны быть сохранены на долгий срок или вечно», а также «управление этими материалами для облегчения их использования для практических и научных целей»⁵. Получив в 1935 г. специально построенное и хорошо оборудованное здание в самом центре Вашингтона, Национальный архив принял на хранение большую часть документации из федеральных ведомств. К концу 40-х годов Национальный архив сконцентрировал в своем ведении весь основной фонд архивной документации общенационального значения.

В конце 40-х годов после обследования комиссией Гувера работы всего государственного аппарата было принято решение о передаче вопросов делопроизводства и архивного дела в федеральном правительстве под контроль вновь создаваемого федерального Управления служб общего пользования. Включение Национального архива в разряд административно-хозяйственных служб означало утрату им самостоятельности и статуса научного учреждения. В 50—60-е годы был принят ряд федеральных законов, которыми окончательно было оформлено существование Службы национальных архивов и документации.

Современная федеральная архивная служба представляет собой довольно сложный комплекс учреждений, отделов и подразделений. Во главе ее стоит архивист США, который непосредственно подчиняется главе Управления служб общего пользования — администратору США. Архивист США является председателем Консультативного архивного совета, оказывающего помощь архивным службам в улучшении обслуживания исследователей и научной обработке документации. В совет входят представители профессиональных организаций в области общественных наук, прежде всего историки, а также представители общественности. Архивист является также председателем Административного комитета по публикации правительственных актов. Он направляет и координирует всю деятельность Национального архива. Находящиеся в его непосредственном подчинении сотрудники, составляя самостоятельное подразделение — Отдел архивиста США, ведут некоторые научные изыскания, а также просветительскую работу, готовят информацию о новых поступлениях в архив.

⁵ Third Annual Report of the Archivist of United States. Wash., 1937, App. 1.

На правах отдела архивной службы действует и собственно Национальный архив США, который является основным хранилищем документов, имеющих «постоянную ценность и исторический интерес». В настоящий момент архив располагает документами со времен войны за независимость североамериканских колоний до 70-х годов текущего столетия. Здесь сосредоточены материалы учреждений и служб федерального правительства, а также некоторые другие документы. В особую группу выделены правительственные материалы общего характера. Это главным образом документы законодательных органов и госдепартамента. Они касаются Конституции США и поправок к ней, истории выработки и принятия законов и договоров, территориальных вопросов и т. п. Здесь хранятся подлинники международных договоров, президентские распоряжения и указы, а также материалы палат и комиссий конгресса США, судебных органов, Белого дома, некоторые президентские бумаги по вопросам бюджета, планирования, статистики.

В Национальном архиве хранятся и документы органов исполнительной власти, в том числе министерств внутренних дел, сельского хозяйства, труда, финансов, почт и т. п. Документы по истории внешних сношений США представлены материалами, переданными госдепартаментом. Это прежде всего дипломатическая переписка, материалы миссий и консульств.

Информация об основных фондах содержится в путеводителе по архиву⁶, а сведения о новых поступлениях сообщаются в периодическом (три раза в год) издании архива «Пролог». Исследователи могут пользоваться предварительными описями материалов и опубликованными тематическими указателями⁷.

В послевоенные годы перед американскими архивистами остро встала проблема хранения быстро растущей правительственной информации. В конце 40-х годов хранение в стране федеральных документов обходилось в 1,2 млрд. долл. в год. К середине 50-х годов объем документации превысил 30 млн. куб. футов. А в 60—70-е годы федеральное правительство производило ежегодно столько

⁶ Guide to the National Archives of the United States. Wash., 1974.

⁷ См., например: Guide to Federal Archives Relating to the Civil War. Wash., 1962; Guide to the Archives of the Government of the Confederate States of America. Wash., 1968; Materials in the National Archives of the United States Relating to the Independence of Latin American Nations. Wash., 1968; Guide to Federal Archives Relating to Africa. Wash., 1977.

документации, что ею можно было наполнить семь таких зданий, как Национальный архив. Лишь самая малая часть этих материалов достойна хранения.

Одной из мер в решении проблемы хранения стало создание федеральных центров документации и региональных отделений Национального архива. Первый такой центр был создан в 1950 г. в Нью-Йорке, и к настоящему времени имеется 12 федеральных центров документации, при которых действуют региональные отделения архива. Большинство документов федеральных центров документации не имеют архивной ценности, лишь часть их рассчитана на длительное хранение, остальные документы уничтожаются.

В Национальный архив теперь поступают только документы, имеющие бесспорную историческую ценность. И тем не менее объем хранимой им документации непрерывно возрастает: в 1940 г. — 250 тыс. куб. футов, в 1960 г. — 912 тыс. и в 1980 г. — 1340 тыс. куб. футов документации. В то же время бюджет архива за последние 10 лет увеличился незначительно, а администрация Рейгана сократила с весны 1982 г. бюджет государственной службы на $\frac{1}{3}$. Это привело к ограничению деятельности Национального архива и сокращению штатов архивистов. Так, например, резко уменьшилось число сотрудников, занятых рассекречиванием документов: в 1981 г. было уволено 25 человек, в 1982 и 1983 гг. — еще по 10 человек. В целом от 100 человек осталось 20, которые заняты просмотром 6700 коробок документов госдепартамента за 1950—1954 гг. Для этой работы им потребуется не менее 15 лет, что неминуемо отодвинет дату доступа историков к этим документам (официально установленный срок — 30 лет)⁸.

Единой системы архивного дела в штатах не существует. Во многих штатах имеются самостоятельные историко-архивные управления, чаще всего называемые департаментами архивов и истории. В семи штатах ответственность за архивную документацию возложена на исторические общества, которые в данном случае являются частично или полностью государственными ведомствами. В трех штатах архивные функции переданы так называемым историческим комиссиям. Есть штаты, где ответственность за архивные документы возлагается на секретаря штата или же на библиотеку штата⁹.

⁸ ОАН Newsletter, 1982, Jan., vol. 10, N 1, p. 20.

⁹ См. подробнее: Posner E. American State Archives. Chicago, 1965. Список архивных учреждений штатов см.: Harvard's Guide to American History / Ed. by F. Freidel. Cambridge (Mass.), 1974, p. 98—100.

Очень различны и полномочия архивов штатов. Лишь немногие архивы имеют право хранить в своих фондах документы всех отделений местных органов управления. Одни архивные учреждения могут разрешать уничтожение документов, другие никакими правами в этом отношении не обладают; одни осуществляют контроль за архивными материалами частных учреждений и организаций и документами личного происхождения, имеющими архивную ценность, другие этого не делают. По данным архивиста США Д. Роудса (он занимал этот пост с 1968 по 1979 г.), в 33 штатах архивные учреждения несут некоторую ответственность за организацию работы с документами, в остальных она возложена на различные органы управления штата. Число служащих в архивных учреждениях крайне незначительно: не более десяти человек, а в некоторых штатах два-три человека¹⁰.

В 60—70-е годы во многих американских штатах были осуществлены некоторые меры по улучшению организации архивного дела. Во-первых, почти во всех штатах были приняты соответствующие законодательные акты, отражающие современные тенденции в архивном деле США и стремление к единообразию в организации архивных служб. Во-вторых, в ряде штатов (Мэриленд, Иллинойс, Джорджия, Нью-Джерси, Пенсильвания и др.) были построены новые здания архивов или же им предоставлены более пригодные помещения в административных зданиях, зданиях департаментов архивов и истории или библиотеках. В-третьих, отдельные штаты создали центры документации по примеру федерального правительства. Наконец, установились более тесные профессиональные связи между архивистами штатов и Национальным архивом. Этому в значительной мере способствовала деятельность Общества американских архивистов (ОАА) и его органа «Американ архивист».

Все эти перемены позитивно сказались на возможности вести исследовательскую работу в архивах штатов. Были введены в научный оборот богатые материалы, в том числе по самым ранним периодам американской истории, поскольку архивные документы в штатах часто оказывались гораздо старше документов федерального правительства.

Гораздо хуже обстоит дело с архивами муниципального уровня — городов, поселков, графств. Только архивы больших городов имеют достаточно хорошо организованную си-

¹⁰ Rhoads J. B. Op. cit.

стему хранения документов. В Филадельфии, где существует ведомство по управлению документацией и архивами, опубликован путеводитель по фондам муниципальных документов. На основе богатых материалов цензов, налоговых документов, выборов и других источников городского архива и при финансовой поддержке муниципалитета в городе с 1971 г. действует научно-исследовательский центр междисциплинарного изучения Филадельфии¹¹. В Нью-Йорке, Балтиморе, Лос-Анджелесе ведомства по управлению документацией и архивами обращают особое внимание на деятельность центров документации. В ряде городов и поселков архивные материалы хранятся непосредственно в учреждениях, в специальных приемниках или в местных библиотеках. Иногда документы приобретаются местными историческими обществами.

В систему государственной архивной службы входят президентские библиотеки. Это специально сооружаемые библиотеки-мемориалы, в которых хранятся бумаги ряда последних президентов США и их ближайших помощников. Родоначальником и прообразом всех последующих библиотек послужила библиотека Франклина Рузвельта в Гайдпарке, в создании которой активное личное участие принимал сам президент. Сейчас таких библиотек в Соединенных Штатах шесть: Герберта Гувера, Франклина Рузвельта, Гарри Трумэна, Дуайта Эйзенхауэра, Джона Кеннеди и Линдона Джонсона. Деятельность этих институтов регулируется законом о президентских библиотеках 1955 г.

В последние годы вопрос о президентских библиотеках усиленно дебатруется среди архивистов и историков. Толчком к этому послужили попытки бывшего президента Никсона основать библиотеку своего имени. Первоначально Никсон намеревался осуществить свой замысел на базе университета Южной Калифорнии, но затем близкий к Никсону человек, миллионер Уолтер Анненберг, предложил собрать деньги для строительства библиотеки на восточном побережье страны. В 1980 г. администрация Дьюкского университета, где Никсон получил в 1937 г. диплом юриста, начала негласные переговоры по этому вопросу. В сентябре 1981 г. совет попечителей университета проголосовал за строительство библиотеки-мемориала. Это решение вызвало сильную оппозицию среди преподавателей и студентов университета. Декан исторического факультета Энн Скотт заявила следующее: «Вести борьбу против предложения гото-

¹¹ О нем см. ниже.

вы не только те, кто выступает против того, чтобы имя крупнейшего университета страны связывали с именем оскандалившегося президента. Американские историки сейчас пришли к убеждению, что они должны пересмотреть сам факт необходимости президентских библиотек»¹².

Академический совет единогласно одобрил предложенную Энн Скотт резолюцию, которая «категорически отвергает создание какого-либо музея или мемориала, призванного прославлять бывшего президента»¹³. Президент университета был вынужден отложить окончательное решение вопроса, тем более что конгресс к этому времени определил свою позицию по вопросу о будущих судьбах бумаг президентов.

Еще в 1978 г. конгресс принял закон о президентских бумагах, которым завершалась длительная борьба вокруг судьбы бумаг и магнитофонных записей бесед бывшего президента Никсона. Этот закон отходит от давней традиции, которая позволяла считать президентские бумаги личной собственностью хозяина Белого дома, и устанавливает, что с 1981 г. все документы и материалы администрации становятся немедленно после завершения президентского срока собственностью правительства и поступают в распоряжение Национального архива США. Уходящий президент может наложить ограничения сроком до 12 лет на доступ общественности к некоторым категориям документов. На остальные распространяется юрисдикция закона о свободе информации (о нем см. ниже). Действующий президент, конгресс и в ряде случаев юридические инстанции могут получать доступ к документам, закрытым бывшим президентом, если того требуют текущие правительственные дела.

По мнению историков, закон не увеличил возможность доступа исследователей в области новейшей истории к документам президента¹⁴, но по крайней мере в нем нет уже никаких упоминаний о президентских библиотеках. Это означает, что в будущем больше таких особых хранилищ для президентских бумаг в стране создаваться не будет. Однако, по всей вероятности, Никсону все-таки удалось достичь соглашения с администрацией Дьюкского университета о создании еще одной президентской библиотеки, которая, видимо, будет последней в серии аналогичных институтов¹⁵. Хорошим комментарием в этой связи стало вы-

¹² OAH Newsletter, 1981, Oct., vol. 9, N 3, p. 8.

¹³ Ibid., p. 1.

¹⁴ Ibid., 1979, Jan., vol. 6, N 2, p. 9—10.

¹⁵ Ibid., 1982, Jan., vol. 10, N 1, p. 10.

сказывание Г. С. Коммаджера: «Сама идея рассредоточивать бумаги президентов в небольших американских городах вместо передачи их Библиотеке конгресса, которой они принадлежат, является абсурдной... Идея президентских библиотек потерпела провал. Они неудобны для исследователей, являются пустой тратой денег, памятником суетности и тщеславия»¹⁶.

В последние годы государственная архивная служба испытала самое непосредственное влияние происходящих в американской исторической науке перемен. Стремление историков изучать не только историю элиты, но и «молчаливое большинство» американцев, обращение исследователей к таким новым темам, как иммиграция и мобильность населения, массовое поведение избирателей, история семьи, профессиональных и этнических групп и т. п., столкнулись с ограниченностью источниковой базы. На протяжении долгого времени теоретические постулаты традиционного американского архивоведения основывались на том, что задача архивов хранить документы, отражающие основные стороны деятельности государственных учреждений. Как писал известный теоретик архивного дела в США Теодор Шелленберг, «архивисты должны хранить в полном объеме прежде всего документы, которые отражают уникальные исторические процессы и явления, выходящие за рамки заурядности и повседневности». Вся остальная масса «сырых статистических фактов» о рутинной социальной и экономической жизни должна сохраняться только в виде обобщенной информации¹⁷. Этот «учрежденческий» подход, таким образом, рассматривал архивы как своего рода «ведомственную память» для государственных служащих¹⁸.

Существовавшая долгое время система оценки и отбора документов на хранение в архивы, а также поиска необходимой информации по запросу исследователя вызывала острую критику со стороны историков да и самих архивистов. Сложившийся подход к делу не предусматривал обязательного составления карточных каталогов и тематических путеводителей даже для архивных коллекций. Описи документов в американских архивах содержат в основном данные о происхождении и структуре документов, но не о их

¹⁶ Ibid., 1981, Oct., vol. 9, N 3, p. 8.

¹⁷ Schellenberg T. R. The Appraisal of Modern Public Records.—Bulletin of the National Archives, 1956, N 8.

¹⁸ Jenkinson H. A Manual of Archive Administration. L., 1965, p. 153.

содержании. Это затрудняет поиск исследователем информации¹⁹.

Бурная дискуссия о будущем источниковой базы исторической науки выявила различные точки зрения²⁰. Часть тех, кто имеет отношение к формированию источниковой базы исторической науки, продолжают придерживаться мнения, что задача архивов собирать документацию о деятельности правительственных учреждений и других институтов. «Сама функция государственных архивов побуждает архивистов быть поборниками институциональной истории и истории государственных учреждений», — пишет один из таких сторонников традиционного взгляда²¹. Другие архивисты считают, что хранилища документов должны учесть современный интерес историков к таким массовым источникам, как переписи, налоговая документация, материалы судопроизводства, результаты избирательных кампаний, церковные записи, медицинские документы и пр. В противном случае, по словам одного из специалистов по социальной истории, американские архивы будут продолжать оставаться «хранилищем источников по антропологии элиты, а не по социальной истории общества»²².

Довольно существенные перемены в архивном деле произошли под влиянием таких объективных факторов, как все более широкое распространение в деятельности различных учреждений фиксации информации и ведения делопроизводства на основе «безбумажной» технологии с применением ЭВМ. За последние годы в делопроизводстве государственных учреждений резко увеличивается доля машиночитаемых документов. В настоящее время в федеральных учреждениях США используется более 5 млн. магнитных лент машинной информации. Часть этих материалов представляет историческую ценность и поэтому в виде перфолент, магнитных лент и дисков поступает на хранение в архивы. Естественно, что их отбор, хранение и использование требуют новых подходов.

¹⁹ *Miller F. M. Social History and Archival Practice.* — AA, 1981, N 2, p. 121; *Pugh M. The Illusion of Omniscience: Subject Access and the Reference Archivist.* — AA, 1982, N 1, p. 35.

²⁰ См. подробнее: *Burke F. I. The Future Course of Archival Theory in the United States.* — AA, 1981, N 1; *Lester C. The Archivist as Collector.* — AA, 1976, N 4; *Gerald H. F. The Archival Edge.* — AA, 1975, N 1.

²¹ *Brichford M. S. Archives and Manuscripts: Appraisal and Accessioning.* Chicago, 1977, p. 9—10.

²² *Henretta J. An Anthropology of an Elite.* — In: *Reviews in American History*, 1979, p. 366.

В 1969 г. при Национальном архиве США была создана группа, которая занялась вопросами отбора и хранения машиночитаемой информации. По мнению одного из ее руководителей, Ч. Доллара, и ряда других исследователей, этот новый вид исторической документации должен прежде всего оцениваться с точки зрения его «информационной ценности», а не представительской его сущности, т. е. откуда он произошел и какое учреждение представляет²³. Отныне группа осуществляет контроль за правительственными материалами в машиночитаемой форме, определяет их архивную ценность, а также обеспечивает перевод в машинную форму записи других видов архивных документов.

Процесс компьютеризации исторической документации затронул прежде всего те массивы документов, которые чаще всего используются исследователями. В Библиотеке конгресса налажена автоматическая система поиска по документам 23 президентов, начиная с Кулиджа, а также по документам Континентального конгресса²⁴. Созданы также довольно дорогостоящие, полностью автоматизированные системы по отдельным архивам, которые значительно облегчают доступ историков к источникам.

В целом техническая революция в документоведении и применение количественных методов в историографии резко повысили интерес историков к большим массивам архивной документации, обработка которых на ЭВМ позволила извлечь скрытую до этого ценную информацию. В результате этого принципы традиционного архивоведения о бесполезности массы первичной информации, о вредности хранения в архивах большого количества документов подверглись решительному пересмотру.

2. Частные архивы и библиотечные коллекции

Значительная часть документального наследия США сосредоточена в распоряжении архивов частных фирм, различных учреждений и союзов, в рукописных собраниях библиотек и исторических обществ. Источником исключительной важности для исследователей прошлого, бесспорно, являются материалы промышленных предприятий, фирм и

²³ Dollar C. M. Appraising Machine-readable Records.— AA, 1978, N 4; Blain F. X. A New Perspective on the Appraisal of business Records: A Review.— AA, 1979, N 3.

²⁴ Об этом см.: Torchia M. M. Two Experiments in Automated Indexing: The Presidential Papers and the Papers of the Continental Congress.— AA, 1976, N 4.

корпораций, а также профессиональных союзов и других организаций. Практика хранения архивной документации в частном секторе Америки развита в целом слабо. Проведенный в 1969 г. опрос более 500 самых крупных американских промышленных корпораций показал, что менее 10% из них имели свои архивы, большинство из которых было организовано после второй мировой войны²⁵. Около половины компаний, имеющих архивы, заняты в области обрабатывающей промышленности, транспорта, коммунальных услуг, страхования.

Основная цель архивов фирм — улучшение обслуживания самой фирмы. Однако в последнее время все сильнее действует фактор создания благоприятного имиджа этой фирмы, ее основателей все в тех же интересах рекламы и реализации продукции. Ныне солидные монополии предпочитают создавать крупные центральные архивы, стоящие по уровню технического и профессионального обеспечения не ниже государственных. В этих архивах работают десятки исследователей, допущенных к той части документальных материалов, обнародование которой не может нанести ущерба делам фирмы и репутации ее владельцев. Наоборот, выполненные на базе этих архивных источников труды в конечном итоге создают дополнительное публичити имени и делам фирмы.

Одним из наиболее известных частных архивов является архив Рокфеллеров в Нью-Йорке, сложившийся в 50-е годы. В Детройте действует центральный архив фирмы «Форд моторс», где хранится не только наиболее важная современная документация, но и материалы по истории развития фирмы, технического прогресса в автомобилестроении, истории жизни и деятельности основателя фирмы Генри Форда. Богатыми архивными собраниями, ориентированными не только на текущие нужды, но и на исследовательские задачи, обладают такие известные монополии, как «Вестерн электрик». В последние годы широкие программы по оформлению хранимой документации и созданию архивов на научных основах осуществили крупнейшие американские банки.

Следует заметить, что документы частных промышленных компаний собираются также историческими обществами штатов, университетскими библиотеками и другими исследовательскими учреждениями. Многие материалы о ранних этапах развития американского бизнеса хранятся именно в этих учреждениях.

²⁵ Rhoads J. B. Op. cit.

Особую группу архивохранилищ составляют церковные архивы. В 70-х годах в США было около 500 таких хранилищ, хотя не все они были связаны с религиозными общинами. Церковные документы, один из важных источников по ранней истории США, в течение долгого времени собирались местными историческими обществами и другими учреждениями, собирающими рукописи. Многие самые большие коллекции церковных документов находятся в настоящее время в этих организациях. В некоторых случаях эти исторические общества и хранилища рукописей были признаны религиозными общинами официальными хранилищами их документов. Другие религиозные общины считают официальным местом хранения своих документов теологические семинарии. Несколько религиозных общин учредили свои собственные исторические общества или комиссии, которые одновременно выполняют работу архивного учреждения, исторического музея, библиотеки и издательства.

Как мы уже отмечали, собиранием рукописных и других архивных материалов в США издавна занимаются библиотеки, превратившиеся ныне в хранилища огромной и самой разнообразной исторической информации. Перечислить даже малую часть таких библиотек, которые располагают источниковой базой для исторических исследований, довольно сложно. В стране издано и издается периодически большое число справочной литературы, обеспечивающей историков необходимой информацией²⁶.

Самая крупная научная библиотека в Соединенных Штатах — это Библиотека конгресса, основанная в 1800 г. В 1870 г. библиотека получила право на хранение обязательного экземпляра всех книг, издаваемых в стране. В настоящее время она содержит более 75 млн. книг, памфлетов, подшивок газет, микрофильмов, рукописей, графических и фотографических материалов. Среди наиболее примечательных коллекций — более 3,5 млн. карт и атласов, 9 млн. фотографий и негативов, 250 тыс. фильмов, собрания документов федерального правительства и правительств штатов, бумаги президентов США и других деятелей.

²⁶ См.: *Guides to American History Manuscript Collections in Libraries of the United States* / Compl. by R. A. Billington. Wash., 1952; *Resources of Southern Libraries* / Compl. by R. B. Downs. Wash., 1938; *American Library Resources: A Bibliographical Guide* / Compl. by R. B. Downs. Wash., 1962; *Directory of Special Libraries and Information Centers* / Ed. by A. T. Kruzas. Wash., 1968; *American Library Directory* (издается каждые два года).

Значительная часть материалов организована в виде тематических коллекций. Здесь имеются богатые коллекции по истории войны за независимость в XVIII в. и гражданской войны в XIX в., истории финансов, торговли, транспорта и т. п. Особый фонд составляют бумаги, относящиеся к отдельным территориям страны, документы иностранного происхождения. Здесь хранятся бумаги ряда государственных и общественных учреждений и организаций, в том числе, например, архив АИА. С 1961 г. библиотека издает Национальный сводный каталог рукописных коллекций. Этот каталог описывает рукописные собрания в стране, которые доступны для исследователей ²⁷.

Важное научное значение имеют рукописные собрания библиотек штатов. При отсутствии в штатах государственных архивов рукописные отделы некоторых библиотек зачастую играют роль официальных архивохранилищ. В таких библиотеках представлены документы по всем периодам истории США и зарубежных стран. В районах «старой» колонизации такие библиотеки хранят документы испанской, английской и французской колониальных администраций начиная с XVI в. Основу архивных фондов составляют бумаги различных правительственных учреждений штатов, общественных организаций, семейные фонды губернаторов, сенаторов, других государственных и политических деятелей, выдающихся деятелей науки и культуры.

Хотя с созданием архивных служб функции библиотек штатов стали не столь широкими, однако пополнение их рукописных коллекций продолжается за счет частных лиц, фирм, различных обществ и организаций.

Некоторые публичные библиотеки, хотя и не имеют своей главной целью обслуживание исследователей, тем не менее располагают богатыми коллекциями исторических источников и материалов. Бостонская публичная библиотека имеет ценную статистическую документацию, Детройтская публичная библиотека имеет коллекции по истории северо-западных территорий США и экспансии на Запад. Прекрасную коллекцию материалов по американской истории имеет Публичная библиотека Нью-Йорка, основанная в 1895 г. Среди 8 млн. книг и рукописей имеются богатые материалы по истории предпринимательства, генеалогии американских семей, афроамериканской истории, трудовых отношений.

²⁷ Подробнее о Библиотеке конгресса и других американских библиотеках см.: *Shera J. H. Historians, Books and Libraries*. Wash., 1953; *Keepers of the Past* / Ed. by C. L. Lord. Wash., 1965.

Опубликованный каталог материалов этой библиотеки по истории Нового Света насчитывает 28 томов ²⁸.

В последней четверти XIX в. в США под влиянием английских и германских университетов начинается активный процесс собирания университетскими библиотеками научных материалов, в том числе исторического характера, рассчитанных на использование в исследовательской работе преподавателей и обучении студентов. История, и особенно история США, стала, вполне естественно, одной из главных тем собираемых рукописных и книжных коллекций. Ныне примерно половина из 1150 американских университетов и колледжей имеют в составе своих библиотек рукописные отделы. Иногда это богатейшие архивные коллекции, служащие основой для занятий целых поколений историков.

Второй по значимости своей коллекции научной библиотекой страны считается Гарвардская библиотека, основанная еще в XVII в. В 1764 г. пожар уничтожил почти все первоначальное собрание, но самая старая библиотека Америки продолжала расти и ныне имеет более 8 млн. томов. Собрание материалов по американской истории здесь, пожалуй, самое богатое в стране ²⁹.

Многие из университетов концентрируют усилия на сборе материалов по определенной сфере или проблеме. Библиотека Мичиганского университета имеет великолепную коллекцию материалов по истории США колониального периода и войны за независимость; Йельский университет — не менее замечательное собрание по истории американского Запада, а также по истории религии и истории первой мировой войны. Библиотека Колумбийского университета выделяется собранием по истории права, политических и государственных институтов, истории образования, а также располагает огромной коллекцией устных интервью, о которых речь пойдет ниже. Среди наиболее значительных коллекций библиотеки Принстонского университета — собрания документов и книг по ранней истории США, истории западных земель, гражданской войны, коллекция бумаг президента Вудро Вильсона. Библиотека Пенсильванского университета располагает собранием изданий типографии Франклина, коллекцией по ранней экономической истории. Библиотека Чикагского университета имеет крупнейшую коллекцию материалов по истории гражданской войны.

²⁸ The New York Public Library. Reference Department Dictionary. Catalog of the History of the Americas. 28 Vls. Boston (Mass.), 1961.

²⁹ См.: Directory of Archives and Manuscript Repositories at Harvard University and Radcliffe College. Cambridge (Mass.), 1983.

В университете Северной Каролины и Вирджинском университете — богатые собрания по истории американского Юга. Дьюкский университет располагает архивом социалистической партии Америки. В Стэнфордском университете находятся гуверовская библиотека по проблемам войны, мира и революции, а также собрания ранних американских газет. Такие университеты, как Калифорнийский, Корнельский, Техасский, Луизианский, имеют богатые собрания по истории своих регионов, а Джорджтаунский и Нотрдамский университеты — наиболее крупные собрания по католицизму. Браунский университет обладает лучшей коллекцией материалов о президенте Аврааме Линкольне, а университет Джонса Гопкинса — по истории рабства и профсоюзного движения.

Около 60 университетских библиотек создали так называемый Центр научных библиотек, который обеспечивает путем межбиблиотечного обмена исследователей, прежде всего историков, всеми материалами, которыми располагает каждый из членов консорциума. Обмен осуществляется главным образом микрокопированными экземплярами. Это, бесспорно, облегчает для многих историков доступ к материалам библиотек, которые разбросаны по всей стране.

Исторические общества имели всегда одной из своих задач содержание библиотек и сбор материалов по американской истории. Сейчас некоторые общества располагают богатейшими собраниями. Крупнейшим собранием рукописей после Библиотеки конгресса обладает Массачусетское историческое общество, основанное в Бостоне в 1791 г. Здесь хранятся многие ранние газеты, карты, портреты, нумизматические материалы, личные бумаги Джефферсона, материалы Адамсов, Уинтропа, Пикеринга, Паркмена. Пенсильванское историческое общество в Филадельфии имеет свыше 4 млн. единиц хранения, включая рукописный материал по истории Конституции США, по истории французского влияния в Америке, собрания газет и законодательных документов колониального периода.

Американское антикварное общество (г. Вустер, Массачусетс) располагает крупнейшей коллекцией американских газет до 1820 г. Американское философское общество в Филадельфии имеет богатые собрания по истории американской революции, индейцев и науки в Америке. Висконсинское историческое общество (г. Мэдисон, Висконсин) располагает коллекцией документов по истории социалистического и рабочего движения в США. Эссекский институт в Салеме собирает материалы по заселению Новой Англии и истории

мореплавания, Маккормикское историческое объединение (Чикаго) — материалы по аграрной истории, Миннесотское историческое общество (Сен-Пол) — по истории скандинавского населения в США. Историко-генеалогическое общество Новой Англии (Бостон) располагает материалами по истории семей и генеалогии.

Некоторые из американских библиотек и их собрания имеют уникальную историю. В 1713 г. Бенджамин Франклин с группой своих друзей подписали соглашение о создании библиотеки на коллективных началах. Так возникла Библиотечная компания — первая в Америке общественная библиотека, сыгравшая важную роль в распространении идей просвещения в колониальной Америке. К моменту образования Американской республики библиотека в Филадельфии была самым крупным собранием светской литературы гуманитарного профиля. В здании, где располагалась библиотека, заседали первый и второй континентальные конгрессы, а также Конституционный конвент 1787 г. До переезда столицы в Вашингтон в 1800 г. библиотека была местом хранения бумаг и документов национальных лидеров Соединенных Штатов и, по сути, выполняла роль официальной библиотеки страны. В XIX в. библиотека играла важную роль в жизни Филадельфии, ее фонды постоянно пополнялись за счет даров и приобретений на деньги компаньонов. В 60-х годах XX в. для библиотеки и Пенсильванского исторического общества, с которым она составляет единое целое, было построено новое здание. Сейчас почти 2 тыс. коллекций библиотеки имеют около 4 млн. исторических документов. Среди них — документы, относящиеся к деятельности основателя Пенсильвании Уильяма Пенна, президентов США Джорджа Вашингтона, Джеймса Бьюкенена и других известных деятелей. Здесь имеются богатые статистические материалы, документы по генеалогии жителей Пенсильвании³⁰.

Особую группу составляют документальные собрания так называемых частных библиотек, основанных и функционирующих на деньги богатых меценатов, благотворительных фондов и отдельных пожертвований. Некоторые из этих библиотек являются одновременно известными исследовательскими центрами в области истории, о чем речь пойдет ниже.

³⁰ См.: Guide to the Manuscript Collection of the Historical Society of Pennsylvania. Philadelphia, 1949.

Одним из крупнейших хранилищ рукописных материалов (около 6 млн. книг и рукописей) является Библиотека Ньюберри в Чикаго. Библиотека была основана в 1887 г. и носит имя Уолтера Ньюберри, предпринимателя и банкира, бывшего в 60-е годы XIX в. президентом Чикагского исторического общества. У. Ньюберри не имел прямых наследников, и после его смерти по завещанию часть недвижимой собственности была пожертвована на создание научной библиотеки³¹. Благодаря растущим доходам с этого капитала, а также другим пожертвованиям библиотеке удалось собрать богатые материалы по истории, филологии и лингвистике, генеалогии, музыке и изобразительному искусству. Здесь хранятся уникальные материалы по истории средневековой Европы, открытия и колонизации Нового Света, американских индейцев. В ее фондах имеются крупные собрания по истории общественной мысли, печатного дела, картографии.

В 1919 г. в местечке Сан-Марино недалеко от Лос-Анджелеса калифорнийский железнодорожный магнат Генри Хантингтон основал частную библиотеку. Занимаясь в конце своей жизни приобретением предметов искусства, редких книг и рукописей, богатый меценат, помимо картинной галереи с полотнами Рейнольдса, Гейнсборо, Лоуренса и других известных мастеров, собрал в короткий срок коллекцию письменных источников по англо-американской истории начиная с XVII в.³² Среди 5 млн. рукописей и старых книг сейчас в библиотеке — коллекции по истории США колониального периода, истории гражданской войны, освоения западных земель и Калифорнии. В собрании находятся личные фонды ряда ученых и писателей, в том числе бумаги известных историков Фредерика Джексона Тернера и Аллана Невинса. В 1979 г. был издан полный указатель по историческим материалам³³.

Одним из лучших собраний исторических источников располагает Бостонский Атенеум — библиотека, основанная еще в 1807 г. Здесь хранится личная библиотека Джорджа Вашингтона, коллекция печатных изданий Конфедерации южных штатов, большое число ранних памфлетов и газет.

³¹ Whitehill W. M. Independent Historical Societies. Boston (Mass.), 1962, p. 455—457.

³² Ibid., p. 444—447; Billington R. A. The Genesis of the Research Institution.— In: The Founding of the Henry E. Huntington Library and Art Gallery. San Marino, 1977.

³³ A Guide to American Historical Manuscripts in the Huntington Library. San Marino, 1979.

Библиотека Джона Картера Брауна (г. Провиденс, Род-Айленд) обладает лучшей коллекцией европейских печатных изданий по истории открытия и освоения Нового Света. Библиотека Джона Крерара в Чикаго имеет собрание по истории трудовых отношений в Америке, истории науки и техники.

3. Публикация документов

Традиция издания исторических документов существует в США еще со времени войны за независимость. В XVIII в. любители-энтузиасты готовили отдельные публикации тематического или иного характера, как, например, изданная в 1797 г. Д. Морзе подборка из 7 тыс. газетных статей периода революции. К изданию документов подключались и возникавшие исторические общества. В 90-х годах XVIII в. Массачусетское историческое общество начало публиковать документы по истории штата в основном колониального периода.

В первой половине XIX в. в публикации документальных источников произошел заметный сдвиг. Формировавшаяся в то время американская историческая наука нуждалась в создании и расширении источниковой базы. Издания исторических документов тех лет не отличались особым профессионализмом с точки зрения приемов внутренней и внешней критики источников, но зато вполне определенно ставили своей целью подчеркнуть национальное своеобразие истории США, возвеличить американскую буржуазную демократию, создать культ национальных лидеров. Тематика этих публикаций ограничивалась политической, дипломатической и военной историей. В качестве инициаторов публикаций опять же выступали отдельные энтузиасты или местные исторические общества. С 1828 г. местные исторические общества стали получать копии федеральных документов. К середине XIX в. в США были изданы сотни томов документов по колониальной истории и периоду войны за независимость. Активизация публикаторской деятельности в этот период была связана с именами первых крупных издателей документов в США — П. Форса, Дж. Спаркса и Х. Найлза. Ими были опубликованы сборники документов по истории войны за независимость и материалы крупных политических деятелей — Вашингтона, Джефферсона, Мэдисона и др.³⁴

³⁴ Об этом этапе развития историографии см.: Историография нового времени стран Европы и Америки. М., 1967; Barnes H. E. A History

Потребности государственной деятельности, партийная борьба по вопросам прав конгресса и штатов послужили стимулом для публикаторской деятельности федерального правительства. Первые правительственные публикации касались главным образом дипломатических документов и материалов по военной истории. С 1832 по 1861 г. было опубликовано 38 томов серии «Государственные документы Америки», отражающих деятельность правительственных учреждений за период 1787—1834 гг. С 1834 г. началось издание «Дебатов и протоколов конгресса» (с 1834 по 1856 г. было издано 42 тома), которое с 1873 г. имеет название «Конгрешнел рекорд». С 1861 г. госдепартамент стал издавать серию ежегодных документальных выпусков по вопросам внешнеполитической деятельности правительства США.

В первой половине XX в. федеральное правительство осуществило ряд крупных документальных публикаций. Были изданы документы периода войны за независимость и гражданской войны, в том числе протоколы Континентального конгресса и конгресса Конфедеративных штатов Америки, законы и договоры, касающиеся отношений с индейцами, договоры и различные международные соглашения, заключенные США с другими государствами. Институтом Карнеги в Вашингтоне была осуществлена серия публикаций документов по истории промышленности, транспорта и сельского хозяйства.

Всего с 1817 по 1950 г. американским правительством было выпущено в свет свыше 50 многотомных изданий архивных документов. Главное место в этих публикациях занимали сборники дипломатических документов, материалы по истории различных правительственных органов, документы по истории Конституции США, сочинения ряда известных политических деятелей. В этих изданиях почти никак не была затронута экономическая и социальная история американского народа, некоторые важные периоды и события в военной и внешней истории страны.

В последние десятилетия издание официальных документов составляет довольно существенную сторону деятельности федеральных властей и властей штатов. Список правительственных только серийных публикаций насчитывает десятки, а с учетом местных изданий — сотни названий³⁵. Наиболее

of Historical Writing. N. Y., 1963; *Van Tassel D.* Recording American Past. Interpretation of the Development of Historical Studies in America, 1607—1884. Chicago, 1960; *Callcott G. H.* History in the United States, 1800—1860. Baltimore, 1970.

³⁵ Библиографию см.: *Harvard's Guide to American History*, p. 67—87.

важными являются издания законодательных актов, принятых конгрессом, а также материалы слушаний и обсуждений в палате представителей и в сенате конгресса США. Из материалов судебных властей наиболее значительны издания решений различных судебных инстанций, прежде всего Верховного суда США.

Исполнительные власти, включая президента, госдепартамент, различные министерства, комитеты и бюро, публикуют множество документов в серийных изданиях. Среди них самым важным является свод административных указов, распоряжений, правил, правительственных решений, президентских прокламаций и указов, регулярно публикуемый в «Федерэл реджистер». Кроме этого, отдельно ежегодно издаются официальные бумаги президентов. Обширную программу публикаций имеет госдепартамент, прежде всего хронологическую и тематическую серии дипломатических документов «Внешняя политика Соединенных Штатов». С момента основания серии в 1861 г. уже вышло в свет около 270 томов и более 30 находятся в процессе подготовки ³⁶.

С 1934 г. работа по публикации исторических документов в стране координируется специально созданной Национальной комиссией по историческим публикациям (НКИП) ³⁷. Однако до 1938 г., когда комиссия вошла в состав Национального архива, она не имела ни плана публикаций, ни постоянного штата и бюджета. С начала 50-х годов в издательской деятельности американского правительства произошел существенный сдвиг. Выступая 17 мая 1950 г. на приеме в Библиотеке конгресса по случаю выхода в свет первого тома документов Томаса Джефферсона, президент Г. Трумэн объявил о намерении поручить НКИП подготовку программы изданий произведений крупнейших американских деятелей в области политики, экономики, науки и искусства. Принятый в том же году закон о федеральной документации возложил на Национальный архив контроль за архивами и документацией всех ведомств федерального правительства, а также расширил полномочия НКИП, предоставив ей право поддерживать деятельность федеральных

³⁶ Major Publications of the Department of State. An Annotated Bibliography. Wash., 1977.

³⁷ О ней см.: Виноградов В. М. Программа публикации исторических документов в США и кризис буржуазной историографии.— В кн.: Научно-информационная деятельность государственных архивов при СМ СССР. М., 1983, вып. 3, с. 160 (ВНИИДАД ГАУ); Leland W. G. The Prehistory and Origins of the National Historical Publications Commission.— AA, 1964, N 4.

ведомств и ведомств штатов, а также неправительственных учреждений и частных лиц по сбору, хранению и изданию документов выдающихся деятелей США и других документов, которые могут оказаться важными для понимания и оценки истории Соединенных Штатов. Решением конгресса в комиссии был создан постоянный секретариат и увеличен ее состав. Отныне председателем НКИП стал архивист США и в нее входят также по одному представителю от Верховного суда, сената, палаты представителей, госдепартамента, министерства обороны, Библиотеки конгресса, два назначаемых президентом члена и по два представителя от четырех исторических организаций — АИА, ОАИ, ОАА и Американской ассоциации местной истории (ААМИ).

В 1954 г. президентом Д. Эйзенхауэром была одобрена новая программа публикаций, а в 1957 г. конгресс специальным постановлением потребовал, чтобы губернаторы и учреждения штатов, исторические комиссии штатов, архивные учреждения, библиотеки, исторические общества, колледжи и университеты, коммерческие организации и частные лица объединяли свои усилия с национальной комиссией для осуществления этой программы. Нельзя не согласиться с замечанием В. М. Виноградова, что после долгого и полного игнорирования столь внезапная перемена со стороны правительства по отношению к документальным публикациям была связана не только с несомненными достоинствами первых томов документов Т. Джефферсона, изданных Дж. Бойдом. «Эта перемена прежде всего была связана с обострением идеологической борьбы в мире, с атмосферой „холодной войны“ 50-х годов, поворотом американской буржуазной историографии к неоиdealистической, релятивистской „функциональной истории“, которая могла в большей мере, чем позитивистская историография, обслуживать современные политические потребности правящего класса. В этих условиях возросший интерес к публикации исторических документов объяснялся прежде всего сознанием того, что они не только не нейтральны в происходящей борьбе идей, но и являются активным средством идеологической борьбы в современном мире»³⁸.

Идеологическая направленность программы публикаций была достаточно определенно сформулирована ее авторами в следующих словах: «Чем лучше граждане осознают историческое прошлое наших современных институтов, экономических, социальных и политических идеалов, надежд и свер-

³⁸ Виноградов В. М. Указ. соч., с. 152.

шений тех мужчин и женщин, которые создали Соединенные Штаты Америки, тем безопаснее будет наша демократия и тем обеспеченнее будут наши права как свободных людей»³⁹.

Главное место в программе правительственных публикаций заняли все те же материалы выдающихся американских деятелей, и в этот список «лидеров национального масштаба» вошел 361 человек, из них 112 были выделены в первоочередной список, как представляющие особый интерес. В этой группе предпочтение было отдано «отцам-основателям» и первым президентам страны, с которых началась реализация новой программы. По образцу издаваемых Дж. Бойдом документов Джефферсона в 1959 г. под редакцией Л. У. Лабаре, а затем У. Б. Уиллжокса на базе Йельского университета и при поддержке Американского философского общества в Филадельфии, где хранится 90% материалов, было начато издание бумаг Б. Франклина. К настоящему времени опубликовано 20 из 60 томов бумаг Джефферсона и 21 из планируемых 62 томов бумаг Франклина. В 1961 г. под редакцией Л. Баттерфилда, а затем Р. Тэйлора на базе Массачусетского исторического общества началось издание бумаг семьи Адамсов. В настоящее время опубликовано 25 из 130 запланированных томов. В 1961 г. под редакцией Г. Сайретта вышел также первый том бумаг А. Гамильтона, и эта серия завершена в 1983 г. (опубликовано 26 томов). На базе Виргинского университета под редакцией Р. Ратленда и других специалистов в 1961 году началось издание бумаг Дж. Мэдисона и из 60 запланированных издано 13 томов. Наконец, в 1969 г. под редакцией У. Эббота и на базе Виргинского университета началось издание бумаг Дж. Вашингтона. Опубликованы дневники в 6 томах и начата серия переписки в объеме 70 томов.

В списке осуществляемых публикаций значатся имена президентов У. Гранта, Э. Джексона, Э. Джонсона, Дж. Полка, Ф. Рузвельта, В. Вильсона, вице-президента Дж. Кэлхуна, госсекретаря Г. Клея, лидеров конгресса Дж. Джея и Г. Лоуренса, верховного судьи Дж. Маршалла и др.

Под эгидой комиссии осуществляется подготовка ряда многотомных тематических изданий. Это прежде всего соб-

³⁹ A National Program for the Publication of Historical Documents. A Report to the President by the National Historical Publications Commission. Wash., 1954, p. 1.

рание материалов Континентального конгресса (1774—1781 гг.), документы по истории ратификации Конституции США, материалы первого федерального конгресса США (1789—1792 гг.), морские документы американской революции, материалы аболиционистского движения американских негров-рабов.

В 70-е годы важное место в деятельности НКИП заняла подготовка микрофильмированных материалов. Это главным образом документы, извлеченные из архивов штатов, организаций, частных собраний. Здесь представлены все те же государственные и политические деятели, хотя и несколько меньшего масштаба, воротилы американского бизнеса, миссионеры и проповедники, военные и дипломаты, некоторые деятели образования, науки и культуры. Эти материалы микрофильмируют, снабжают указателем и продают (примерно 10—15 долл. за катушку) всем заинтересованным учреждениям, а также частным лицам, включая историков.

В последние годы комиссия публикует справочники по федеральным документам, библиографические работы и указатели. Особо следует отметить изданный в 1978 г. путеводитель по архивам и рукописным собраниям США⁴⁰, который содержит систематизированные сведения по штатам и городам, а также по типам архивохранилищ (публичные библиотеки, фонды колледжей и университетов, религиозные организации и т. п.). Это издание было первой публикацией комиссии на основе общенациональной системы информации об исторической документации в США, построенной на компьютерной базе. Почти 2700 хранилищ представили машиночитаемые фонды для данного издания, и редакторы добавили сведения еще о 550 других собраниях. Сведения включают наименование и адрес учреждения, располагающего документами, условия работы и услуги или ограничения для посетителей, краткое описание фонда, библиографическую справку для дополнительной информации. Именной и тематический указатели делают его исключительно полезным для исследователей.

Всего с момента создания комиссии ею к концу 70-х годов было подготовлено или оказано содействие в подготовке 319 томов различных публикаций, 5450 катушек микрофильмов и 1005 микрофиш. Весь этот документальный фонд

⁴⁰ Directory of Archives and Manuscript Repositories. Wash., 1978.

довольно широко используется учеными, особенно специалистами по истории США.

Конечно, столь обширные и престижные издания потребовали крупных финансовых затрат. В декабре 1974 г. президент Дж. Форд подписал закон, который увеличил ежегодный бюджет комиссии с 2 млн. до 4 млн. долл. и изменил ее название на Национальная комиссия исторических публикаций и документации (НКИПД).

Кроме собственного бюджета, для поддержки издательских программ комиссия получает разовые финансовые пожалования от различных фондов. К 1978 г. комиссия получила дополнительно от фонда Форда около 2 млн. долл. на издание бумаг Адамсов, Джефферсона, Гамильтона, Франклина и Мэдисона, а также 200 тыс. долл. от комиссии по празднованию 200-летия Соединенных Штатов на подготовку публикаций периода войны за независимость. В апреле 1980 г. было объявлено о получении от фонда Меллона 450 тыс. долл. на финансирование тех же пяти наиболее престижных публикаций. Причем главная цель последней субсидии — внедрение более совершенной технологии, в том числе электронной техники, во все стадии подготовки этих изданий с целью их удешевления и сокращения сроков подготовки. Это только часть частных пожалований.

Подверглись определенной корректировке и идейно-методологические установки, лежавшие несколько десятилетий в основе публикаторской деятельности официальных органов. Неоднократно отмечавшийся нами поворот в американской исторической науке, происшедший в 60—70-е годы, затронул не только тематику, методологическую базу и методику выполняемых исследований. Он не мог не сказаться и на таких ее институционно-организационных основах, как сбор, хранение и использование исторической информации, публикаторская деятельность. Резкая критика программ официальных публикаций последовала со стороны левых историков. Издание документов «великих белых мужей» при полном умолчании о документах «низов», господство элитарных установок и расистских тенденций при формировании источниковой базы американской историографии, по мнению этих историков, вело к искаженному взгляду на прошлое американского народа и не отражало достигнутого уровня отечественной историографии, современных интересов исследователей. Критически мыслящие историки выдвинули альтернативную программу публикации исторических докумен-

тов, прежде всего источников по истории народных низов. Именно эти источники, сбор и обработка которых должны были строиться на базе машинных методов, могли бы воссоздать подлинную историю «молчаливого большинства», биографию «анонимного» народа⁴¹.

Под влиянием этой критики в деятельности НКИПД наметились некоторые позитивные сдвиги. В планы были включены отдельные публикации документов, более разнообразно отражающих исторический вклад представителей социальных и этнорасовых слоев населения США. Среди новых публикаций можно отметить завершаемое 15-томное издание бумаг негритянского деятеля Б. Вашингтона, планируемое 14-томное издание бумаг лидера освободительного движения негров в XIX в. Фр. Дугласа, публикации материалов индейских вождей Джона Росса и К. Монтекумы, Всемирной ассоциации по улучшению положения негров и ее руководителя М. Гарви, некоторых известных деятельниц женского движения. Комиссия предприняла некоторые усилия, чтобы в перечне публикаций были представлены материалы об американцах мексиканского и китайского происхождения.

В одном из последних докладов комиссии на имя президента США, в частности, говорилось: «Цель исторических публикаций не состоит в возведении монументов национальным героям. Слава отдельной личности не является достаточной основой для того, чтобы способствовать сохранению или публикации оставшихся от его жизни бумаг. В большей степени комиссия руководствуется в своем решении поддерживать или не поддерживать тот или иной проект издания или сохранения документов полезностью литературного наследия личности для исторического исследования и потребностью исследователей в таких документах, которые освещают национальную историю»⁴².

Однако все это при внимательном рассмотрении оказалось довольно паллиативными, косметическими мерами. Проведенный нами анализ осуществляемых во 2-й половине 70-х годов публикаций (всего 71 название по каталогу 1976 г.) выявил следующую картину:

⁴¹ См., например: *Lemisch J. The American Revolution Bicentennial and the Papers of Great White Men.*— AHA Newsletter, 1971, vol. 9, N 5, p. 8.

⁴² A Report to the President by the National Historical Publications and Records Commission. Wash., 1978, p. 12.

Тип публикации	Число	Количество томов
1. Государственные и политические деятели	27	570
2. Религиозные и военные деятели	5	18
3. Деятели науки, искусства, путешественники	14	62
4. Деятели различных движений, борцы за реформы	8	48
5. Тематические публикации	17	70
<i>Всего</i>	<i>71</i>	<i>768</i>

Подсчитано по: National Publications and Records Commission. Publication^s Catalog 1976.

Комментария эти данные не требуют. Ясно, что и львиная доля денег расходуется на публикации бумаг «великих белых мужей». К 1978 г. на издание бумаг Адамсов было выделено 904 980 долл., Б. Франклина — 821 538, Т. Джефферсона — 692 541, А. Гамильтона — 537 400, Э. Джонсона — 461 129, Д. Мэдисона — 456 061, Г. Лоуренса — 394 025, Г. Клэя — 342 578, Дж. Маршалла — 286 425, Дж. Полка — 272 120, Э. Джексона — 268 362, У. Гранта — 235 500 долл. На издание документальной истории первого федерального конгресса было выделено 764 521 долл. Другие же проекты получили более скромные ассигнования: бумаги Б. Вашингтона — 225 340 долл., Фр. Дугласа — 176 500, М. Гарви — 95 226, К. Монтесумы — 28 944, черных аболиционистов — 28 310 долл. и т. п.⁴³

Анализ программных установок и осуществленных изданий документов выявил вполне определенную классовую направленность и идеологическую обусловленность публикаторской деятельности в области истории. Несмотря на многочисленные заявления со стороны издателей и редакторов об отсутствии предвзятости, расовых, религиозных и других предрассудков, отбор имен и тем, финансирование носят вполне определенный характер. Во-первых, исходным методологическим принципом остается почти безраздельное внимание к представителям господствующей элиты, к избранным личностям и игнорируются социальные аспекты исторического процесса, определяющая роль народных масс в историческом творчестве. Во-вторых, список имен, в котором почти исключительно представлены президенты, сенаторы, генералы, бизнесмены, служители церкви и в котором не нашлось должного места выдающимся борцам за демократи-

⁴³ Ibid., p. 29—33.

ческие права и социальный прогресс американского народа, неизбежно направлен на стирание из памяти американцев революционных и демократических традиций. «Никто, разумеется, не может отрицать непреходящую ценность издания документов Джефферсона, Франклина, Вашингтона и других крупнейших политических деятелей США,— справедливо отмечает В. М. Виноградов.— Однако программа, отдающая предпочтение документам господствующей элиты и игнорирующая документы не входящих в нее социальных слоев, несет на себе характерный отпечаток вполне определенной философии истории, рассматривающей историю „сверху вниз“. Такая программа как бы говорит историкам, что нужно издать, а что нет, навязывает мысль о том, что социальные группы, отдельные представители которых не оставили больших рукописных архивов, должны в основном игнорироваться, и тем самым сама определяет направление развития историографии»⁴⁴.

В заключение необходимо отметить, что публикация исторических документов оказывает существенное влияние на процесс формирования документальной базы исторической науки, а также на развитие американской историографии в целом, обслуживая прежде всего такие ее традиционные направления, как история господствующих институтов, политики и права, крупного бизнеса и военного дела. Довольно существенно, что вообще вся деятельность НКИПД оказалась едва не похороненной «рейганомикой». По проекту бюджета страны на 1982/83 финансовый год президент запросил «ноль ассигнований» для комиссии, что означало прекращение ее существования. С большим трудом удалось отстоять урезанный бюджет, но на следующий год история повторилась, и дальнейшие перспективы НКИПД неясны. Научная общественность, прежде всего ведущие исторические ассоциации, ведет в настоящее время упорную борьбу за сохранение правительственной поддержки программам публикации исторических документов⁴⁵.

4. Устная история

К числу новых явлений в области американского источниковедения и организации научного труда историков относится так называемая устная история. Под этим хотя и не совсем удачным, но уже прочно утвердившимся терми-

⁴⁴ Виноградов В. М. Указ. соч., с. 169.

⁴⁵ Об этом см. главы 5 и 6.

ном в США понимают получение источникового материала путем магнитофонной записи специально запланированных интервью конкретных лиц — носителей информации, имеющей определенную историческую значимость.

Быстрый рост и широкий размах устной истории за последние 20—30 лет можно объяснить рядом объективных обстоятельств. Во-первых, сама научно-техническая революция сделала возможным осуществление крупномасштабных проектов и программ интервьюирования с использованием совершенной техники записи и оформлением транскрибированных текстов не только в машинописном, но и в микроформатном виде с автоматической системой поиска необходимой информации. Во-вторых, целенаправленное создание источников по самому широкому кругу проблем новейшей истории стало для американских историков одним из путей преодоления ограниченности существующей источниковой базы, о чем мы уже писали выше. В-третьих, устная история отразила стремление значительной части историков дойти в своих исследованиях до уровня «молчаливого большинства», сделать объектом работ те слои и категории американского общества, о которых трудно получить полное и объективное представление из обычной документации, а уж тем более из официальных публикаций и других источников. Наконец, внедрение магнитофонной записи вместо стенографической, широкое ее использование для фиксации деятельности представителей высшей власти, прежде всего президента, и громкий скандал по поводу судьбы записанных на пленку деловых разговоров Р. Никсона — все это стимулировало интерес историков к данному типу источников и развитие устной истории в целом.

Становление устной истории сопровождалось острыми дискуссиями, спорами о методологии и конкретной практике осуществления интервью и использования их материалов⁴⁶. Такой известный автор, как, например, Б. Такмен, заявила, что устная история собирает наподобие пылесоса пыль и мусор без всякого разбора⁴⁷. Некоторые историки обращали внимание, что устные свидетельства — а это, как правило, воспоминания о прошлом — носят ненадежный характер: они часто неточны в силу ограниченных возможностей

⁴⁶ Об этом см.: *Бэрг М. П. Устная история в Соединенных Штатах.* — Новая и новейшая история, 1976, № 6, с. 213—216.

⁴⁷ *Tuchman B. Research in Contemporary Events for the Writing of History.* — In: *Proceedings of the American Academy of Arts and Letters and the National Institute of Arts and Letters, Second Series, N 22, N. Y., 1972, p. 62.*

человеческой памяти, в сильной степени окрашены личностными восприятиями интервьюируемого со всеми его предрассудками, заблуждениями и особенностями характера и психики. Все это, бесспорно справедливые замечания, хотя ясно, что и традиционные документы: дневники, письма, воспоминания — в неменьшей степени содержат в себе субъективные моменты, возможные ошибки и искажения и требуют критического отношения. Что же касается собираемого «мусора», то подборники устной истории вполне резонно замечают: то, что сегодня одним историкам представляется ничтожным по значимости свидетельством, завтра может оказаться для других историков документом исключительной важности. Это также общая закономерность, свойственная всем типам источников, а не только устным интервью.

Длительная дискуссия о том, в какой конечной форме должна быть продукция устной истории, завершилась выводом о необходимости хранить первоисточник — магнитофонную ленту, а также производить его письменную транскрипцию, отредактированную историком и одобренную информатором. Последний документ обрабатывается по всем правилам хранения рукописей. В 70-х годах около 70% центров устной истории в США переводили сделанные записи в машинописную форму⁴⁸. Именно эта документация пользуется преимущественным спросом среди историков (примерно один из тысячи исследователей предпочитает прослушивать саму запись⁴⁹).

Постоянное совершенствование методической и технической сторон устного интервьюирования, расширение его масштабов и значения в исследовательской работе историков позволило к концу 60-х годов с полным основанием говорить о рождении в США новой вспомогательной исторической дисциплины источниковедческого цикла. Помимо собственно историков, к разработке устной истории с энтузиазмом подключились работники архивных служб, признавшие последнюю областью исторической документации. По результатам опроса 1971 г., около 20% архивистов США активно занимались вопросами устной истории в качестве руководителей программ, интервьюеров, хранителей материалов⁵⁰.

⁴⁸ Oral History. Annual Report 1975. Columbia University. N. Y., 1976, p. 4.

⁴⁹ Starr L. M. Oral History.— Encyclopedia of Library and Information Science, 1977, vol. 20, N 4, p. 443.

⁵⁰ Oral History and Archivist: Some Questions to Ask. The Committee on Oral History of the SAA.— AA, 1973, vol. 36, N 3, p. 361; Кузнецова Н. П., Суринов В. М. «Устная история» в практике работы зару-

В итоге предпринятых усилий американская историография обеспечила себе в этом направлении лидирующие позиции, и достижения историков США в области теории и методики устной истории были, в частности, изложены в докладе на специальной сессии по проблемам методологии на XV Международном конгрессе исторических наук в 1980 г. в Бухаресте⁵¹.

Зарождение устной истории в США связано с именем известного историка Аллана Невинса, который в 1948 г. начал осуществление проекта устной истории при Колумбийском университете в Нью-Йорке. Деньги на осуществление этого проекта были получены от дохода с 1,5 млн. долл., завещанных университету на приобретение материалов по американской истории. Завещателем, кстати, был друг А. Невинса известный американский историк Фр. Бэнкрофт.

А. Невинс справедливо заметил, что современные средства коммуникации людей: телефон, автомобиль, самолет (а позднее телевидение и компьютеры) — дали возможность быстрых и непосредственных контактов. Это подрывает основу такой традиционной формы связи, как письма, а вместе с этим уменьшает роль письменной документации, что лишает будущих историков ценнейших источников. В этой связи запись устных свидетельств на магнитофон вполне может хотя бы отчасти восполнить пробел в недостатке информации и стать одним из важных направлений в деятельности историков, в организации их труда⁵².

На начальных стадиях А. Невинс со своими сотрудниками провел серию интервью, которые представляли собой устные биографии известных американцев. Затем зарождается второй тип устной истории — так называемые специальные проекты, т. е. сбор интервью по какой-то определенной теме, проблеме или конкретному событию от всех доступных участников или очевидцев. Одним из первых был осуществлен проект «пионеры радиовещания» — интервью с первыми американскими радиодикторами, редакторами, режиссерами и техническими работниками. Воспоминания составили свыше 4 тыс. страниц машинописного текста.

бежных архивов и научных учреждений. — Сов. архивы, 1980, № 1, с. 73—80.

⁵¹ *Burg M. P. Problems and Methods of Oral History.* — In: XVe Congrès international des sciences historiques. Bucarest, 10—17 août 1980. Rapports I. Grand Thème et Méthodologie. Buc., 1980, p. 497—515. О дискуссии см.: *Тихвинский С. Л., Тишков В. А.* XV Международный конгресс исторических наук — Вопр. истории, 1980, № 12, с. 3—23.

⁵² *Starr L. M. Op. cit.*, p. 442.

Затем последовал сбор данных о деятельности Генри Форда и о его автомобильной империи. Полученные 26 тыс. страниц интервью от 434 человек были использованы самим А. Невинсом для создания трехтомной биографии короля американского бизнеса. Деньги на осуществление этого проекта были отпущены компанией «Форд моторс». Аналогичный проект по истории нефтяных промыслов в Техасе был выполнен также А. Невинсом, но на сей раз на деньги семейства Рокфеллеров, так как он предназначался уже для написания биографии родоначальника нефтяного бизнеса в США ⁵³.

Взрыв интереса к собиранию устных интервью для использования их в исторических исследованиях произошел в 60-е годы. Этому способствовал ряд обстоятельств. В научных журналах появилась целая серия статей по этим вопросам. Ряд известных авторов (Дж. М. Бернс, Фр. Фридел, Дж. Кеннан, А. Шлезингер и др.) опубликовали в конце 50-х годов работы, основанные на устных интервью. Появившийся в 1960 г. каталог материалов по устной истории при Колумбийском университете содержал перечень коллекций объемом в 130 тыс. страниц, а с 1961 стал выходить ежегодный отчет этого центра с информацией о развитии устной истории в целом по стране.

Отчет за 1965 г. перечислял уже 89 проектов и центров в различных штатах. Среди них наиболее крупными были программы Принстонского университета (материалы о Джоне Фостере Даллесе), Гарвардского (материалы о президенте Джоне Кеннеди), Мичиганского (материалы об объединенном профсоюзе автомобилестроителей), Библиотеки Трумэна (материалы об администрации Г. Трумэна) и др.

Десять лет спустя в США уже было 316 центров устной истории, имевших самую различную институционную принадлежность (см. с. 149).

В отличие от начальных этапов, когда устная история ограничивалась преимущественно получением информации от различных «героев» событий, известных исторических личностей, в последующие годы перечень объектов устной истории, круг охватываемых проблем и тематика интервью стали гораздо разнообразнее. Многие историки, особенно представители леворадикальной историографии и «новой социальной» истории, стали стремиться сделать предметом устной истории собирание информации о народных низах,

⁵³ См.: Интервью с А. Невинсом.— Коллекция «Американские историки». Центр устной истории Колумбийского университета.

Принадлежность центров устной истории	Число	Принадлежность центров устной истории	Число
Университеты	108	Федеральные	18
Публичные библиотеки	48	агентства	
Колледжи	47	Музеи,	12
Профессиональные, этнические	29	религиозные группы	
и др. общества по интересам		Частные коллекции	5
Исторические общества	25	Корпорации	4
		Прочие	20
		<i>Всего</i>	<i>316</i>

Источник: Oral History. Annual Report. Columbia University, 1975, p. 4.

положении различных социальных и этнических групп, социальных конфликтах и общественных движениях. Объектами интервьюирования все чаще становились рядовые американцы, представители народных низов, активисты рабочего, профсоюзного, студенческого, женского движений.

Этот поворот существенно изменил содержательный характер накапливаемой источниковой информации. Нами проделан анализ тематического содержания главных коллекций в 230 центрах устной истории на 1971 г.

Тема коллекции	Число центров	Тема коллекции	Число центров
История городов, штатов и регионов	50	Политическая история	18
История культуры и образования	28	Экономическая история	16
История науки и техники	24	История рабочего движения	11
История иммигрантов, афроамериканцев и индейцев	23	История общественных движений	7
История отдельных личностей	22	История церкви и религиозных общин	4
Социальная история	19	Прочие	8
		<i>Всего</i>	<i>230</i>

Источник: Oral History in the United States. A Directory/Compl. by G. L. Shumway. N. Y., 1971.

Из приведенных данных видно, что тематика местной истории преобладает в настоящее время во многих центрах: в путеводителе 1971 г. из 50 штатов 31 представлен исклю-

чительно программами, относящимися к истории этих штатов. Некоторые собрания, например по истории Калифорнии в Бэнкрофтской библиотеке Калифорнийского университета и по истории других западных штатов, где еще в XX в. шел процесс интенсивного хозяйственного освоения территорий, имеют несомненный интерес. Остальные коллекции достаточно тривиальны по содержанию и скорее призваны убажить местные патриотические чувства, чем служить базой для серьезных научных изысканий.

Значительное число проектов посвящено историко-культурной тематике. Среди них есть уникальные собрания. Это, например, архив новоорлеанского джаза в Новом Орлеане (Луизиана), где, помимо музыкальных записей, собраны 445 интервью (650 часов записи) с музыкантами, любителями джаза, специалистами и т. п. В Калифорнии в Голливудском центре аудиовизуальных искусств и Институте американского кино собраны интервью с 450 деятелями киноиндустрии США: актерами, режиссерами, сценаристами, кинокритиками. Есть ряд центров, обладающих интересными записями устного народного творчества. Смитсоновский институт в Вашингтоне располагает архивом американского искусства, где собрано 1200 интервью (3400 часов записи) с различными деятелями американского искусства и музейными работниками.

Отдельную категорию составляют многочисленные коллекции в университетских центрах по истории самих университетов, которые содержат преимущественно интервью с местной профессурой и известными выпускниками. Научная ценность таких собраний для историков невелика.

Ряд научных обществ и организаций собрали богатые материалы по истории науки и техники. Коллекция устной истории НАСА содержит 375 интервью (1200 часов записи) по истории освоения космоса, Историческое общество американской авиации в Редондо-Бич (Калифорния) собрало свидетельства очевидцев о зарождении и развитии воздухоплавания в США. Американский институт физики в Нью-Йорке составил коллекцию интервью с крупнейшими физиками XX в. (70 интервью, 300 часов записи), а библиотека Американского философского общества — коллекцию интервью о развитии квантовой физики. Имеется ряд крупных собраний по истории медицины и здравоохранения, психиатрии, биологии, ботаники и других научных дисциплин.

Большой интерес представляют материалы по истории различных этнических и расовых групп. Крупные коллекции по истории афроамериканцев и негритянского движения

в США собраны в центре документации библиотеки им. Мартина Лютера Кинга в Атланте (Джорджия), в библиотеке университета Фиска в Нэшвилле (Теннесси). Собраны воспоминания групп иммигрантов, прибывших в США в разное время. Историческое общество Небраски взяло интервью у жителей шведского происхождения. Бюро устной информации Калифорнийского университета в Беркли провело интервьюирование осевших в Калифорнии русских иммигрантов. Исключительное значение имеют устные свидетельства, собранные среди коренных жителей — индейцев. Таких программ несколько. Одна из наиболее крупных была осуществлена Ютским университетом в Солт-Лейк-Сити — более тысячи интервью (1500 часов записи). Аналогичные проекты выполнили университеты Аризоны, Флориды, Иллинойса, Нью-Мексико, Оклахомы, Южной Дакоты, Северной Каролины.

Крупные американские корпорации осуществили ряд программ для ознакомления с историей своих предприятий и более тщательного изучения процесса управления и регулирования трудовых отношений на них и в промышленности в целом. Отдел устной истории Архива Форда в Диборне (Мичиган) собрал 434 интервью с руководителями и служащими компании «Форд моторс». Машинописные тексты этих интервью составляют более 26 тыс. страниц. Существующий на деньги семейства Дюпонов Музей Хагли в Гринвилле (Делавэр) собрал свидетельства о развитии промышленности в районе, где начиналась предпринимательская деятельность фабрикантов оружия Дюпонов. Центр по истории бизнеса и технологии корпорации ИБМ собрал 200 интервью (485 часов записи). Крупные коллекции устных свидетельств имеют компании «Дженерал моторс», «Филд энтерпрайз» и ряд других.

Существенный вклад в создание источниковой базы для изучения истории рабочего движения и трудовых отношений вносят программы интервьюирования рабочих различных специальностей, профсоюзных активистов, участников стачечной борьбы. Рядом университетских центров устной истории были опрошены рабочие автомобильной промышленности, водители грузовиков, связисты, сельскохозяйственные рабочие (белые, негры, мексиканцы, японцы, филиппинцы), шахтеры и представители других профессий. В библиотеке университета Западной Виргинии собраны интервью-воспоминания со 120 шахтерами этого региона, в Мичиганском университете — 177 интервью с деятелями и активистами профсоюзного движения в 30—40-е годы.

Несколько самостоятельных проектов выполнено по истории общественных движений в новейшее время, например в Вашингтоне создан центр документации о движении за гражданские права в Соединенных Штатах (650 интервью и 1500 часов записи).

Военная история — одна из наиболее популярных областей устной истории. Военно-воздушная академия США в штате Колорадо собрала материалы по истории военной авиации. Военно-морской корпус США в Вашингтоне сосредоточил коллекцию интервью с 4690 моряками действительной службы и 71 отставным военным служащим. Исторический факультет академии США в Вест-Пойнте (Нью-Йорк) собирает материал по истории военного искусства. Исследовательский отдел военной истории при армии США проинтервьюировал ветеранов испано-американской войны 1898 г., боксерского восстания в Китае и восстания на Филиппинах, а также ряд военачальников второй мировой войны, в том числе генерала армии А. Брэдли. Библиотека им. Джорджа Маршалла в Лексингтоне (Виргиния) располагает 40-часовой записью бесед с генералом Маршаллом и 304 интервью с людьми, которые знали генерала или служили под его командованием.

Все же господствовавший долгое время в американском источниковедении и историографии в целом элитистский подход к собиранию источников и трактовке исторического процесса не был полностью преодолен устной историей. Наиболее престижные и дорогостоящие проекты из числа уже осуществленных и осуществляемых — это все то же собирание материалов об «американских лидерах». Существует целая серия программ по собиранию интервью о президентах США, инициаторами которых выступают президентские библиотеки. Ряд учреждений записал 358 интервью (400 часов записи) о Герберте Гувере. Библиотека Эйзенхауэра в Абилене (Канзас) провела 203 интервью (700 часов записи и 21 174 страницы машинописных текстов) по периоду администрации Дуайта Эйзенхауэра. Библиотека Кеннеди в Уолтеме (Массачусетс) располагает 861 интервью (1652 часа записи и 45 тыс. страниц текстов) о жизни и деятельности Джона Кеннеди. Библиотека Трумэна в Индепенденсе (Миссури) имеет 345 интервью об администрации и жизни Гарри Трумэна. Материалы о Ричарде Никсоне собрали Калифорнийский колледж в Фуллертоне и Уиттьерский колледж (Уиттьер, Калифорния). Принстонский университет имеет 279 интервью (11 800 страниц текста) о Джоне Фостере Даллесе.

Получение финансовых ассигнований под программы такого рода, видимо, происходит без особых трудностей: всегда находятся институты, благотворительные фонды и богатые меценаты, готовые «увековечить» память представителей правящих классов Америки. Так, например, в 1978 г. фонд Форда и Национальный гуманитарный фонд выделили 400 тыс. долл. центру устной истории Колумбийского университета на трехлетнюю программу сбора свежей информации для очередного издания Словаря американских биографий.

В конце 60-х годов произошло организационное оформление энтузиастов устной истории. В 1966 г. прошла первая конференция, а на следующий год была создана Ассоциация устной истории, которая стала издавать информационный бюллетень, периодически обновляемую библиографию, а также ежегодник «Орэл хистори ревью» (с 1973 г.). Спустя десять лет, в 1978 г., ассоциация насчитывала в своих рядах 1282 коллективных и индивидуальных члена, в том числе 135 институтов и 270 библиотек⁵⁴.

Одной из задач ассоциации стала унификация и координация деятельности в области устной истории в общенациональном масштабе. Этой цели, в частности, служат ее ежегодные съезды, на одном из них были приняты единые методические, правовые и этические принципы и рекомендации по практике интервьюирования и научной обработке получаемых материалов⁵⁵. Ассоциация обеспечивает также необходимой информацией Библиотеку конгресса, которая с 1970 г. стала включать в Национальный сводный каталог рукописных коллекций раздел о материалах по устной истории. В 1971 г. ассоциация подготовила собственный путеводитель по материалам 230 коллекций, а в 1975 г. — еще более полный указатель по материалам 316 центров устной истории в США⁵⁶.

Учитывая огромный интерес среди исследователей и преподавателей истории к производству и использованию в научных и учебных целях материалов устных интервью,

⁵⁴ The Oral History Review, 1979, p. 109.

⁵⁵ См. приложение к докладу М. Бэра на XV Международном конгрессе исторических наук (In: XVe Congrès International des sciences historiques. Rapport I, p. 511—515).

⁵⁶ Oral History in the United States. A Directory / Compl. by G. L. Shumway. N. Y., 1971; Oral History Collections / Ed. by A. Meckler and R. McMullin. N. Y., 1975.

в США был издан ряд методических пособий и учебников⁵⁷, которые ныне широко используются по всей стране.

Одним из сложных и труднорешаемых вопросов на пути развития устной истории является финансирование, так как в отличие от обычной процедуры собирания источников в виде уже готовой документации целенаправленный сбор первоисточниковой информации требует, несомненно, гораздо больших затрат. Во второй половине 70-х годов стоимость часовой магнитофонной записи, включая предварительные изыскания, организацию интервью, транскрибирование, редактирование, составление индексов и каталогизацию, составляла от 100 до 500 долл.⁵⁸

Естественно, что выполнение крупных программ или отдельных проектов требует привлечения дополнительных средств, помимо скромных бюджетов университетов и обществ, которые выступают непосредственными исполнителями проектов. Эти средства поступают от правительственных органов, корпораций и частных лиц в зависимости от характера проекта и степени заинтересованности в нем тех или иных организаций. Нередко сокращение ассигнований или полная неудача с их получением становятся причиной незавершенных или нереализованных проектов и программ.

Но, пожалуй, самый главный вопрос, который сейчас встает перед американской исторической наукой, — это как наладить действительно эффективное использование целенаправленно созданного огромного массива исторической документации, как преобразовать усилия собирателей в творческий процесс собственно исторического исследования. Едва ли для энтузиастов устной истории остается секретом тот факт, что сотни, а может быть, уже и тысячи сделанных интервью лежат пока мертвым грузом и к ним не прикасается рука историков. По крайней мере, для руководителя центра при Колумбийском университете Л. Старра это повод для серьезной озабоченности⁵⁹. Бесспорно, что на нынешней стадии темпы создания источников заметно опережают темпы их изучения и использования учеными. Возможно, эта диспропорция закономерна, ведь изучение созданных документов — задача не только нынешнего поколения историков.

⁵⁷ Tyrrell W. G. *Tape Recording Local History*. N. Y., 1966; Baum W. K. *Oral History for the Local Historical Society*. Nashville, 1974; Shumway G. L., Hartley W. G. *An Oral History Primer*. Fullerton 1973; Cash J. H. *The Practice of Oral History*. N. Y., 1975; Moss W. W. *Oral History Program Manuel*. N. Y., 1974.

⁵⁸ Starr L. M. *Op. cit.*, p. 455.

⁵⁹ *Oral History. The First Thirty Years*. Columbia University. N. Y., 1978. p. 13.

5. Микрокопирование и машинные банки данных

В США проделана большая работа по микрокопированию исторических материалов для пополнения коллекций и более оперативного обслуживания исследователей. Общий объем микрокопированного материала (рукописи, редкие издания, пресса и т. п.) постоянно увеличивается. В 1977 г. 76 научных библиотек располагали в среднем по 450 тыс. единиц микроформатных материалов: микрофильмов, микрофиш, микропринтов и пр.⁶⁰

Лидерами в создании крупных коллекций микрокопированных материалов являются, как правило, библиотеки богатых провинциальных университетов. Библиотека Сиракьюсского университета (г. Сиракьюс, Нью-Йорк) имеет, например, свыше 1 млн. единиц микрофильмированных материалов.

Значительная часть микрокопированного материала приходится на официальную правительственную документацию, размножением и распространением которой по стране и за ее пределами занимаются особые объединения, в том числе чисто коммерческого характера. Институт исторической документации Соединенных Штатов выпустил на 479 катушках микрофильмы материалов конгресса США с 1789 по 1964 г. Корпорация «Гринвуд» замикрофильмировала более 1 тыс. томов слушаний в палате представителей и в сенате США конгрессов 41—73-го созывов. Аналогичные программы микрофильмирования осуществлены в отношении многотомных документальных изданий «Государственные документы Америки», «Внешняя политика США» и др.

Некоторые организации и институты самостоятельно осуществляют крупные программы микрофильмирования. Библиотека конгресса скопировала большинство президентских документов и в кооперации с университетом Северной Каролины замикрофильмировала наиболее важные собрания документов штатов и графств, включая законодательные, судебные и церковные материалы. Американское антикварное общество, Висконсинское историческое общество и другие общества и ассоциации осуществили программы по микрофильмированию собраний редких американских книг, ранних газет, которые достаточно широко используют библиотеки и отдельные исследователи.

⁶⁰ Harvard's Guide to American History, p. 109.

В целом микрокопирование облегчило доступ ко многим архивным документам и другим материалам. Ученые могут получить копии источников сравнительно быстро и не совершая дорогостоящих поездок к местам их хранения. Имеются специальные указатели, какие материалы и где доступны в микрокопированном виде. Только Национальный архив США к 1970 г. предлагал к услугам исследователей 150 тыс. катушек микрофильмов.

Важное место в источниковой базе американской исторической науки занимают массовые источники, значение которых в последние годы заметно возросло в связи с формированием ряда новых направлений в историографии, и прежде всего с возросшим интересом к социальной истории. Мощный стимул использованию массовых данных дало применение новейшей техники — электронно-вычислительных машин — и развитие методов квантификации.

Одним из основных исторических источников для американских исследователей являются статистические материалы. Это прежде всего переписи населения, которые первоначально осуществлялись государственным департаментом с целью определения представительства на выборах в конгресс США. Сначала фиксировались данные о мужском белом населении, других свободных гражданах и рабах. При переписи 1810 г. были добавлены данные о предприятиях, в 1820 г. — о профессиональных занятиях, в 1840 г. — о сельском хозяйстве, торговле, грамотности, в 1850 г. — о библиотеках, газетах и периодических изданиях, о преступности.

Перепись 1850 г. была первая, которая проводилась с должной аккуратностью и по единой методике, и ее первичные материалы были переданы в только что созданное тогда министерство внутренних дел. В 1890 г. была введена машинная обработка данных переписи с помощью простых перфокарт, а в 1902 г. было создано специальное Бюро переписей — правительственный орган с собственным штатом и бюджетом, который вплоть до сегодняшнего дня каждое десятилетие осуществляет всеобщие переписи, а также проводит более частые периодические переписи по разным областям и выборочные статистические обследования.

Огромная статистическая информация собирается различными правительственными ведомствами, особенно по вопросам финансов, промышленности и сельского хозяйства, трудовых и рыночных отношений, иммиграции, занятости, образования и здравоохранения. Важный статистический материал содержат различные доклады специально созданных комиссий, особенно комиссий конгресса, материалы различ-

ных административных служб, судебных органов, полиции и т. д.

С 1878 г. в стране ежегодно издается «Статистический обзор Соединенных Штатов», содержащий основную информацию практически по всем вопросам современной американской жизни (население, иммиграция, здравоохранение и питание, образование, право и суд, окружающая среда, финансы и бизнес, социальное обеспечение, трудовые ресурсы и занятость, доходы и уровень жизни, цены, средства коммуникаций и т. п.). Выпуск 1980 г., например, содержит 1600 таблиц и графиков⁶¹.

Бюро переписей совместно с учеными-историками издало также двухтомное собрание «Историческая статистика Соединенных Штатов от колониальных времен до 1970 г.»⁶², в котором более 12,5 тыс. статистических таблиц по самым различным вопросам экономической, социальной и политической истории США начиная с 1610 г. Ряд специальных статистических изданий посвящен материалам по истории президентских выборов⁶³.

Статистическая информация, накопленная учреждениями штатов и муниципалитетов, очень разнообразна и широко используется историками. Во многих штатах еще в начале XIX в. имелись законодательства о регистрациях, включавшие информацию о рождениях, браках, смертях. Власти штатов и городов собирали данные для отправления налогообложения по вопросам промышленности и торговли, условий найма, жилищных условий, образования, здоровья и социального обеспечения. В некоторых штатах (Массачусетс, Нью-Йорк, Мичиган) первые переписи были более детальными и совершенными, чем общенациональные. В США издана целая серия указателей по местным документам и документам штатов, а также осуществлена публикация некоторых статистических материалов⁶⁴. Кроме этого, Библиотека конгресса издает с 1910 г. ежемесячно список получаемых ею публикаций американских штатов⁶⁵.

⁶¹ Statistical Abstract of the United States, 1980. 101st ed. Wash., 1980. (US Department of Commerce. Bureau of the Census).

⁶² Historical Statistics of the United States, Colonial Times to 1970. Wash., 1975. Vol. 1, 2.

⁶³ Presidential Ballots, 1836—1892 / Ed. by W. D. Burnham. Wash., 1955; Presidential Vote, 1896—1932 / Ed. by E. E. Robinson. Wash., 1934; America Votes: A Handbook of Contemporary American Election Statistics / Ed. by R. M. Scammon. Wash., 1956—1964. Vol. 1—6.

⁶⁴ См.: Harvard's Guide to American History, p. 76—79.

⁶⁵ Monthly Checklist of State Publications, 1910—.

В США существует достаточно обширная статистика, собираемая частными учреждениями, прежде всего промышленными и торговыми организациями. Таковой, например, является биржевая статистика, публикуемая в периодических отчетах и коммерческих изданиях, а также в соответствующих разделах газет. Собирают и публикуют статистику торговые и промышленные палаты, рабочие, фермерские и другие профессиональные организации. Страховые и рекламные компании собирают данные о населении, особенно о размерах и характере собственности, кражах и стихийных бедствиях, смертности и несчастных случаях и т. д.

Новым явлением, оказавшим существенное влияние на развитие исторической науки в США в последние 15—20 лет, стало создание специально рассчитанных на исследователей хранилищ массовых источников в виде банков данных. В США существует уже целая сеть таких банков, содержащих источниковую информацию по общественным наукам в машиночитаемой форме⁶⁶. Услугами этих центров пользуются тысячи ученых: историки, политологи, социологи, экономисты; на основе их материалов выполнены в последние годы многочисленные исследования, в том числе исторические труды, вызвавшие наибольший интерес среди специалистов и резонанс среди общественности.

Наиболее известные банки имеют определенную специализацию. Так, например, Роуперовский исследовательский центр общественного мнения при колледже Уильямса (г. Уильямстаун, Массачусетс) располагает материалами опросов общественного мнения, проведенных в США и 43 других странах, по вопросам политики, экономики, образования, здравоохранения и социального обеспечения, занятости, образа жизни и т. п. Сюда ежегодно поступает более 500 материалов различных обследований. Аналогичный исследовательский центр общенационального общественного мнения существует при Чикагском университете, где разработана типовая программа «Осирис-III», предназначенная для анализа информации опросов населения.

Вычислительные центры и исследовательские группы Принстонского, Стэнфордского, Питтсбургского, Калифорнийского, Колумбийского и многих других университетов уже осуществили широкие программы перевода исторических источников в машиночитаемые формы. На этой основе выполняются многочисленные диссертационные работы и

⁶⁶ Соколов А. К. О применении новых методов в исследованиях историков США.— В кн.: Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. М., 1981, с. 379—387.

серийные научные публикации. Так, например, в Принстонском университете группой по изучению проблем народонаселения на основе обработанных на ЭВМ данных европейских переписей населения и других источников выполнена серия историко-демографических работ, в том числе по истории народонаселения в России⁶⁷.

В Питтсбурге на базе местного университета сформировался крупный машинный архив, содержащий данные по истории трудовых отношений в США. Здесь хранится информация о бюджетных обследованиях рабочих-сталелитейщиков, данные об ассамблеях рабочей организации «Рыцари труда» — одном из первых крупных профсоюзов в истории США, сведения о 500 крупнейших в истории страны корпорациях. Здесь же имеются первичные материалы американских переписей, информация политологического характера, в том числе банк данных о партийных и государственных руководителях ряда зарубежных стран.

В Филадельфии, также на базе университета, с 1969 г. действует исследовательский центр по изучению социальной истории Филадельфии⁶⁸. Базу этого центра составляет специально созданный машинный архив, в который введены данные о населении города и его окрестностей. Эти данные включают показатели возраста, этнической и расовой принадлежности, имущественного положения, профессиональной квалификации, образования, вероисповедания и пр. Здесь же в машиночитаемой форме материалы Аболиционистского общества Пенсильвании и других организаций, данные промышленных переписей 1850, 1860, 1870, 1880 гг., материалы различных городских ведомств, справочники и путеводители. Возможности сложного программирования позволили увязать огромную массу данных с пространственно-временными параметрами, а методы машинного картографирования — проследить развитие географии, индустриальной базы, торговой и транспортной сети города. Создание единой базы исторических данных об одном крупном городе сделало возможным изучение процессов урбанизации от экономических до социально-психологических аспектов, выявление индивидуальных судеб его отдельных граждан и

⁶⁷ См.: Багдасаров В. К., Дробижев В. З. Новые книги американских демографов о движении населения в СССР.— История СССР, 1984, № 2; Они же. Новая работа о движении населения в СССР.— История СССР, 1983, № 2.

⁶⁸ О нем см. подробнее: Бородкин Л. И., Селунская Н. Б. Методы изучения социальной истории в американской историографии.— История СССР, 1978, № 2.

меняющихся социальных характеристик различных групп населения.

Самым крупным архивом машинной информации по общественным наукам располагает Межуниверситетский консорциум политических и социальных исследований в Анн-Арборе (Мичиган), созданный в 1962 г. консорциум представляет собой объединение Центра политических исследований при Институте социальных исследований Мичиганского университета с более чем 200 университетами и колледжами, которые выступают своего рода пайщиками — потребителями информации. Через сотрудничество с такими организациями, как Европейский консорциум политических исследований и Международный совет социальных наук при ЮНЕСКО, эта организация имеет широкие международные связи и получила действительно мировую известность.

Архив консорциума получает, обрабатывает и предоставляет в пользование информацию о социальных и политических процессах, которые происходят как в США, так и в других странах (в архиве имеются данные по более чем 130 странам). Начав с хранения и обработки данных об американских выборах и электорате, архив ныне располагает данными о переписях населения, законодательной деятельности и результатах голосования в конгрессе, опросах общественного мнения, международных связях и контактах США. Здесь в машиночитаемой форме содержится информация об американских выборах по штатам и графствам начиная с 1789 г., агрегированные данные всех американских переписей с 1790 г., данные переписей Франции начиная с XIX в., материалы ассамблей ООН и многие другие.

Заложенные данные — результат труда многих исследователей — историков и специалистов по применению ЭВМ в общественных науках. В историческую секцию архива сдали, например, накопленную информацию исследователи, которые изучили историю американского рабства (Р. Фогель и С. Энгерман), партийную характеристику правительств штатов с 1834 г. по настоящее время (У. Бернхем) и др.⁶⁹

Консорциум оказывает услуги за определенную плату, которую вносят университеты и колледжи (от 3 тыс. до 8 тыс. долл. в год в зависимости от категории членства). Исследователи, работающие в этих учреждениях, как правило, имеют бесплатный доступ ко всем материалам.

⁶⁹ См. ежегодный путеводитель по архиву и оказываемым им услугам: Guide to Resources and Services, 1980—1981. Inter-University Consortium for Political and Research. Ann-Arbor 1980.

Появление принципиально новых массивов исторической информации и усложненных методов источникового анализа, включая тесное взаимодействие историка с современной техникой в лице электронно-вычислительных машин, поставило перед американской исторической наукой ряд сложных методологических и методических проблем. Теоретико-методологические аспекты применения количественных методов в американской историографии уже подвергались неоднократно критическому разбору⁷⁰, и их анализ не входит в нашу задачу, хотя бесспорно, что теоретико-методологические взгляды и принципы американских исследователей самым непосредственным образом влияют и на процесс формирования машинных архивов, на обработку поступающей информации по определенному набору показателей (переменных), а также на методику манипулирования данными и оценки результатов.

Среди методических и организационных проблем, пожалуй, самой важной оказалась специальная подготовка историков к применению новых методов, к работе с машинной информацией. Если 60-е годы ушли на преодоление скорее психологических барьеров, на утверждение — в довольно острой борьбе со сторонниками традиционных методик — правомерности применения математических методов и ЭВМ для исследования прошлого, то в 70—80-е годы «количественная история» заняла одно из центральных мест в американской историографии⁷¹. Сотни историков, особенно молодое поколение, обратились или же по крайней мере изъявили желание и готовность обратиться к количественным методам в собственной исследовательской практике. В США был издан ряд практических пособий и руководств, которые облегчали специалистам с гуманитарным образованием задачу освоения возможностей и конкретной техники применения математической статистики и машинных методов⁷².

⁷⁰ Ковальченко И. Д., Тишков В. А. Итоги и перспективы применения количественных методов в советской и американской историографии. — В кн.: Количественные методы в советской и американской историографии / Отв. ред. И. Д. Ковальченко, В. А. Тишков. М., 1983; Соколов А. К. Указ. соч.

⁷¹ См. также: Kousser J. M. Quantitative Social-Scientific History. — In: The Past Before Us..., p. 433—456.

⁷² Floud R. An Introduction to Quantitative methods for Historians. Princeton, 1975; Dollar Ch. M., Jensen R. J. Historian's Guide to statistics: Quantitative Analyses and Historical Research. Chicago, 1971; Shorter Ed. The Historian and the Computer: A Practical Guide. N. Y., 1975.

Однако одни только пособия не могли решить проблему обучения и профессиональной переподготовки, особенно в вопросах активного и многоразового использования накапливаемой информации в банках данных. Инициаторами создания вспомогательных исторических служб выступили некоторые научные центры и машинные архивы, через летние институты и курсы которых уже прошли учебную подготовку несколько тысяч аспирантов и сотни дипломированных исследователей. В Апп-Арборе при консорциуме летнюю программу проходят ежегодно около 200 человек (плата за обучение в 1976 г. была от 300 до 750 долл.). В Чикаго при Библиотеке Ньюберри летом обучаются около 70 специалистов-историков — также за соответствующую денежную плату (около 500 долл.).

Летняя программа при консорциуме в Апп-Арборе рассчитана на четыре недели лекционных, семинарских и практических занятий и направлена на совершенствование общеметодологической обществоведческой подготовки, включая подготовку в области количественного анализа при историческом исследовании. Для историков, которые составляют только часть слушателей, программа предусматривает ознакомление с методами бихевиористского анализа, изучение математико-статистических приемов типа одномерного и многомерного анализа статистических рядов, методик причинного моделирования. На практических занятиях на базе машинного архива и специальных учебных разработок проходят темы по применению количественных методов в изучении истории международных отношений, сравнительного анализа политических систем, политического и избирательного поведения, истории различных групп населения, образования, судопроизводства и преступности и т. п.

В Чикаго программа летнего института по количественной истории, специально рассчитанная на историков, включает отработку на основе материалов по истории семьи, демографии и социальной мобильности различных уровней измерения и шкалирования переменных, изучение описательных статистик, методов ассоциации, корреляции, регрессии, факторного анализа данных. В течение месяца для аспирантов и дипломированных специалистов читают курсы по статистическому анализу, исторической демографии, истории женщин. Организаторы института подчеркивают, что для прохождения курсов не требуется особой подготовки по математике и знания ЭВМ — необходимые знания и навыки даются во время занятий. За первые пять лет его деятельно-

сти в летнем институте обучалось свыше 300 историков⁷³.

В целом задача облегчить для историка сотрудничество с математиками-программистами, контакт с ЭВМ без специальной подготовки считается в последнее время наиболее важной. Сам исследователь должен формулировать задачи и определять пути их решения, непосредственно общаясь с ЭВМ. Современные комплексы стандартных программ и методические руководства делают ныне основной упор на организации и подготовке данных для обработки. Как отмечает советский исследователь А. К. Соколов, проходивший стажерскую практику при консорциуме в Анн-Арборе, «в сущности, только на данном этапе компьютеризации создаются широкие перспективы для внедрения новых методов в историческое исследование... Историк в отличие от других исследователей больше заинтересован в накоплении и обработке больших массивов данных, чем в сложных манипуляциях с их ограниченным кругом. Больше всего этому соответствуют гибкие автоматизированные системы данных, которые могут обеспечить только современные поколения ЭВМ. В отличие от экономистов, социологов, пользующихся в своей работе комплексами готовых данных, историк первоочередное внимание уделяет проблемам поиска различного рода сведений, анализу их происхождения, способам получения, собирания и т. д. Это большей частью вопросы источниковедения. Причем, чем более отрывочны и фрагментарны дошедшие до него сведения, тем совершеннее должна быть источниковедческая методика. Эти вопросы историк должен решать постоянно»⁷⁴.

Взаимодействие историка-исследователя непосредственно с машиной без специального образования и знания устройства ЭВМ удалось наладить благодаря разработке программистами специальных языков и вспомогательного оборудования. Наиболее простым для обработки исторических данных является язык, изложенный в руководстве к «статистическому пакету для социальных наук», содержащий описание применения статистических методов и дающий возможность преобразовывать и обрабатывать буквенную информацию. Сокращенный вариант этого руководства — своего рода самоучитель для исследователей и пособие для студентов — рассчитан на описание данных в числах, эле-

⁷³ Campbell A., Jensen R. J. Community and Family History at the Newberry Library: Some Solutions to a National Need.— The History Teacher, 1977, Nov., vol. 11, N 1, p. 52.

⁷⁴ Соколов А. К. Указ. соч., с. 385.

ментарное кодирование и т. д.⁷⁵ Разработан вариант руководства специально для работы в режиме прямого взаимодействия «человек—машина». Теперь, как пишет А. К. Соколов, «обработка данных на ЭВМ в США возможна в разовой системе или в режиме взаимодействия, основанном на непосредственном „разговоре“ исследователя с машиной. Последний способ лучше соответствует задачам исторического исследования, поскольку обеспечивает быстрый (в течение нескольких секунд) контакт с анализируемыми данными и итерационный процесс их анализа. Он дает возможность проверить, апробировать необходимые для исследователя варианты, выбрать оптимальный. Можно решить различные источниковедческие вопросы. После этого можно передать задания разовой системе обработки данных»⁷⁶.

Следует учитывать, что многие исторические факультеты через университетские вычислительные центры или собственные терминальные установки имеют доступ к более мощным вычислительным системам. Система Межуниверситетского консорциума обеспечивает около 200 факультетов доступом не только к машинному архиву в Апп-Арборе, но и к другим архивам. Таким образом, выполнять исследования на основе материалов банков данных американские историки могут непосредственно по месту своей работы, а в самое последнее время и по месту своего жительства.

Дело в том, что в последние три-четыре года произошел еще один качественный скачок в области компьютеризации. Создание недорогих (стоимостью 1—3 тыс. долл.) микропроцессоров с широким набором прилагаемых программ дало возможность приобретения исследователями ЭВМ в личное пользование. Микрокомпьютеры на дому, которые способны через обычную телефонную сеть связываться с вычислительными системами и за умеренную плату (около 10 долл. в час) использовать возможности больших ЭВМ, историки применяют для самых различных операций, связанных с исследовательским трудом. С их помощью запрашивают необходимые библиографические сведения, получают тексты документов или их отдельные извлечения, собирают, сводят воедино, первично обрабатывают и вводят едиными массивами собственные данные и, наконец, производят необходимый расчет и оценку результатов. Возможности личных микрокомпьютеров расширяются вплоть до печатания текстов научных работ, их редактирования и размножения.

⁷⁵ Nie N. et al. SPSS Statistical Package for the Social Sciences. N. Y., 1975; Klecka W. et al. SPSS Primer. N. Y., 1975.

⁷⁶ Соколов А. К. Указ. соч., с. 387.

В этой связи позволим себе привести выдержки из письма от 9 февраля 1984 г. профессора Чикагского университета Ричарда Хелли автору книги. Сообщая о работе над английским переводом и аннотированным изданием в США свода русских законов — Соборного уложения 1649 г., Р. Хелли, в частности, писал: «Я приобрел компьютерную программу KWIX (Key World in Context — Ключевое слово в содержании), которая способна составлять обычный указатель к тексту (примерно до 100 дисков материала) или же алфавитный указатель слов или изречений вместе с контекстом (конкорданс). С помощью этой программы я подготовил по одному такому конкордансу (около 100 страниц по 60 строк) для каждого из семи дисков, на которых записано Уложение, и мой помощник сейчас устраняет выявленные машиной неточности в переводе. Они довольно любопытные: начиная от использования или неиспользования запятой в царском титуле и кончая употреблением слова „прощение“ там, где должно быть слово „иск“. Я обнаружил, что невозможно при переводе текста более чем в 500 страниц держать в памяти все детали, и использование KWIX позволяет достичь нового уровня „совершенства“». Не менее интересны и содержащиеся в письме Р. Хелли сведения о том, что ему пришлось взять на себя труд по редактированию рукописи (950 страниц и 330 таблиц текста) своего покойного учителя профессора А. Кахана по истории русской экономики XVIII в. Р. Хелли записал текст на персональный компьютер TRS-80 (модель 16) для последующего компьютерного набора. На это потребовалось ученому несколько месяцев, после чего текст был передан редактору. «Когда рукопись будет отредактирована,— пишет Хелли,— я намерен перенести правку на диски, и затем они будут использованы наборной машиной Penta, которая должна набрать текст всего в течение часа. Набор после этого будет готов к передаче в типографию, не требуя какой-либо считки или корректирования, чтобы вылавливать уйму опечаток, встречающихся при ручном наборе».

Последние достижения в области технической оснащённости научного труда американских историков ещё недостаточно проанализированы в советской литературе, хотя опыт этот представляет бесспорный интерес. Однако следует также заметить, что внедрение электронно-вычислительной техники в практику исследовательского труда американских историков пока не привело к каким-либо заметным переворотам в познании глубинных исторических процессов, в их теоретическом осмыслении. Более того, практически неогра-

нические возможности получения через ЭВМ библиографической и источниковой информации подталкивают ученого чаще всего к постановке узких исследовательских задач, разработке частных сюжетов в отрыве от общеисторического фона. Выполнение таких изолированных работ по причине неверных изначальных предпосылок часто приводит к ошибочным выводам, несмотря на самую изощренную техническую обработку документального материала. Или же, что бывает еще чаще, результатам, полученным на основе обработки материалов частного, специфического характера, придается значение глобальных, обобщающих выводов. Как справедливо отмечают в этой связи сами американские историки, ЭВМ сама по себе не гарантирует успеха в работе историка: «Если в машину заложить мусор, то мусор получишь в качестве результата».

6. Ограничения доступа к архивным документам

Изложенное выше в данной главе, казалось бы, свидетельствует о благополучном положении в американской исторической науке по части обеспечения для историков доступа к первоисточникам и другой необходимой информации. Действительно, в американской литературе, в общении с коллегами-историками из США довольно часто встречаешься с претенциозным мнением относительно якобы исключительной легкости и свободы, царящей в их стране в вопросах доступа и использования архивных документов в исследовательских целях.

Данное обстоятельство приводится как пример демократизма и «открытости» американского общества в противоположность обществам «тоталитарным», где якобы царит полная секретность, включающая недоступность к архивным документам. К созданию этого мифа приложили руки многие, в том числе даже президенты страны. Выступая на торжественном обеде в г. Бостоне по случаю выхода в свет первых четырех томов публикации бумаг Адамса, президент Джон Кеннеди позволил себе, например, высказать суждение о том, что данная публикация «показывает миру, как действует свободная демократия»⁷⁷.

⁷⁷ Речь президента Кеннеди на обеде по случаю публикации бумаг Адамса, с. 8 — John F. Kennedy Library. Waltham (Mass.). Arthur Schlesinger's Papers.

В диссонанс с пропагандистскими установками в последние годы в среде американских историков особую остроту приобрел вопрос о допуске исследователей к архивным документам, о преодолении многочисленных ограничений на пути получения полной и достоверной информации. Объясняется это рядом причин. За последние 20 лет американские историки пересмотрели традиционный взгляд на занятия новейшим периодом истории как на нечто несовместимое с исторической наукой и являющееся сферой интересов только журналистов, политологов, социологов, экономистов и т. п. Бурный темп исторического процесса, тесная взаимосвязь и обусловленность событий и явлений современной жизни недавним прошлым, необходимость привлечения уроков последнего для решения все усложняющихся задач текущего момента — все эти обстоятельства сильно стимулировали занятия новейшей историей и повысили их престиж как среди исследователей, преподавателей, так и среди студентов. Следует также учесть, что такие явления и события в истории послевоенной Америки, как, скажем, «холодная война» и маккартизм, война во Вьетнаме, оказали сильное влияние на современное общество, вызвали идеологические бури в 60—70-е годы, и представители такой интеллектуальной профессии, как историки, не могли оставить их вне сферы своих профессиональных забот.

Естественно, что изучение этих событий потребовало привлечения документов новейшего времени, многие из которых оказались недоступны ученым из-за целой системы всевозможных запретов и ограничений. Достаточно упомянуть, что до начала 70-х годов работники федеральных архивохранилищ вообще не считали своим долгом информировать исследователей, что часть материалов имеет ограниченный доступ или вообще закрыта для историков. Что касается президентских библиотек, то их администрация не позволяла ученым даже знакомиться с каталогом хранилища материалов.

Особую остроту вопрос о праве историков и общественности в целом на допуск к правительственным документам и к бумагам политических деятелей приобрел после скандального «уотергейтского дела». Как известно, в ходе расследований агонизирующая администрация президента Р. Никсона пыталась замести следы своей деятельности путем паложения запретов и даже уничтожения документов, имевших в той или иной мере официальный характер. Как отметил профессор Огайского университета А. Хэмби, «неопределенное будущее бумаг Никсона наконец-то пробудило

в нас понятие необходимости относиться к бумагам официальных лиц как к общественной собственности»⁷⁸.

В эти же годы имели место громкие скандалы, связанные с деятельностью американских спецслужб, прежде всего ЦРУ и ФБР. Существующий вокруг них покров тайны, включающий запрет на документацию этих ведомств, привел к беспардонным нарушениям гражданских прав американцев, помогал осуществлять грязные операции как внутри страны, так и за рубежом.

Таким образом, сам общественный климат в стране вызвал к жизни вопрос о праве американцев на то, чтобы быть информированными о деятельности правительства не только через средства массовой информации. В этом общем контексте в новом свете встала и проблема права исследователей на получение необходимой им архивной информации. В результате возник активный диалог, а чаще — конфликт между историками — потребителями информации и архивистами — теми, кто эту информацию хранит, обрабатывает и обеспечивает ее использование.

Примечательным событием стало создание в 1972 г. тремя профессиональными организациями: Американской исторической ассоциацией (АИА), Организацией американских историков (ОАИ) и Обществом американских архивистов (ОАА) — совместной комиссии по вопросам взаимоотношений историков и архивистов. В 1976 г. в Нью-Хармони (Индиана) эта комиссия организовала конференцию по проблеме доступа к бумагам общественных деятелей новейшего времени. Участники этой конференции приняли совместные рекомендации⁷⁹. Вопросы доступа к документам неоднократно обсуждались на ежегодных съездах ведущих исторических ассоциаций. Свою позицию американские историки неоднократно публично излагали во время слушаний в комиссиях конгресса по вопросам доступа к правительственным документам, в обращениях в судебные инстанции.

Еще в начале 50-х годов представители средств массовой информации требовали от конгресса принятия закона, который как-то обеспечивал бы доступ к официальной документации. Только в 1966 г. после длительных проволочек конгресс одобрил закон о свободе информации, несмотря на сильную оппозицию исполнительных органов государствен-

⁷⁸ Access to the Papers of Recent Public Figures. The New Harmony Conference / Ed. by A. L. Hamby, E. Weldon. Bloomington (Ind.), 1977, p. 16.

⁷⁹ Ibid., p. 9—13.

ного аппарата, которые продолжали саботировать закон после его вступления в силу в 1967 г.

За первые пять-шесть лет действия закона было возбуждено против правительства около 200 судебных исков по случаю отказа в доступе к информации и было зарегистрировано 2200 официальных, полных или частичных, отказов. В 41 случае было отказано в выдаче документов историкам⁸⁰. В 1972 г. жалобы на нарушения закона стали столь часты, что в конгрессе состоялись слушания по этому поводу. Они убедили конгресс в необходимости внести изменения в закон, и эти поправки были приняты в конце 1974 г. в обход вето президента Д. Форда.

Главное, что определяет закон в его нынешнем виде, это формальное право общественности, любого американского гражданина на доступ к документам федерального правительства. Однако каждое ведомство имеет право держать закрытыми или ограничить доступ к определенным категориям документов. Такими являются: документы, которые особым распоряжением должны храниться секретно в интересах национальной безопасности; документы, касающиеся только правил внутреннего распорядка персонала и деятельности учреждения, межведомственные и внутриведомственные меморандумы; торгово-финансовая информация; документы расследований в целях осуществления законности; личные дела, медицинские карты и подобные им документы, открытие которых может нанести вред тому или иному человеку; геологическая и геофизическая информация, включая карты месторождений⁸¹. Законом предусматривается процедура осуществления доступа граждан к информации вплоть до обращения с иском в суд в случае отказа того или иного учреждения выдать запрашиваемые документы, если они не попадут под категорию закрытых. Ответчиком в данном случае выступает Национальный архив США. Важно заметить, что конгресс США не распространил действие закона на собственные бумаги, хотя в марте 1974 г. комиссия трех исторических ассоциаций приняла резолюцию, рекомендующую включить документацию конгресса в сферу действия закона.

Принятие в 1974 г. поправок к закону о свободе информации открыло для историков дополнительные возможности для получения документов, которые до этого были им абсо-

⁸⁰ Freedom of Information Act and Amendments of 1974. Source Book: Legislative History, Texts, and Other Documents. Wash., 1975, p. 70, 73, 99.

⁸¹ Ibid., p. 131—134, 502—505.

лютно недоступны. Благодаря настойчивости некоторых ученых уже после 1974 г. были выполнены ценные исследования, особенно по периоду новейшей истории США. Э. Теохарис опубликовал книгу «Слежка за американцами» об истории внутренней разведслужбы с 1936 по 1970 г. и политическом надзоре за американцами со времен Эдгара Гувера⁸². Б. Кауфман показал, что контролируемые американским капиталом многонациональные корпорации, действовавшие на Ближнем Востоке, использовались администрациями Трумэна и Эйзенхауэра в качестве инструментов внешней политики США⁸³. На документальной основе началось изучение таких вопросов, как роль США в развязывании «холодной войны», история слежки ФБР за участниками движения за гражданские права, подрывные действия спецслужб против рабочего движения, в университетской среде. Эти исследования начали приоткрывать новые и неприглядные стороны истории американского общества, в значительной мере подрывать устоявшиеся стереотипы официальной американской историографии.

Однако либерализация в вопросах допуска к некогда конфиденциальной информации на деле оказалась ограниченной. Хотя формально процедура получения документов теперь известна, она представляет собой сложный, длительный и дорогостоящий процесс⁸⁴. Правительственные ведомства и службы продолжают всячески обходить установленные законом порядки, ставя непреодолимые препятствия для историков, пытающихся добиться доступа к интересующей их документации. Во-первых, федеральные ведомства зачастую не отвечают вообще на письма-запросы исследователей или же пользуются формальными отписками. Во-вторых, ученый, пожелавший получить документы, должен в соответствующем ведомстве подробно изложить задачи и характер выполняемой им работы, иметь рекомендательные письма, и в случае неблагонадежности ему могут вообще отказать в каком-либо содействии. Любопытны в этой связи замечания одного из архивистов, сделанные на конференции в Нью-Хармони: «Общепринятой практикой для сегодняшних архивистов является испрашивать от исследователей разного рода удостоверения. Большинство архивистов не доходят до та-

⁸² *Theoharis A. Spying on Americans: Political Surveillance from Hoover to the Huston Plan.* Philadelphia, 1978.

⁸³ *Kaufman B. I. Mideast Multinational Oil, US Foreign Policy, and Antitrust: the 1950.* — JAH, 1977, March, vol. 62, N 4.

⁸⁴ См. подробнее: *Wise D. The Politics of Lying: Government Deception, Secrecy and Power.* N. Y., 1973.

ких крайностей некоторых федеральных служб, которые требуют отпечатков пальцев, присяги на непринадлежность к коммунистам и т. п., но они хотят знать, действительно ли данное лицо является исследователем»⁸⁵.

Одним из препятствий являются непомерно завышенные тарифы за услуги в поиске и подборе документов. Так, на просьбу одного из историков получить документы от ЦРУ для изучения связей профсоюзов и правительства США с профсоюзами Франции и Италии после второй мировой войны ЦРУ ответило, что отыскание этих документов будет стоить минимум 3 тыс. долл. Исследователь подал в суд, и этот иск был поддержан руководством ОАИ. В письме в ЦРУ от 13 июня 1978 г., подписанном президентом ОАИ и четырьмя предыдущими президентами, говорилось, что допуск к документам является необходимым условием для работы историка и данное конкретное требование вполне справедливо. Суд постановил изменить установленные ЦРУ тарифы на поиск документов. Ясно, что далеко не каждый исследователь готов идти на столь крайние меры в противоборстве с такими могущественными правительственными службами, как ЦРУ или ФБР. Так, фактически была заблокирована попытка историка Б. Белкнаба получить от ФБР документы о законе Смита. Ему сообщили, что получение соответствующих досье обойдется в 300 тыс. долл.⁸⁶

Имеются и другого рода препятствия. Так, в ответ на запрос одного из исследователей о получении доступа к документам дела Сакко и Ванцетти американская охранка потребовала сначала получить разрешение от всех оставшихся в живых родственников казненных⁸⁷.

Однако даже самые скромные уступки, сделанные американскими правящими кругами в первой половине 70-х годов в области доступа общественности к официальной документации, оказались в последние годы под угрозой. В условиях оживления реакции, разгула шовинизма и антикоммунизма правительственные службы типа ЦРУ и ФБР поспешили взять реванш за разоблачения и ограничения, которые им пришлось претерпевать в предыдущие годы. Руководители ЦРУ с благословения президента Р. Рейгана добились принятия новых законодательных мер, которые исключили документацию американской разведки и ряда дру-

⁸⁵ Access to the Papers..., p. 34.

⁸⁶ Текст показаний исполнительного секретаря ОАИ Р. Киркендейла перед постоянной комиссией по разведке палаты представителей конгресса США, 22 апреля 1980 г.— Архив автора.

⁸⁷ Access to the Papers..., p. 51.

гих ведомств из сферы действия закона о свободе информации. Более того, попытки получить и разгласить такую информацию отныне будут преследоваться еще более жестким образом, вплоть до судебных исков, как это предусмотрено принятым в июне 1982 г. законом о защите лиц, занятых в разведке.

Часть американских историков, в том числе руководство ОАИ и АИА, попробовали выступить против реставрации в этой области порядков времен «холодной войны». Еще в декабре 1978 г. была создана общественная организация «Историки за свободу информации», которая развернула кампанию в защиту прав историков. Весной 1979 г. организация подала в суд на ФБР за уничтожение архивных материалов и выиграла дело в первой инстанции⁸⁸. Выступавшие с показаниями перед комиссиями сената и палаты представителей конгресса США исполнительный секретарь ОАИ Р. Киркендейл и другие историки выразили серьезную озабоченность тем, что уничтожение всякой возможности доступа исследователей к досье ЦРУ и ФБР лишит их исключительно важных источников. Более того, за ЦРУ последуют другие правительственные ведомства: Пентагон, министерство юстиции, госдепартамент, — которые также добьются для себя исключений из юрисдикции закона о свободе информации⁸⁹. Призыв историков оказался тщетным. ФБР, например, уничтожило большое число документов из досье на местах и строит планы в отношении материалов, хранящихся в главной штаб-квартире⁹⁰. Госдепартамент, создав новый центр по засекречиванию, фактически приостановил публикацию серии «Внешняя политика США», и уже подготовленные (около 20 томов) документы начала 50-х годов ждут санкции на их публикацию⁹¹. Кстати, за последние 30 лет ни один архивист не видел ни одного досье ФБР, и это ведомство фактически вне контроля правительственной архивной службы⁹².

В 1974 г. в США был принят закон об охране частной жизни, призванный ограждать граждан от злоупотреблений властей и монополий. Этот закон также налагает довольно серьезные ограничения на доступ к документам. Формально под эту категорию попадают документы, относящиеся к се-

⁸⁸ АНА Newsletter, 1980, March, vol. 18, N 3, p. 1—2.

⁸⁹ Текст показаний Р. Киркендейла в конгрессе США от 25 марта и 22 апреля 1980 г. — Архив автора.

⁹⁰ ОАН Newsletter, 1982, May, vol. 10, N 2, p. 6.

⁹¹ Ibid., 1981, July, vol. 9, N 2, p. 17.

⁹² Ibid., 1981, Oct., vol. 9, N 3, p. 13.

мейным и финансовым делам корреспондентов того, кому принадлежат бумаги, дела, содержащие сведения о назначениях и других персональных вопросах служащих в федеральной правительственной системе, документы, «содержащие информацию или заявления, которые могут быть использованы для оскорбления и нанесения ущерба кому-либо из живущих лиц»⁹³.

По общему мнению американских историков, категория документов, подлежащих засекречиванию по причине их «приватности», трактуется правительственными службами и архивистами слишком широко и произвольно. Так, со ссылкой на этот закон в середине 70-х годов в сенате США было отклонено предложение об открытии материалов переписи населения США 1900 г., хотя этим документам исполнилось уже 75 лет! Этим же законом еще недавно оправдывалось закрытие почти 210 тыс. страниц в официальном досье президента одной из президентских библиотек, а при новом пересмотре остались закрытыми всего 500 страниц⁹⁴.

Под категорией «приватности» скрывается часто все подряд, в том числе документы о незаконных действиях того или иного официального лица, включая взятки, обман, уклонение от налогов и пр. Именно в этой связи профессор Стэнфордского университета Б. Берстайн сделал вполне резонное заключение, что, «если бы не случился Уотергейт, приведший к отставке Никсона, тогда все, что скрывалось за этим делом, не стало бы известным при жизни президента, а возможно, и при жизни его детей и их потомков»⁹⁵.

Третий правовой документ, регулирующий доступ к правительственной информации,— это исполнительные указы президента относительно секретной документации, связанной с вопросами национальной безопасности. Указом № 11652 (1972 г.) устанавливалась процедура рассекречивания документов, предусматривающая систематический пересмотр всех секретных документов по истечении 20-летнего срока и выборочный обзор материалов после 10-летнего срока. Однако из этого расписания исключалась документация четырех видов: исходящая от иностранных правительств или международных организаций и хранящаяся в США на условиях конфиденциальности; раскрывающая методы и источники американской разведки; раскрывающая систему, план,

⁹³ Congressional Quarterly Almanac. 93rd Congress, 2nd Session..., 1974. Wash., 1975, p. 292—294; The Privacy Act of 1974: An Assessment. The Report of the Privacy Protection Study Commission. Wash., 1977.

⁹⁴ Access to the Papers..., p. 86.

⁹⁵ Ibid., p. 86.

установку, проект или вопрос внешней политики, сохранение тайны которой остается важным для обеспечения национальной безопасности; наносящая непосредственный ущерб личности.

Эти формулировки достаточно расплывчаты и не очень ясны, что также позволяет исключать из числа рассекречиваемых материалов большое число документов. И все же порядок, установленный в 1972 г., был определенным шагом вперед по сравнению с существовавшей до тех пор системой. С этого момента Национальный архив США осуществил крупную программу по рассекречиванию документов свыше 30-летней давности. За три года было открыто около 200 млн. страниц некогда секретной информации⁹⁶.

Исполнительный указ № 11652 дал право руководству федеральной архивной службы открывать материалы Белого дома и лично президента, хранящиеся в президентских библиотеках. Кроме этого, была создана межведомственная комиссия по вопросам секретной информации из представителей госдепартамента, министерства юстиции, Пентагона, ЦРУ, национального совета безопасности и архивиста Соединенных Штатов. На волне разоблачений и обнародования тайной информации этой комиссии в середине 70-х годов удалось прийти к ряду важных решений об открытии документов, относящихся к политике США в период планирования и развязывания ими «холодной войны», во время карибского кризиса 1962 г. и т. п. Однако в последние годы деятельность комиссии угасла.

В апреле 1982 г. администрация Р. Рейгана издала новый исполнительный указ, который стал поворотом во всей правительственной политике в области информации к временам до начала 50-х годов. Этот документ, отменивший все предыдущие, теперь возводит непреодолимую стену секретности вокруг правительственной деятельности. Он разрешает закрывать документы, даже если нанесение ущерба национальной безопасности их разглашением не устанавливается. Отменяется положение, позволяющее в национальных интересах обнародовать секретную информацию, если ее несанкционированное разглашение может нанести еще больший ущерб, а также открывать доступ к документам после 20 лет, если их секретность уже не остается необходимой для национальной безопасности. Срок секретности продлен до тех пор, «пока этого требуют интересы национальной

⁹⁶ *Thompson E. A. Records Declassification in the National Archives.— Prologue, 1975, Winter, vol. 7, N 4, p. 235—238.*

безопасности». Приказ разрешает повторное закрытие уже рассекреченной информации.

Американские историки сделали попытку опротестовать действия администрации. В Белый дом от руководства ведущих исторических ассоциаций были направлены соответствующие письма, а рядовых членов организации призывали различными путями довести до официальных лиц в Вашингтоне свое отношение к этому «опасному и беспрецедентному указу»⁹⁷. Эти демарши не дали ожидаемых результатов.

Такова в целом ныне действующая правовая основа, регулирующая вопросы допуска историков к архивной документации. Причем следует отметить, что описанные выше законы и права касаются только федеральной правительственной документации. Они не распространяются на материалы, которые поступили в архивохранилища от так называемых «доноров», т. е. частных лиц или организаций, продавших или подаривших принадлежавшие им документы, имеющие историческую ценность. В частности, «донором», или частным владельцем своих документов, выступал до недавнего времени и президент страны, передающий бумаги в президентскую библиотеку. Во всех эти случаях действуют «донорские ограничения».

«Донорские ограничения» очень произвольны и фактически ничем не регламентируются. В отношении бумаг президента они могут, например, включать такие документы, как просьбы бизнесменов официальным лицам оказать содействие в решении деловых вопросов с тем или иным ведомством, благодарственное письмо от какого-либо служащего после проведенных каникул на ранчо промышленника, письма помощников президента с целью оказать давление на правительственные учреждения в вопросе о продвижении по службе того или иного чиновника и т. п.⁹⁸

Что касается менее высокопоставленных «доноров», то они могут полностью закрыть подаренную коллекцию на ряд лет, чтобы, скажем, позволить одному из исследователей-биографов иметь исключительное право доступа к документам вплоть до завершения работы. Ограничения «донора» могут состоять в том, что каждый раз только с его личного разрешения можно знакомиться с документами. Так, например, условиями дара бумаг президента США В. Вильсона его женой Э. Вильсон Библиотеке конгресса устанавли-

⁹⁷ OAH Newsletter, 1982, May, vol. 10, N 2, p. 7.

⁹⁸ Access to the Papers..., p. 85.

вается, что «доступ к бумагам открыт в течение жизни „донора“ только по его письменному разрешению и только под строгим наблюдением библиотеки над каждым, кто имеет такое разрешение»⁹⁹. Таким образом, историк, желающий изучать бумаги президента страны, должен получить особое разрешение от вдовы.

В том же самом рукописном отделе Библиотеки конгресса (которая формально не имеет права закрывать документы по собственному усмотрению) был только в 1947 г. открыт доступ к бумагам президента А. Линкольна, приобретенным у его сына в 1919 г. «Донор» в данном случае установил срок открытия документов 20 лет после своей смерти. Точно так же до 2014 г. закрыт доступ к письмам президента У. Гардинга на имя миссис Филлипс¹⁰⁰. Вполне понятно, почему на конференции в Нью-Хармони по вопросу допуска к документам государственных и политических деятелей практика «донорских ограничений» была названа «проклятием как для архивистов, так и для историков»¹⁰¹.

Объектом ведомственных и частных ограничений одновременно являются материалы президентских библиотек, доступ к которым для американских историков представляет особые трудности. Так, в Библиотеке Эйзенхауэра (в остальных библиотеках ситуация аналогичная) имеется три категории закрытых документов. Категория «А» — секретные или совершенно секретные документы, закрытые по решению правительственных органов. Получить к ним допуск можно, пройдя соответствующую процедуру испрашивания разрешения у этих ведомств. «После месяцев ожидания ученому могут выдать тот или иной документ, который или абсолютно неудобочитаемый, или засекречен из абсурдных соображений», — отмечает один из американских историков, много работавший с материалами президентских библиотек¹⁰². Так, например, среди секретных документов находятся поздравления с днем рождения, которые президент посылал своим помощникам.

Американские историки отмечают, что практически невозможно получить документы, которые имеют прямое и даже косвенное отношение к процессу выработки внешнеполитического курса. «Исследователь только перебирает пустые папки с названиями стран, в которых нет ничего, кроме

⁹⁹ Ibid., p. 30.

¹⁰⁰ Ibid., p. 60—63.

¹⁰¹ Ibid., p. 30.

¹⁰² Ibid., p. 76.

списка изъятых документов»¹⁰³. Кстати, система закладок на месте изъятых документов была введена в федеральной архивной службе сравнительно недавно, с 1972 г. Это было сделано после обращения в суд профессора Ф. Лоуэнхайма на Библиотеку Рузвельта за сокрытие от него писем посла США в Берлине У. Додда во время работы над книгой об администрации Ф. Рузвельта. Тогда 20 историков потребовали расследования в конгрессе обвинений Ф. Лоуэнхайма, и вопрос о праве на допуск к архивным документам и о порочной практике использования правительством историков для составления закрытых работ получил широкую огласку¹⁰⁴.

Под категорией «С» изъяты документы, имеющие «приватное» содержание: финансовые дела президента, его семьи и друзей, разного рода спорные или негативные мнения или информация о еще живущих личностях, вся корреспонденция высокопоставленных чиновников (Р. Никсона, Н. Рокфеллера, Г. Кэбот Лоджа и др.), а также документы, по мнению архивистов имеющие «чувствительное содержание». Решение архивистов в данном случае почти невозможно оспорить. Только в 1976 г. было установлено правило, что исследователь может обращаться в Центральную архивную службу в Вашингтоне в случае несогласия с решением администрации президентской библиотеки. Интересно отметить, что некоторые документы, закрыты не ведомствами, а библиотечными работниками, если, по мнению последних, эти документы содержат какую-либо важную информацию о выработке внешнеполитического курса. Архивисты выступают в данном случае в роли «вторичного фильтра» после соответствующих правительственных служб. В итоге все более или менее важные документы по периоду администрации Эйзенхауэра в президентской библиотеке закрыты.

Разрешение на допуск к закрытым документам получают только в исключительных случаях наиболее проверенные ученые. Так, в свое время получил возможность ознакомиться с секретными документами периода окончания второй мировой войны историк Г. Фейс, создавший официальную версию внешнеполитического курса США по вопросам послевоенного устройства мира в Европе¹⁰⁵. Но даже для привилегированных исследователей полностью закрыты, например, в Библиотеке Эйзенхауэра, документы Дж. Ф. Дал-

¹⁰³ Ibid., p. 78.

¹⁰⁴ The New York Times, 1969, Nov. 1.

¹⁰⁵ Fais H. Between War and Peace. The Potsdam Conference. Princeton, 1962.

леса, которые будут доступны только после публикации государственным департаментом документов по периоду администрации этого президента.

Почти никак не регулируется система допуска исследователей к архивным материалам, которыми располагают многочисленные мелкие хранилища, не входящие в федеральную архивную систему. Прежде всего это отделы рукописей университетских и других библиотек, администрация которых зачастую устанавливает правила, которые представляют серьезные препятствия для исследователей.

Приведем, к примеру, извлечения из правил библиотеки одного американского университета. Эти правила красноречиво говорят сами за себя: «1. От посетителей, особенно если они намерены использовать рукописный материал довольно широко или если они осуществляют исследование для подготовки публикации, могут потребовать обсудить их работу с хранителем до того, как они начнут свои исследования в собрании библиотеки. 2. Заказы на обширное или беспорядочное фотокопирование могут не приниматься. Однако в некоторых случаях отдельные документы из части коллекций в особых обстоятельствах и в зависимости от их количества могут быть фотокопированы для исследователей. Заказы на избирательное копирование ограниченного числа (не более 50 страниц) отдельных документов из части коллекций представляются хранителю или его заместителю, которые могут принять или отклонить заказ целиком или частично»¹⁰⁶.

Своеобразной преградой для историков является практика предоставления льгот и преимуществ ученым, работающим в университете или в другом учреждении, которому принадлежит библиотека с рукописными материалами. В ряде случаев фонды вообще закрываются на определенное время для исследователей со стороны, иногда ограничение действует до тех пор, пока местный ученый не завершит свою собственную работу или же не уступит свое право исключительного пользования той или иной коллекцией другому историку. Некоторые университеты требуют, чтобы посторонние исследователи получали разрешение на ознакомление с рукописными материалами от преподавателей исторического факультета. Бывает, что библиотеки разрешают исследователям знакомиться с коллекциями, но не разрешают делать заметки и фотокопии, если кто-то из местной профессуры имеет специальный интерес к этим документам.

¹⁰⁶ Access to the Papers..., p. 16.

Пожалуй, самым сложным для американских историков является доступ к бумагам крупных компаний и корпораций. Архивы монополистических объединений являются такой же их неотъемлемой собственностью, как и все остальное, чем владеют эти объединения. Законов, которые бы регулировали правила доступа историков к этим важным источникам, в Соединенных Штатах не существует. Корпорации имеют право не только никого не допускать в свои архивохранилища, но и уничтожать документы, если этого требуют какие-то расчеты. Так, например, сравнительно недавно автомобильная монополия «Дженерал моторс» уничтожила часть принадлежавших ей бумаг за период с 1937 по 1961 г. Один из американских архивистов, Ф. Мейсон, сделал в этой связи следующее замечание: «Если историкам предназначено когда-то раскрыть роль крупных корпораций в американском обществе, они должны каким-то образом найти путь, как заставить лидеров бизнеса сохранить бумаги корпораций и сделать их доступными для исследователей»¹⁰⁷.

Из изложенного следует сделать вполне обоснованный вывод, что миф относительно якобы полной свободы и демократизма в вопросах доступа к архивной и другой исторической документации носит ложный, пропагандистский характер. В Соединенных Штатах Америки существует жесткая система ограничений, регулирующая доступ историков к источникам в интересах прежде всего господствующей политической элиты и монополистического капитала. Из сферы научных интересов исследователей фактически изымается значительная доля того, что как-то может нанести ущерб этим интересам. «Свободный доступ» в реальной жизни превращается в формулу, которую один из американских историков сокрушенно изложил следующим образом: «Все могут пользоваться этой дверью, если догадаются, где она находится, и если им дадут от этой двери ключ».

Таким образом, в области источниковой базы и доступа к документации исторические исследователи в США подвергаются регулирующие-контролирующему воздействию господствующих социальных институтов. Это воздействие вместе с другими факторами (подготовка кадров, политика найма и использования труда историков, финансирование исследований, издательское дело и т. д.) определяет уже на начальном, организационном уровне классовый характер и политическую ориентацию американской исторической науки.

¹⁰⁷ Ibid., p. 28.

ОРГАНИЗАЦИЯ
ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В США отсутствует единая система организации исторических исследований, их планирования и координации. Историческая наука в известной мере развивается стихийно, на «индивидуально-предпринимательской» основе. В отличие, скажем, от СССР, где базой и основным средоточием фундаментальных научных исследований является система научных учреждений Академии наук СССР и академий наук союзных республик, в США основной объем научных изысканий осуществляет университетская профессура, т. е. историческая наука базируется на университетской основе. Это отчасти позитивно сказывается на высшей школе, прежде всего на уровне преподавания и подготовки специалистов, ибо все лучшие научные силы выступают в роли преподавателей и научных руководителей подготавливаемых диссертаций. В то же время в силу разбросанности и разобщенности ученых по 300 историческим факультетам чрезвычайно трудно вносить какие-либо регулирующие моменты в исследовательскую работу историков, а тем более объединять их усилия для реализации каких-либо крупных научных проектов.

Однако было бы заблуждением считать, что организация научных исследований свободна от определенных каналов и форм, через которые осуществляется воздействие всей системы государственно-монополистического капитализма в интересах правящего класса. Одним из таких каналов является материальная поддержка исторических исследований.

1. Источники и формы финансирования

В условиях децентрализации исторических исследований и частнокапиталистического характера финансирования развития науки особое значение для американских историков имеет вопрос обеспечения необходимой финансовой поддержки научных изысканий. Источники финансирования исторических исследований самые различные, но их можно разде-

лить на две основные категории: правительственные и частные, хотя очень часто это деление условное.

Самой распространенной формой стимулирования и поддержки научных занятий в области истории для преподавателей-профессоров является предоставление последним администрацией университетов оплачиваемых творческих отпусков. Но мало кто из получающих отпуск ограничивается этой возможностью — почти все стремятся получить дополнительные финансовые субсидии как из университетских, так и из «внешних» фондов, иногда сразу из нескольких источников. В 1980/81 учебном году в среднем 16% всех преподавателей исторических факультетов получили на протяжении трех последних лет в дополнение к своему оплаченному отпуску финансовые субсидии или стипендии из «внешних» источников¹. Эти субсидии и стипендии предоставляются частными и правительственными фондами и корпорациями. Примерное распределение источников финансирования научных исследований или работы по повышению квалификации для профессорско-преподавательского состава возможно представить из ответов деканов исторических факультетов (411 ответов) на вопрос с просьбой определить, какие из перечисленных ниже источников обеспечивают субсидии для научной работы преподавателей в текущем учебном году²:

Источник финансирования	Ответ	
	Да	Нет
Колледж или университет	312	99
Местное частное агентство	54	357
Местное государственное учреждение	78	333
Иностранные источники (государственные и частные)	27	382
Национальный гуманитарный фонд	193	217
Другие федеральные источники	46	365
Национальные частные фонды	65	346

Итак, крупнейшим источником денежных средств, помимо университета, является правительственная корпорация Национальный гуманитарный фонд (НГФ). Этот фонд учрежден конгрессом США в 1965 г. как самостоятельное фе-

¹ Survey of the Historical Profession. Academia. 1980—81. Summary Report. АНА. Wash., 1981, p. 5.

² Ibid., p. 6.

деральное агентство по финансированию исследовательских и образовательных проектов и программ и разного рода общественной деятельности в области гуманитарных наук, которые включают в себя историю, философию, литературу, языкознание, правоведение, искусствоведение, этику, социально-культурную антропологию, политологию, социологию и другие дисциплины. Его ежегодный бюджет в последние годы, до прихода к власти администрации Р. Рейгана, составлял около 150 млн. долл. Историки являются одними из основных получателей субсидий среди представителей других гуманитарных наук. В 1978 г., например, фонд предоставил субсидии на осуществление проектов по истории на общую сумму 17 млн. долл.³ Это финансирование идет по различным направлениям.

Во-первых, разовые субсидии на индивидуальные проекты, в том числе исследовательского характера. Они предоставляются обычно на срок до одного года или же на период летних месяцев для организации летних курсов преподавателей. В 1980 г. по этой линии фонд выделил 316 субсидий, около 20% которых достались историкам. Для примера назовем такие субсидии, как 87,7 тыс. долл. (очень крупная) профессору Виргинского университета Д. Малоне для написания последнего тома шеститомной биографии Томаса Джефферсона или 18,5 тыс. долл. (средняя) профессору Университета штата Нью-Йорк Дж. Айджерсу на подготовку исследования по западной историографии с XVIII в. Сотни университетских профессоров получили небольшие субсидии для участия в летних курсах.

Во-вторых, по линии исследовательского подразделения фонда (бюджет около 30 млн. долл.) идет финансирование крупных проектов и коллективных работ. Субсидии здесь предоставляются на срок до трех лет, но часто срок продлевается. Среди наиболее крупных субсидий последнего времени назовем следующие: 1,4 млн. долл. на написание 50-томной истории американских штатов, около 1 млн. долл. (по 250 тыс. долл. в год) на начальную стадию «проекта-87» к 200-летию Конституции США, 700 тыс. долл. на написание 9—12-томной истории администрации президента Л. Джонсона, около 500 тыс. долл. на работу гарвардского профессора Б. Бейлина по истории ранней иммиграции в Америку, 350 тыс. долл. на проект, руководимый профессором Пенсильванского университета Т. Хершбергером, по созданию социальной истории Филадельфии. Кстати, по этой

³ Данные получены в штаб-квартире НГФ в мае 1980 г.

же линии АИА получила в 1978 г. субсидию 56 тыс. долл. на проведение двух советско-американских коллоквиумов по количественной истории (1979 г., Балтимор; 1981 г., Таллин) и публикацию их материалов⁴.

В-третьих, фонд выделяет деньги на осуществление проектов исторических музеев и организаций, на программы исторического характера в системе средств массовой информации. Среди такого рода субсидий 272 тыс. долл. выделено Музею Северной Аризоны на создание выставки по истории индейцев плато Колорадо, 397 тыс.— Центру по применению телевидения в гуманитарных науках (г. Атланта) для подготовки часового фильма по истории греческой иммиграции в Америку после 1880 г.

По годовому отчету НГФ нами специально был проанализирован список ассигнований по отделу исследовательских программ за 1979 г.⁵ Эти программы в свою очередь делятся на несколько категорий.

По категории научных коллекций и собраний была выделена на срок от одного до трех лет 81 субсидия в размере от 11 тыс. до 3 млн. долл. каждая. Из этих субсидий не менее 30 предназначены на финансирование проектов каталогизации, описи и микрофильмирования архивных и библиотечных фондов, отдельных рукописных собраний, коллекций периодики, личных архивов. Все это имеет определенное отношение к исторической науке, прежде всего к ее источниковой базе. Получатели этих субсидий — работники музеев, архивов, библиотек, исторических обществ, университетские профессора. Среди наиболее крупных субсидий — 350 тыс. долл. на развитие центра научных материалов по Китаю, 150 тыс. на каталогизацию китайских материалов в Восточноазиатской библиотеке Колумбийского университета, 100 тыс. на документацию по истории движения потребителей в США, 120 тыс. на опись и микрофильмирование коллекций газет и другой периодики в Европейской теологической семинарии Америки в г. Нью-Йорке, 140 тыс. на обработку коллекции по индейцам в Университете Тулса, 80 тыс. на обработку рукописного собрания в Пенсильванском историческом обществе и др.

⁴ Эти материалы американской стороной опубликованы частично в «Джорнел оф интердисциплинари хистори» и частично в виде книги «Советская количественная история» (1984). В СССР они опубликованы издательством «Наука» в 1983 г. См.: Количественные методы в советской и американской историографии / Отв. ред. И. Д. Ковальченко, В. А. Тишков. М., 1983.

⁵ National Endowment for the Humanities. Fourteenth Annual Report 1979. Wash., 1980.

По категории «исследовательские материалы и средства» из 50 ассигнований около 10 можно назвать относящимися к истории. Среди них наиболее крупные — это 180 тыс. долл. на подготовку собрания кратких резюме современных китайских археологических и гуманитарных исследований, 140 тыс. на подготовку указателя материалов по истории США, изданных за рубежом в период 1945—1980 гг. Кстати, к подготовке этого указателя руководитель проекта профессор Луис Хенке привлек ученых различных стран, в том числе из СССР. Срок действия этой субсидии — с 1 июня 1979 г. по 31 мая 1982 г. Библиотека Ньюберри, где при отделе исторической картографии создается исторический атлас США, получила 150 тыс. долл. на создание информационного банка данных об изменениях границ ряда штатов Среднего Запада. Историческое общество по истории леса получило 77 тыс. для подготовки энциклопедии леса и охраны среды. Профессор Принстонского университета Б. Льюис получил 48,5 тыс. на подготовку энциклопедии ислама, профессор О. Гэйл из Техасского университета — 50 тыс. на составление справочника по общенациональным переписям населения США.

Следующая категория «исследовательские материалы-публикации» (31 субсидия) более чем наполовину состоит из проектов изданий бумаг и сочинений выдающихся исторических деятелей, публикации источников документально-исторического характера. Это прежде всего издание сочинений и бумаг Джорджа Вашингтона (215 тыс. долл.), Фредерика Дугласа (207 тыс.), Джона Дьюи (189 тыс.), Букера Вашингтона (61 тыс.), Уильяма Торнтона (156 тыс.), Самюэля Гомперса (65 тыс.), Томаса Мора (108 тыс.), писем Генри Адамса (141 тыс.) и др.

Особую категорию составляют «исследовательские материалы-переводы». Здесь из 55 субсидий основная масса приходится на переводы литературных текстов, но некоторые из них имеют отношение к исторической науке. Так, например, две субсидии выделены на осуществление переводов с русского языка источников по истории Русской Америки: дневников Якова Нецветова с Аляски 1828—1861 гг. (23 тыс. долл.) и бумаг Русско-американской компании 1817—1867 гг. (75 тыс.). Последний проект осуществляется на базе Исторического общества Аляски под руководством профессора Р. Пирса. Среди других субсидий — перевод мемуаров Васифи — источника XVI в. по истории Хорасана и Центральной Азии (21,5 тыс.), перевод с языка майя-киче классического произведения «Пополь-Вух» (28 тыс.), пере-

вод текстов древних царских надписей Шумера и Аккада (43 тыс.), перевод исторического сочинения Гонзале Ф. де Овьеды по ранней истории Латинской Америки (59,7 тыс.) и др.

По этому же разделу исследовательских проектов значатся публикации. Здесь соискатели субсидий — издательства, особенно некоммерческие университетские, получающие по 3—8 тыс. долл. на издание определенной книги. В 1979 г. было субсидировано издание 55 книг, из которых около 15 книг по истории. Среди них уже вышедшие в свет к моменту, когда пишутся эти строки, книги П. Гримстед «Архивы и рукописные собрания в СССР» (2-й том), Б. Фэрнсуорта «Александра Коллонтай» и др.

Историки добиваются ассигнований и по другим разделам. В 1979 г. на 1979—1981 гг. были, например, субсидированы 32 индивидуальные заявки по разделу исследования штатов, регионов и мест, из которых 22 — исторического характера. Тематика этих исследований следующая: самосознание негров на аграрном Юге в 1871—1977 гг., археологическое изучение афроамериканского рабства, социальная и экономическая история колониальной Луизианы, история Миссисипи в 1798—1817 гг., упадок республиканского господства в Вермонте в 1927—1974 гг., история Гавайев в 1900—1959 гг., Реконструкция в Северной Каролине в 1865—1877 гг. и т. д. Размер всех этих субсидий от 10 до 90 тыс. долл.

В 1979 г. были одобрены заявки и субсидированы на 1979—1980 гг. 46 конференций, из которых не менее 16 — по историческим наукам. Их предполагаемая тематика: история женщин и количественные методы, новые открытия по истории ранней империи в Китае и их оценка, симпозиум к столетию организации «Рыцари труда», дело Сакко и Ванцетти в новом свете, рабство в период американской революции, экономический рост и социальные изменения в США в 1775—1860 гг., ислам и история религий, аграрная история, история трудовых отношений в американской политике, древние индейские культуры юго-западной Флориды и др. Размер субсидий в среднем от 8 до 10 тыс. долл.

Получение финансовой субсидии от правительственного ведомства является непростым делом для американских историков, особенно в последние годы, когда идет процесс сокращения в пользу военных расходов правительственных ассигнований на социальные и образовательные нужды американцев, на развитие науки. В феврале 1981 г. президент

Р. Рейган объявил о сокращении бюджета Национального гуманитарного фонда (НГФ) на 50%, и только из-за сильной оппозиции со стороны ученых сокращение было несколько меньшим (130,6 млн. долл. на 1982 г.). На 1983 г. администрация Рейгана вновь предложила сократить бюджет НГФ на 27% и запросила на его нужды 96 млн. долл.

Ежегодно индивидуальные исследователи пишут сотни и тысячи заявок на финансовые субсидии, прилагая к ним подробные планы работы, предварительные результаты, биографические данные, но только небольшая часть соискателей оказывается в числе удачливых получателей средств. В 1979 г. из поступивших в НГФ 1300 заявок ученых и преподавателей на индивидуальные субсидии были удовлетворены только 147 (одна из восьми), а из 1200 заявок на крупные проекты и коллективные работы — 400. Многие нужные и интересные проекты остаются неосуществленными или ждут своего часа из-за отсутствия необходимых материальных ассигнований. Таким образом внешняя свобода выбора тем и характера научных изысканий оказывается в действительности под жестким контролем финансирующих органов, в советах которых, а также в качестве экспертов-консультантов выступают все те же представители истеблишмента, отличающиеся консерватизмом мышления, лояльностью к установленным институтам.

В НГФ утверждение заявки проходит три стадии: сначала автор указывает имена и адреса трех лиц, которые компетентны и готовы дать положительное заключение по заявке, фонд получает также отзыв от постороннего рецензента. Затем заявки рассматриваются в комиссиях, члены которых назначаются руководством фонда из числа ученых, администраторов, издателей, архивистов, библиотечных и музейных работников и пр. И, наконец, их утверждает совет фонда, назначаемый президентом США и заседающий четыре раза в год.

Хотя НГФ является важнейшим источником финансирования исторической науки в США (6,5 тыс. ученых-гуманитариев получили субсидии в 1981 г.), это не основной и тем более не единственный источник. В 1979 г. финансовые субсидии государственных федеральных органов на гуманитарные исследования составили только 15% всех затрат в этой области. Гораздо большую часть — 77% — составили пожалования от отдельных частных лиц и корпораций⁶.

⁶ National Coordinating Committee for the Promotion of History Fact Sheet, Aug. 6, 1982.— Архив автора.

Специально издаваемый АИА справочник «Субсидии и стипендии для историков»⁷ содержит список свыше 175 организаций, ведомств и институтов, от которых историки могут получить финансовую поддержку. По характеру предоставляемых субсидий они подразделяются на три основные категории: для диссертационных и последиссертационных исследований, для преддиссертационных занятий и для организаций, занимающихся историческими исследованиями или образованием. Главную категорию составляют индивидуальные субсидии профессиональным историкам, имеющим докторскую степень.

Среди этих финансовых источников некоторую часть составляют правительственные ведомства или институты, пользующиеся правительственной финансовой поддержкой. Среди таких институтов следует прежде всего назвать столичные Смитсоновский институт и Международный центр ученых им. Вудро Вильсона. Оба предоставляют ежегодно примерно по 20 стипендий на срок от четырех—шести месяцев до одного года ученым из разных областей гуманитарных и естественных наук. Историки среди них составляют значительную часть, так как Смитсоновский институт ввиду характера входящих в него учреждений (музеев) прежде всего заинтересован в исследованиях по истории американского искусства, науки и техники, социально-культурной антропологии, а Вильсоновский центр имеет общую историко-политическую и историко-культурную ориентацию, и в его структуру входит Кеннановский институт по изучению России.

Некоторые федеральные министерства по линии своих исследовательских подразделений предоставляют субсидии для ученых, привлекая последних для разработки интересующей эти министерства тематики. Это прежде всего министерства обороны, труда, сельского хозяйства и энергетики.

Среди частных фондов и корпораций⁸ следует прежде всего выделить фонд Форда, который предоставляет десятки ежегодных субсидий в размере от 10 тыс. до 15 тыс. долл. для ученых, занимающихся преимущественно современными глобальными проблемами. Однако историческая проблематика пользуется достаточным приоритетом и историки довольно часто апеллируют к этому фонду и получают финансо-

⁷ Grants and Fellowships of Interest to Historians, 1979—1980. АНА. Wash., 1979.

⁸ Об американских благотворительных фондах см.: Журихин Э. А. Филантропические фонды США в системе власти монополий. М., 1978.

вую поддержку. Иногда фонд выделяет крупные субсидии для выполнения долгосрочных программ. В 1969 г., например, АИА получила 142 тыс. долл. для развития исследований по проблемам отношений США со странами Восточной Азии⁹.

На деньги семейства Меллонов предоставляются субсидии по гуманитарным исследованиям при целом ряде американских университетов: Гарвардском, Стэнфордском, Корнельском, Пенсильванском, Питтсбургском, Дьюкском, Эмори. Фонды Гугенгейма, Данфорда и ряд других также субсидируют исторические исследования. На деньги семейства Дюпонов предоставляются ежегодные субсидии в Исследовательском центре региональной экономической истории при «Миллс—Хагли фаундейшн» и в Уинтертурском музее (Делавэр).

Особую группу источников финансирования составляют научно-просветительские или исследовательские центры. Крупные научные библиотеки — Хантингтона в Калифорнии и Ньюберри в Чикаго — ежегодно принимают несколько десятков стипендиатов для выполнения исследовательских проектов по профилю научных занятий этих учреждений. Институт ранней американской истории и культуры в Уильямсберге (Виргиния) имеет две ежегодные стипендии для молодых историков-докторов, изучающих колониальную историю США. Центр эллинистических исследований в Вашингтоне ежегодно субсидирует исследовательскую работу восьми специалистов; Центр византийских исследований в Думбартон-Оксе предоставляет пять стипендий по 7 тыс. долл. в год для специалистов по истории и культуре Византии; Центр исследований средневековья и Возрождения при Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе имеет восемь стипендий для исследователей.

Некоторые университетские научные центры представляют собой довольно крупные объединения специалистов, куда историки включаются с собственными проектами или же выполняют части исследовательских программ междисциплинарного характера. Центр высших бихевиористских исследований при Стэнфордском университете субсидирует ежегодно 50 ученых, тематика которых вписывается в предметную область бихевиористских наук. В последние годы историки довольно часто пользуются финансовой поддержкой этого центра. Центр проблем народонаселения при

⁹ Report of the Executive Secretary for the Year 1969. AHA Annual Report, 1969, vol. 1, p. 5.

Принстонском университете имеет постоянные субсидии для привлечения историков к выполняемым программам.

Существует несколько фондов и правительственных программ, через которые историки получают материальную поддержку для выполнения исследовательской работы за рубежом, а также для чтения лекций в иностранных университетах. Наиболее известная из них — фулбрайтская программа, по которой ежегодно предоставляется до 500 субсидий для зарубежных поездок. В последние годы 20—30 историков, половина которых — специалисты по американской истории и половина — по зарубежной, получают субсидии каждый год. Первые выезжают преимущественно для преподавательской деятельности, вторые — для работы в архивах и библиотеках. Существуют также специальные программы и организации, действующие на основе межправительственных соглашений, которые предоставляют стипендии для зарубежных научных командировок в определенные страны. Так, например, Немецкая академическая служба обменов субсидирует из правительственных и других источников исследования многих американских германистов и организует обмен с ФРГ. Созданный в 1972 г. на деньги японского правительства фонд Японии выделяет средства для поездок и научной работы американских специалистов в области американо-японских отношений и истории Японии. Франко-американский фонд субсидирует две-три ежегодных поездки во Францию для молодых историков, пишущих докторские диссертации по истории Франции. В рамках межправительственной американо-индийской подкомиссии по образованию и культуре действует Совет по международному обмену учеными, по линии которого специалисты по истории и культуре Индии и отношений между двумя странами получают ежегодно 12 долгосрочных (от 6 до 10 месяцев) и 9 краткосрочных (от 2 до 3 месяцев) научных командировок в Индию.

Следует особо отметить роль Американского совета познавательных обществ (АСПО) в поддержке и развитии гуманитарных, в том числе исторических, исследований. Совет является аналогом Американской академии наук, которая объединяет только представителей естествознания. Его бюджет складывается из различных отчислений и пожертвований, но главные средства поступают от НГФ. АСПО предоставляет индивидуальные субсидии профессиональным исследователям на срок от 6 до 12 месяцев и размером до 13 500 долл., а также имеет специальные стипендии для молодых получателей докторских степеней. Кроме этого, им

частично финансируются крупные исследовательские проекты (до 3 тыс. долл. в год), а также различные региональные исследовательские программы. По линии АСПО получают особую финансовую поддержку американские китаеведы.

В 1968 г. АСПО совместно с Исследовательским советом социальных наук образовали специальное учреждение по научному обмену с СССР и другими европейскими социалистическими странами — АЙРЕКС. Помимо административного руководства с американской стороны научными и студенческими обмены с Академией наук СССР и Министерством высшего и среднего специального образования СССР, а также с соответствующими организациями Болгарии, Чехословакии, ГДР, Венгрии, Польши, Румынии и Югославии, АЙРЕКС выделяет средства для организации и проведения отдельных двусторонних и многосторонних научных мероприятий, а также для исследователей, чьи программы и поездки могут быть за пределами двусторонних соглашений. Бюджет АЙРЕКСа в последние годы составлял более 4 млн. долл. в год. Усиление консервативных тенденций в общественно-политической жизни США и ухудшение международной обстановки по причине растущей агрессивности империалистических сил отрицательно сказываются на деятельности этой организации, на состоянии международных научных контактов.

2. Научные центры и результаты исследований

Основной фигурой в американской исторической науке остается исследователь-одиночка, а преобладающей формой научного труда — подготовка и публикация статей и книг. Выбор темы исследования в значительной мере зависит от индивидуальных интересов и подготовки специалистов, которые тем не менее довольно чутко реагируют на общественные потребности, своеобразную моду в тематике и методике новейших изысканий, состояние разработки тех или иных проблем. Огромное влияние на выбор темы оказывает политическая и коммерческая сторона дела: возможность получить финансовую субсидию при подготовке исследования, а затем заинтересовать книжное издательство в публикации книги.

В значительной мере по этим причинам подготовка и публикация книг по истории сопровождается необходимой для американских условий рекламой, в которой оценки и

эпитеты часто превышают реальный научный вес выполненного исследования и его вклад в национальную историографию. По этой же причине историки мало беспокоятся о преемственности научной традиции, увязывании собственной работы с достижениями своих предшественников, а делают особый упор на всевозможные «пересмотры», «новые интерпретации», «открытия» и пр. Следует признать, что такой подход ориентирует ученого на поиск новых источников, критический настрой в оценке материалов и оригинальные выводы, что в целом обеспечивает достаточно высокий профессиональный уровень выполняемых работ.

В последние годы, особенно в связи с утверждением таких новых дорогостоящих методик, как машинная обработка массовой информации, все больше распространяются коллективные формы организации научного труда историков. Коллективные труды имели место и в прошлом. Известные авторитеты науки выступали инициаторами крупных изданий, которые представляли собой объединенные единым замыслом серии индивидуальных монографий или же коллективные монографии и многотомные труды. Эта форма сохраняется и в современный период. Можно привести такие примеры, как 50-томная история американских штатов, выполненная на правительственные субсидии в виде индивидуальных работ к 200-летию США, издающаяся крупным американским синологом Дж. Фэйрбанком «Кембриджская история Китая» (опубликовано 10 томов) или же гарвардская серия по истории городов под редакцией С. Тернстрома. Совместная работа небольших коллективов, базирующихся в исследовательских центрах при правительственных учреждениях, университетах, научных библиотеках или институтах, хотя и не отличается большими масштабами (в США нет даже подобия таких коллективов историков, как, скажем, академические научно-исследовательские институты в СССР), тем не менее заслуживает особого рассмотрения.

В справочнике АИА по историческим учреждениям в разделе «Исследовательские институты» перечислено 14 учреждений, ведущих в той или иной мере научную работу в области истории. Это, возможно, неполный перечень, но даже самый обстоятельный список едва ли превысит дватри десятка названий. Общим для всех этих институтов является наличие определенных заданных программ или направлений научных исследований, которые выполняются как постоянным штатом профессиональных историков, так и привлеченными со стороны специалистами путем предо-

ставления ежегодных стипендий или субсидий. Только в редких случаях, как, например, в историческом отделе государственного департамента США, где работы посят в большинстве случаев закрытый, секретный характер, специалисты со стороны не привлекаются.

Из правительственных научных центров следует прежде всего назвать Смитсоновский институт, представляющий собой группу крупных музейных центров по истории американской науки, техники и искусства. Этот институт располагает солидной исследовательской базой: богатыми коллекциями по истории материальной культуры в Музее истории и технологии, по истории науки в Музее естественной истории, а также разнообразными материалами в Национальном антропологическом архиве и в других подразделениях (Национальная галерея портрета, Национальная коллекция изящных искусств, Архив американского искусства, Национальный музей дизайна, Национальный музей воздухоплавания и космоса, Музей Хиршхорна, Фрировская галерея искусств).

В постоянном штате Смитсоновского института 42 научных работника, значительная часть из них имеют историческое образование, включая ученую степень. Кроме этого, ежегодно на конкурсной основе предоставляется около 30 субсидий (на срок от 6 до 12 месяцев) специалистам, желающим вести исследования по тематике и на основе материалов института. Часть этих стипендий получают историки, пишущие диссертации или уже имеющие докторские степени.

Смитсоновский институт располагает несколькими периодическими изданиями, а также самостоятельным издательством, где публикуются результаты выполненных исследований. Среди крупных проектов исторического профиля можно назвать, например, подготавливаемую в настоящее время под общей редакцией У. Стюртеванта фундаментальную 20-томную энциклопедию по североамериканским индейцам, 6 томов которой уже увидели свет.

Другая категория исследовательских центров в области истории группируется вокруг уже описанных нами частных научных библиотек. Самым крупным из них является Библиотека Ньюберри в г. Чикаго. Она имеет обширную и разнообразную программу, рассчитанную на использование ее фондов в исследовательских и образовательных целях непосредственно научными сотрудниками библиотеки и исследователями из университетов, практическими работниками из самых разных областей. Штат научных работников

библиотеки в 1980 г. состоял из 16 человек, главным образом профессиональных историков, из которых 10 имели докторские степени и 6 — магистерские. Ежегодно в библиотеке работают 80—90 стипендиатов-исследователей и около 80 студентов. Предоставляемые стипендии финансируются из различных источников: из фондов самой библиотеки, НГФ, фондов Меллона и Форда, а также ряда университетов США. Всего на исследовательские стипендии выделяется в год около 300 тыс. долл.

Стипендии — самого различного характера, но главные — это стипендии НГФ для ведения исследовательской работы: для докторов-историков — до 11 месяцев, для молодых исследователей-диссертантов — до 3 месяцев. Национальный исследовательский совет предоставляет стипендии для исследований по истории афроамериканцев, американцев испанского происхождения и индейцев. Есть небольшие стипендии, предназначенные специально для докторов-женщин, для безработных докторов, для студентов-индейцев.

При библиотеке существуют четыре научных подразделения, или центра: по истории американских индейцев, по истории семьи и местной общины, по истории Возрождения и по исторической картографии.

Центр по истории американских индейцев был организован в 1972 г. на деньги, выделенные НГФ, а также на некоторые другие частные пожалования. Позднее деньги выделялись также фондами Форда и Меллона. Его цель — способствовать изучению аборигенного населения Америки и улучшению преподавания истории американских индейцев. К началу 80-х годов центр во главе с известным ученым Фр. Дженнингсом уже имел постоянный штат в шесть человек и развернул ряд интересных программ. Была опубликована серия библиографий (более 20 выпусков) по проблемам индеанистики, начата серия специальных научных докладов по отдельным вопросам, оказано содействие в формировании библиотек индейских общин, через летний институт прошли десятки преподавателей средней и высшей школы, усовершенствовавшие свои знания, стипендиаты-исследователи подготовили ряд монографических исследований.

Ежегодно летний институт при центре организует лекции, семинары и практические занятия для 10—12 учителей школ и колледжей, часть которых преподает среди индейцев. В 1980 г. в составе 12 слушателей были преподаватели-индейцы из племен оглала-сигу, кламатов-модоков, черок, осейджей, потаватоми, наррангасетов, проживавших в

штатах Южная Дакота, Орегон, Нью-Мексико, Северная Каролина, Аризона, Мичиган, Род-Айленд и др.

Центр организует ежегодные конференции по современным проблемам американских индейцев. Конференции носят тематический характер («трайбализм» в 1978 г., «индейский суверенитет» в 1979 г., «городские индейцы» в 1980 г.). Работа этих конференций обычно проходит при активном участии индейских лидеров и представителей индейской научной интеллигенции.

Центр осуществляет несколько научных проектов. Под руководством Фр. Дженнингса и Уильяма Фентона готовится «Документальная история ирокезов» — полное собрание текстов договоров, пиктографического письма, устных свидетельств и других документов по истории ирокезских племен США и Канады. К подготовке этого издания привлечены и сами индейцы. В 1980 г. в библиотеке работали семь сотрудников из канадской организации Союз индейцев Онтарио, трое из которых — ирокезы по происхождению. Они оказали содействие в установлении и отборе документов в Канаде, одновременно произведя собственные исследования в фондах библиотеки.

Другой крупный исследовательский проект завершился изданием в 1980 г. «Исторического атласа индейцев Великих озер», который на 38 картах отражает историю расселения коренного населения региона, начиная с доколониальных времен и до конца договорного периода, когда индейцы были загнаны в резервации к западу от р. Миссисипи.

Центр также имеет специальные стипендии (до 1 месяца) для историков племен и директоров индейских культурных центров, которые могут производить в библиотеке необходимые им исторические изыскания. В 1979 г. была начата программа по возрождению и преподаванию некоторых индейских языков.

Академические стипендии для ученых, работающих в области индеанистики, предоставляются ежегодно: две для докторантов и две для докторов.

Центр по истории семьи и местных общин начал действовать при библиотеке с 1975 г. под руководством профессора Ричарда Дженсена. Программы центра рассчитаны на школьных учителей, преподавателей колледжей и университетов, работников библиотек и исторических обществ, а также молодых исследователей. Финансирование программ осуществляется частично из бюджета библиотеки, частично за счет субсидий НГФ. Свою цель руководители центра видят в развитии интереса к американской истории у общест-

венности через поддержку и стимулирование исследований и преподавание истории семьи и местных общин.

Ежегодно при центре проходят конференции по вопросам преподавания в колледжах истории штатов и местных общин. Недельную программу семинарских занятий проходят ежегодно десятки практических работников. Всего к 1980 г. в семинарах участвовало около 300 человек. Долгосрочные стипендии получают ученые для выполнения на базе материалов библиотеки и разработанной здесь методики собственных исследований. Силами небольшой постоянной группы научных работников (4—5 человек) и стипендиатов в последние годы были выполнены интересные работы по истории смертности в США, истории различных возрастных групп, и прежде всего престарелых граждан.

Исследования при центре ориентированы на применение количественных методов. При библиотеке имеется необходимая электронно-вычислительная техника, а для обучения методике ее использования историками действует летний институт по количественной истории.

Центр по изучению Возрождения был основан в 1979 г. на деньги НГФ и действует при поддержке ряда местных университетов (Висконсинского в Милуоки, Чикагского, Иллинойского в Чикаго, университета Лойолы и др.). Центр предлагает программы для докторантов и докторов, включая исследовательские семинары по источниковедению и библиографии средневековья, отдельным научным направлениям и междисциплинарному подходу. Ежегодно центр проводит научные конференции по Возрождению. Тема такой конференции в 1980 г. — «Испания и Европа в период тридцатилетней войны».

Исследователи из США и других стран, многие из которых получают разного рода субсидии, работают в библиотеке над богатыми средневековыми коллекциями. Собственной программы публикаций или исследовательских проектов центр не имеет.

Центр активно сотрудничает и имеет программу обменов с Фолгерским институтом Возрождения и изучения XVIII в., который действует в Вашингтоне на базе Фолгерской шекспировской библиотеки и 14 университетов Среднеатлантического региона США.

Наконец, летний институт картографии предлагает трехнедельную программу для специалистов, по которой, помимо практических занятий, стипендиаты проходят учебные курсы по истории и принципам картографирования, применению и оценке карт в историческом исследовании, изготов-

лению исторических карт и атласов, хранению и изучению антикварных карт. Группа по картографии при библиотеке составляет Исторический атлас США. В 1980 г. был опубликован первый том этого фундаментального издания, освещающий период колониальной истории и войны за независимость в XVIII в.

В целом следует отметить, что профессиональные историки в США выполняют довольно большой объем научных изысканий, который выражается прежде всего в печатной продукции: коллективных трудах, индивидуальных монографиях и научных статьях на страницах периодических изданий. В стране более 40 коммерческих и университетских издательств публикуют книги по истории. Крупнейшими среди них являются издательские компании, базирующиеся преимущественно в Нью-Йорке. Это «Алфред Кнопф рэндом хаус», «Харкурт Брэйс Йованович», «Харпер энд Роу», «Прентис-холл», «Макмиллан паблишинг», «Прэгер» и др. Коммерческие издательства предпочитают издавать приносящие доход учебные издания по истории, популярные повествования, иллюстрированные книги и биографическую беллетристику.

Собственно научные исследования, выходящие малыми тиражами, издаются благодаря усилиям университетских издательств. Это прежде всего англо-американские издательские объединения «Оксфорд юниверсити пресс», «Кембридж юниверсити пресс», а также издательства американских университетов: Гарвардского, Принстонского, Чикагского, Индианского, Калифорнийского и др.

О количестве публикуемых в США книг по истории дает некоторое представление число помещаемых в журнале «Америкен хисторикел ревью» рецензий (журнал пытается откликнуться на все более или менее значительные издания). В 1978 г. журнал поместил 1183 рецензии, в 1979 г. — 1287, в 1980 г. — 1030, в 1981 г. — 944, в 1982 г. — 1047. Однако если учесть популярные работы по истории, учебную

	1976 г.		1977 г.		1978 г.	
	История	Биографии	История	Биографии	История	Биографии
Новые книги	1634	1545	1427	1563	1361	1454
Переиздания	661	540	595	541	655	437
Всего	2295	2085	2022	2104	2016	1891

Источник: Publishers Weekly, 1979, Sept. 3.

литературу, а также всевозможные биографические сочинения, то общее число публикуемых книг по истории составит около 4 тыс. в год.

Довольно наглядную картину о тематике публикуемых в США книг по истории можно представить по анализу списка новейших публикаций, помещаемых журналом «Американ хисторикел ревью» (выборочный подсчет по пяти годам за 70-е годы):

Тематика	1971 г.	1972 г.	1975 г.	1978 г.	1979 г.
Общие вопросы	196	181	221	113	151
Древний мир	36	17	22	31	32
Средние века	48	43	46	47	47
Новая и новейшая история Европы	365	261	329	306	373
В том числе:					
общие вопросы	64	31	45	37	38
Великобритания и Ирландия	112	90	91	81	122
Франция	41	34	36	31	40
Испания и Португалия	7	2	14	15	11
страны Бенилюкса	7	7	7	3	3
Северная Европа	9	5	13	6	12
Германия, Австрия, Швеция	35	33	49	42	53
Италия	17	13	14	15	23
Восточная Европа	45	22	29	26	24
СССР	28	24	31	50	47
Ближний Восток	18	11	23	16	17
Африка	20	16	16	30	21
Азия и Восток	78	47	84	44	61
Соединенные Штаты	502	423	451	452	472
Канада	1	0	1	12	15
Латинская Америка	50	49	45	32	55
<i>Общее число книг</i>	<i>1314</i>	<i>1048</i>	<i>1238</i>	<i>1083</i>	<i>1244</i>

Следует учесть, что дороговизна книг в США (средняя цена книги по истории была в 1976—1978 гг. 17 долл.¹⁰) и узкий читательский спрос обуславливают мизерные тиражи научных изданий по истории (в среднем до 1 тыс. экземпляров).

Возможно, отчасти по причине больших трудностей, связанных с публикацией научной книги по истории, в США получила самое широкое распространение более оператив-

¹⁰ Publishers Weekly, 1979, Sept. 3, p. 47.

ная и простая форма реализации результатов научных исследований — журнальная периодическая печать.

Первые исторические журналы возникли в США еще в середине XIX в. Кроме органов местных исторических обществ, в 1837—1875 гг. выходил «Хисторикел мэгэзин», а в 1876 г. начал издаваться «Мэгэзин оф америкен хистори». Эти ранние издания, строго говоря, не имели научного характера. На их страницах помещались описательные материалы по истории Америки, главным образом военные сюжеты, биографии «отцов-основателей», изложение истории открытия Американского континента и т. п. Собственно, это и были главные темы тогдашней исторической литературы, которой пока еще был чужд профессионально-исследовательский уровень.

В конце XIX — начале XX в. в США возникло несколько специальных периодических изданий общеисторического и узкодисциплинарного характера. Заметное увеличение числа специальных и исторических журналов произошло после первой мировой войны. Начали выходить «Хиспаник-Америкен хисторикел ревью» (с 1918 г.), посвященный истории стран Латинской Америки, «Джорнел оф модерн хистори» (с 1929 г.), публикующий материалы по новой истории европейских стран, «Джорнел оф саузерн хистори» (с 1935 г.) по истории южных штатов США, «Джорнел оф икономик хистори» (с 1941 г.) по экономической истории, «Пасифик хисторикел ревью» (с 1932 г.) по истории тихоокеанского региона и др. К 1945 г. в США издавалось 86 специальных исторических журналов¹¹.

В настоящее время в США свыше 100 периодических изданий публикуют статьи по истории. Значительную часть этих исторических журналов составляют популярные издания по истории или полупрофессиональные, любительские издания местного характера. Научный уровень публикуемых в них материалов, как правило, низкий. Именно о них писал автор брошюры об исторической профессии в США: «К сожалению, многие из статей носят тривиальный характер, или иллюстрируя уже хорошо известные положения, или же спускаясь до чистой казуистики, доказывающей, что лавка Смита была не на углу Пятой и Мэйн-стрит, а на юго-западном углу Четвертой и Бродвея»¹².

¹¹ Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки / Отв. ред. И. С. Галкин. М., 1968, с. 111.

¹² *Stull Holt W.* The Historical Profession in the United States. Wash., 1963, p. 21. (AHA Publication, N 52.)

Примерно 95% наиболее важных статей по истории публикуется в 10—12 «толстых» профессиональных журналах общенационального или регионального характера. Журналы этой категории являются, как правило, органами авторитетных научных ассоциаций и обществ историков, и подписка на них есть, по сути, членство в самой организации, так как эти журналы в розничную продажу почти не поступают. Тираж научных журналов определяется, таким образом, числом зарегистрированных членов, годовой членский взнос которых предполагает прежде всего получение журнала и информационного бюллетеня, если таковой у организации имеется. Среди наиболее авторитетных исторических журналов — «Америкен историкел ревью», «Джорнел оф америкен хистори», «Уильям энд Мэри Куотерли», «Пасифик историкел ревью», «Джорнел оф саузерн хистори».

В последние годы возник ряд новых научных изданий. Некоторые из них завоевали популярность, особенно те, которые публикуют материалы по социальной истории или междисциплинарным проблемам, по вопросам исторических методов, в том числе количественного анализа. Это такие журналы, как «Джорнел оф интердисциплинари хистори» (с 1970 г.), «Хисторикел методс» (с 1967 г.), «Сошиэл хистори», «Урбанизм: паст энд прэзент» и «Дипломэтик хистори» (с 1976 г.). В 1979 г. начал выходить дважды в год специальный историографический журнал «Трэндс ин хистори», который целиком посвящен обзору текущей периодической литературы по истории. В 1982 г. объявили о выпуске новых исторических журналов Общество по истории иммиграции — «Джорнел оф америкен этник хистори», а также Институт исторических исследований в Нью-Йорке — «Вимэн энд хистори».

Научная периодика играет важную роль в развитии исторического знания и в функционировании профессии. Рассмотрим это на примере двух главных журналов общепериодического исторического характера.

3. «Американское историческое обозрение»

Потребность в научном журнале общепериодического характера возникла в 90-е годы XIX в., когда в американских университетах уже трудилось около сотни профессоров-историков, добрая половина которых прошла школу в немецких университетах. Эти историки были знакомы с научной исторической периодикой, которая к тому времени имела в ряде европейских стран. В Германии с 1859 г. выходил ос-

пованный Л. фон Ранке «Хисторишэ ляйтшприт», во Франции с 1876 г.— «Ревю хисторик», в 1886 г. в Англии началось издание «Инглиш хисторикел ревью».

Именно редактор английского журнала М. Крейтон в беседах с американскими историками во время посещения Соединенных Штатов поднял вопрос о создании аналогичного журнала в США и предложил свое содействие в этом деле¹³. Созданием журнала одновременно занялись историки трех университетов: Гарвардского, Корнельского и Пенсильванского. Эти планы удалось объединить, и в ходе специально созванной в апреле 1895 г. в Нью-Йорке конференции с участием 26 историков было принято решение о создании журнала «Америкен хисторикел ревью» (АХР). Журнал не был ничьим органом, а издавался от имени «ассоциации гарантов», т. е. группы историков, внесших необходимые взносы для начала издания журнала. Предполагалось, что после трех лет журнал станет самокупаемым предприятием.

Первый номер ежеквартального издания вышел в конце 1895 г., и с тех пор по сегодняшний день этот журнал остается главным общеисторическим журналом в Соединенных Штатах Америки, а с 1898 г.— официальным органом АИА.

На второй год издания журнал уже имел около 1 тыс. подписчиков, а затем тираж журнала рос вместе с численностью ассоциации. Сейчас тираж журнала около 20 тыс., а читательская аудитория, по оценке редакции, составляет более 40 тыс. (надо учесть, что часть тиража поступает во многие библиотеки США и зарубежных стран).

За последние десятилетия журнал значительно вырос и по своим физическим параметрам. Том 58 АХР за 1952/53 учебный год содержал 1090 страниц, в нем было опубликовано 11 статей и 434 рецензии на книги. Десять лет спустя том 68 имел 1230 страниц, 16 статей и 720 рецензий и заметок на книги. Число статей остается не более 3—4 в номере, т. е. около 20 статей в год. Это примерно $\frac{1}{10}$ получаемых в редакции статей. В начале 50-х годов журнал получал от авторов около 100 статей в год, в начале 60-х годов — около 200, в настоящее время — около 250.

Раздел статей составляет важную часть журнала, как и любого другого периодического издания по истории, хотя в 70-е годы редакция по финансовым соображениям была

¹³ Jameson J. F. The American Historical Review. 1895—1920.— AHR, 1920, Oct., vol. 26, N 1, p. 2.

выпущена сократить число отводимых для этих целей страниц. Редакция обычно принимает решение о публикации или отклонении присланной статьи в срок до шести недель, а публикация принятых статей занимает в среднем девять месяцев.

Редакция журнала предъявляет к авторам определенные требования, которые были изложены в виде редакционной заметки в одном из номеров журнала за 1970 г. Статьи должны быть «написаны на определенном интеллектуальном уровне, носить исследовательский характер, соответствующим образом документированы, отличаться ясным и убедительным изложением». Но эти требования — общие для всех научных журналов. У «Америкен историкел ревью» есть свои требования, которые диктуются характером читающей аудитории. Многочисленные читатели журнала в США и за рубежом имеют самые различные научные интересы. Поэтому прежде всего публикуемые в журнале статьи должны быть общего характера, затрагивать общеметодологические вопросы или проблемы исторической профессии. «Но подлинно научная статья, посвященная тщательно аргументированному положению, законченно изложенная, содержащая пересмотр старых интерпретаций, стимулирующая работу других историков, не может носить узкий характер». Такая статья, по мнению редакции журнала, заслуживает самого внимательного рассмотрения, ибо к ней могут проявить интерес специалисты из разных областей, историки различных эпох, стран и культур в поиске сравнений, параллелей, подтверждений или опровержений более общих положений науки. «Именно в таких статьях, а не в публикациях узких специалистов, адресованных своим коллегам по аналогичным занятиям, заинтересованы редакторы журнала»¹⁴.

Статьи, которые редакция обычно возвращает авторам, это детализированные, хотя и оригинальные и полезные изложения незначительных политических и дипломатических событий, статьи по локальной истории, в которых неясен общеисторический контекст, описания мелких фактов и случаев, биографические работы о второстепенных фигурах, если эти работы не вносят новый вклад в понимание важнейших исторических событий. К этому же разряду относятся статьи, суммирующие подготовленную к публикации книгу или же представляющие собой главы из диссер-

¹⁴ Articles for the AHR: An Editorial.— AHR, 1970, Oct., vol. 75, N 6, p. 1577.

таций и книг, которые должны быть скоро опубликованы. «Нельзя ожидать, чтобы ученый читатель согласился читать статью, представляющую собой незаконченный кусок какого-то другого сочинения, и тем самым судить о котором нельзя без знания контекста, который нужно где-то искать в другом месте»... Возврату подлежат и статьи, «рутинно излагающие существующие точки зрения по той или иной теме научных дебатов, но обзорные работы, содержащие оригинальный критический анализ и собственные позитивные положения, бесспорно, будут положительно восприняты редакцией журнала»¹⁵.

Сложным и деликатным моментом в изучении деятельности журнала является вопрос об идеологических факторах в политике редакции журнала. Мои личные беседы с редакторами американских журналов, в том числе с редактором «Америкен историкел ревью» Р. Пфланце в 1980 г., давали обычно следующий результат: единственная политика журнала и критерий в отборе статей — это их высокий научный уровень и профессиональное совершенство. Однако ряд косвенных данных подтверждает неоднократно высказывавшиеся в адрес журнала обвинения в его консервативной, резко антирадикальной направленности. Конечно, по сравнению с началом 50-х годов журнал стал менее консервативным: иначе и быть не могло, но в общем идеологическом спектре американской историографии журнал прочно занимает место справа. Левые историки не только не получили права голоса на его страницах, но и не удостоились объективной и позитивной критики и оценки. Статья Дж. Леминга об идеологии антирадикализма в среде американских историков была безоговорочно отклонена, как неприемлемая со всех точек зрения. За всю историю журнала на его страницах со статьями выступили не более трех-четырёх американских историков-афроамериканцев. Некоторые статьи отклонялись редактором только по причине содержащейся в них критики научных трудов президента ассоциации или членов редколлегии журнала¹⁶.

Какое место занимает публикация статей в журнале, а также другие разделы (рецензии, список новых книг и пр.), можно достаточно отчетливо представить из подсчета распределения страниц в томах журнала (см. с. 203).

Ясно, что наибольший урон в 70-е годы понесла публи-

¹⁵ Ibid., p. 1579.

¹⁶ AHA Newsletter, 1979, Dec., vol. 17, N 9, p. 5.

Раздел журнала	Число страниц								
	1971 г.	1972 г.	1973 г.	1974 г.	1975 г.	1976 г.	1977 г.	1978 г.	1979 г.
Обложечный материал	72	72	70	76	72	82	80	74	80
Статьи	732	518	527	448	297	386	430	477	477
Рецензии на книги	555	629	636	787	724	824	874	853	939
Список книг	60	47	50	60	54	53	65	52	61
Некрологи	25	27	26	16	15	22	11	14	11
Переписка	66	31	32	30	24	12	10	—	38
Список статей	268	285	306	356	331	—	—	—	—
Информация	12	12	14	13	10	11	10	10	10
Указатель	32	34	31	41	45	67	66	53	62
Реклама	395	412	346	265	260	242	229	239	246
Приложение и пр.	19	21	22	28	16	13	25	20	18
<i>Всего</i>	<i>2192</i>	<i>2088</i>	<i>2060</i>	<i>2120</i>	<i>1848</i>	<i>1712</i>	<i>1800</i>	<i>1792</i>	<i>1942</i>

Источник: АНН, 1971—1979, vol. 76—84.

кация научных статей и значительно вырос раздел рецензий на книги, вытеснив окончательно давно существовавший раздел, где публиковался список недавно опубликованных статей.

Рецензирование новейшей литературы в последнее время становится все более важной — если не главной — задачей американских научных журналов по истории. Надо отметить, что обширное рецензирование традиционно было одной из основных задач таких журналов, как «Америкен историкел ревью». В этом проявляется обычная заинтересованность в информации о новых публикациях, но отчасти большое число рецензий — результат нажима со стороны авторов книг — членов АИА, которые могут пригрозить и выходом из ассоциации, если на их работу журнал не поместит рецензию. Рецензии на книги в исторических журналах, как правило, очень краткие (400—500 слов). В итоге более 50% получаемых редакцией книг рецензируется.

Журнал не рецензирует историко-публицистические и историко-литературные труды, а также учебную литературу, в том числе учебники по истории. Не рецензируются переиздания научных трудов, если только переиздание не представляет собой фактически новую работу. Не рецензи-

руются сборники документов, если им не предпослано пространное введение, составляющее само по себе монографическое исследование. «Хотя редакторы приветствуют критические рецензии, некоторые книги, которые на первый взгляд кажутся значительными, могут не рецензироваться, если редактор (обычно по совету предполагаемого рецензента.— В. Т.) решит, что их научный уровень недостаточно высок, чтобы занимать рецензией место в журнале. Конечно, время от времени будет полезным на примере такой книги „предостеречь других“, — сообщает своим читателям редколлегия журнала в специальной заметке о принципах рецензирования¹⁷.

При издании документальных серий обычно рецензируется первый том, чтобы дать информацию о новом издании, его принципах и основном содержании. Промежуточные тома уже обычно не рецензируются.

Журнал расширил число рецензий на книги зарубежных авторов из стран Европы, Азии, Африки и Латинской Америки. В 70-е годы было опубликовано несколько рецензий на работы советских историков, но журнал не проявляет особой заинтересованности в информировании американских историков о достижениях иноязычных историографий, а тем более о работах, написанных с позиций марксистско-ленинской историографии. Даже приводится достаточно паивный и неубедительный аргумент: все равно книги не на западноевропейских языках и недоступны американским историкам по причине языкового барьера или же они вообще отсутствуют в библиотеках, и ознакомиться с ними невозможно¹⁸.

При отборе статей и книг для рецензий, а также рецензентов действуют не только сугубо научные критерии. Некоторые книги, авторы которых марксисты или просто придерживаются левых убеждений, не всегда удостоиваются рецензий или же направляются на рецензию тому, чей отзыв наверняка будет отрицательным. Так, например, не была отрецензирована книга радикального историка Дж. Лемиша «На активной службе миру и войне. Политика и идеология в американской исторической профессии» (Торонто, 1975) из-за содержащейся в ней резкой критики руководства АИА и всего профессионального истеблишмента за проводимый ими скрытый или явный курс антикоммунизма и борьбы

¹⁷ Reviewing in the AHR: An Editorial.— AHR, 1970, Dec., vol. 75, N 7, p. 1890.

¹⁸ Ibid., p. 1891.

с левыми историками¹⁹. Еще раньше подобная судьба постигла замечательное произведение американской марксистской историографии — книгу У. Дюбуа «Черная реконструкция». Приведем данные о тематике рецензий АХР (выборочно по ряду лет):

Тематика	Число рецензий					
	1971 г.	1972 г.	1975 г.	1978 г.	1979 г.	1980 г.
Общие проблемы	61	85	54	60	84	52
Древний мир	24	37	33	27	31	35
Средние века	44	57	105	62	64	60
Новая и новейшая история Европы	266	317	382	490	515	473
В том числе:						
общие проблемы	32	42	35	51	48	40
Великобритания и Ирландия	80	92	109	117	149	113
Франция	33	45	57	52	51	43
Испания и Португалия	8	8	7	13	16	19
страны Бенилюкса	2	3	9	8	11	11
Северная Европа	5	18	17	11	11	13
Германия, Австрия, Швейцария	26	65	75	102	98	101
Италия	14	17	9	26	18	33
Восточная Европа	25	8	23	58	47	45
СССР	41	19	41	52	66	55
Ближний Восток	8	15	15	17	21	8
Африка	17	28	46	37	42	19
Азия и Восток	28	39	68	61	85	56
США	210	127	264	336	358	280
Канада	0	16	8	15	15	12
Латинская Америка	23	40	28	48	48	35
<i>Всего</i>	<i>681</i>	<i>761</i>	<i>1003</i>	<i>1153</i>	<i>1263</i>	<i>1030</i>

Эти данные отражают общеисторический характер журнала, а также приоритеты американской историографии с ее преимущественным вниманием к проблемам истории США и стран Западной Европы.

В последние годы журнал старается разнообразить свою деятельность. Редакция чаще стала готовить тематические номера, т. е. публиковать подборки статей по крупной проблеме или направлению. Один из номеров за 1983 г., например, был посвящен изучению африканской истории,

¹⁹ См. рецензию на эту книгу: Вопросы истории, 1977, № 5,

другой проблеме трансатлантических миграций в сравнительной перспективе. Введена постоянная рубрика «Форум», в которой помещаются дискуссионные статьи и сопровождающие их комментарии. В номерах за 1982 г., например, обсуждению подверглись статьи об эволюции и современном кризисном состоянии традиционного учебного курса «История западной цивилизации», о теоретической основе и практике сравнительно-исторического подхода, о связи социальной структуры и политики в американской истории.

4. «Журнал американской истории»

Издание научного журнала «Джорнел оф америкен хистори» (до 1964 г. — «Миссисипи валли хисторикел ревью») играет важную роль в современной исторической науке США и имеет исключительное значение для ОАИ, органом которой он является. Поскольку подписка на журнал и членство в ОАИ также одно и то же, тираж журнала примерно равен численности организации и в 1980 г. составлял около 12,5 тыс. экземпляров. Журнал тем самым выполняет роль основного периодического (четыре номера в год) издания для специалистов по отечественной истории. На его страницах публикуются наиболее значительные статьи по самым различным проблемам и периодам истории Соединенных Штатов Америки, информация о результатах исследований в виде рецензий и библиографии, некоторые сведения о профессиональной деятельности историков.

Руководство ОАИ достаточно хорошо понимает значение журнала для организации. В связи с прекращением в середине 60-х годов публикации материалов в разделе «Персоналии» (сведения о назначениях, передвижении по службе, кончинах и т. п.) секретарь-казначей ОАИ У. Эшбакер поделился с редактором журнала следующими интересными соображениями: «Мы являемся ассоциацией, которую объединяет определенное число видимых и невидимых вещей, понуждающих людей платить ежегодные взносы и считать себя ее членами. Что это за вещи и как мы должны их укреплять? Несомненно, самая важная из них — это журнал, вторая по важности — ежегодные съезды. Что еще делает нас организацией и вызывает чувство принадлежности к ней со стороны наших членов? Одна из таких незримых вещей — это чувства общности и товарищества среди членов, которые наиболее явно проявлялись еще десять лет назад на съездах Исторической ассоциации долины Мисси-

сипи. Рост рядов организации и многолюдности ее собраний привели к уменьшению этого чувства общности... Я полагаю, что мы решили закрыть рубрику „Персоналии“, исходя из интересов только журнала, а не организации в целом. Нам нужно более четко представлять себе, благодаря чему мы сохраняем ОАИ как организацию, а не как простой список подписчиков журнала»²⁰.

В этой связи У. Эшбакер напомнил, что один из успешных издателей имел, например, строгое правило упоминать на страницах своего журнала не менее одного раза в год каждого из подписчиков. Руководству ОАИ в этой связи есть смысл подумать, как расширить круг различных услуг для членов организации, как лучше информировать их о деятельности ОАИ, чтобы развивать и укреплять в них чувства общности.

Руководителем журнала является редактор, обладающий достаточно широкими полномочиями. Он утверждается на должность на пятилетний срок исполкомом ОАИ. В этом участвует также администрация исторического факультета Индианского университета, так как редактор числится в штате этого факультета и имеет частичную преподавательскую нагрузку. Обычно обе комиссии, одна от ОАИ и другая от университета, осуществляют подбор кандидатуры. Поиск редактора Луиса Перри (с 1978 по 1984 г.) — бывшего профессора Университета штата Нью-Йорк (г. Буффало) занял, например, у этих двух комиссий почти целый год²¹.

Редактор пользуется большой свободой в определении политики журнала. По этому поводу редактор журнала с 1966 по 1978 г. Мартин Ридж писал так: «Как редактор „Джорнел оф америкен хистори“ я пользовался большой свободой действий. Исполнительный секретарь — будь это У. Эшбакер, Т. Кларк или Р. Киркендейл — никогда не вмешивался в дела журнала... Президенты ОАИ и члены исполкома всегда помогали мне. Редакционная политика иногда была предметом обсуждения на заседаниях исполкома, но его члены никогда не делали попыток определять направление журнала. Тем не менее я всегда осознавал, что редактор выполняет свои обязанности по воле исполнительного комитета. Если бы я почувствовал отсутствие доверия

²⁰ W. D. Aeschbacher — M. Ridge, May 20, 1966.— The Huntington Library. Martin Ridge's Correspondence.

²¹ ОАН Newsletter, 1978, July, vol. 6, N 1, p. 2.

со стороны даже части этого органа, я бы подал в отставку»²².

Согласно конституции ОАИ, редактор подбирает и рекомендует членов редколлегии, которые окончательно утверждаются Исполнительным комитетом на три года. Утверждение это, как правило, носит формальный характер. Однако по одному из ежегодных отчетов редактора на заседании исполкома был поднят вопрос о необходимости более подробной информации с его стороны о подборе членов редколлегии. После дискуссии была принята осторожная резолюция, рекомендующая редактору давать более развернутую информацию по этому вопросу²³.

«Я подбирал редколлегию,— пишет М. Ридж,— которая бы широко представляла различные институты, районы страны, сферы интересов, идеологии и методологические подходы. Я старался находить ученых, уже проявивших необычные задатки и способность к глубоким критическим суждениям. Я никогда не предлагал кандидатуры некоторых выдающихся ученых, потому что они были привязаны к какой-то особой позиции и по этой причине неизбежно обладали явно ограниченным мышлением... Время от времени я предпринимал сознательные усилия, чтобы подобрать специалистов в отдельных областях американской истории или же специальных методологических направлениях. Я исходил из мысли, что ученые посылают статьи в журналы, на титульных листах которых стоят фамилии редакторов, на чьи симпатии к тому или иному типу исследования можно вполне рассчитывать»²⁴.

Некоторую дополнительную информацию М. Ридж сообщает также в письме одному из начинающих редакторов исторического журнала, который специально интересовался формальной стороной отношений редактора с членами редакционной коллегии: какую роль этот орган играет в отборе статей, требуется ли одобрение статьи всеми его членами, большинством или одним-двумя, является ли редколлегия чисто «совещательным органом»?²⁵ «Я отбираю членов редакционной коллегии сам лично, имея в виду прежде всего их использование в качестве редакторов-рецензентов,—

²² Ridge M. An Editor's Report: 1966—1977.— JAH, 1978, March, vol. 64, N 4, p. 1048.

²³ OAH Executive Board Meeting Minutes, 16 April 1975, p. 3—4.— OAH Office in Bloomington (Ind.).

²⁴ Ridge M. Op. cit., p. 1052—1053.

²⁵ N. Hundley — M. Ridge, Sept. 12, 1968.— The Huntington Library. Martin Ridge's Correspondence.

писал М. Ридж.— Конституция организации и политика журнала не требуют, чтобы я представлял им статьи. Тем не менее я стараюсь получить мнение и совет по меньшей мере одного члена коллегии, прежде чем я приму статью для публикации. Окончательная ответственность за решения лежит на мне. Однако я никогда не публиковал статью, которую рецензент счел неудовлетворительной. В этом смысле коллегия не является „чисто совещательным органом“»²⁶. Кроме того, редактор представляет редколлегии отчет о ходе дел в журнале в течение года. Члены редколлегии могут заниматься подбором статей, которые, по их мнению, представляют особый интерес. Редактор относится к этим статьям с особым вниманием, но всегда получает мнение еще одного члена редколлегии.

Редакционная коллегия состоит из девяти человек, трое из которых ежегодно сменяются. Такая практика в целом принята по всем американским историческим журналам. Иногда некоторые историки, особенно с репутацией проницательных критиков, оказываются в двух и даже в трех журнальных редколлегиях. Так, например, в 1967 г. редактор «Джорнел оф америкен хистори» направил приглашение профессору Университета Джонса Гопкинса Дэвиду Дональду войти в состав редколлегии. В ответ Д. Дональд сообщил, что он рад предложению, но уже входит в состав редколлегии двух журналов и «не хотел бы выглядеть своего рода монополистом на членство в редколлегиях»²⁷. На следующий год, когда срок пребывания в редколлегии одного из журналов закончился, Д. Дональд принял повторное предложение от «Джорнел оф америкен хистори».

Только незначительная часть статей посылается членам редколлегии, большинство их проходит экспертизу в редакции журнала и (или) посылается на заключение постороннему рецензенту. Иначе чтение редакционного портфеля было бы чрезвычайной нагрузкой для членов редколлегии, обязанности которых никак не оплачиваются.

В редакцию журнала поступает в среднем по 300 статей в год. Для их рассмотрения и принятия решения отводится срок до 12 недель, который редакция старается соблюдать, если не возникает необходимость повторного рецензирования. Редактор и его заместитель читают все поступившие рукописи еще до принятия решения отправить их на заключение постороннему рецензенту или члену редколлегии. Явно сла-

²⁶ M. Ridge — N. Hundley, Oct. 2, 1968.— Ibid.

²⁷ D. Donald — M. Ridge, Febr. 24, 1967.— Ibid.

бые работы отклоняются сразу и возвращаются авторам с рекомендацией переработать и представить повторно. В редких случаях бесспорно интересные статьи могут быть приняты только на основе заключения редактора и его заместителя.

Рецензирование статей производится без указания их авторов, т. е. даже члены редколлегии не знают, кому принадлежит та или иная рукопись. В случае отрицательного отзыва специалиста редактор обычно накладывает вето на публикацию рукописи и возвращает ее автору. Но из-за высокой конкуренции (журнал публикует всего около 20 статей в год) некоторые вполне добротные материалы также не принимаются, и в этих случаях задача редактора объяснить автору причины такого решения и дать совет о возможной публикации в других научных журналах. «Рецензенты и члены редакционной коллегии исходят в оценках статей из требований их высокого научного уровня, хорошей литературной формы, значимости и интереса для читателей. Здесь, конечно, бывают исключения, но цель такова, чтобы смотреть на каждую принятую для публикации статью как на победившую в конкурсе из почти 20 статей», — пишет М. Ридж²⁸.

Конечные критерии для принятия статьи определяются редактором журнала. М. Ридж, например, исходил из того, что «журнал не имеет идеологической или методологической направленности», масса же читателей больше интересуется конечными конкретными результатами, а не тем, как «автор манипулирует с источниками или какую подводит идеологическую подоплеку»²⁹. Отсюда он определял достаточно прагматичную схему иерархии типов статей по их значимости: документальная публикация, методологические заметки, новый фактический материал, переоценка фактов, пересмотр интерпретации события или явления, обзор литературы, новая концепция или взгляд на состояние дисциплины. По мнению редактора, значимость журнальной публикации прямо зависит от того, насколько она представляет более общий интерес для историков. С профессиональным уровнем статьи это фактически не связано. «Эти заключения оказывали очевидное влияние на мою редакторскую политику, — признает М. Ридж. — Они исключали претендентов на публикацию статьи из нижних ступеней иерархического порядка и заставляли меня искать и поощрять написание статей,

²⁸ Ridge M. Op. cit., p. 1050.

²⁹ Ibid., p. 1051.

которые связаны с ревизией и новыми интерпретациями, состоянием науки и природой исторического исследования. Тем не менее статьи редко можно было четко разделить по категориям, потому что, скажем, ревизионизм и анализ часто коренятся в использовании нового источникового материала. И все же цель здесь была определена довольно ясно, и в период редакторства я пытался ей следовать»³⁹.

Редакторская политика, бесспорно, оказывает сильное влияние на содержание журнала. В итоге за последние 10—15 лет, а тем более раньше, статей теоретико-методологического характера в журнале почти не было опубликовано.

В журнале нет также практики «главных» статей. Статьи публикуются в порядке их одобрения, а внутри номера — в хронологической последовательности от раннего периода к современности. Исключение делается только для ежегодного президентского послания, которое публикуется в июньском (№ 1) выпуске журнала. Точно так же журнал не стремится соблюдать какой-либо «баланс» или «квоту» для статей, представляющих разные хронологические периоды истории США или проблемные сферы (социально-экономическая история, история общественной мысли и т. п.).

Тематика публикуемых статей в целом отражает общее состояние американской историографии и те сдвиги, которые происходят в области изучения истории США.

Период истории	Число статей				Всего
	1966— 1970 гг.	1971— 1975 гг.	1976— 1980 гг.	1981— 1982 гг.	
Колониальный период и американская революция	7	8	8	5	28
Конец XVIII — конец XIX в.	37	29	37	12	115
Конец XIX в. — 1945 г.	50	43	27	13	133
После 1945 г.	5	4	14	5	28
Статьи более широкого хронологического охвата	14	7	12	10	43
<i>Итого</i>	<i>113</i>	<i>91</i>	<i>98</i>	<i>45</i>	<i>347</i>

Из приведенных данных видно, что в целом важнейшие периоды истории США представлены примерно в той же пропорции, что и кадры высшей квалификации, а также

³⁹ Ibid., p. 1052.

распределение учебных курсов в высшей школе и тематика докторских диссертаций. Это означает, что наибольший приоритет имеет история с конца XIX в. до 1945 г., хотя тенденция последних лет отмечает возрастание интереса к современному периоду.

Подобным же образом обстоит дело с проблемной характеристикой опубликованных материалов: здесь также наблюдается прямая связь с тематикой подготовленных диссертаций, читаемых курсов и специализацией историков.

Тематика статей	Число статей				Всего
	1966— 1970 гг.	1971— 1975 гг.	1976— 1980 гг.	1981— 1982 гг.	
Экономическая история	7	6	8	2	23
Социальная история	20	17	28	11	76
Политическая и военная история	38	35	25	13	111
Внешняя политика	13	16	10	5	44
История общественной мысли и сознания	14	9	10	4	37
Общие проблемы и историография	20	9	17	10	56
<i>Итого</i>	<i>112</i>	<i>92</i>	<i>98</i>	<i>45</i>	<i>347</i>

Из тенденций, пожалуй, можно отметить только сокращение числа публикаций по политической и военной истории и некоторое увеличение числа статей по социально-исторической проблематике.

Тематика статей отражает и еще одну специфику американской историографии в целом: ее эгоцентризм, интерпретацию истории США без достаточной взаимосвязи с мировым историческим процессом. В этой связи статьи, выходящие за рамки узконациональной истории, как правило, отклоняются. Это, естественно, вызывает справедливые нарекания авторов таких работ. Так, например, автор отклоненной статьи о влиянии Кроче на исторический релятивизм крупного американского историка Карла Беккера писал редактору журнала следующее: «Позвольте мне сделать замечания по вопросу редакторской политики. Я уже давно убежден, что ведущий журнал по американской истории должен иметь одной из своих задач борьбу с националистической ограниченностью, которая является характерной чертой американской исторической литературы. Слишком многие историки считают, что описываемые и анализируемые

ими явления имеют исключительно местный характер и тем самым демонстрируют влияние того, что правильно было бы назвать „народной историей“ с ее узкопатриотическими взглядами»³¹.

Важную сторону в деятельности редакции журнала (и большую часть его объема) составляют рецензии на книги. Редакция журнала считает необходимым откликнуться на все более или менее серьезные исследовательские монографии по истории США, тем более если их авторы — члены ОАИ. В каждом номере помещается около 100 рецензий, а за период с 1966 по 1977 г. их было опубликовано около 4400. Подавляющее большинство рецензий положительные. В случае резкой критики в адрес какого-либо автора последнему может быть предоставлена возможность выступить в том же номере с ответом на замечания.

В каждом номере публикуется список новейших статей по истории США, опубликованных в других журналах, и список защищенных докторских диссертаций.

В целом, по нашему мнению, журнал не очень склонен предоставлять свои страницы для критических выступлений, полемики и дискуссий по каким-либо кардинальным проблемам американской истории. Точно так же редакция журнала старается сохранить сугубо научное реноме издания, подчеркивая его аполитичность. Вот характерное признание по этому поводу редактора журнала: «Это еще мягко будет сказано, что за прошедшее десятилетие наша страна пережила грандиозную социальную перемену и потрясение. Члены редакционной коллегии, рецензенты и авторы часто не укладывались в сроки по причине своей активной гражданской и преподавательской деятельности. Партийные настроения были сильными, и меня часто просили занять позицию по тому или иному вопросу и предоставить журнал для диалога. Глубина чувств и приверженность определенным взглядам со стороны членов ОАИ по разным вопросам, которые раскололи все население страны, особенно проявлялись на ежегодных съездах организации. Я не хотел вовлекать журнал в эти споры...»³².

Демонстративная политическая индифферентность научного исторического журнала не столь последовательно претворяется в его конкретной деятельности. «Джорнел оф америкен хистори», как орган массовой исторической организации с растущим влиянием леволиберальных и даже

³¹ Ch. M. Destler — M. Ridge, June 1, 1969.— The Huntington Library. Martin Ridge's Correspondence.

³² Ridge M. Op. cit., p. 1058.

леворадикальных историков, конечно, не мог выступать в качестве пропагандиста исключительно традиционных интерпретаций консервативно-«консенсусного» толка. Такое амплуа в США выполняет журнал «Америкен хисторикел ревью». Однако сказать, что репутация М. Риджа и других редакторов безукоризненна, когда речь идет об отношении к работам левых, а тем более марксистских историков, едва ли представляется возможным.

В редакционной почте М. Риджа имеется одно письмо, в котором приводится перечень статей по истории США, не включенных в список опубликованных статей. Это статьи Дж. Конлина о социалистической партии в США, В. Гарднера о Джоне Риде и Ленине, Ю. Джиновезе об американском рабстве, Дж. Грегора о негритянском национализме, С. Линда об американском капитализме, К. Оберманна о Коммунистической лиге как предтече американского рабочего движения, Дж. Прикетта о коммунистах в рядах профсоюза автомобильных рабочих, Г. Аптекера о сегрегации в федеральном правительстве, Э. Фонера об испано-американской войне и др. Все эти статьи были опубликованы в марксистском журнале «Сайенс энд сосайети» и их невключение в список, по мнению автора письма, является своего рода «наказанием за марксистскую ориентацию»³³. Редакция журнала объяснила невключение статей в перечень отсутствием регулярного контакта с журналом «Сайенс энд сосайети»³⁴, но эта ссылка не выглядит убедительной. Кстати, после нескольких писем-протестов статьи из марксистского журнала стали включаться в перечень.

Негативное отношение к работам левых историков не обязательно результат действий самой редакции. Очень важно, кому направляется на заключение представленная статья или же на рецензию опубликованная книга. Если работа написана с использованием марксистской методологии, а ее критик — историк традиционных буржуазных убеждений, отрицательный отзыв или рецензия фактически предопределены заранее. Тем самым внешне соблюденная демократическая процедура отбора статей на деле оборачивается скрытой дискриминацией инакомыслящих.

Точно так же под предлогом идеологического плюрализма страницы журнала могут быть предоставлены для грубых нападок на авторов работ, не укладывающихся в рамки традиционной историографии. Так, в частности, произош-

³³ J. R. Prickett — M. Ridge, Jan. 5, 1969.— The Huntington Library. Martin Ridge's Correspondence.

³⁴ M. Ridge — J. R. Prickett, Jan. 8, 1969.— Ibid.

ло с публикацией в мартовском номере журнала за 1973 г. историкографических статей А. Икеса и Р. Мэддокса, в которых работы «новых левых» историков по истории внешней политики США были представлены в упрощенном и искаженном свете.

В связи с этой публикацией редактор журнала получил следующее письмо: «Начинается нездоровое движение против ревизионистской, „новой левой“ историографии, которое обещает в 70-е годы повторение 50-х годов, если эта тенденция не будет остановлена. Обоснованный научный критицизм всегда должен приветствоваться. Что же касается явных или скрытых личностных нападок на работы и квалификацию таких авторитетных исследователей, как У. А. Уильямс, Г. Алпровиц, Л. Гарднер и У. Лафебр, то они могут только нанести вред профессии и свободному развитию подлинной науки»³⁵.

В первой половине 70-х годов, судя по всему, редакция журнала и лично сам редактор М. Ридж не могли игнорировать фактор «новой левой» историографии и даже имело место некоторое заигрывание с авторами-ревизионистами. Бесспорно, журнал в этом плане зашел гораздо дальше других солидных исторических изданий, на страницах которых таким авторам вообще не было места. Отвечая С. Приско, профессору Алабамского университета, письмо которого было только что нами процитировано, редактор журнала сделал следующие характерные признания: «Дискуссия о работах „новых левых“ будет продолжаться долго. Я даже планирую опубликовать в следующем номере явно ревизионистскую по своему содержанию работу Б. Бернстайна. (Надеюсь, что Вы сохраните эту информацию в тайне, ибо я не люблю объявлять о предстоящих публикациях.) Работы „новых левых“ довольно интересные, и это неизбежно, что они будут вызывать критику... Я, так же как и Вы, не люблю жалкие, личного характера явные и скрытые критические комментарии и надеюсь, что статьи в журнале будут выше этого уровня. Если бы Вы только могли видеть почту на моем столе даже только за один день, Вы бы удивились той язвительности и злости, которые члены профессии демонстрируют в отношении работ своих коллег»³⁶.

Сходные настроения редакция журнала проявила в отношении рецензирования книг историков левого направ-

³⁵ Ch. Prisco III — M. Ridge, March 16, 1973.— Ibid.

³⁶ M. Ridge — Ch. Prisco III, March 20, 1973.— Ibid.

ления. Так, в июле 1974 г. Ю. Джиновезе, декан исторического факультета Рочестерского университета и один из наиболее известных представителей левой американской историографии, рекомендовал М. Риджу опубликовать в порядке исключения развернутую рецензию на общий очерк истории США итальянского историка Лурачи. Основанием для такой публикации он считал особый интерес американских историков к интерпретации американской истории историком-европейцем, который к тому же является убежденным марксистом³⁷. На эту просьбу редактор ответил с готовностью, пообещав увеличить размер рецензии, а также сделал следующий комментарий: «Как Вы, несомненно, заметили, мы в настоящее время рецензируем книги, публикуемые в Советском Союзе, когда они к нам поступают. Политические взгляды Лурачи, конечно, сделают книгу более интересной для американских ученых. Нам нужно покончить с подобием провинциального взгляда на наше собственное прошлое»³⁸.

Журнал, как и все другие периодические издания по истории, сохраняет издательские права на публикуемые материалы. Разрешения на перепечатку даются при условии уплаты определенной суммы (около 100 долл.), часть которой идет автору статьи, а часть — журналу. Но эти поступления, как и поступления от помещаемой рекламы продукции книжных издательств, недостаточны для покрытия расходов на издание журнала. Общая стоимость издания журнала составляла 75 тыс. долл. в 1976 г. и 114 тыс. долл. в 1981 г.

Эти расходы покрываются из бюджета организации, и руководство ОАИ всячески стремится удешевить издание журнала. В 1979 г. на заседании исполкома обсуждался вопрос об оплате статей авторским гонораром. К этому времени редакция платила в среднем за статью около 100 долл. «По причине финансовых трудностей чем-то нужно поступиться, и оплата авторам ныне выглядит как роскошь», — заявил член исполкома Фр. Дженнингс³⁹. Несмотря на возражения редактора Л. Перри, исполком решил прекратить выплату гонораров за статьи.

³⁷ E. D. Genovese — M. Ridge, July 3, 1974.— Ibid.

³⁸ M. Ridge — E. D. Genovese, July 18, 1974.— Ibid.

³⁹ OAH Executive Board Meeting Minutes, 8 Nov. 1978, p. 2.— OAH Office in Bloomington (Ind.).

АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ

В 1984 г. исполнилось 100 лет Американской исторической ассоциации (АИА) — ведущей профессиональной организации историков США. Сведения об АИА в нашей историографической литературе приводились неоднократно, хотя и в отрывочном виде, главным образом в связи с ежегодными съездами этой ассоциации¹. Имеется также ряд информационных обзоров и критических заметок об истории и основных направлениях ее деятельности². Попытка написать более цельный очерк об АИА в советской литературе не предпринималась.

1. Первые десятилетия деятельности

Становление профессиональной исторической науки и возникновение первой общенациональной организации историков вместе с рядом других научных центров в области обществоведения произошло в период становления в США монополистического капитализма. Два эти процесса были связаны между собой закономерными связями, и естественно, что второй из них определил и вызвал к жизни первый. Слишком усложнилась социально-экономическая структура буржуазного общества, слишком острыми стали встающие перед этим обществом проблемы, чтобы можно было продолжать полагаться в изучении прошлого на любителей-ремесленников. Возникла объективная потребность в институционализации исторической науки как самостоя-

¹ Кантор Р. Е. 86-е и 87-е годовые собрания Американской исторической ассоциации (1971 и 1972 гг.). — *Вопр. истории*, 1973, № 11; Сивачев Н. В. На 89-м ежегодном съезде Американской исторической ассоциации. — Там же, 1975, № 6; Он же. На 96-м съезде Американской исторической ассоциации. — Там же, 1982, № 5.

² Черняк Е. Б. Американская историческая ассоциация. — *Вопр. истории*, 1955, № 6; Кантор Р. Е. «Новые левые» в Американской исторической ассоциации. — Там же, 1971, № 9; Супоницкая И. М. Американская историческая ассоциация. — В кн.: Национальные исторические организации в странах Западной Европы и США. М., 1982.

тельной и важной дисциплины, призванной объяснять и защищать буржуазные ценности, внутреннюю и внешнюю политику правящих кругов Соединенных Штатов Америки.

Конец XIX в. был отмечен в Соединенных Штатах Америки ускоренным развитием различных областей научного знания. Рост университетов, числа студентов и профессуры, научной деятельности и ее результатов вызвал вполне естественный процесс появления многочисленных профессиональных объединений, обществ и ассоциаций, которые, по словам одного из первых президентов и биографов АИА, Ф. Джеймсона, «объединяли вместе разобщенных последователей определенной специальности, обеспечивали взаимное знакомство, дружбу и уважение, помогали преодолевать местническую ревность и шовинистическую настроенность отдельных университетов, способствовали развитию приверженности общим научным целям»³.

Создание первой общенациональной организации американских историков шло в русле этой общей тенденции и отражало определенную стадию в развитии собственно исторического знания в этой стране. В 80—90-е годы XIX в. в США происходило становление профессиональной историографии как самостоятельной научной дисциплины, появлялись первые кафедры истории и отдельные исторические факультеты при крупнейших американских университетах. Но в целом в сравнении с другими гуманитарными дисциплинами историческая наука находилась на самой начальной стадии своего развития. Изучение прошлого, бывшее до этого на протяжении долгого времени занятием преимущественно историков-любителей, отставных военных или государственных и политических деятелей, только начинало становиться делом профессионалов, избравших историю жизненной профессией. К моменту создания АИА во всех университетах и колледжах страны насчитывалось всего около 15 профессоров и 5 доцентов, занимавшихся исключительно историей. И едва ли более 30 студентов старших курсов специализировались в области истории⁴. По-прежнему многие продолжали еще считать, что история должна носить вспомогательный по отношению к другим дисциплинам характер.

Поборниками развития исторических исследований и инициаторами создания самостоятельной научной ассоциа-

³ Jameson J. F. The American Historical Association, 1884—1909.— The American Historical Review, 1909, Oct., vol. 15, N 1, p. 1. (Далее: — AHR).

⁴ Ibid., p. 2—3.

ции выступила группа молодых профессоров, прошедших обучение в Германии в условиях подъема там романтической историографии. Последняя в тот период занимала ведущие позиции в мире. Влияние немецкой исторической школы было очень сильным в период становления профессиональной исторической науки в США.

Непосредственный призыв к созданию исторической ассоциации прозвучал в июне 1883 г. от руководства Американской ассоциации социальных наук (создана в 1865 г.) и профессоров Ч. К. Адамса из Анн-Арборского университета, Т. К. Тилера из Итаскского университета и Г. Б. Адамса из Университета Джонса Гопкинса. Именно Герберт Бакстер Адамс создал в рамках проходившего в г. Саратоге в сентябре 1884 г. ежегодного съезда Американской ассоциации социальных наук организационное собрание, в котором приняло участие около 40 человек⁵. Тогда же был составлен устав ассоциации и избрано ее руководство. Первым президентом организации стал профессор истории Мичиганского университета Эндрю Д. Уайт, а секретарем — Г. Б. Адамс.

Создание ассоциации было встречено университетской средой вполне позитивно: к моменту второго съезда в сентябре 1885 г. в нее входили уже 287 человек, а к третьему съезду — более 400. К 1890 г. в ассоциации было 620 членов⁶. Среди первых президентов АИА, которые стали избираться ежегодно, были историки Джордж Бэнкрофт (1886 г.), Джастин Уинзор (1887 г.), Уильям Ф. Пул (1888 г.), Чарлз Адамс (1889 г.), видные политические деятели Джон Джей (1890 г.), Джордж Гоор (1895 г.).

На втором съезде ассоциация избрала своим первым почетным членом Леопольда фон Ранке, признав тем самым определяющее влияние немецкого историка на исторические исследования в Соединенных Штатах. Как известно, теоретические взгляды Ранке покоились на постулатах философского идеализма и протестантизма и исторический процесс им рассматривался как осуществление «божественного плана» управления миром, а его исследовательская методика основывалась на поиске объективной истины главным образом в архивных документах, и основной задачей историка провозглашалось установление того, «как, собственно, все происходило». За претензиями на «объективность» и «беспартийность» скрывалась реакционная политическая позиция: низкопоклонство перед монархами, восхищение военной

⁵ Ibid., p. 6.

⁶ Ibid., p. 9.

мощью и агрессивной внешней политикой, презрение к простому народу, ненависть к революционным движениям. Многие из этих постулатов стали характерными и для американской историографии, в том числе отрицание философских основ этой науки и прагматический взгляд на нее с точки зрения сиюминутной полезности. Эти постулаты утверждали в президентских посланиях на ежегодных съездах руководители АИА, а первый президент Э. Уайт сформулировал призыв переписать всю мировую историю «под американским взглядом», в интересах республики, «призванной построить новую цивилизацию»⁷.

С момента возникновения АИА стремилась получить официальное признание со стороны правительства страны, обретая тем самым исключительное право на представительство исторической профессии перед различными инстанциями, а заодно, что далеко не маловажно, на финансовую поддержку федерального правительства. В январе 1889 г. президент Кливленд подписал одобренный конгрессом США акт об инкорпорировании АИА, цель которой — «развитие исторических исследований, сбор и сохранение исторических источников во имя интересов американской истории и исторической науки в Америке». Штаб-квартирой ассоциации объявлялся г. Вашингтон, а Смитсоновский институт — вышестоящей инстанцией, которой АИА должна была представлять ежегодные отчеты о своей деятельности. Правительство брало на себя обязательство публикации этого отчета в качестве официального документа, что лишний раз подчеркивало общенациональный характер созданной организации.

Правительственный патронаж и финансовая поддержка, помимо определенных преимуществ, наложили и некоторые ограничения, определив в целом официальный и полуконсервативный характер ассоциации. Цензура над ежегодным отчетом со стороны секретаря Смитсоновского института фактически исключала публикацию в нем каких-либо материалов, содержащих критику правительства. В глазах таких консервативных учреждений, как конгресс США, публикация такого тома среди правительственных документов была бы неприемлемой⁸.

Еще одним важным моментом в становлении ассоциации было решение проводить начиная с 1896 г. ежегодные съез-

⁷ *Ausubel H. Historians and Their Craft. A Study of the Presidential Addresses of the American Historical Association, 1884—1945. N. Y., 1945, p. 21.*

⁸ *Jameson J. F. Op. cit., p. 14—15.*

ды в разных городах страны, давая тем самым возможность историкам различных регионов активнее участвовать в собраниях ассоциации.

В 1895 г. при АИА была создана первая постоянная комиссия по историческим рукописям, в 1898 г. возникла комиссия по библиографии, в 1899 г. — по публикациям. В 1896 г. существовавшее до этого самостоятельно Общество по истории церкви примкнуло к АИА на правах аффилированной организации. С 1895 по 1905 г. число членов ассоциации увеличивалось примерно на 200 человек в год, и в 1905 г. в АИА было 2500 членов⁹.

Важнейшим моментом в истории АИА стало появление у организации собственного научного журнала «Америкен историкел ревью», руководители и владельцы которого — объединение профессоров-историков ряда ведущих университетов — в 1898 г. передали ассоциации все права на журнал.

Если говорить о доминирующих в АИА в конце XIX — начале XX в. идейно-методологических позициях, то следует прежде всего отметить утверждение позитивистской по духу прогрессистской историографической школы. В 1893 г. Фредерик Д. Тернер сделал на ежегодном съезде ассоциации свой знаменитый доклад «О роли границы в американской истории», в котором впервые попытался объяснить историческую эволюцию Соединенных Штатов в свете известной концепции о «фронтире» — передовой черте поселения. Действием материальных, прежде всего экономических, факторов объяснял развитие США и самый известный представитель прогрессистского направления Чарлз О. Бирд. Оба эти историка избирались президентами АИА и играли в ней, особенно Тернер, очень активную роль.

К началу XX в. сложился довольно автократический характер руководства деятельностью АИА, которая оказалась под полным контролем сравнительно небольшой группы известных профессоров из крупных университетов. Представители истеблишмента заправляли всеми делами на основе далекой от подлинной демократии системы самоназначений и выборов: кандидаты на все должности подбирались номинативным комитетом, состав которого в свою очередь избирался исполнительным советом; второй вице-президент автоматически становился президентом ассоциации, а затем пожизненно членом исполнительного совета; секретарь и казначей ассоциации имели свои должности также фактически

⁹ Ibid., p. 20.

пожизненно; редколлегия журнала «Америкен хисторикел ревью» из шести человек сама предлагала кандидатуры на замещение, и совет автоматически их утверждал.

«В действительности 2800 членами ассоциации управляли две или три дюжины профессоров преклонного возраста из полдюжины университетов, поскольку экс-президенты, состоявшие пожизненно в составе совета, всегда могли переголосовать шестерых избираемых членов,— писал по этому поводу один из активнейших членов американской общины историков, Рэй Биллингтон.— Внутри этой правящей клики была элитная группа избранных, известная под названием „Нуклеус клуб“, которая ежегодно встречалась на веселом обеде с шампанским и принимала важнейшие решения относительно политики ассоциации. По крайней мере, в это верила основная масса рядовых членов. Те же, кто входил в „Нуклеус клуб“, не видели в этом ничего дурного: они представлялись себе верными служителями своей профессии, целиком, до самопожертвования, отдавая себя делу обеспечения историков должным лидерством. Значительная же часть рядовых членов была менее в этом уверена и нуждалась только в соответствующем интеллектуальном климате и преданном их интересам лидере, чтобы поднять знамя восстания»¹⁰.

Прогрессивизм как историографическая школа и— более широко — как общественное движение вполне способствовал созданию атмосферы реформ и бурных перемен. Что же касается лидерства, то его взяли на себя несколько членов ассоциации, выходцев из южных и западных штатов, где сильнее всего среди историков было недовольство засильем «северо-восточного истеблишмента». Целью «заговорщиков» было демократизировать руководство ассоциации, сделав исполнительный совет действительно представительным и передав верховную власть деловому собранию. Они также хотели сделать «Америкен хисторикел ревью» органом ассоциации, поскольку последний формально являлся собственностью редакционной коллегии, которая за определенную плату снабжала членов ассоциации экземплярами журнала.

Эти реформы, бесспорно, назрели, хотя и далеко не все рядовые члены АИА были готовы пойти на радикальные перемены в руководящих органах — все же авторитет истеблишмента был достаточно велик, и многие продолжали доверять этим людям. В свою очередь такие нетерпимо настроен-

¹⁰ *Billington R. A. Tempest in Clio's Teapot: The American Historical Association Rebellion of 1915.— AHR, 1973, Apr., vol. 78, N 2, p. 348—349.*

ные лидеры оппозиции, как, например, библиотекарь из госдепартамента Ф. Бэнкрофт, хотели во что бы то ни стало изгнать «бюрократов» из руководства. Особенное недовольство у этих людей вызывал Д. Ф. Джеймсон, редактор АХР и многолетний секретарь ассоциации, а также Ф. Д. Тернер, который завершал свой второй шестилетний срок в составе редколлегии журнала и, как бывший президент (1910 г.), состоял пожизненно членом исполнительного совета.

На ежегодном деловом собрании в 1913 г. некто Д. Роуленд, директор департамента архивов и истории штата Миссисипи, открыто объявил всю систему ведения дел в ассоциации недемократичной, когда «самоизбираемый кружок превращает ассоциацию в олигархическое заведение. На должности в ассоциации кандидаты должны избираться путем голосования всех членов», — предложил он. Затем Роуленд опубликовал обвинительную статью в еженедельнике «Нейшн», а также памфлет с призывом реформировать управление АИА¹¹.

Это первое открытое проявление недовольства руководством, поддержанное многими членами ассоциации, удалось притушить без каких-либо последствий. Джеймсон назвал его «довольно интересной бурей в стакане воды (по-английски — «в чайнике»), при которой крышка все же осталась на месте»¹². Что касается одного из наиболее активных лидеров оппозиции, Ф. Бэнкрофта, то он был избран в состав исполнительного совета и после этого заявил одному из своих друзей: «Поскольку я сам теперь стал частью „олигархии“, я обнаружил, что ее члены являются одними из самых мягких и великодушных деспотов»¹³. Однако уже через год Бэнкрофт разослал историкам Юга и Запада США письмо с обвинениями в адрес «восточного истеблишмента» и с призывом «помочь некоторым из нас — консервативным реформистам — улучшить условия в АИА, чтобы должное представительство получили историки, находящиеся за пределами небольшого круга людей и университетов»¹⁴.

Бэнкрофт с небольшой группой сторонников попытался организовать разоблачительную кампанию против руководства АИА, выдвинув во многом безосновательные обвинения в финансовых злоупотреблениях и чрезмерном расточитель-

¹¹ Rowland D. The Government of the American Historical Association: A Plea for a Return to the Constitution. Wash., 1915.

¹² An Historian's World: Selections from the Correspondence of John Franklin Jameson / Ed. by L. F. Stock. Philadelphia, 1956, p. 166.

¹³ Цит. по: Billington R. A. Op. cit., p. 351.

¹⁴ Ibid., p. 353.

стве средств, поступающих от членских взносов. Летом 1915 г. они распространили среди членов АИА специально подготовленный памфлет по вопросам о необходимости реорганизации ассоциации¹⁵, а на ежегодном съезде в декабре намеревались дать решительный бой и заставить уйти в отставку некоторых руководителей. Но умеренно настроенные члены ассоциации не поддержали небольшую группу «разгребателей грязи», действия которых не отличались особой разборчивостью. К тому же на съезде в декабре 1915 г. в Вашингтоне специально назначенная комиссия предложила ряд серьезных реформ и изменений конституции ассоциации. Этот шаг со стороны руководства выбил почву из-под ног наиболее рьяных критиков.

Одобренные съездом предложения касались демократизации процедуры проведения деловых собраний, расширения числа избираемых членов совета (восемь вместо шести), ограничения срока пребывания бывших президентов в совете, передачи ряда полномочий от исполнительного совета деловому собранию. Номинативный комитет должны были теперь выбирать на деловом собрании, а выборы проводить путем голосования по почте всех членов ассоциации, кандидатов на должности могли предлагать рядовые члены, оплата расходов выборных лиц ограничивалась. Инициатива перемен, таким образом, осталась за руководством ассоциации, а «инсургенты», пытавшиеся совершить переворот, оказались в полной изоляции. И все же нельзя не согласиться с заключением Р. Биллингтона, посвятившего специальную статью событиям 1915 г. в АИА. Он писал: «Бэнкрофт и его последователи нанесли себе непоправимый вред, но они в то же время подтолкнули пребывавшую в оцепенении организацию на давно назревшие реформы, которые поставили ее вровень с требованиями времени. В исторической перспективе наша профессия обязана воздать им должное»¹⁶.

К середине 20-х годов XX в. ассоциация приобрела ряд основательных традиций и завоевала репутацию солидной научной организации. По словам одного из ее влиятельных руководителей, к этому времени был «построен прочный каменный фундамент, но сам дом был еще небольшим и незаконченным: хотя стандарты ассоциации были высокими,

¹⁵ *Bancroft F., Latané J., Rowland D. Why the American Historical Association Needs Thorough Reorganization. Wash., 1915.*

¹⁶ *Billington R. A. Op. cit., p. 369.*

ее функции — относительно незначительными»¹⁷. Во время депрессии 30-х годов и второй мировой войны финансовые возможности ассоциации продолжали быть скромными и не позволяли развернуть особо активную деятельность; она ограничивалась изданием журнала, ежегодным съездом, присуждением нескольких премий за научные публикации и общими заявлениями в поддержку истории.

До 1928 г. единственным руководящим органом ассоциации был исполнительный совет, в который входили по должности президент, вице-президент, секретарь и казначей, а также бывшие президенты и восемь избираемых членов. По мере расширения сферы деятельности АИА понадобился действующий руководящий орган в промежутках между заседаниями совета и был создан исполнительный комитет, конституированный в 1929 г. Он состоял из шести членов, два из них должны были быть членами совета, два — выбраны из рядовых членов и два — по должности: секретарь и казначей. «Поскольку комитет должен собираться гораздо чаще по сравнению с советом, а финансовые возможности ассоциации сильно ограничены, необходимо выбирать членов исполнительного комитета из более или менее ограниченной географической зоны,— предложил в годовом отчете за 1936 г. секретарь ассоциации Декстер Перкинс.— Что же касается совета, в котором представлены самые разные региональные и культурные интересы членов ассоциации, то он сохраняет свою верховную власть. Он сохраняет исключительное право всех назначений в комиссии, а также право контроля за действиями исполнительного комитета, и, таким образом, соблюдения интересов ассоциации в целом будет вполне гарантировано. За девять лет функционирования исполнительного комитета его решения только в самых редких случаях были пересмотрены высшим руководящим органом, и за все это время между советом и комитетом не было никаких разногласий»¹⁸.

Еще одно существенное изменение в уставе ассоциации касалось учреждения в 1933 г. оплачиваемой должности исполнительного секретаря — главного административного лица в руководстве ассоциации.

Действовавшая перед второй мировой войной конституция АИА предусматривала, что любой человек, уплативший

¹⁷ *Shafer B. C. Ten Years, 1953—1963, of the Association and «Review».*— In: *Annual Report of the American Historical Association for the year 1963.* Wash., 1964, vol. 1, p. 68.

¹⁸ *Annual Report of the American Historical Association for the Year 1936.* Wash., 1938, vol. 1, p. 17.

в год 5 или 100 долл., на пожизненный срок мог стать членом ассоциации. Члены ассоциации собираются на ежегодное собрание, которое является высшим органом организации: оно заслушивает отчет о деятельности совета, одобряет или не одобряет его действия и политику, обладает правом изменять конституцию ассоциации, утверждает после голосования по почте членов ассоциации президента, первого и второго вице-президентов, секретаря, казначея, а также подлежащих избранию членов совета. На ежегодном собрании также после голосования по почте утверждается номинативный комитет из пяти человек, который подбирает кандидатов на все выборные должности и в состав комиссий для следующего ежегодного собрания. Помимо кандидатур номинативного комитета, собрание вправе рассмотреть другие кандидатуры, если они предложены в виде петиции за подписью не менее 20 членов ассоциации.

В период между двумя мировыми войнами в ассоциации и в целом в историографии возобладали концепции релятивизма и презентизма¹⁹. В 1931 г. в президентском послании на съезде АИА Карл Беккер подверг критике прогрессистскую историографию и в целом философию позитивизма. Объективного исторического знания не существует, считал К. Беккер, а история — это создание воображения историка и зависит от его индивидуального опыта. Ввиду относительности исторических знаний их единственная ценность «в полезности для настоящего». «Задача историка, — заявил президент АИА в обращении 1931 г. — не повторять прошлое, а извлекать из него пользу»²⁰. На эти же позиции перешли даже такие корифеи позитивизма, как Ч. Бирд, который свое президентское послание в 1933 г. назвал «Писание истории как акт веры»²¹. Подобные субъективно-идеалистические взгляды разделяли и другие президенты ассоциации (Ч. Боултон, У. Додд).

Возрастающая роль США в капиталистическом мире и усиление экспансионистских тенденций в политике стимулировали интерес историков к изучению зарубежной истории, внешней политики страны. В АИА в течение ряда лет, особенно на ежегодных съездах, продолжались дискуссии между сторонниками и противниками идеологии изоляцио-

¹⁹ Подробнее об историографии США в этот период см.: Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1968, с. 107—136.

²⁰ *Becker C. Everyman His Own Historian*. Chicago, 1966, p. 243—259.

²¹ *Beard C. A. Writting History as an Act of Faith*. — In: *Philosophy of History in Our Time* / Ed. by H. Meyerhoff. N. Y., 1959, p. 140—151.

низма по вопросу об отношении США к фашистской угрозе и об участии или неучастии в войне. В 1930 г. среди историков был даже проведен опрос, показавший, что большинство разделяло официальную точку зрения на вступление США в войну²². Уже в условиях начавшегося мирового конфликта на ежегодном съезде АИА в декабре 1940 г. был подведен итог этих долгих дебатов, когда был заслушан доклад Дж. Ф. Флеминга «Банкротство изоляции» и многие историки поддерживали оценку начавшейся борьбы народов против фашизма как борьбы против крайней реакции. Некоторые буржуазные историки поддерживали мужественную борьбу против фашизма и войны, которую вели американские историки-марксисты и выступили за участие США в коллективном отпоре фашизму (Дж. Т. Шотвелл, Дж. Ф. Флеминг, Ф. Л. Шуман и др.). Однако оставались и такие представители профессии, которые по разным соображениям продолжали отстаивать позицию нейтралитета США в условиях обострения мирового конфликта.

Деятельность АИА в годы второй мировой войны заслуживает особого рассмотрения. Следует прежде всего отметить широкое и планомерное привлечение правительством США представителей исторической науки к потребностям военной экономики и политики. По признанию президента Г. Трумэна, некоторые исследования, подготовленные по заказу федерального правительства, «были исключительно полезными для тогдашних мобилизационных усилий, особенно в области военных заготовок, экономической стабилизации и развития вооруженных сил. Ведомственные истории, подготовленные управлением военного производства, армейским и военно-морским департаментами, остаются исключительно полезными и до сих пор»²³.

Нельзя обойти молчанием и тот факт, что особенно в конце войны некоторые историки оказались самым непосредственным образом вовлеченными в изучение и сбор информации о внешнем мире, в том числе для подготовки масштабных тайных операций. Созданное президентом Рузвельтом управление стратегических служб (УСС), и прежде всего его главное управление исследований и анализа, стало «крупнейшим сосредоточением преподавателей и ученых, когда-либо собранных вместе в государственном учреждении»²⁴. Руководителем управления исследований был

²² The Current History, 1931, Jan., p. 540.

²³ Релиз текста письма президента Г. Трумэна от 31 января 1951 г. — Library of Congress, Manuscript Division, AHA Papers, Box 444.

²⁴ Ford C. Donovan of USS. Boston, 1979, p. 150.

профессор истории Гарвардского университета У. Лангер, а среди 1600 сотрудников этого громадного центра комплексных исследований были сотни историков. «Если взяться перечислять представителей старшего поколения американских ученых в области общественных наук, т. е. тех, кто возглавил их после второй мировой войны, то труднее обнаружить не работавших в УСС,— пишет Н. Н. Яковлев.— Большая часть из них отдала годы службе там. Напомним в дополнение к упоминавшимся именам историков А. Шлезингера, У. Ростоу, Э. Глисона, Ш. Кепта, философа Г. Маркузе, экономистов Э. Масона, У. Хитча, Э. Деспрее, синологов Д. Фэйрбанка, М. Вилбура»²⁵.

Образчиком изготавливаемой этими историками продукции может служить подготовленная под руководством У. Лангера аналитическая биография Адольфа Гитлера, которая, по словам одного из современных исследователей, позднее «открыла дорогу для проведения аналогичных исследований иностранных руководителей психоаналитиками ЦРУ»²⁶.

2. «Холодная война» и американские историки

В 1950 г. президент США Трумэн обратился с посланием к АИА, в котором он заявил, что главной задачей американской политики является борьба с коммунизмом и в этом деле «труд американских историков имеет колоссальное значение... Американские историки могут способствовать делу свободных наций, помогая правительству увековечить и интерпретировать политику, которую наша нация ведет для сохранения мира и свободы в мире»²⁷.

Этот откровенный призыв к историкам приложить усилия к оправданию реакционной политики правящих кругов был подкреплён и более конкретными действиями. В январе 1951 г. президент запросил у бюджетного ведомства финансовые ассигнования на учреждение федеральной исторической программы при правительственных ведомствах, занятых «неотложной деятельностью». Прототипом должна была послужить аналогичная программа, действовавшая во время второй мировой войны. В запросе Трумэн писал: «В период чрезвычайного положения нации федеральное правительство обнаружило, что исторические документы, дошедшие от предыдущих подобных периодов истории, имеют большую цен-

²⁵ Яковлев Н. Н. ЦРУ против СССР. М., 1983, с. 85.

²⁶ Cline R. *Secrets, Spies and Scholars*. Wash., 1976, p. 78.

²⁷ AHR, 1951, Apr., vol. 56, N 3, p. 712—713.

ность... Я полагаю, что нам следует проанализировать наши нынешние действия, пока прошлые проблемы еще свежи в головах участников событий. Такой анализ поможет нам решить те проблемы, которые встанут перед нами в будущем. С этой целью я хотел бы установить федеральную историческую программу для всех ведомств, вовлеченных в деятельность чрезвычайного характера». Эти ведомства, по мнению президента, должны сами писать собственные истории, привлекая для этого профессиональных исследователей и предоставляя им полный доступ к источникам²⁸.

Если брать в целом американскую историческую науку, и прежде всего вышедшие из-под пера историков в последние годы наиболее престижные и рекламируемые труды, можно со всей определенностью сказать, что ответ американских историков на призыв со стороны властей был позитивным: в жестких рамках «консенсусной» историографии трактовали исследователи приукрашенное прошлое своей страны, ведя явную или скрытую полемику со всем, что не укладывалось в концепцию «мира по-американски»²⁹. Практически вся элита исторической науки своими общественными действиями и трудами усердно оправдывала, по выражению Г. Аптекера, звание «лауреатов империализма».

Если содержание и направленность американской историографии времени «холодной войны» уже давно не является секретом, то вопрос об отношении американских историков и их организаций, прежде всего АИА, к «холодной войне» и маккартизму не столь прост. Об этих сюжетах сами историки долгое время предпочитали хранить молчание и делать вид, что к исторической науке все происходившее в 40—50-е годы не имело отношения. Более того, американские колледжи и университеты, а с ними заодно и гуманитарная профессура даже приобрели репутацию оплота демократии и борцов против маккартизма. В худшем случае последние якобы были политически нейтральными и держались в стороне от кампаний «охоты за ведьмами».

Подлинная картина того, как американская профессура, в том числе историки, реагировала на расследования и другие формы гонений против инакомыслящих, более или менее прояснилась в самые последние годы, когда был выполнен

²⁸ Релиз текста письма президента Г. Трумэна от 31 января 1951 г.— Library of Congress, Manuscript Division. АНА Papers, Box 444.

²⁹ Об историографии США в этот период см.: *Дементьев И. П.* Основные направления и школы американской историографии послевоенного времени.— *Вопр. истории*, 1976, № 11; *Болховитинов Н. Н.* США; Проблемы истории и современная историография. М., 1980.

ряд специальных исследований на эту тему³⁰. В этой связи следует также назвать работу Дж. Лемиша «На активной службе войне и миру. Политика и идеология в американской исторической профессии»³¹. Оказалось, что либерализм американской профессуры был в не меньшей степени пропитан антикоммунизмом, чем сам маккартизм, ибо исходным моментом в позиции большинства представителей академического истеблишмента являлся принцип «сотрудничества с правительством». «Как могли либералы выступать за академическую свободу и в то же время подвергать гонениям тех, кто пытался этой свободой воспользоваться? — задает вопрос Дж. Лемиш. — Отчасти ответ заключается в том, что либералы и не намеревались распространять эту академическую свободу на всех членов академической общины»³². За пределами этих «свобод» оставались прежде всего коммунисты, которых лишали права преподавать в университетах. Этот принцип маккартизма был официально зафиксирован в марте 1953 г. в заявлении Американской ассоциации университетских профессоров, где говорилось, что принадлежность к коммунистической партии «лишает права занимать преподавательскую должность в университете» и что обязанность профессоров — сотрудничать с правительственными органами в расследованиях по выяснению инакомыслящих³³.

Конечно, далеко не все представители американской научной интеллигенции следовали этой установке: известны случаи отказа давать свидетельские показания перед комиссией по расследованию антиамериканской деятельности и смелых, разоблачительных заявлений в адрес реакции. Но сохранилось и немало материалов о том, как добровольно и усердно представители исторической общины сотрудничали с правительством в искоренении «красной заразы». Так, например, в феврале 1953 г. Дэниел Бурстин, тогдашний профессор Чикагского университета, ныне директор Библиотеки конгресса, выступил с показаниями перед комиссией

³⁰ Lada E. C., Lipset S. M. *The Divided Academy*. N. Y., 1975; Schrecker E. *Academic Freedom and the Cold War: the Development of Official Policy, 1948—1954*. A Paper at the OAH Meeting, San Francisco, 1980, Apr. Архив автора; Diamond S. *Investigating the Universities: The FBI on Campus*. A Paper at the OAH Meeting. San Francisco, 1980, Apr. — Архив автора.

³¹ Lemisch J. *On Active Service in War and Peace: Politics and Ideology in the American Historical Profession*. Toronto, 1975.

³² Ibid., p. 49.

³³ The New York Times, 1953, Mar. 31.

палаты представителей по антиамериканской деятельности и «обвинил» несколько человек, в том числе своих бывших товарищей по студенческому общежитию, в принадлежности к коммунистической партии, заявив, что члены этой партии не имеют права преподавать в школах и университетах. На вопрос члена комиссии, как сам Бурстин проявляет свою оппозицию к коммунистам, историк ответил: «Пытаюсь раскрывать и объяснять студентам во время преподавания, а также в своих сочинениях уникальные достоинства американской демократии. Я сделал это отчасти в своей книге о Джефферсоне, которая, между прочим, была подвергнута резкой критике в газете „Дейли Уоркер“ за защиту правящих классов Америки, а также в подготовленной книге под названием „Гений американской политики“, которая в настоящий момент находится в издательстве»³⁴.

Однако вернемся к ассоциации. Позиция ее руководства была абсолютно однозначной: борьба с марксизмом и коммунистами, активная защита интересов капиталистической Америки и пропаганда существующего в ней строя. В 1949 г. в президентском послании съезду АИА К. Рид поставил вопрос о социальной ответственности историка, о том, «какую роль мы как историки должны каждый играть в том, что называется обучением демократии». Время нейтралитета прошло, и историки должны «признать определенные фундаментальные ценности, которые не подлежат обсуждению». Они должны привнести в процесс исследования прошлого «такую же веру в ценность наших демократических постулатов, какую, скажем, имеют астрономы в отношении Коперниковой теории».

Обращение президента ассоциации содержало призыв к коллегам поддержать политику «холодной войны», нещадно расправляясь со всяким инакомыслием внутри профессии: «...мы должны четко занять воинственную позицию, если хотим выжить. Противовесом плохой доктрине может быть лучшая доктрина, а не нейтральная интеллигентность. Мы должны определить наши собственные цели... и организовать все силы нашего общества в их поддержку. Дисциплина является обязательным требованием любой действенной армии... Тотальная война, будь она горячей или холодной, призывает в свои ряды каждого и требует от него занять

³⁴ United States, House of Representatives, Committee on UN-American Activities, 83rd Congress, 1st Session, Communist Methods of Infiltration (Education), Part 1, p. 47—51.

свою позицию. Историк не более свободен от этого обязательства по сравнению с физиком...»³⁵.

На следующий год аналогичные установки прозвучали в обращении президента АИА 1950 г. Сэмюеля Морисона, который дал своему посланию название «Вера историка»: «Историк должен иметь чувство ответственности перед своей аудиторией, и он неизбежно будет пытаться ответить на некоторые вопросы, которые ставит современное общество перед прошлым». История должна писаться с «чувством меры» и с «должным балансом», заявил президент, а история Соединенных Штатов нуждается в написании с «разумно-консервативной точки зрения». По мнению Морисона, историки типа Бирда и его последователи «игнорировали и преуменьшали значение войн, учили, что война не является необходимостью и что никакие войны не приносили добра даже победителю». Тем самым якобы они несут ответственность за «духовную неподготовленность» американской молодежи ко второй мировой войне. В 20—40-е годы историки «украли у народа его героев» и тем самым «нанесли вред людям с доброй волей и подтолкнули других людей, многие из которых такой волей не обладали, к коммунизму»³⁶.

30 октября 1950 г. К. Рид, председатель специально созданной при АИА комиссии по связи историков и федерального правительства, направил государственному секретарю США Дину Ачесону письмо: «Мой дорогой г-н секретарь! Историческая профессия в целом с большим интересом относится к тому растущему доверию, которое правительство оказывает в последние годы специальным подготовке и знаниям, а также услугам со стороны историков. Приятно осознавать, что правительство Соединенных Штатов строит свою сегодняшнюю и будущую политику в значительной степени на основе данных, которые может дать только профессионально подготовленный историк». В этой связи АИА, говорилось в письме, как главная национальная организация американских историков, особо отмечает предпринятые правительством шаги по разработке порядка привлечения ученых к государственной службе и необходимых профессиональных требований. «Я полагаю, что Вы тем не менее полностью понимаете жизненную заинтересованность ассоциации в том, чтобы должности официальных историков

³⁵ *Read C.* The Social Responsibilities of the Historian.— AHR, 1950, Jan., vol. 55, p. 275—284.

³⁶ *Morison S. E.* Faith of an Historian.— AHR, 1951, Jan., vol. 56, p. 261—275.

были доступны для наиболее достойных кандидатов». С этой целью АИА желает выяснить как на практике действует нынешняя система их отбора³⁷.

В итоге обоюдных усилий АИА удалось наладить постоянный контакт с правительственными ведомствами. Стала обычной практика выдвижения кандидатур историков в состав совещательных советов или коллегий, а также на должности официальных историков. В документах АИА есть, например, письмо председателя комиссии по связи историков с федеральным правительством, в котором сообщается, что от имени ассоциации в совещательный совет государственного департамента выдвинуты следующие историки: Бэйли, Бемис, Даллес, Гаррингтон, Леопольд, Перкинс³⁸.

Мы не будем здесь касаться вопроса о том, как утвердившаяся в 50-е годы в американской историографии теория «консенсуса» и ее приверженцы верно служили интересам правящего класса, оправдывая антикоммунизм и реакцию внутри страны, агрессивные действия Соединенных Штатов на международной арене. Нас в данном случае интересует сложившийся тогда морально-политический климат внутри профессии, в АИА.

Можно определенно сказать, что это были наиболее мрачные времена для американских историков и, пожалуй, самый неприглядный период в деятельности их ведущей общенациональной ассоциации. Доносы и гонения, охота за теми, кто позволил себе малейшее инакомыслие, увольнения с работы по политическим мотивам — все это было самым обычным явлением. Далеко не все сохранилось сегодня в памяти историков об этом времени, многие сейчас предпочитают о нем просто не вспоминать. Что касается документов, то они также не столь многочисленны, ибо относятся к категории, которую из-за различных соображений не стараются собирать и хранить с должной заботой.

Следует сразу же отметить, что «лидеры» профессии, столь рьяно солидаризировавшиеся с политикой «холодной войны», а затем и с маккартизмом, нашли далеко не безраздельную поддержку среди рядовой массы историков. Некоторые, особенно в начальной стадии маккартистских гонений, пытались протестовать и брать под защиту тех коллег, которые оказались жертвами «охоты за ведьмами».

³⁷ C. Read — D. Acheson. Oct. 30, 1950.— Library of Congress, Manuscript Division. AHA Papers, Box 444. Committee on the Historians and the Federal Government.

³⁸ E. Unger — K. Greenfield, June 10, 1957.— Ibid.

Так, например, в бумагах М. Курти нами обнаружена копия письма, которую известный историк К. Уитке, занимавший должность декана гуманитарных факультетов одного из университетов, направил сенатору Роберту Тафту — лидеру республиканской партии в конгрессе США: «Я всегда восхищался вашим умом и прямоотой, даже когда не соглашался с вами по конкретным вопросам, и я поддерживал вас на переизбрание, как умного консерватора, в котором нуждается наше правительство в эти трудные времена. В течение нескольких последних недель я безуспешно пытался найти какое-либо заявление, в котором бы вы отмежевались от действий сенатора Маккарти. Я не могу поверить, чтобы такой умный человек, как вы, не смог различить всю абсурдность и политическое трюкачество обвинений Маккарти, особенно в случаях с Латтимором и Джессапом, которых я хорошо знаю как коллег-ученых в области истории и политологии. Оба они самостоятельные, способные и преданные служащие, с которыми мы можем не соглашаться по отдельным вопросам политики, но чьи характер, лояльность и честность никто не может поставить под сомнение. Я полагаю, что то же самое можно сказать и в отношении других, столь несправедливо третируемых безответственными высказываниями висконсинского сенатора, прикрывающегося парламентской неприкосновенностью»³⁹. В этом письме К. Уитке прямо заявил, что продолжающееся молчание сенатора по вопросу «охоты за ведьмами» нанесет республиканской партии и ему лично большой политический вред и лишит его многих нынешних сторонников. С аналогичными письмами и заявлениями с осуждением действий сенатора Маккарти выступали и другие историки.

Нашлись также члены ассоциации, критически настроенные по отношению к призывам президентов АИА. Советский историк Е. Б. Черняк, анализируя положение в АИА в первой половине 50-х годов, писал в этой связи следующее: «Следует иметь в виду, что Американская историческая ассоциация не совсем однородна в политическом отношении. В ней немало профашистских элементов, поклонников Маккарти, историографов американского легиона, куклуксклановцев из южных университетов, благословляющих антинегритянский террор. Но среди ее членов встречаются и республиканцы, именующие себя „прогрессистами“, демократы, называющие себя наследниками рузвельтовской традиции.

³⁹ C. Wittke — R. A. Taft, Apr. 10, 1950.— Wisconsin Historical Society, Merle Curti's Papers.

Часть членов ассоциации настроена против военной истерии и ликвидации демократических свобод в США, против „переписывания“ новой и новейшей истории под диктовку монополистов»⁴⁰.

Недовольство и критику члены АИА чаще всего выражали негласно или ограничивались направлением писем своим коллегам. Так, например, сделал профессор Висконсинского университета Мерл Курти, написавший письмо коллегам с защитой историков-прогрессистов, и прежде всего Ч. Бирда, от грубых нападок со стороны С. Морисона и с резкой критикой его президентского послания на съезде АИА. Мы не располагаем текстом письма М. Курти, но, по словам Р. Биллингтона, «не было написано более правдивого письма, в котором бы столь нуждались историки»⁴¹. Однако критические и протестующие голоса не были столь многочисленными: одни с готовностью подставляли свои паруса под ветры «холодной войны», другие из-за недостатка мужества предпочитали позицию молчания и выжидания, не желая попасть под огонь маккартистов, что в те годы случалось со многими историками независимо от их званий и положений.

Даже такие представители истеблишмента и рупоры официальной историографии, как А. Шлезингер, Г. Коммаджер, О. Хэндлин, попадали в категорию неблагонадежных в глазах ультраправых республиканцев. Так, например, американский посол в Лондоне при Трумэновской администрации Уолтер Гиффорд наложил вето на приглашение Артуру Шлезингеру со стороны Оксфордского университета занять на год кафедру профессора американской истории. На следующий год, когда послом был назначен республиканец У. Элдрич, а Оксфорд повторил приглашение А. Шлезингеру, представитель американских властей даже отказался подписать протокол заседания университетской комиссии (посол США являлся ее членом), пока из него не было изъято упоминание имени этого историка⁴². И это речь шла о гарвардском профессоре, авторе апологетической книги «Век Джексона», получивший премию Пулитцера по истории! Видимо, «прегрешением» Шлезингера была его актив-

⁴⁰ Черняк Е. Б. Указ. соч., с. 185.

⁴¹ R. A. Billington — M. Curti, June 6, 1954.— Wisconsin Historical Society, Merle Curti's Papers.

⁴² Сведения об этом почерпнуты из американского еженедельника «The Reporter», 20 июня 1954 г. Соответствующую статью излагает К. Вэн Вудворд в письме на имя канцлера Оксфордского университета лорда Галифакса. См.: C. Vann Woodward — Lord Halifax, Sept. 3, 1954.— Ibid.

ная деятельность в демократической партии, в том числе на посту руководителя организации «Американцы за демократическое действие», которая, видимо, не обходилась без критических высказываний в адрес правящих в стране республиканцев.

В архиве М. Курти хранится письмо от одного неизвестного историка (подписано только именем) из Ратгерского университета (Нью-Джерси), в котором содержатся любопытные сведения: «Я узнал недавно от коллеги, который участвовал в радиопрограмме Си-би-эс „Приглашение к знанию“, что Си-би-эс имеет длинный список лиц (очевидно всех, кто когда-либо был в подобных списках), которым запрещено участие во всех ее программах, что Коммаджер только недавно был вычеркнут из этого списка, а Хэндлин остается в нем, так как он занимал пацифистскую позицию во время войны»⁴³.

Что же говорить о других историках, которые позволяли себе леволиберальные взгляды, имели какое-то отношение к идеологии и деятельности американских социалистов, а уж тем более участвовали в движении сторонников мира или симпатизировали коммунистам? Примечательны в этом отношении некоторые факты из жизни известного историка М. Курти. К 1950 г. он уже был автором большого числа работ по истории Соединенных Штатов, в том числе по истории культуры, общественной мысли и пацифистского движения. Публикации двух книг по истории антивоенного движения в США, видимо, оказалось достаточно, чтобы он был зачислен в разряд неблагонадежных граждан. Когда в 1950 г. из ФРГ ему было направлено приглашение от только что созданного оккупационными властями Американского института при Мюнхенском университете прочитать курс лекций по истории культуры Соединенных Штатов, государственный департамент отказал М. Курти в выдаче загранпаспорта. Более того, агенты отдела безопасности госдепартамента отобрали паспорт и у прибывшего в США директора этого института американца Г. Петерса по той причине, что он пригласил ученых «с сомнительной политической репутацией»⁴⁴.

⁴³ Unidentified author — M. Curti, Oct. 22, 1954.— Ibid.

⁴⁴ Изложение этой истории содержится в конфиденциальном докладе Г. Петерса от 15 мая 1950 г. См.: The American Institute at the University of Munich. Report to the members of the Institute's Advisory Council concerning the nature of the difficulties which arose in March and April 1950.— Ibid.

Попытки некоторых влиятельных лиц снять запрет властей на поездку американского историка в ФРГ не имели успеха, о чем свидетельствует письмо М. Курти сенатору Морзе с выражением признательности за ходатайство о получении паспорта. В нем историк не удержался от некоторых «раскаяний»: «Я не занимался никакой политической или образовательной деятельностью, которая бы шла вразрез с лучшими американскими традициями и ценностями. Возможно, я подписывал петиции в поддержку гражданских свобод и против расовой дискриминации, под которыми вполне могли стоять подписи коммунистов, последние могли даже быть инициаторами таких петиций. Если это так было, то я не мог об этом знать...»⁴⁵.

М. Курти пришлось еще долго расплачиваться за «недостаточный американизм», а также и за критику С. Морисона, когда тот был президентом АИА. В 1954 г., когда Курти был сам избран президентом АИА, а за книгу «Развитие американской общественной мысли» получил премию Пулитцера, американские власти в лице все того же посла У. Элдрича наложили вето на приглашение Оксфордского университета М. Курти занять на очередной срок специальную должность профессора американской истории. На заседании комиссии по отбору кандидата, в которую входили четыре университетских профессора, лорд Галифакс и посол США, последний якобы, когда была названа кандидатура Курти, спросил: «Курти? Это не тот ли самый пацифист?» Получив утвердительный ответ от одного из своих секретарей, посол заявил, что он имеет сведения о том, как Курти вместе с небольшой группой своих друзей «пытался захватить контроль над АИА в своих эгоистических целях». Комиссия была вынуждена исключить имя Курти из списка. Была выбрана другая кандидатура.

Об этом сообщил из Англии Р. Биллингтон, занявший в 1954 г. должность профессора американской истории в Оксфорде. По мнению Биллингтона, соответствующей информацией снабдил посла не кто иной, как С. Морисон, который, возможно, прослышал о письме Курти по поводу его президентского послания. «Действительно, это письмо вдохновило некоторых из твоих друзей написать письма в поддержку твоей кандидатуры на пост президента АИА. Но если это работа клики, захватывающей контроль над организацией в „эгоистических целях“, тогда и я, который уже удостоен должности в Оксфорде, принадлежу к той же

⁴⁵ M. Curti — Senator Morse, May 25, 1950.— Ibid.

„клике“, что и ты», — писал Курти возмущенный Биллингтон из Англии⁴⁶.

Эта история, кстати, имела продолжение. Возмущенные грубым вмешательством США, профессора Оксфорда добились изменения процедуры выбора кандидатов, и уже на следующий год М. Курти получил повторное приглашение. Кроме этого, многие ученые в США восприняли этот случай как оскорбление всей Американской исторической ассоциации со стороны властей. К. Вэн Вудворд — кандидат на должность — направил лорду Галифаксу письмо с просьбой дать разъяснения по этому вопросу, чтобы ему «было ясно, какую занимать позицию»⁴⁷. Администрация Оксфордского университета и посольство США в Лондоне потопились замять возможный скандал.

Интерес представляет также письмо М. Курти на имя К. Вэн Вудворда с благодарностью за письмо лорду Галифаксу: «Я лично причастен ко всей этой истории и не принимаю высказанное во многих письмах американских историков мнение, что это действие было оскорблением для АИА. Мне кажется единственно важным лишь то, что посол и, возможно, госдепартамент в своих действиях идут вразрез с тем, ради чего все мы работаем, — с улучшением международных и культурных отношений и исправлением распространенного мнения за рубежом, что наша страна представляет собой общество, на которое надета интеллектуальная смиренная рубашка...

Я чувствую, что Сэм Морисон имеет к этому отношение. Он не может простить мне защиту Бирда и критику его президентского послания...»⁴⁸.

В этом же письме президент АИА счел необходимым еще раз разъяснить свое политическое прошлое: «Я, конечно, никогда не был коммунистом. Более того, самая разная критика моих книг появилась в коммунистической прессе — „Сайенс энд сосайети“ и т. п. Я был социалистом толка Нормана Томаса и даже не состоял членом социалистической партии. Не был я никогда и настоящим пацифистом, хотя я глубоко симпатизировал движению за мир, несмотря на мою оценку его слабой эффективности. Я, конечно, подписывал петиции и был против Франко и, несомненно, делал другие вещи в рамках конституционных прав гражданина»⁴⁹.

⁴⁶ R. A. Billington — M. Curti, June 6, 1954. — Ibid.

⁴⁷ C. Vann Woodward — Lord Halifax, Sept. 3, 1954. — Ibid.

⁴⁸ M. Curti — C. Vann Woodward, Sept. 14, 1954. — Ibid.

⁴⁹ Ibid.

Это письмо представляет определенную важность для характеристики идейных воззрений и политической позиции Мерла Курти. Следует признать, что по крайней мере в 1954 г. ассоциация имела в лице своего президента историка, который был противником идеологии и политики «холодной войны», и что у него были свои сторонники.

В президентском обращении на съезде в декабре 1954 г. М. Курти с тревогой указывал на растущую волну «недоверия» к интеллигенции, на атаки со стороны маккартистов в адрес историков и их организаций. «Гражданские свободы, завоеванные столетиями борьбы, находятся в опасности,— говорил президент.— Многие из нас считают, что современное наступление на разум угрожает не только идеологической жизни, но и самой американской цивилизации»⁵⁰.

Таким образом, господство маккартистов, воинствующих консерваторов типа Морисона и Рида в АИА не было безраздельным и в 50-е годы. Не случайно сама АИА в разгар политических гонений оказалась на какое-то время в списке неблагонадежных организаций.

В 1953 г. исполнительным секретарем АИА стал Бойд Шейфер, который, не успев приступить к своим обязанностям, предстал перед комиссией конгресса по расследованию антиамериканской деятельности. Эта комиссия, по словам Б. Шейфера, «охотилась в различных фондах и научных обществах за красными, которых „выпекали“ где-то в районе Волги»⁵¹. Ассоциации было приказано представить все свои документы, список всех источников доходов, публикаций, премий и прочее начиная с 1920 г. Это отняло недели труда у работников штаб-квартиры. И все же АИА была признана подрывной организацией (второй по степени зловредности после Американского совета познавательных обществ), якобы ставящей своей целью придать американскому образованию социалистический характер.

Главным аргументом, на котором было построено это обвинение, послужило предложение, возможно написанное Чарлзом Бирдом, в докладе комиссии по социальным наукам, который был опубликован в 1934 г. Деятельность этой комиссии частично финансировалась АИА еще в конце 20-х — начале 30-х годов. Вырванное из контекста исследователями из специальной комиссии палаты представителей конгресса предложение звучало так: «...век индивидуализма и свободной торговли в экономике и сфере правления закон-

⁵⁰ AHR, 1955, Jan., p. 275—277.

⁵¹ Shafer B. C. Op. cit., p. 70.

чивается, и начинается новый век коллективизма». Это было одно предложение из 16 томов текста доклада. Причем в следующем параграфе отмечалось, что формы этого «коллективизма» пока не ясны и могут означать как увеличение общественной, так и «сохранение частной собственности»⁵².

Позднее Б. Шейфер вспоминал, что ему пришлось потратить несколько дней в Библиотеке конгресса, чтобы найти аналогичное высказывание — в книге американского президента Герберта Гувера «Американский индивидуализм» — о том, что принцип свободной торговли умер в Америке еще несколько поколений тому назад и сохранился лишь в книгах по экономической истории. В своем выступлении перед комиссией с показаниями исполнительный секретарь АИА пытался доказать опасность цитирования вырванных из контекста предложений и тем самым отвести обвинения в адрес ассоциации. По мнению Б. Шейфера, в целом история с расследованием кончилась благополучно для ассоциации и руководство вело себя достойно⁵³.

3. Новые задачи и старые тенденции

Во второй половине 50-х — первой половине 60-х годов в АИА произошли некоторые позитивные перемены в плане укрепления ее организационных основ. В 1953 г. капитал ассоциации составлял 500 тыс. долл. и ежегодный доход — 50 тыс. долл., из которых 33 тыс. поступали от взносов 5 тыс. членов АИА. Большинство входивших в АИА историков были университетскими преподавателями, «проживавшими к северу от р. Потомак и на восток от р. Огайо»⁵⁴. В 1963 г. денежные фонды составляли более 1 млн. долл., ежегодный доход — около 135 тыс. долл., а членство — свыше 11 тыс. человек. Вместо четырех тесных комнат в здании Библиотеки конгресса АИА приобрела собственную постоянную резиденцию — небольшой особняк недалеко от Капитолия в центре Вашингтона, где штаб-квартира ассоциации пребывает и по сегодняшний день.

Что также важно, за эти годы АИА получила от различных фондов более 1 млн. долл. субсидий на выполнение проектов и программ по развитию преподавания и научных исследований в области истории⁵⁵. Фонд Форда выделил АИА

⁵² B. C. Shafer to the Members of the Council, May 18, 1954. — Library of Congress. Manuscript Division. AHA Papers, Box 722.

⁵³ *Shafer B. C. Op. cit.*, p. 70.

⁵⁴ *Ibid.*, p. 68.

⁵⁵ *Ibid.*

около 300 тыс. долл. на программу содействия преподаванию истории в школе. На эти деньги были проведены конференции, а также подготовлена серия популярных брошюр в помощь школьным учителям. К 1963 г. общий тираж этих брошюр составил 660 тыс. На деньги фонда Карнеги комиссия АИА под руководством Джона Снелла и Декстера Перкинса в конце 50-х годов провела обследование состояния подготовки профессиональных историков, результат обследования был опубликован вместе с рекомендациями⁵⁶. Фонд Рокфеллера выделил 140 тыс. долл. на программу по активизации изучения и преподавания истории Южной Азии, а также 75 тыс. долл. на подготовку библиографических изданий. И все же, как отмечал исполнительный секретарь АИА: «Общее число и размеры финансовых субсидий из разных источников для историков всегда оставались слишком малыми, особенно в сравнении с естественными науками. Во время „холодной войны“ исторические исследования не особенно интересовали разные фонды и конгресс, как, скажем, биология или физика»⁵⁷.

В начале 60-х годов руководство конкретизировало и заново определило главные направления деятельности АИА: улучшение преподавания истории в школах, колледжах и университетах; помощь в трудоустройстве, особенно молодым историкам; содействие научным исследованиям, включая обеспечение необходимой библиографической службы; поднятие уровня журнала прежде всего путем публикации аналитических и проблемных статей и критических рецензий; углубление и расширение «свободы выражения» для историков; содействие развитию отстающих областей исторической науки; превращение ассоциации в подлинно общенациональную организацию и развитие ее международных связей⁵⁸.

Не все из этих направлений были новыми для АИА, но некоторые впервые выдвигались столь определенно (вопросы найма историков, организации научных исследований). Далеко не все из намеченного удалось реализовать, но эти направления легли в основу деятельности ассоциации на долгое время.

Хорошо известно, что 60-е годы были отмечены бурными событиями в общественно-политической жизни США. Назы-

⁵⁶ Perkins D., Snell J. The Education of Historians in the United States. N. Y., 1962.

⁵⁷ Shafer B. C. Op. cit., p. 82.

⁵⁸ Ibid., p. 69.

ваемое часто «критическим десятилетием», оно принесло серьезные испытания и для АИА. Именно в эти годы сложился современный облик организации, определились основные формы ее деятельности. Численность АИА к 1970 г. достигла 20 тыс. Ее ежегодные съезды — главное событие в жизни ассоциации — собирали по 6 тыс. и более участников. Число созданных советом специальных комиссий по разным вопросам деятельности достигло 32, а число присуждаемых ассоциацией премий за лучшие работы — 7. Но самое важное изменение состояло в том, что АИА превратилась действительно в общенациональную организацию, под эгидой которой развернули деятельность более специализированные исторические общества и группы. Заседания и собрания они стали устраивать в рамках ежегодных съездов ассоциации.

В 1968 г. при АИА функционировала 31 ассоциированная организация. Половина из них были чисто научными объединениями: Американская католическая историческая ассоциация (1200 человек), Американское общество по изучению Реформации (350 человек), Американское общество по истории церкви (1300 человек), «Конференция по истории Азии» (150 человек), «Конференция по истории Латинской Америки» (730 человек), «Конференция по изучению проблем мира в истории» (200 человек), «Конференция по славянской и восточноевропейской истории» (250 человек), Общество истории образования (500 человек), Общество истории американской внешней политики (221 человек) и др. Некоторые общества объединяли вместе с учеными также и практических работников в соответствующей области: Ассоциация по изучению жизни и истории негров (15 тыс. человек), Общество истории науки (1200 человек), Общество истории технологии (1500 человек), Общество американских архивистов (2200 человек). Четыре объединения носили междисциплинарный характер: Ассоциация американо-ведческих исследований (2300 человек), Ассоциация азиатских исследований (4000 человек), «Конференция по британским исследованиям» (800 человек), Американская академия по средним векам (2500 человек). И, наконец, ряд групп объединяли в своем составе ученых, школьных учителей, студентов, любителей истории⁵⁹.

Процесс профилирования исторических знаний и возникновения специализированных обществ и объединений сопро-

⁵⁹ Special Report. The Functions of the American Historical Association.— AHA Annual Report for the Year 1968, vol. 1, p. 7—8.

вождался в 60-е годы значительным увеличением правительственных ассигнований на преподавание и изучение истории. Особенно этому способствовали известные реформы в области высшего образования США, вызванные запуском советского искусственного спутника Земли в конце 50-х годов, и прежде всего закон об образовании в интересах национальной обороны. В 1966 г. было создано специальное правительственное агентство по финансированию гуманитарных наук — НГФ.

Эта новая ситуация со всей очевидностью подняла вопрос «о лучшем разделении труда между ассоциацией и более специализированными историческими обществами», как отмечал в специальном докладе о функциях АИА исполнительный секретарь Поль Уорд. Исторические общества и объединения должны были бы, по его мнению, взять на себя значительную часть обычных, рядовых функций по поддержке и развитию специальных исследований, а АИА, чтобы избежать дублирования, должна перенести центр внимания на координацию деятельности этих объединений, решение более общих вопросов, затрагивающих место истории в системе других знаний, а также интересы всех членов профессии. «Другими словами, АИА должна рассматривать себя как подобие междисциплинарной организации в пределах одной дисциплины — истории»⁶⁰. Координация и налаживание сотрудничества историков-специалистов в различных областях — таким должно быть одно из основных направлений деятельности ассоциации.

Вторая основная задача АИА в свете современной ситуации должна заключаться в установлении «рабочих отношений» между профессией и различными правительственными агентствами, оказывающими содействие историческим исследованиям и историческому образованию. Из всех исторических организаций только АИА имеет постоянную штаб-квартиру в Вашингтоне и готова представлять интересы самых различных групп, особенно в вопросах получения субсидий, заказов, и других форм поддержки. Так, например, в связи с 200-летием американской революции, по мнению руководства АИА, «исторические исследования высокого уровня для этого юбилея будут получены благодаря деятельности многих специализированных обществ, занимающихся историей Соединенных Штатов, но большая часть дел по связи со штатом национальной комиссии по 200-летию,

⁶⁰ Ibid., p. 9.

когда она начнет свою работу, должна будет падать на долю АИА»⁶¹.

И, наконец, третье направление, диктуемое современной ситуацией, заключается в активизации работы АИА по улучшению преподавания истории. В этом направлении в последние годы сделано было мало. Созданный в 1956 г. при АИА центр службы для учителей истории так и не пошел дальше подготовки серии брошюр и проведения конференций. Из-за недостатка средств историческая профессия в целом проявляла слабую озабоченность этой проблемой. Необходимо переориентировать часть финансовых ассигнований на поддержку историков, разрабатывающих новые методы преподавания, новые курсы и программы, повышение собственной преподавательской квалификации, подготовку учебников на современном уровне исторических знаний. По мнению П. Уорда, «ассоциации предстоит изучить и испробовать различные подходы, чтобы отныне относиться к преподаванию с той же серьезностью, что и к исследованиям»⁶².

Период относительной идеологической терпимости и утверждения плюралистских (в рамках буржуазного либерализма) концепций и подходов в американской исторической науке был недолгим, а трансформация не столь глубокой, чтобы мы могли говорить о качественных переменах в морально-политическом климате внутри профессии. Либерализм 60-х годов все же ограничивался понятием «стабильности и равновесия» в обществе, которое не мыслилось иначе как буржуазная демократия. Поэтому, когда в конце десятилетия антивоенные выступления, студенческие движения, интеллектуальный протест «новых левых» стали угрожать основам американского общества, репрессивный потенциал и дух идеологической нетерпимости, свойственные общественно-политической системе Соединенных Штатов, проявились в полной мере. Страна стала свидетелем небывало острых социально-классовых и идеологических битв. Не обошли стороной эти процессы и историческую профессию. Более того, историки оказались в авангарде тех, кто отстаивал устои общества, а также и тех, кто поднял знамена критики и отрицания.

В разгар студенческих волнений в американских университетах, которые консервативный историк из Колумбийского университета Жак Барзун испуганно обозвал «студенче-

⁶¹ Ibid.

⁶² Ibid., p. 10.

ским деспотизмом»⁶³, Американский союз гражданских свобод разослал по 350 колледжам и университетам заявление, которое проводило линию между позволительным и непозволительным проявлением недовольства. Аналогичный документ был подготовлен и Американской ассоциацией университетских профессоров. Он ставил целью «дисциплинировать» преподавательский состав, наложить запрет на поддержку студенческих выступлений.

Администрация университетов и консервативная профессура взяли на себя инициативу идеологических гонений и репрессий в отношении радикальных элементов среди студентов и преподавателей. Среди жертв оказались и историки. В 1966 г. преподаватель Дж. Лемिश был уволен с исторического факультета Чикагского университета за участие в сидячих демонстрациях. Стогтон Линд не получил ожидаемого назначения в Рузвельтовском университете за участие в пикетах и публичные заявления. И это были далеко не единичные случаи. Как замечает Дж. Лемिश, «в конце 60-х годов, как и десятилетие назад, академическая свобода означала свободу университетов выгонять с работы без внешнего вмешательства»⁶⁴.

В рядах «активистов» гонений также были историки. В Чикагском университете У. Макнил призвал к «контрреволюционной политике» в отношении сидячих студенческих забастовок, а А. Мэнни входил в университетский дисциплинарный комитет. В Гарвардском университете О. Хэндлин был одним из главных действующих лиц по организации профессуры против студенчества. Вместе с Бернардом Бейлином он предложил ряд мер по нейтрализации радикальных требований в отношении учебных программ и курсов⁶⁵. Артур Шлезингер из Нью-Йоркского городского университета высказал мнение, что «для сохранения академической свободы иногда может возникать необходимость обращаться к полиции»⁶⁶, что, как мы знаем, происходило неоднократно на территории университетских городков. В Колумбийском университете Р. Хофстедтер был лидером лагеря сторонников администрации. Вместе с другими историками (Ж. Барзун, Ф. Стерн, Д. Гаратти, Г. Графф, Л. Триллинг) он поместил в газете «Нью-Йорк таймс» заявление «Университет как заповедник академической свободы», в котором излагал позицию «саморегулирования», т. е. наве-

⁶³ The New York Times, 1969, May 10.

⁶⁴ Lemisch J. Op. cit., p. 99.

⁶⁵ Ibid., p. 102.

⁶⁶ The New York Times Magazines, 1969, May 4, p. 35.

дения порядка в университетах собственными силами⁶⁷. В Чикагском университете Д. Бурстин задавал тон в борьбе со студенческим радикализмом, отстаивая элитарный характер университетов. Диссидентов среди студентов и профессоров он считал угрозой стабильности и призывал не допускать, чтобы терпимость вызвала угрозу этой стабильности. Статьи Бурстина с осуждением профессоров-диссидентов разошлись по сотням американских газет.

«Число историков, подобных Бурстину, которые стали активистами за пределами академических стен, поистине огромно, и нет возможности полностью описать их деятельность», — замечает Дж. Лемиш⁶⁸. Именно в разгар студенческих и антивоенных выступлений О. Хэндлин заявил, что пришло время, чтобы «умеренный спектр академической общины» заявил о себе. Хэндлин и ряд других активистов при поддержке антикоммунистической организации «Фридом хаус» развернули кампанию по искоренению «изоляционистских» настроений и поддержке войны во Вьетнаме. Пришло время «избавляться от излишнего чувства теасуэды, которым пропитались целые слои американского общества... Мы можем вполне справедливо гордиться нашими международными достижениями последних 20 лет», заявлялось в публикации «Фридом хаус», одним из авторов которой был Хэндлин⁶⁹.

В АИА линия руководства фактически не подвергалась какому-либо серьезному пересмотру вплоть до конца 60-х годов. В президентских посланиях представители истеблишмента продолжали отстаивать взгляды и интересы, которые в целом не выходили за пределы официальной идеологии. Мотивы «холодной войны» звучали и в обращении Сэмюэля Бемиса «Американская внешняя политика и блага свободы», и в обращении Джона Фэйрбанка «Задачи 70-х годов»⁷⁰. Последний назвал войну во Вьетнаме «нечаянной катастрофой», вызванной «излишней праведностью и бескорыстным благоволением». В публичных выступлениях, в докладах на съездах ассоциации, в публикуемых трудах агрессивную политику США во Вьетнаме и других регионах оправдывали и пытались найти ей разные исторические обоснования такие известные представители профессии, как Артур Шлезингер, Уильям Лехтенберг, Аллан Невинс, Оскар Хэндлин и др.

⁶⁷ The New York Times, 1969, May 29.

⁶⁸ Lemisch J. Op. cit., p. 108.

⁶⁹ Цит. по: Lemisch J. Op. cit., p. 109.

⁷⁰ AHR, 1962, Jan., vol. 67, p. 291—305; 1969, Febr., vol. 74, p. 861—879.

4. Бунт «новых левых»

Первый и, пожалуй, самый сильный всплеск недовольства со стороны части историков положением дел в профессии и политикой АИА произошел в конце 60-х — начале 70-х годов на 83—85-м съездах ассоциации. Это был известный бунт историков-радикалов, принадлежавших к «новому левому» движению против консервативно-либерального большинства ассоциации⁷¹.

Уже накануне съезда 1968 г. злободневные проблемы Америки, средоточием которых стала агрессия США во Вьетнаме, самым непосредственным образом затронули ассоциацию. Ежегодный съезд еще задолго было намечено провести в Чикаго, где тогдашний мэр-полицейский Ричард Бейли учинял расправы над антивоенными выступлениями и душил любые проявления критики внутренней и внешней политики США. Это вызвало протесты со стороны значительной части американской интеллигенции, в том числе историков. Штаб-квартира АИА была буквально завалена требованиями в знак протеста не проводить съезд в Чикаго. По сведениям президента Дж. Фэйрбанка, было получено 1100 обращений с такими требованиями, за проведение съезда в Чикаго высказались только авторы 40 писем⁷². Кроме этого, Тихоокеанское отделение АИА на своем собрании одобрило резолюцию с требованием переноса места проведения очередного съезда.

Руководство АИА было вынуждено срочно перенести место проведения съезда в Нью-Йорк, что отнюдь не означало изменения политических и идеологических позиций руководителей АИА, ибо именно на этом съезде президент ассоциации пытался оправдать участие США в войне. Ясно, что это была уступка настроениям и требованиям рядовых членов организации.

На пленарном заседании съезда обсуждалась тема «Профессиональные организации и политические проблемы». Именно здесь наиболее отчетливо столкнулись две противоположные точки зрения. Одна — которую отстаивали как консервативные, так и либеральные историки — заключалась в провозглашении политического «нейтралитета», аполитичности историков. По сути, этот принцип лежит в основе всей политики антирадикализма, которую уже десятилетиями исповедует руководство АИА. На сей раз ее за-

⁷¹ Об этом также см.: Кантор Р. Е. «Новые левые»...

⁷² АНР, 1969, Apr., vol. 74, p. 1481.

цитниками наиболее рьяно выступили такие известные своими прямыми связями с правительством и политическими деятелями историки, как А. Шлезингер. Он осуждал перенос съезда из Чикаго в Нью-Йорк как ненужное вмешательство научной организации в политику. В то же время провозглашаемая им «аполитичность» не помешала ему выдвинуть на деловом собрании ассоциации 29 декабря 1968 г. предложение о бойкоте американскими историками очередного международного конгресса исторических наук в Москве. Кстати, предложенный на этом собрании Р. Бирнсом из Индианского университета текст резолюции о переносе конгресса историков в другую страну или о его бойкоте так и не был одобрен участниками собрания⁷³.

Призыв к политической индифферентности носил вполне определенный характер: он был предназначен для левых активистов внутри профессии, для тех, кто подвергал сомнению существующие институты и политику правящих кругов. На остальных же этот призыв не распространялся. Иначе как можно объяснить, что, например, историк из Чикагского университета Р. Уэйд в ходе дискуссии заявил, что профессорам не следует связывать институты, к которым они принадлежат, с их индивидуальной политической деятельностью. В то же время сам Уэйд активным образом участвовал в кампании 1967 г. «Профессура Чикаго за мэра Дейли!», за что позднее получил от последнего престижное назначение. В этой связи Дж. Лемиш вполне резонно задает в своей книге полемический вопрос: что бы с ним случилось, если бы он так же открыто выступил, скажем, организатором кампании «Профессура за Фиделя Кастро!»⁷⁴? Ясно, что он был бы мгновенно изгнан из любого учебного заведения.

Другую точку зрения по вопросу об отношении историков к современным политическим проблемам высказали «новые левые» историки. Они выступили с требованием к своим коллегам и к ассоциации перестать в целом быть «идеологами статус-кво», занять определенную позицию по наиболее острым вопросам общественной жизни. Такие призывы, в частности, были сделаны одним из лидеров «новых левых», Кристофером Лэшем. Во время съезда «радикалы» провели организационные собрания с целью создания самостоятельной ассоциации, которая не только носила бы чисто научный характер, но и занималась бы политической деятель-

⁷³ AHR Annual Report for the Year 1968, vol. 1, p. 68.

⁷⁴ Lemisch J. Op. cit., p. 108—109, 142.

постью. Такая организация под названием «Радикальный кокус» была ими создана. На этих собраниях выявилась большая разница во взглядах левых историков. Одни считали, что необходимо сочетать исследовательскую деятельность с политической в рамках университетов, другие призывали «закрыть университеты и делать революцию»⁷⁵.

В конечном итоге руководству ассоциации на съезде в Нью-Йорке удалось избежать острых дискуссий, решить вопросы относительно мирно: на деловом собрании была принята резолюция следующего содержания: «Ассоциация, признавая право или даже обязанность отдельных членов занимать открытую позицию по современным вопросам, не должна ставить историческую профессию на какую-то позицию по таким вопросам, если они прямо не связаны с развитием исторических исследований. Не должна ассоциация и связывать свое имя с какой-либо определенной интерпретацией истории»⁷⁶.

Все же растущие внутри ассоциации признаки недовольства и крепнущая оппозиция в лице левых историков не могли оставаться больше незамеченными. Требовалось принятие каких-то действенных мер со стороны руководства, которое, кстати, всегда зорко стояло на страже позиций истеблишмента внутри организации. Еще в 1963 г. бывший президент АИА Сэмюел Бемис предложил изменить действующее в уставе (конституции) положение о возможности путем петиции за 20 подписями выдвинуть во время делового собрания новую кандидатуру на тот или иной руководящий пост вместо предложенной номинативным комитетом: «Хотя и мало вероятно, но вполне возможно, что определенная узкая группа членов сможет получить 20 подписей и добиться большинства голосов той крохотной части, которая присутствует на деловом собрании, совершив тем самым своего рода „переворот“ по отношению к должностному лицу, выбор которого через номинативный комитет ассоциации оказался неприемлемым»⁷⁷. Бемис предложил установить минимум в 200 подписей, для того чтобы представить петицию с выдвижением соперничающей кандидатуры. Это предложение вскоре было реализовано, но время для более существенных реформ, видимо, еще не созрело: консервативно-либеральное большинство и «лидеры» профессии чув-

⁷⁵ Кантор Р. Е. «Новые левые»..., с. 182.

⁷⁶ АНА Annual Report for the Year 1968, vol. 1, p. 67.

⁷⁷ S. F. Bemis — B. C. Shafer, June 8, 1963.— Library of Congress. Manuscript Division. АНА Papers, Box 616.

ствовали себя вполне уверенно и не опасались какого-либо вызова.

На съезде в Нью-Йорке истеблишмент получил достаточно грозное предупреждение, и президент К. Вэн Вудворд был даже готов поставить на повестку дня замену всей действующей конституции АИА на новую, на что ряд других руководителей высказали серьезные сомнения. Вице-президент Р. Палмер направил некоторым членам совета письмо, в котором заявил о невозможности заменить целиком конституцию в условиях, когда деловое собрание имеет право на окончательное слово, а это значит, что рядовые члены бесконечными обсуждениями, предложениями и затяжками могут сорвать осуществление реформы. «Они могут пожелать, например, чтобы по новой конституции АИА имела обязанности перед общественностью просвещать ее по актуальным проблемам современной действительности, или чтобы два или более кандидатов на должности выдвигались для голосования, или чтобы определенное число черных или же молодых историков и студентов входило в составы совета и комиссий ассоциаций», — писал Р. Палмер.

По мнению вице-президента, исходя из ситуации, «было бы более разумным и более вероятным предложить только две-три критически важные поправки к конституции для принятия их на деловом собрании 1969 г. «Это именно те поправки, которые в проекте новой конституции несут принципиально важный характер: одна должна ограничить полномочия делового собрания, другая — изменить процедуру избрания должностных лиц. Придерживаясь этой стратегии, „наши шансы на успех будут большими“». «Едва ли кто станет возражать, что нужно избежать ситуации, когда небольшое число людей может захватить власть в ассоциации, как это может случиться сейчас. Что касается этого пункта, то все те, кто был напуган происшедшим на последнем деловом собрании, поймут смысл дела и поддержат поправку»⁷⁸.

Едва ли нужны еще более веские доказательства того, что смысл затеваемых изменений в конституции заключался в том, чтобы найти противоядие растущей активности рядовых членов на ежегодных деловых собраниях, обезопасить дополнительными гарантиями столь долго действовавшую бюрократическую машину ассоциации. В узком кругу, в личной переписке руководители и не старались скрывать

⁷⁸ R. R. Palmer — J. Fairbank, C. Vann Woodward, P. Ward, E. Kayser, May 5, 1969.— Ibid.

свои намерения. Когда предложения К. Вэн Вудворда (с учетом замечаний Р. Палмера) стали известны другим членам совета и последние высказали ряд серьезных замечаний и сомнений, президент АИА поспешил сообщить их исполнительному секретарю П. Уорду, который готовился обнародовать от имени руководства предложения по конституционным поправкам. В письме К. Вэн Вудворд процитировал некоторых из своих коллег. Особо откровенный характер носило высказывание известного историка Р. Хофстедтера: «Мне в полной мере импонирует манера, в которой трезвая цель сохранения контроля в руках здравомыслящего большинства членов истеблишмента облечена в прекрасную популистскую риторику». Именно ссылаясь на это замечание, К. Вэн Вудворд, излагая П. Уорду соображения по поводу подготавливаемых предложений, сделал такую заключительную рекомендацию: «Может быть, нам нужно добавить побольше этой „прекрасной популистской риторики“»⁷⁹.

И вот наконец в октябрьском номере информационного бюллетеня исполнительный секретарь АИА от имени совета изложил всем членам ассоциации предложения по изменению конституции. Выглядело это все достаточно невинно и, более того, внешне было пронизано заботой об укреплении именно демократических начал в организационной структуре ассоциации. Ссылаясь на некоторые «аномалии и несоответствия» в деятельности АИА за последние годы, П. Уорд так изложил цель реформы. Составленная еще в 1885 г. конституция предусматривала, что волю членов ассоциации выражает ежегодное деловое собрание, на котором, как предполагалось, должны присутствовать все члены ассоциации. Теперь же в АИА входит более 16 тыс. членов, из которых менее 1% посещают ежегодные деловые собрания. Поэтому стала применяться практика голосования по почте, которой обеспечивается волеизъявление всех членов. Стало аномалией, что конституция в одной части предусматривает избрание совета путем голосования по почте с последующим уведомлением ежегодного делового собрания, а в другой части, более древнего происхождения, предусматривает, что должностные лица только выдвигаются голосованием по почте, а затем избираются ежегодным деловым собранием с оговоркой о возможности выдвижения альтернативных кандидатур президента, вице-президента и казначея. Причем выдвижение может быть сделано от имени 20 членов за день до делового собрания, на котором состоится выборы.

⁷⁹ C. Vann Woodward — P. Ward, Aug. 25, 1969.— Ibid., Box 618.

Большинство присутствующих на деловом собрании могут также отменить любое решение совета или дать ему указание, как действовать от имени всех членов.

«Ясно, что окончательная власть по спорным вопросам должна принадлежать всем членам, которые составляют в своей основе историческую профессию в этой стране. С увеличением объема деятельности АИА, сложностью и ответственностью предпринимаемых действий совет и комиссии ассоциации должны обладать большей свободой. Но в век растущей бюрократизации в равной мере также ясно, что здоровая деятельность ежегодного делового собрания имеет существенное значение для здорового состояния всей ассоциации. Нам нужен форум для свободного и критического обсуждения всех аспектов работы ассоциации, место, где могут ставиться вопросы, рождаться инициативы, полностью выражаться точки зрения меньшинств, а также мнения, которые не только дебатировются, но и мобилизуют. Административная деятельность совета, избранного всеми членами, нуждается по меньшей мере в постоянном наблюдении со стороны ежегодного собрания с правами делать запросы, выдвигать инициативы и особенно с правом обращения к членам против решений совета. Этот баланс между советом и деловым собранием и обеспечивают поправки к конституции»⁸⁰, — писал П. Уорд.

Итак, предлагаемая реформа имела вполне различимый замысел: лишить деловое собрание какой-либо реальной власти, превратив его в трибуну критических высказываний «групп меньшинства», а также в некий противовес совету в спорных вопросах. Отныне в случае принятия поправок любое решение делового собрания, если оно не было простой фиксацией принятых до этого советом решений, а шло вразрез с мнением этого органа, должно было подлежать окончательной ратификации путем рассылки по почте бюллетеня голосования для всех членов ассоциации.

30 октября 1969 г. состоялось внеочередное, специальное заседание совета АИА по вопросу проведения ежегодного делового собрания ассоциации во время съезда в декабре. Обеспокоенное возможными выступлениями радикальных элементов, руководство обсудило меры по ужесточению регламента (выступления не более 5 минут), обеспечению контроля за ходом голосования (только зарегистрированные члены АИА) и даже приняло решение просить администрацию отеля, где будет проходить съезд, обеспечить безопасность

⁸⁰ АНА Newsletter, 1969, Oct., vol. 8, N 1, p. 1—2.

участников на случай столкновений с применением физического насилия, как это имело место на ежегодном съезде Ассоциации африканских исследований. Была также обсуждена процедура прохождения поправок к конституции с учетом полученной информации, что группа левых историков предполагала выдвинуть на обсуждение свой проект поправок⁸¹.

Принятые меры по нейтрализации действий оппозиционных руководству элементов не помешали, однако, радикалам дать на съезде настоящий бой либерально-консервативному большинству. 84-й съезд ассоциации в декабре 1969 г. стал самым бурным за всю ее историю и имел серьезные последствия для всей ассоциации.

Деловое собрание проходило 28—29 декабря в отеле «Шератон-парк» при необычайном стечении участников съезда: около 2 тыс. вместо обычных 150—200 человек. Оно началось с выборов нового президента ассоциации. Номинативным комитетом была предложена кандидатура профессора Йельского университета Роберта Палмера, занимавшего пост вице-президента. Пользуясь положением в конституции АИА, «новые левые», собрав необходимые 200 подписей, выдвинули дополнительную кандидатуру С. Линда — одного из наиболее ярких представителей радикалов, активного борца против войны и расизма. Впервые за всю историю ассоциации выборы президента приобрели соревновательный характер. Оба кандидата получили возможность изложить свою позицию. С. Линд изложил содержание резолюции с осуждением войны во Вьетнаме, которую его сторонники были намерены предложить собранию, выступил против полицейских репрессий внутри страны, призвал отрицательно отнестись к предлагаемым советом изменениям конституции АИА, а также предложил создать специальный фонд (не менее $\frac{1}{3}$ доходов ассоциации) в поддержку мер по изменению «профессиональной и социальной структуры» АИА⁸².

В последовавшей краткой дискуссии Дж. Фэйрбанк выступил против этих мер, как «угрожающих независимости ассоциации в системе плюралистских институтов, которые характеризуют наше общество и составляют основу академической свободы». Р. Палмер выступил с заверением, что он самым серьезным образом относится к аргументам С. Линда. Крайне отрицательную роль для дела «новых ле-

⁸¹ АНА Annual Report for the Year 1969, vol. 1, p. 30—31.

⁸² Ibid., p. 43.

вых» сыграло выступление Ю. Джиновезе, имевшего к тому времени достаточно громкую репутацию «марксистского» историка. Джиновезе заявил, что Линд не имеет полномочий выступать от имени всего левого крыла и движения «новых левых» и что принятие на съезде АИА политической резолюции «было бы приглашением для всех, кто с ней не согласен, выйти из этой организации»⁸³. Путем открытого голосования Р. Палмер получил 1040 голосов и был избран президентом. С. Линд получил 396 голосов, т. е. почти $\frac{1}{3}$ голосов присутствовавших на собрании членов.

В дискуссии по изменениям конституции «новые левые» выступили против того, чтобы совет утверждал решение о приеме новых членов, подвергая их своего рода испытаниям на политическую лояльность. Их возражения вызвало и предложение об ограничении полномочий делового собрания в пользу совета ассоциации: последний должен, наоборот, носить более демократический характер и своим составом отражать структуру организации, в которую в настоящее время входит уже значительное число учителей, студентов, историков женщин и негров. Несмотря на эти возражения, собрание одобрило поправки к конституции как они были предложены советом.

Кульминацией собрания стало обсуждение резолюции о политической позиции АИА в современных условиях, которую предложил один из лидеров радикалов, Говард Зинн. Приведем текст этой резолюции: «Как граждане и как историки, мы признаем и считаем нетерпимой нынешнюю политику американского правительства. Чтобы расширить пределы современной американской империи путем войны против народа Вьетнама, правительство все больше обращается к репрессиям против политической оппозиции в стране. Более того, физическое истребление вьетнамского народа и его культуры отражает еще более давнюю и глубоко укоренившуюся политику физического и культурного уничтожения негритянской общины внутри страны и приводит ныне к новому варианту расизма со стороны администрации, предающей гражданские права и использующей полицейские силы в крупных городах против бунтующих. Особенно вопиющий пример — политическая расправа с партией „Черные пантеры“. В этих репрессиях министерство юстиции выступает в роли внутреннего Пентагона.

Эта кровавая политика и репрессии все больше ограничивают и нашу свободу как историков, превращают наши

⁸³ Ibid.

аудитории и учебники в каналы для воинского призыва и совершения убийств, они влияют на жизнь в университетских городках и разрушают самые основы отношений преподавателей и студентов-историков. Еще больший ущерб в сравнении с тем, который нанесен нашей профессии, они причиняют подрывом возможности самоопределения и демократии в американском и мировом сообществах, историю которых мы изучаем.

Мы не можем больше хранить молчание, ибо тем самым отдаем историю на расправу властям и проводим своего рода программу интеллектуального умиротворения. Хранить молчание в этот момент нашей истории — значит выражать наше безразличие к происходящему вокруг нас. Этот съезд занят вопросами истории. Мы должны проникнуться сознанием своего долга по отношению к великим историческим задачам, стоящим перед независимыми историками во времена кризиса. Мы должны подвергнуть критическому анализу и публичному осуждению гибельный курс, в который вовлекает нас наше правительство.

Поэтому мы требуем немедленного вывода всех американских войск из Вьетнама, немедленного прекращения всех преследований партии „Черные пантеры“ и освобождения всех политических заключенных, таких, как чикагская восьмерка»⁸⁴.

Столь резкое обвинение в адрес правящих кругов страны от имени всей ассоциации в предлагаемой резолюции, вполне естественно, оказалось неприемлемым для многих присутствовавших, хотя, как показало обсуждение текста, а затем и голосование, недовольство положением дел в стране, курсом правительства на международной арене охватило не только узкую группу историков-радикалов. Одни выступавшие пытались вообще поставить под сомнение правомерность научной ассоциации принимать документ столь явной политической направленности. Другие хотели найти «промежуточный» вариант, предпочитая более осторожные выражения при оценке злободневных проблем страны и правительственной политики. У. Нойман, например, исходя из принципа, что индивидуально члены ассоциации вправе занимать и выражать любую позицию по политическим вопросам, а ассоциация не должна этого делать, предложил следующий текст вместо предложенного Г. Зинном: «Мы, историки и граждане, собравшиеся на этом собрании Американской исторической ассоциации, осуждаем и порицаем

⁸⁴ Ibid., p. 47.

войну во Вьетнаме, как неблагоприятную и аморальную. Мы требуем немедленного выхода из войны и обещаем подвергнуть фундаментальной переоценке основы американской внешней политики»⁸⁵.

С. Линд высказался в поддержку последнего предложения, как более соответствующего характеру собрания, хотя и выразил полное согласие с данной в резолюции Г. Зинна оценкой места вьетнамской войны в американской политике. Крайне отрицательную роль опять сыграло выступление Ю. Джиновезе, считавшего, что предложенная Г. Зинном резолюция политизирует ассоциацию, что в вопросе о войне во Вьетнаме моральна любая позиция. Он снова пригрозил выходом из ассоциации в случае принятия ею подобного документа. «Новые левые», защищая предложенную ими резолюцию, отмечали, что подобные документы уже принял ряд научных ассоциаций: Американская ассоциация политических наук, Американская социологическая ассоциация, Американская философская ассоциация. Попытки историков прикрыться принципом «академической нейтральности» по вопросу о войне выглядят лицемерными и близорукими. Чарлз Шайвли заявил, что «отказ от действий по этому вопросу отвратит от нас молодежь и будет означать моральное банкротство АИА»⁸⁶.

Открытое голосование, состоявшееся уже в первом часу ночи, дало следующие результаты: за резолюцию Г. Зинна было подано 493 голоса (против 822), за резолюцию У. Ноймана 611 (против 647). Таким образом, почти половина участников делового собрания осудила американскую интервенцию во Вьетнаме.

Конфликт и острейшие споры внутри ассоциации «выплеснулись» за пределы организационных собраний. В научной программе съезда значилось обсуждение проблемы «Что такое радикальная история?». При ее обсуждении в аудитории присутствовало около 1 тыс. человек. В последний день работы съезда огласил свой доклад, а вернее, развернутое заявление Дж. Лемиш, радикальный историк, исключенный из Рузвельтовского университета в Чикаго. Этот документ носил название «Антирадикализм как цель американских исторических исследований после второй мировой войны». Он содержал исключительно острую критику сторонников теории «согласованных интересов» (консенсуса) и тех представителей либерально-консервативного истеблиш-

⁸⁵ Ibid., p. 48.

⁸⁶ Ibid., p. 49—50.

мента, которые под маской аполитичности верой и правдой служили интересам господствующей системы, правительства, были активными апологетами «холодной войны» и непримиримыми гонителями инакомыслящих. Этот доклад-памфлет приобрел широкий резонанс, позднее разошелся по всей стране в рукописном виде (журналы и издательства США отказались его напечатать). Только в 1975 г. канадское левое издательство опубликовало работу Д. Лемиша в виде отдельной книги под названием «На активной службе войне и миру. Политика и идеология в американской исторической профессии». Материал из этой книги уже был частично использован нами в этой главе. Однако невозможно не привести ее заключительные строки, прозвучавшие в декабре 1969 г. в отеле «Шератон-парк» в Вашингтоне: «Студенты не верят больше профессорам Коммаджеру, Невинсу, Бурстину, Шлезингеру, Хэндлину или Морисону. Это левые говорят им о реальных проблемах, о боли и страдании и о лучшем мире, который еще до этого не существовал. Политика, которой восхищаются историки истеблишмента, оторвана от реальности и беспринципна; их история намерена и дальше изолировать эту политику от реальности. Но левые будут продолжать выдвигать реальные альтернативы, которые разоблачают американскую политику прагматизма. Увольняйте нас, изгоняйте, сажайте в тюрьмы, но мы не уйдем. Мы существуем, люди, подобные нам, всегда были в истории, и мы просто не позволим вам роскошь продолжать называть себя политически нейтральными, когда вы изгоняете все это из вашей истории. Вы не имеете права читать нам наставления насчет цивилизности, когда сами узакониваете варварство. Вы не можете увольнять нас за активизм, не обнаружив тем самым собственного активизма»⁸⁷.

После съезда дебаты между консерваторами и радикалами были перенесены на страницы информационного бюллетеня ассоциации. Большой интерес представляет открывшая дискуссию статья одного из лидеров «новых левых», А. Васкова, в которой были высказаны глубокие критические замечания, в том числе и в адрес левых активистов: «Наша беда в том, что мы не были достаточно радикальными»⁸⁸. А. Васков пришел к заключению, что на съезде «новые левые» неправильно организовали дискуссию по теме «Что такое радикальная история?», допустив это об-

⁸⁷ *Lemisch J.* Op. cit., p. 117.

⁸⁸ *Waskow A.* Radicals, Conservatives and History: 1969.— *AHA Newsletter*, 1970, Febr., vol. 8, N 3, p. 25.

суждение в аудитории почти в одну тысячу человек, когда спокойный, научный подход был невозможен. Ошибкой «новых левых» было предложение принять контрконституцию с изложением своего рода морального кодекса профессии историка. Это позволило противникам создать впечатление, что радикалы якобы намерены осуществить своего рода «чистку» в профессии, изгнать из нее всех несогласных с их взглядами. «Мы осознали свою неудачу слишком поздно, когда собрались на собрание „Радикального кокуса“, но решение снять предложение о контрконституции в пользу отдельных резолюций уже не устранило ущерба, причиненного недостаточной ясностью наших позиций»⁸⁹.

А. Васков пишет: «Мы хотели открытого обсуждения наиболее важных вопросов, но совет АИА сначала пытался растянуть дебаты по своим собственным конституционным поправкам, чтобы израсходовать время, а затем пытался прервать деловое собрание до того, как будут подняты новые вопросы в повестке дня. Затем совет пытался не допустить постановку на обсуждение резолюции по Вьетнаму и политическим репрессиям. Затем совет пытался закрыть обсуждение этой резолюции, предложив передать ее на голосование по почте *вместо*, а не в добавление к тому, чтобы проголосовать по ней на собрании. Затем совет закрыл деловое собрание, не дав возможности выслушать другие предложения»⁹⁰.

А. Васков справедливо отмечает, что консерваторов захватила «настоящая паранойя». Один из членов совета заявил, что радикалы якобы собираются дожидаться, когда все уйдут с собрания, а затем переголосуют поправки к конституции. Другой член совета, силой вырвав микрофон из рук Г. Зинна, несмотря на протесты последнего, начал высказывать обвинения в применении радикалами «антидемократической тактики». В итоге именно сами консерваторы продемонстрировали нетерпимость и недемократизм в отношении оппонентов, не дав им возможности высказать и обсудить подготовленные предложения.

Центральным вопросом в дискуссии между радикалами и консерваторами на съезде был вопрос о связи науки и политики, об отношении историков и их профессиональной организации к современным событиям. Консерваторы считали, что принятие резолюции о Вьетнаме «политизирует» ассоциацию, радикалы же, наоборот, — что «АИА является

⁸⁹ Ibid., p. 26.

⁹⁰ Ibid.

политической организацией, она поддерживает и оказывает прямое содействие тому, чтобы оправдывать действия американского правительства, она должна сначала признать открыто свой политический характер, а затем проводить политику постижения истины». Во всяком случае среди молодых членов профессии существует явное и сильное стремление «соединить в своей жизни политику и научную деятельность, тело и ум, мораль и знание и делать это прежде всего как акт отрицания дегуманизированной социальной системы»⁹¹.

Консерваторы на съезде боролись за этот «разрыв» между политикой и наукой: они не хотели, чтобы историки занимали и открыто выражали свои гражданские позиции, они не хотели признавать тот факт, что политика оказывает глубокое влияние на профессию. Эту свою позицию они скрывали различной фразеологией, и самой большой неудачей левых была их неспособность ясно сформулировать и поставить вопрос именно в такой плоскости. Только по этой причине консерваторам и удалось одержать верх при голосовании. «Но консерваторы не выиграли будущее профессии,— заключает А. Васков.— Молодые историки стали свидетелями, как их кумиры сами же развенчивали созданные вокруг них мифы. Они слышали, как Ю. Джиновезе заявил, что АИА должна «покончить с этими так называемыми радикалами, покончить решительно, покончить раз и навсегда». Они видели, как Дж. Фэйрбанк вырвал микрофон у историка-радикала, чтобы затем осудить «антидемократическую тактику». Они видели, как К. Вэн Вудворд пытался доказать, что резолюция по Вьетнаму, включая весь параграф о вреде войны для исторической профессии, не имеет ничего общего с целостностью и чистотой профессии, а также с практикой исторической науки Соединенных Штатов...»⁹²

После публикации статьи А. Васкова с комментариями выступили Дж. Фэйрбанк и Г. Зинн, а затем еще несколько историков. Некоторые пытались найти примирительные выражения, предлагая дать одинаковую возможность высказаться противникам и сторонникам политики США в Индокитае в каком-либо едином документе от имени АИА. Но все же большинство заявляло о своей поддержке позиции «новых левых». «Ученые по самой своей природе являются объектами и субъектами политики и в условиях демократии должны нести за это ответственность (по край-

⁹¹ Ibid., p. 27—28.

⁹² Ibid.

ней мере в такой же степени, как обычный гражданин, а возможно, и в большей, поскольку должны быть более образованны и информированны). Молчание есть также политическая позиция. Я благодарен г-ну Зинну за то, что он написал об этом», — заявил один из историков⁹³.

Разыгравшиеся на 84-м съезде события и последующая дискуссия всколыхнули всю историческую общину Соединенных Штатов и основательно потрясли руководство главной общенациональной организации историков. В органах американской печати вышли статьи, информирующие общественность о «скандале» в АИА⁹⁴. Руководители ассоциации поспешили предпринять все возможные меры, чтобы преодолеть возникший «кризис». Исполнительный секретарь П. Уорд, выбрав из «Справочника американских ученых» известных историков, не являвшихся членами АИА, направил им письмо с просьбой вступить в ассоциацию, «учитывая сегодняшние обстоятельства». Под этими «обстоятельствами» П. Уорд имел в виду прежде всего «трудные вопросы о связи между исторической наукой и кризисами в нашем обществе», которые были поставлены на съезде молодыми историками, «объединившимися с целью переосмысления своего профессионального самосознания». «Разъяснение таких вопросов является делом всей профессии, а не той или иной отдельной группы специалистов, — писал П. Уорд. — Поэтому ассоциация нуждается в квалифицированной поддержке со стороны опытных историков...»⁹⁵ Смысл и цель этого письма были достаточно ясными: нужно было уравновесить растущее число молодых и радикально настроенных членов ассоциации «консервативным балластом, прежде чем АИА не разрушили горячие молодые головы», как выразился в этой связи один из левых историков.

Вскоре после съезда 1969 г. Р. Палмер направил всем членам совета АИА меморандум следующего содержания: «В свете беспрецедентных событий на деловом собрании ассоциации в прошлом месяце и учитывая, что совет не соберется до апреля, я хотел бы просить каждого из вас высказаться по поводу нынешнего состояния наших дел и направить мне любые имеющиеся соображения о причинах или возможных мерах преодоления наших сегодняшних

⁹³ AIA Newsletter, 1970, Sept., vol. 8, N 16, p. 15.

⁹⁴ The New York Times, 1969, Dec. 30; New Republic, 1970, Jan. 17; Saturday Review, 1970, June 20; The Nation, 1970, Febr. 2.

⁹⁵ A Letter from P. Ward, Jan. 21, 1970. — Library of Congress. Manuscript Division. AIA Papers, Box 677.

проблем. Мои собственные соображения по поводу голосования на собрании следующие. Поскольку на собрании почти все время присутствовало около 2 тыс. человек, а счет голосов колебался от 1200 до 1400, я не думаю, что проблема заключается в том, что голосовало много не членов ассоциации. Тем не менее мы должны разработать меры, которые обеспечили бы нам на собрании 1970 г. участие в голосовании только членов ассоциации...

Тот факт, что кандидат в президенты от инсургентов получил 396 голосов, означает для меня серьезный признак недовольства или протеста против „истэблишмента“. С другой стороны, только 205 голосов было подано против конституционных поправок, предложенных советом. Эти голоса, очевидно, представляют наиболее твердую оппозицию. Но только 486 человек голосовали за поправки, и общее число поданных голосов по вопросу о поправках составило 691 — самое малое число голосовавших на собрании. В этой цифре содержится минимальное количество мошеннических голосов — она скорее отразила равнодушие к действительно наиболее важному вопросу и уж во всяком случае с учетом числа присутствовавших на собрании не может выглядеть как очень впечатляющая и громкая поддержка официальных лиц ассоциации...

Ко времени нашей встречи в апреле мы должны иметь некоторые четкие и оформленные идеи и предложения относительно проведения делового собрания в следующем декабре и по делам ассоциации в целом»⁹⁸.

По-видимому, надежда, что члены совета в силах разрешить возникшие внутри ассоциации трудности, а самое главное — нейтрализовать оппозицию со стороны левых историков, у президента Палмера была слабой, и он в тот же день направил письмо С. Линду — своему недавнему конкуренту на выборах. Это письмо было выдержано в примирительно-компромиссном духе: «Сейчас, когда страсти вокруг событий, разыгравшихся на съезде АИА прошлым месяцем, отчасти успокаиваются, я все больше думаю о том, что при нынешних обстоятельствах можно было бы сделать в интересах ассоциации и ее членов или же для укрепления роли истории и историков в целом. На меня произвел впечатление тот факт, что вы получили около 400 голосов на выборах в президенты, что я расцениваю как показатель значительного недовольства.

⁹⁸ R. R. Palmer — Members of the Council of the American Historical Association, Jan. 23, 1970.— Ibid., Box 616.

Причины недовольства вполне очевидны и в значительной степени, по моему мнению, абсолютно справедливы. Я полагаю, что о некоторых вещах мне, может быть, не следовало бы вести речь. Тем не менее мне было бы очень интересно услышать от вас все, что вы можете сказать или написать. Если вы предполагаете в ближайшие месяцы быть в Нью-Йорке или Нью-Хейвене, мы могли бы встретиться; если же я окажусь в Чикаго, мы могли бы пообедать вместе вдвоем или пригласить еще пару других людей, которые разделяют ваши взгляды.

Я помню нашу краткую переписку почти десять лет назад, когда вышел первый том моей книги и получилось так, что мы оказались едины во мнении о революционном характере американской революции. Хотя я и не являюсь революционером в нынешней обстановке, тем не менее могут найтись вопросы, по которым мы могли бы плодотворно обменяться мнениями»⁹⁷.

Ответ С. Линда был далеко не таким, на который, видимо, рассчитывал президент. Лидер «новых левых» вместо договоренности о неофициальной встрече сразу же затронул два конкретных вопроса и сформулировал по ним свои предложения. Первый — это письмо П. Уорда избранному кругу лиц из числа известных историков. С. Линд предложил, чтобы исполнительный секретарь направил аналогичное приглашение вступить в АИА представителям молодого поколения историков и аспирантам. «Я твердо убежден, что такое второе письмо абсолютно необходимо, чтобы избежать впечатления об односторонней ориентации исполнительного штата ассоциации, и хотел бы услышать ваше мнение об этом как можно скорее», — отмечал С. Линд. Второй вопрос касался профессора Бостонского университета Говарда Зинна, которому администрация объявила о возможном увольнении за участие в антивоенных студенческих демонстрациях. С. Линд указал, что «вопрос об академической свободе для преподавателей из числа новых левых связывается прежде всего с осознанной необходимостью действовать в соответствии со своими речами и убеждениями. Рано или поздно нам предстоит индивидуально и коллективно разобраться с вопросом, считать ли противоречащим канонам профессии участие историка в ненасильственных актах гражданского неподчинения на территории университета и вне ее». Сейчас же настоятельно необходимо выступить от имени ассоциации в защиту Г. Зинна — доста-

⁹⁷ R. R. Palmer — S. Lynd, Jan. 23, 1970. — Ibid., p. 677.

точно известного историка, автора ряда отличных исследований и в то же время типичного представителя «ученых-активистов». В 60-е годы, как отметил С. Линд, книги Зинна о Вьетнаме и гражданском неподчинении сделали его «Томасом Пэйном антивоенного движения». «Тысячи студентов знают его как человека, который привел их к радикализму, который поддерживал их усилия действовать согласно своим убеждениям, даже когда он частично был не согласен с их тактикой. Он служил примером человека, который стремится соединить поиск истины с гражданским действием»⁹⁸. С. Линд предложил Р. Палмеру выступить с совместным заявлением о праве на участие историков в актах гражданского неповиновения.

Этим письмом лидер «новых левых» явно отверг попытку президента АИА «полюбовно» обговорить сложившуюся ситуацию. Тот факт, что копии письма одновременно были направлены другим известным представителям радикальной оппозиции (Говарду Зинну, Артуру Васкову и Альфреду Янгу), а позднее вся переписка помещена в издаваемом группой радикалов бюллетене, свидетельствовал о нежелании последних занимать примиренческие позиции. Более того, в сопроводительном пояснении С. Линда ко всей этой документации говорилось, что предложенный Палмером «полезный обмен взглядами» по поводу «причин недовольства» фактически не состоялся. Ответ президента АИА был «разочаровывающим, особенно в отношении вопроса об академической свободе»⁹⁹. Кстати, в этом же документе утверждалось, что сами радикалы, резко расходясь во взглядах, именно в этом вопросе могли бы достигнуть единства мнений и действий.

Весной 1970 г. группа левых историков сделала еще одну попытку демократизировать характер руководства АИА. Собрав необходимые 200 подписей для внесения на рассмотрение очередного делового собрания поправки к действующей конституции, они сделали следующее предложение: избираемые на 4 года члены совета в количестве 20 должны подразделяться на следующие категории: четыре утвержденных в должности профессора из университетов с докторскими программами по истории, четыре утвержденных в должности профессора из колледжей без докторских программ по истории, четыре не утвержденных в должности преподавателя истории в колледже или университете, четыре

⁹⁸ S. Lynd — R. R. Palmer, Febr. 3, 1970.— Ibid.

⁹⁹ S. Lynd — Members of the Radical Caucus, n. d.— Ibid.

студента-историка, два школьных учителя и два представителя «от публики»¹⁰⁰.

В сопроводительном заявлении инициаторы петиции Дж. Чейпин и Р. Заграндо (Йельский университет), Дж. Грин (Брэндесский университет), Дж. Шнейдер (Хартфордский университет) объясняли свое предложение прежде всего тем, что нынешний состав руководящего органа избирается из «почтенных ученых» и не отражает интересов всех категорий входящих в ассоциацию членов. Из 52 членов совета, избравшихся в период с 1944 по 1968 г., 41 был так или иначе связан в своей карьере с одним из шести университетов: Гарвардским, Йельским, Колумбийским, Стэнфордским, Корнельским и Чикагским. Подавляющее большинство получило докторские степени в нескольких северо-восточных университетах и к моменту выборов в совет было в штате университетов так называемой Большой десятки. Их средний возраст к моменту выборов — 58 лет, а средний возраст всего совета на протяжении последних 25 лет — 57 лет. Все имели ранг полного профессора или его эквивалент. «Пришло время пересмотреть такой порядок распределения власти. У нас была палата лордов, а нам теперь нужна палата общин»¹⁰¹.

На 85-м съезде в Бостоне в декабре 1970 г. позиции двух противоборствующих сторон внутри профессии несколько не сблизились, хотя влияние «новых левых», их взглядов и предложений на рядовых членов, на некоторых представителей руководства было бесспорным: на смену «паранойе» приходило осознание необходимости учесть сложившуюся обстановку в ассоциации, а также общественно-политический климат в стране. Эта тенденция отразилась прежде всего в президентском адресе и в научной программе съезда. Р. Палмер целиком посвятил свое обращение анализу сложившейся в АИА ситуации, обратившись все к тому же вопросу о связи науки и политики: «Кто мы? Исследователи, преподаватели, писатели или эксперты по различным странам и векам? Активисты мы или ученые? А наша ассоциация — профсоюз или научное общество?» Президент признал, что в АИА в настоящее время происходит «революция, кризис». Этот кризис самым тесным образом связан с проблемой функций АИА, он имеет «идео-

¹⁰⁰ Petition to change the composition of the AHA Council, Apr., 1970.— Ibid., Box 618.

¹⁰¹ A Statement Explaining the Constitutional Amendment Proposing a Restructuring of the AHA Council on Behalf of the Petitioners.— AHA Newsletter, 1970, Sept., vol. 8, N 6, p. 2—3.

логическое и педагогическое значение». Конфликт в ассоциации имеет политическую подоплеку, по признанию Р. Палмера, ибо многие члены АИА считают ассоциацию «слишком консервативной». И все же президент продолжал настаивать, что «ассоциация как организация... должна оставаться нейтральной и подлинно академической». Ее задача — стоять на страже сугубо профессиональных интересов исследователей и преподавателей. Сами же историки могут заниматься любой деятельностью и выражать в любой форме свое отношение к политическим проблемам¹⁰².

Этот призыв не мог быть встречен с особым энтузиазмом, если учесть, что в программе съезда значилось обсуждение следующих докладов в тематических секциях: «Рабочие, крестьяне и экономическая история», «Работающие женщины в индустриальной Америке», «Профессия историка в настоящее время», «Политика и американский историк: как либеральные ученые служат капитализму», «Новый курс и „новые левые“», «Холодная война: оценка позиции „новых левых“ по вопросу об американской внешней политике». Актуальные и злободневные вопросы историографии и реальной жизни уже пришли в аудитории ежегодных съездов ассоциации, руководство которой все еще продолжало цепляться за тезис о «политической стерильности» академической науки.

Несколько по-другому сложилась ситуация и на годовичном деловом собрании ассоциации, где левым силам удалось задать тон в обсуждении ряда важных вопросов и добиться успеха. Сразу же после обязательных отчетов исполнительного секретаря, редактора журнала и казначея при обсуждении деятельности совета за истекший год Ф. Заграндо предложил резолюцию, которая предусматривала создание инспекционного совета по детальному изучению и обследованию всех сторон деятельности ассоциации. Состав этого совета, назначаемого президентом, должен был включать представителей всех основных категорий и групп среди членов, а не только одних преподавателей-профессоров, а также «учитывать такие факторы, как возраст, пол, этническое происхождение, служебная принадлежность и географическое распределение»¹⁰³. Несмотря на различные возражения, резолюция в конечном итоге была принята большинством голосов.

¹⁰² *Palmer R. R. The American Historical Association.*— AHR, 1971, vol. 76, N 1, p. 1—15.

¹⁰³ AHA Newsletter, 1971, Mar., vol. 9, N 2, p. 15—16.

Затем перед собранием была поставлена на обсуждение поправка к конституции о расширении и изменении состава руководящего органа ассоциации — совета. Более чем за 50 лет это была первая поправка, предложенная путем петиции от рядовых членов. Как сказал выступавший от имени авторов петиции Дж. Чейпин, эта реформа хотя и не решит проблему кризиса в АИА и в профессии в целом, но все же позволит лучше учитывать интересы членов ассоциации. Противники поправки заявили, что она представляет собой «попытку определенных кругов политизировать ассоциацию», что это шаг к «пролетаризации» АИА ¹⁰⁴, на что Дж. Чейпин ответил: «Намерение петиционеров не политизировать ассоциацию и не снижать ее профессиональные стандарты, а только демократизировать ее руководство» ¹⁰⁵. Голосованием участников собрания (402 за и 296 против) петиция была принята и направлена всем членам ассоциации для окончательного решения вместе с предложением о реформе совета, которое было выдвинуто самим же советом. Кстати, в отношении последнего предложения на собрании открыто говорилось, что оно было сделано в ответ на угрозу принятия поправки, которую только что одобрило собрание. «Совет АИА имел в своем распоряжении несколько десятилетий, чтобы реформировать самого себя, и примечательно, что он это делал только в случае появления угрозы снизу своим олигархическим привилегиям», — высказался один из членов АИА ¹⁰⁶.

Новым явлением в жизни ассоциации стало обсуждение на деловом собрании вопроса о положении женщин-историков в профессии. Председатель специальной комиссии АИА по этому вопросу Уилли Л. Роуз изложила подготовленный доклад. Комиссия исходила из основного принципа, что «творческий труд является основополагающим правом личности и ограничение возможностей такого труда в корне неверно». «Комиссия полагает, — заявила председатель, — что в настоящее время женщины имеют ограниченные возможности в исторической профессии, начиная от обучения в исследовательской школе до разных уровней профессиональной занятости. Комиссия полагает, что Американская историческая ассоциация не должна допускать, чтобы профессия несла ущерб от утраты талантов в результате дискриминации по полу» ¹⁰⁷. Принятая собранием резолюция

¹⁰⁴ Ibid., p. 20—21.

¹⁰⁵ Ibid., p. 21.

¹⁰⁶ Ibid., p. 22.

¹⁰⁷ Ibid., p. 24.

(см. главу 2) провозглашала официальную позицию осуждения женской дискриминации в исторической профессии.

В добавление к этому документу по предложению профессора Иллинойского университета Береники Кэрролл была принята также резолюция в поддержку создания при колледжах и университетах центров по уходу за детьми для облегчения положения женщин — преподавателей и студентов. Некоторые из консерваторов (Р. Бирис из Индианского университета, У. Холт из Вашингтонского университета), пытались и здесь выдвинуть возражения, ссылаясь на отсутствие у ассоциации реальных возможностей решения вопроса об обеспечении прав женщин¹⁰⁸.

На собрании радикалы вновь поставили вопрос об «академических свободах» для историков. Резолюция по этому вопросу была предложена А. Янгом (Североиллинойский университет), К. Лэшем (Рочестерский университет), Б. Бернштейном (Стэнфордский университет) и С. Линдом (Чикагский университет). В ней говорилось, что «Американская историческая ассоциация признает, что нарушения конституционных прав и академической свободы преподавателей и студентов истории увеличились и продолжают увеличиваться дальше по мере того, как в стране в целом усиливается атмосфера политических репрессий»¹⁰⁹. Для защиты прав и свобод историков предлагалось создать при АИА комиссию по правам историков, которая должна будет собрать информацию о фактах нарушения прав историков и предложить меры по эффективному противодействию этим нарушениям. Поддержанная Ф. Фонером из Линкольнского университета и другими участниками собрания, эта резолюция была принята с некоторыми поправками, хотя робкие голоса против были все же поданы наиболее убежденными консерваторами.

Продлив регламент собрания до часу, а затем до половины второго ночи, его участники обратились к обсуждению предложенной Г. Зинном резолюции по Вьетнаму, призывавшей к немедленному выводу войск США из Индокитая. Лидер «новых левых» обратился с призывом к членам АИА принять этот документ «в интересах коллег-историков, студентов, страны, народа Вьетнама и всего мира». После многочисленных поправок и предложений был принят текст, предложенный Филиппом Куртином: «Американская историческая ассоциация, признавая причиняемый войной

¹⁰⁸ Ibid., p. 27.

¹⁰⁹ Ibid., p. 28.

в Юго-Восточной Азии ущерб внутри и вне страны, а также ущерб интеллектуальной жизни американских университетов и исторической профессии, призывает к немедленному выводу войск Соединенных Штатов и прекращению материальной помощи»¹¹⁰. Этот документ, принятый глубокой ночью уже 30 декабря 1970 г. в бостонском отеле «Шератон-парк», был примечательным событием: «новым левым» все же удалось заставить АИА высказать открытое осуждение агрессивной внешней политики американского правительства. Такого история ассоциации до сих пор не знала.

И все же, добившись изменения устава ассоциации на съезде 1969 г., руководство приобрело тем самым возможность обходить решения делового собрания, обращаясь к голосованию по почте для окончательного разрешения возникающих между советом и собранием разногласий. Наиболее наглядно это проявилось в борьбе по вопросу об отношении к войне во Вьетнаме. Уже после съезда 1970 г. проведенное советом голосование по почте по принятой антивоенной резолюции оказалось не в пользу последней: 2435 членов проголосовали против и 1543 — за. Тем самым руководство АИА получило формальное право считать, что позиция ассоциации не связана с решением ее ежегодного собрания, и соответственно продолжать придерживаться лицемерной линии на невмешательство в политику. Когда в мае 1971 г. члены Американского союза гражданских свобод обратились к АИА с предложением присоединиться к кампании за рассмотрение в Верховном суде США правомерности ведения правительством страны войны в Юго-Восточной Азии, оно было рассмотрено на заседании совета АИА в июне 1971 г. и отклонено в виду итогов голосования по почте членов ассоциации¹¹¹.

Аналогичную судьбу разделила и принятая на собрании резолюция о расширении совета АИА и о новом порядке выборов его членов. П. Уорд подготовил сопроводительное письмо членам ассоциации с просьбой сообщить свое мнение голосованием по двум предложениям о реформе совета АИА: одно — одобренный собранием проект «новых левых», другое — отвергнутый собранием проект самого совета. К письму и бюллетеню для голосования были приложены аргументы сторонников той и другой поправки. Дж. Чейпин опроверг вымыслы о том, что избрание совета из 20 чело-

¹¹⁰ Ibid., p. 31.

¹¹¹ P. Ward — A. Neier, June 9, 1971; P. Ward — N. Dorsen, May 24, 1971. — Library of Congress. Manuscript Division. AHA Papers. Box 677.

век по пяти категориям снизит «стандарты» и «политизирует» ассоциацию: «Мы полагаем, что руководящий орган профессиональной организации должен избираться не на основе соревнования известных имен, а на основе открытого изложения позиций и взглядов кандидата о направлениях и задачах будущей деятельности организации. По сути своей, контрпоправка совета основывается на теории „добродетельной представительности“, которая вышла из моды в крупных обществах почти 200 лет назад. Ни одна группа внутри исторической профессии, какой бы ни была ее квалификация, не может представлять интересы всех членов АИА» ¹¹².

К. Вэн Вудворд изложил аргументы в пользу предложенного советом варианта поправки: увеличение избираемых членов совета с 8 до 12 человек без определения категорий. Эти аргументы сводились к тому, что решение собрания нельзя считать авторитетным, так как число поданных голосов в поддержку резолюции петиционеров составляет немногим более 2% от всей численности ассоциации. «Совет продолжает верить, что предложенная им поправка лучше отвечает интересам конституции... Совет полагает, что ассоциация представляет единую профессию, а не конкурирующие группы интересов с четкими юридическими правами» ¹¹³.

Расчет руководства ассоциации на то, что инертное консервативно-либеральное большинство членов ассоциации поддержит линию истеблишмента, а не радикальные предложения левых, в целом оправдался. Об этом свидетельствуют итоги всех голосований по почте, прежде всего голосования весной 1971 г. Разосланный бюллетень вызвал оживленные отклики. Консерваторов испугала перспектива возможного представительства в руководстве кого-либо, кроме профессуры. Один из пожизненных членов АИА в письме в штаб-квартиру предложил «привлечь к суду за радикальные перемены», которые содержатся в разосланном бюллетене. «АИА всегда представляла самый высокий уровень научных занятий. По-видимому, эта „новая идея“ не что иное, как дело рук разных доброхотов и пропагандистов. Помогите боже Соединенным Штатам и Американской исторической ассоциации» ¹¹⁴.

Некоторые из членов ассоциации были не согласны со столь строгим делением кандидатов на категории, которые,

¹¹² Memorandum to AHA Council Concerning Preferential Voting on Constitutional Amendments.— Ibid., Box 618.

¹¹³ Ibid.

¹¹⁴ G. Danforth — P. Ward, Mar. 15, 1971.— Ibid.

кстати, опять же ограничивались преимущественно академическим миром. Один из голосующих написал прямо на бюллетене: «Воздерживаюсь! Поскольку совет не должен состоять только из докторов и преподавателей. А как быть с библиотекарями, хранителями и прочими категориями? Я работаю в двухгодичном колледже, где нет необходимости иметь докторскую степень, но зато я имею два магистерских диплома»¹¹⁵. Редактор журнала «Арминеан ревью» Джеймс Ташьян, обращая внимание на категорию «от публики», написал в письме: «Я даже покраснел... Значит, я один из этих последних, которых авторы поправки даже не относят к какому-либо разряду историков, считая в то же время таковыми учителей истории начальных и средних школ. Мне непонятно, почему в совете должны быть представлены все „категории“ историков. Разве союз мясников определяет, что в его исполнительном органе должны быть поровну представлены забойщики, разделщики, рубщики и т. п.? Я полагаю, что Совет должен избираться из наиболее способных людей, и за это голосую»¹¹⁶.

Как и следовало ожидать, возвращенные в штаб-квартиру бюллетени были не в пользу предложенной «новыми левыми» реформы совета ассоциации. Прошел проект руководства АИА. Отныне в совет стали избираться 12 человек, что не означало какого-либо существенного шага в сторону демократизации организационных основ ассоциации.

Неудачные попытки реформировать общенациональную организацию историков, а также внутренние расхождения и организационная разобщенность заметно ослабили деятельность «новых левых». В конечном итоге они были вынуждены сдать свои позиции, разделив тем самым судьбу всего леворадикального движения в рядах американской интеллигенции конца 60-х — начала 70-х годов. Однако бунт «новых левых» в рядах историков оказал сильное влияние на всю профессию в целом. Многие из рядовых членов под его влиянием стали ставить такие вопросы перед руководством исторических ассоциаций, уйти от ответа на которые было не так просто. В информационном бюллетене АИА в 1971 г. было, например, напечатано письмо преподавательницы истории одного из религиозных колледжей США, сестры Адель Горман, в котором, в частности, говорилось: «Когда радикальные историки начали утверждаться в АИА, некоторые из нас смотрели на них как на досадную помеху. Но по

¹¹⁵ Inscription of ballot by Unidentified person.— Ibid.

¹¹⁶ J. H. Tashjian — P. Ward, Febr. 22, 1971.— Ibid.

истечении нескольких лет становится ясно, что радикалы, а также Координационный комитет по положению женщин в исторической профессии больше озабочены будущим историков, чем так называемые лидеры ассоциации. Сидя на деловых собраниях АИА, наблюдаешь упорное соперничество: с одной стороны, твердолобые традиционалисты стремятся держать свою линию на занятия чистой наукой и престиж ученых, с другой стороны, радикалы стараются прорвать их позиции. Кто же тогда действительно озабочен положением в профессии? Скорее всего, это именно радикалы...»¹¹⁷.

По сути дела, вся последующая деятельность АИА представляла собой попытки разрешения тех злободневных и больных проблем, на которые впервые обратили внимание историки «нового левого» направления.

5. Современные проблемы

На обсуждение съезда 1970 г. организаторы его программы вынесли тему «История. Кризис дисциплины?», по которой с основным докладом выступил О. Хэндлин. Представитель «старой гвардии», лауреат премии Пулитцера 1952 г., один из самых рьяных консерваторов, этот гарвардский профессор построил свой доклад на реминисценциях и сравнениях состояния исторической науки в 30–40-е годы и в современный период. О. Хэндлин времена 30–40-х годов назвал периодом полного единодушия и «высоких стандартов в поиске истины», когда историки «были компактным, спаянным сообществом ученых, работающих по строгим исследовательским критериям». Это была попытка обелить и романтизировать времена идеологической нетерпимости, безжалостных гонений против ученых прогрессивных взглядов, неприкрытой дискриминации в отношении представителей негритянского населения и национальных меньшинств. В то же время О. Хэндлин обрушился с критикой на «новых левых» и на всех тех, кто допустил «разложение и распад профессиональных стандартов и исследовательских методов». «Произошли перемены, и я, может быть, не сразу осознал их. Я вспоминаю неподдельное удивление, охватившее меня несколько лет назад, когда я узнал, что нам следует говорить не об историках, а о школах или партиях среди историков, которые разделяются между собой по принципам идеологического или

¹¹⁷ АНА Newsletter, 1971, May, vol. 9. N 3, p. 14.

других факторов сектантского характера. Я был удивлен, когда в 1968 г. ко мне обратились с просьбой о рекомендации преподавателя исходя не из его способностей, а согласно расовому происхождению и политической ориентации. Распадение чувства общности последовало столь быстро, что я уже не удивился, когда в 1970 г. Американская историческая ассоциация предложила учитывать при назначении на должность „возраст, пол, этническое происхождение и характер работы“»¹¹⁸, — говорил О. Хэндлин в своем докладе.

Пожалуй, впервые с трибуны АИА представителем истэблишмента было заявлено, что современная историческая профессия пребывает в состоянии кризиса. Отныне одним из наиболее распространенных в оценке американской исторической науки более чем на десятилетие стало выражение «кризис дисциплины». Однако в чем видели консерваторы типа Хэндлина причины этого кризиса? Прежде всего в том, что историки утратили необходимое чувство ответственности, перестали заботиться об общественном интересе к своей науке и допустили положение, когда прошлое стало полем для упражнений «пропагандистов, политиков, драматургов, новеллистов, журналистов». «Частично эта перемена — результат действия сил социологического характера, которые расширили численные показатели, изменили статус и модифицировали позицию исторической профессии в академическом мире, издательском деле и обществе в целом. Я не недооцениваю важность и этих факторов, но в данном случае предпочитаю обратить внимание на другую сторону этой трансформации — интеллектуальный нажим изнутри, который вызвал фрагментацию нашей дисциплины, ослабил связывающие ее элементы и ощущение общей цели. Данный нажим, который затуманил принятые ценности и установки, лежит в основе этого кризиса»¹¹⁹.

Туманное выражение О. Хэндлина «интеллектуальный нажим изнутри» есть не что иное, как выступления главным образом молодого поколения против консервативных устоев в среде историков. Ясно, что не в этом заключалась первопричина кризисного состояния профессии. Но в чем О. Хэндлин был прав, так это в констатации процесса дезинтеграции исторической общины, что самым непосредственным образом испытала на себе АИА в 70-е годы. Несмотря ни на какие усилия, на протяжении всего десяти-

¹¹⁸ *Handlin O. History: A Discipline in Crisis? — The American Scholar*, 1971, vol. 408, N 3, p. 449.

¹¹⁹ *Ibid.*, p. 450.

летия происходило сокращение численности ассоциации — и это в период самого бурного роста числа профессиональных историков в США за всю историю! В итоге АИА потеряла около 7,5 тыс. членов и ее численность сократилась с 19,5 тыс. в 1973 г. до 12 тыс. в 1983 г. Только в последние два года число членов АИА сохраняется на одном уровне.

Уход историков из АИА неизбежно уменьшил денежные поступления от ежегодных взносов и вызвал большие финансовые затруднения, усугубляемые инфляцией и ростом стоимости услуг. В начале 80-х годов ежегодный дефицит бюджета АИА составлял около 5% ¹²⁰. В 1982 г. совет принял решение об очередном повышении размеров членских взносов, и в настоящий момент они составляют от 30 до 60 долл. — в зависимости от размеров заработной платы — и 20 долл. для студентов. Общий бюджет АИА составляет около 1,3 млн. долл. Доходы ассоциации складываются из денежных поступлений от членов, подписчиков журнала и рекламодателей, продажи печатной продукции (около 780 тыс. долл.), а остальные средства поступают в виде прибыли от акций различных частных компаний, держателем которых является АИА, от пожалований благотворительных фондов и довольно скромных поступлений из правительственных источников.

Как и прежде, главным событием в жизни ассоциации остаются ее годовые собрания. Нынешние ежегодные съезды — это довольно громоздкие и сложные по своей организации научные мероприятия. Их программа формируется ежегодно назначаемым программным комитетом во главе с каким-либо известным специалистом на основе индивидуальных заявок ученых. На 96-м съезде (1981 г.), например, почти 400 заявленных докладов были разбиты на 128 секционных заседаний, из них свыше 60 секций обсуждали проблемы истории США, остальные занимались вопросами всемирной истории. Кроме этого, 27 примыкающих к АИА ассоциаций и групп провели свои научные или организационные собрания. Всего съезд в Лос-Анджелесе собрал около 1850 участников. На следующий год в Вашингтоне число участников съезда было 2555 человек, а в 1983 г. в Сан-Франциско — 2241 человек.

Мелкотемье, отказ от постановки методологических проблем, стремление к уходу на периферию исторического процесса стали характерным явлением в работе ежегодных

¹²⁰ АНА Perspectives, 1982, Oct., vol. 20, N 7, p. 1.

съездов. По поводу этого явления Н. В. Сивачев писал: «Конечно, уклонение от методологических проблем — это тоже своеобразная методология. Ее сущность заключается в господстве позитивистского эмпиризма, либерально-консервативного плюрализма. Генезис этого методологического явления в решающей степени связан с традиционным засильем прагматизма и „твердого индивидуализма“ в формировании американских интеллектуальных принципов»¹²¹. В последнее десятилетие многие американские историки сознательно ограничивают себя поисками «малых истин», считая такой подход к прошлому надежной гарантией от спекулятивности, лженаправленной политизации истории и средством, позволяющим уйти от ответа на непосильный для буржуазной методологии вопрос о том, есть ли объективная историческая истина и познаваема ли она.

Дефрагментация научных интересов и отсутствие организующих, координирующих начал в американской исторической науке становятся одной из злободневных проблем. В президентском послании Б. Бейлина, посвященном историографическим проблемам, было отмечено, что в настоящее время в США «исторические исследования разбегаются одновременно по сотне различных направлений при отсутствии какой-либо их координации». Беда современной историографии — в отсутствии внутренней связи между теми элементами картины, которая рисуется историками. По мнению Б. Бейлина, исправить это положение можно, если историки будут создавать труды, доступные широкой публике, синтетические и «нарративные» по структуре, которые бы в итоге «внесли порядок в широкое полотно истории». Причем понятие «нарративная история» было использовано президентом в обновленном варианте. По его мнению, историческая наука до XX в. была, «в сущности, наблюдательной историей», т. е. не проникавшей вглубь, скользившей по поверхности очевидных фактов. Необходимо же выявлять «латентные события», глубинное содержание исторического процесса. И этому должны прежде всего способствовать новые приемы исследования, в том числе количественные методы.

Оценивая это президентское послание на съезде АИА в 1981 г., Н. В. Сивачев писал следующее: «Постичь объективную суть исторического процесса — сложная задача. В зависимости от возможности ее решения и определяется,

¹²¹ Сивачев Н. В. На 89-м ежегодном съезде Американской исторической ассоциации. — *Вопр. истории*, 1975, № 6, с. 186.

является ли занятие историей наукой. История научна не постольку, поскольку тот или иной представитель этой профессии пользуется приемами естественных наук, а поскольку историк находит проверенный практикой путь постижения истины. Бейлин обратил внимание лишь на одну сторону этой проблемы, указав, что раскрытие „латентных событий“ сопряжено с поисками новых источников, новых фактов, отсутствующих в том кладезе, который традиционно питал „очевидную“ историю. Но он явно недооценил роль теории, концепции подхода к историческому прошлому и сузил задачи исторической науки своим акцентом на „нарративную историю“. Такой односторонний подход не позволяет должным образом показать ни материальности общественного развития, ни его многообразия, ни того, к чему явно стремится докладчик, — единства исторического процесса в многообразии форм его проявления»¹²².

И все же в заключение президент АИА высказал предостережение насчет возможности омертвить живую историю колонками цифр и линиями уравнений: «Мне кажется, что важнейший вызов, который будущее бросает историкам, заключается не в том, как углубить и отточить их технический арсенал проникновения в прошлое (хотя эти усилия будут, конечно, продолжаться), а в том, как вновь собрать историю воедино, используя ранее недоступные средства анализа, в том, как воплотить наличную информацию (количественную и качественную, статистическую и письменную, зримую и устную) в удобочитаемое нарративное изложение главных процессов развития»¹²³.

Деятельность АИА в области поддержки научных исследований не ограничивается организацией ежегодных съездов, а также тематических конференций. Исследовательский отдел ассоциации уделял в последние годы особое внимание проблеме источниковой базы науки — должному формированию архивов, их деятельности в интересах историков, допуску историков к необходимой для исследовательской работы документации. Руководство АИА и действующий при ней Национальный координационный комитет по поддержке истории, созданный из представителей более двадцати исторических обществ и ассоциаций, в настоящее время ведут активную лоббистскую работу в правительственных органах, прежде всего в конгрессе, добиваясь принятия

¹²² *Сивачев Н. В.* На 96-м съезде Американской исторической ассоциации. — *Вопр. истории*, 1982, № 2, с. 154.

¹²³ *Baylin B.* The Challenge of Modern Historiography. — *AHR*, 1982, Febr., vol. 87, N 1, p. 1–24.

соответствующих законодательных мер, обеспечивающих доступ к архивам, или же выступают против попыток ограничить доступ историков к документации. Так, например, Сэмюель Гэммон, сменивший в 1981 г. на посту исполнительного директора АИА Мака Томпсона, выступал в феврале 1984 г. с показаниями от имени американских историков в законодательной подкомиссии постоянной комиссии палаты представителей конгресса США по разведке. Это выступление содержало критику обсуждавшегося в конгрессе законопроекта, который предусматривает право ЦРУ не подчиняться действию закона о свободе информации¹²⁴.

Самые трудные и болезненные проблемы приходится решать профессиональному отделу ассоциации: обеспечение историков работой и охрана прав историков. По уставу этот отдел должен «собирать и распространять информацию о возможностях получения работы для всех историков, независимо от их членства в ассоциации». С этой целью ассоциация издает 4 раза в год Информационный бюллетень о занятости, который публикует объявления об открывающихся вакансиях, а также некоторую информацию о перспективах работы в разных областях. Один из номеров 1980 г. поместил, например, 84 объявления о преподавательских вакансиях и 23 объявления о вакансиях в неучебных заведениях. Большинство из этих должностей носят временный характер: замещение ушедших в исследовательский отпуск или уехавших преподавателей. В том же номере сообщалось о том, как найти работу в системе федеральных правительственных учреждений, включая размеры заработной платы для государственных служащих разных категорий. В следующем же номере сообщалось о решении президента страны заморозить наем на работу в государственные учреждения. На два освобождающихся места будет зачисляться только один служащий¹²⁵.

Однако действия АИА по вопросам занятости историков дальше информации не распространяются, хотя еще в начале 70-х годов «новые левые» историки анализировали существо этой проблемы с достаточной проницательностью и предлагали более решительные и конкретные действия. С. Линд на заседании «Радикального кокуса» во время одного из съездов АИА обращал внимание, что около половины квалифицированных историков не имеют полной заня-

¹²⁴ АИА Perspectives, vol. 22, N 3, 1984, Mar., p. 3—4.

¹²⁵ Employment Information Bulletin, 1980, Febr., vol. 9, N 3; Ibid., 1980, Apr., vol. 9, N 4.

гости и причины безработицы связаны с вопросом, «кто осуществляет контроль над исторической профессией: слишком долго преподавание и исследовательская работа в этой области находились под контролем узкого круга лиц». Он предложил принять резолюцию с призывом об увеличении ассигнований на высшее образование и с предложением о более справедливом перераспределении преподавательской нагрузки. Некоторые из «новых левых» предлагали заняться серьезным изучением истории безработицы в контексте присущих капиталистической системе противоречий. При этом отмечалось, что «безработица отбрасывает молодых специалистов в ряды пролетариата» и историки должны защищать себя от этого процесса пролетаризации, используя стачечную борьбу против руководства академических институтов¹²⁶.

На 89-м съезде в 1974 г. АИА приняла еще одну резолюцию по вопросу о занятости историков. Отмечая, что безработные историки переживают критический период, резолюция призывала университеты и все учреждения, ассоциированные с АИА, взять под опеку всех своих выпускников, не имеющих работы, с тем чтобы они, даже оставаясь безработными, могли иметь доступ к библиотекам и архивам, совершенствовались таким образом свое профессиональное мастерство и тем самым избежали бы угрозы деквалификации. Резолюция обязывала также руководство ассоциации активизировать поиск работы для безработных историков и информировать организацию «об альтернативных возможностях занятости для представителей исторической профессии».

В самые последние годы ассоциация через свой информационный бюллетень публикует регулярно материалы о возможностях и характере работы для специалистов с историческим образованием в таких сферах, как краеведческие и музейные учреждения, издательская работа, охрана и использование памятников истории и культуры и т. п. Но, как мы уже отмечали, эти меры не в силах разрешить кризисную ситуацию на рынке труда.

В 70-е годы заметно активизировалась деятельность ассоциации в области преподавания истории. Созданный в 1974 г. при АИА отдел преподавания по новому уставу должен «содействовать совершенствованию преподавания истории в школах, колледжах и университетах». Ассоциа-

¹²⁶ Lucas J. A. Historian Conference: The Radical Needs for Jobs.—The New York Times, 1973, Mar. 12, p. 38—40.

ция провела ряд конференций по совершенствованию учебного процесса, организовала выпуск учебных фильмов и наглядных пособий. В Информационном бюллетене освещается регулярно опыт преподавания истории. АИА подготовила несколько памфлетов из новой серии в помощь преподавателям и студентам. В 1971 г. серию открыл памфлет исполнительного директора АИА П. Уорда «Элементы исторического мышления»¹²⁷. В этой брошюре автор постарался так изложить общеметодологические вопросы науки, включая современные исторические теории, что о марксистском взгляде на исторический процесс и существующей по этому вопросу литературе не было сказано ни единого слова. В этой же серии вышла брошюра об использовании кино в преподавании истории, содержащая ценные фактические сведения и методологические указания¹²⁸. Позднее издание начатой серии захирело.

Примечательным фактом в жизни ассоциации в начале 80-х годов стало более решительное обращение к обсуждению и оценке современных процессов. На пленарном заседании 96-го съезда АИА в 1981 г. была поставлена тема: «Президентство Рейгана — предварительная оценка». «Лишь общим ухудшением социально-экономической обстановки в стране и ростом напряженности в отношениях между ученым миром и окружением Р. Рейгана можно объяснить столь необычный шаг со стороны главного штаба американских историков»¹²⁹, — отмечал присутствовавший на этом съезде Н. В. Сивачев. На заседании с докладами выступили ряд авторитетных историков. Лауреат Пулитцеровской премии Дж. М. Бернс обвинил президента в том, что тот поворачивает историю «вверх ногами». Н. Хаггинс высмеял Рейгана за невежественное утверждение о том, что Америка в отличие от других стран «не знала рабства». Д. Хофф-Уилсон отметила прямую связь между незнанием истории и рискованным поведением в политике: «Гораздо легче провозглашать революцию, когда ты безграмотен в истории». И все же главное содержание дискуссии носило характер критики стиля и формы рейгановского руководства, а не сути его политики.

Важным событием в жизни ассоциации и американских историков в целом стало обсуждение и принятие на деловом собрании во время съезда 1982 г. в Вашингтоне резо-

¹²⁷ Ward P. L. Elements of Historical Thinking. Wash., 1971.

¹²⁸ O'Connor J. E., Jackson M. A. Teaching History with Film. Wash., 1974.

¹²⁹ Сивачев Н. В. На 96-м съезде..., с. 154.

люции против гонки ядерных вооружений. Предложение высказать свое отношение к наиболее жгучей проблеме современности поступило от группы антивоенно настроенных историков в виде петиции, потребовавшей не менее 100 подписей членов АИА. Обсуждение проекта резолюции происходило в острых дискуссиях при большой аудитории, напоминающей чем-то уже почти забытые после ряда лет общественной летаргии бурные собрания конца 60-х — начала 70-х годов. Принятая подавляющим большинством голосов и одобренная советом АИА, эта резолюция гласит:

«Поскольку, как профессиональные историки, мы считаем необходимым предупредить наших сограждан, что в истории нового времени все крупномасштабные накопления оружия соперничающими державами неизбежно вели к ухудшению их отношений и обычно к войне;

поскольку разработка и производство новых систем ядерного оружия для провозглашаемой цели ведения переговоров об уменьшении запасов ядерного оружия скорее приведут к дальнейшей эскалации гонки ядерных вооружений;

поскольку, по нашему мнению, любая эскалация такой гонки при нынешней обстановке подрывает возможности улучшения американо-советских отношений и несет угрозу неизбежной войны, постановляем, что Американская историческая ассоциация выступает в поддержку переговоров о сокращении ядерных вооружений с СССР и другими странами, против производства каких-либо новых систем ядерного оружия в настоящее время, как действия, противоречащего интересам нашей национальной безопасности и интересам мира, и поручает исполнительному комитету Американской исторической ассоциации довести текст этой резолюции до сведения президента Соединенных Штатов, соответствующих официальных лиц, а также граждан нашей страны»¹³⁰.

По сведениям исполнительного директора АИА С. Гэммона, текст резолюции был направлен президенту, вице-президенту, спикеру палаты представителей конгресса США, государственному секретарю, директору Агентства по контролю за вооружением и разоружением, а также передан средствам массовой информации¹³¹.

В 60—70-е годы объектом внимания АИА неоднократно становился вопрос о представительстве американских историков на международной арене, связях и сотрудничестве с

¹³⁰ АНА Perspectives, 1983, Febr., vol. 21, N 2, p. 3.

¹³¹ Интервью с С. Гэммоном 25 апреля 1984 г. — Архив автора.

учеными других стран. В преддверии XIV Международного конгресса исторических наук, который состоялся в 1975 г. в Сан-Франциско, президент АИА Л. Хэнке посвятил часть своего ежегодного обращения этой проблеме. Он указал на «ограниченность интересов американских историков», на незнание ими того, что делают по истории США ученые других стран. «Количество и качество иностранных исследований по истории США, предпринятых после второй мировой войны, вероятно, удивят многих из нас, и Американской исторической ассоциации следовало бы организовать подготовку аннотированной библиографии по данному вопросу». Что касается преподавания истории в университетах США, то оно ограничивается историей США и Европы, рассматривая другие районы мира как «объекты на периферии цивилизации». В то же время Л. Хэнке высказал и некоторое предостережение, что при расширении знаний американских историков по истории других стран «не будем ли мы пытаться подталкивать другие народы на путь, который нам кажется желательным?». «Не будет ли Американская историческая ассоциация смотреть как на помеху цивилизации на те правительства и тех историков, которые не следуют нашим путем и поэтому заслуживают осуждения в официальных резолюциях, содержащих призыв принять наше руководство в таких взрывоопасных вопросах, как гражданские права и свобода слова?» Отметив, что это сложный вопрос, на который «порядочные историки» смотрят по-разному, президент призвал своих коллег к сдержанности, посоветовав американцам «преодолевать или по крайней мере умерять и направлять в другие каналы силу того, что может быть названо их миссионерским рвением»¹³².

Следует признать, что АИА в 70-е годы действительно заметно активизировала и расширила свои международные связи, которые в прошлом ограничивались традиционными контактами с историками наиболее крупных стран Западной Европы, а также представительством в Международном комитете исторических наук (МКИН), который осуществляет подготовку международных конгрессов историков. Наиболее заметным явлением стало установление постоянных научных контактов с историками Советского Союза и других социалистических стран. Процесс этот протекал сложно, противоречиво и имел далеко не однозначную мотива-

¹³² *Hanke L. American Historians in the World Today: Responsibilities and Opportunities.*— AHA Annual Report, 1974. Wash., 1975, p. 1—23.

цию с американской стороны. В частности, некоторых деятелей ассоциации, в том числе одного из ее президентов, С. Ф. Бемиса, еще в начале 60-х годов обеспокоили активизация международных связей советских историков и историков других социалистических стран, их активное участие в научных конгрессах, растущие известность и авторитет советской историографии. В одном из писем Б. Шейферу он писал: «На последнем заседании совета я поднял вопрос, не следует ли американским ученым и ученым свободного Запада в целом более серьезно готовиться к тому, чтобы нейтрализовать научные достижения ученых за железным занавесом. Совет, кажется, не был склонен поддержать эту идею, но я продолжаю считать, что мы могли бы уравновесить коммунистические голоса путем научных докладов и комментариев, которые по числу должны быть равны тем, какими располагают наши коллеги — коммунисты»¹³³.

Стереотипы «холодной войны» в отношении исторической науки социалистических стран с трудом уступали место более трезвым и академическим подходам в вопросах научного сотрудничества и обмена историков двух различных общественно-политических систем. Фактически на протяжении всего современного периода в ассоциации боролись две тенденции: одна — консервативная, ориентированная на бойкот советских историков и недопущение каких-либо контактов с ними, другая — либеральная, признающая необходимость и даже взаимовыгодную плодотворность установления научных связей с учеными СССР и других социалистических стран. Уже к началу 70-х годов линию на сотрудничество поддерживало большинство членов АИА, о чем свидетельствует, в частности, голосование по резолюции об участии американских историков в XIII Международном конгрессе исторических наук, который проходил в 1970 г. в Москве. За участие в конгрессе тогда высказалось 1034 человека и 574 — против¹³⁴. В конечном итоге руководство АИА приняло решение об установлении более регулярных контактов с Национальным комитетом историков Советского Союза прежде всего в форме проведения один раз в два года двусторонних советско-американских коллоквиумов историков. Первый такой коллоквиум состоялся в 1972 г. в Москве, а всего за последние 12 лет их состоялось пять. По общему мнению, все эти встречи прошли

¹³³ S. F. Bemis — B. C. Shafer, Apr. 13, 1961. — Library of Congress. Manuscript Division. ANA Papers. Box 614. Executive Council, 1960—1961.

¹³⁴ ANA Newsletter, 1969, June, vol. 7, N 5, p. 6.

достаточно успешно, особенно последняя, в июне 1984 г. в г. Киеве, на которую АИА направила представительную делегацию во главе с известным историком и дипломатом Джорджем Кеннаном.

Помимо двусторонних коллоквиумов, АИА поддержала программу советско-американского сотрудничества в области применения количественных методов в истории, которая также уже имела своим результатом две научные конференции и совместную публикацию их материалов. В 1980 г. на ежегодный съезд АИА были приглашены академик С. Л. Тихвинский и Н. Н. Болховитинов для участия в обсуждении итогов работы над совместной советско-американской публикацией документов по истории русско-американских отношений. В 1981 г. в программу съезда был включен доклад Н. В. Сивачева по истории политических партий в США. Такая линия, несомненно, отвечает интересам ученых обеих стран и в целом служит взаимопониманию и нормальным отношениям между нашими народами.

Однако консервативно настроенные профессора сохраняют свои позиции в профессии и не могут не оказывать влияния на линию АИА в вопросах международного сотрудничества. На протяжении 70—80-х годов этими историками в ассоциации эпизодически вытаскивались на свет те или иные заимствованные из арсенала американской пропаганды антисоветские стереотипы и измышления, а также делались попытки подорвать имеющиеся связи и контакты. Чаще всего на вооружение брался все тот же вопрос о якобы имеющихся в СССР и других социалистических странах нарушениях прав историков. В 1970 г. Артур Шлезингер требовал от АИА «действий в защиту» несостоявшегося историка, диссидента Амальрика, на что президент Р. Палмер уклончиво ответил, что «ассоциация при имеющейся информации не может принимать каких-либо действий по Амальрику»¹³⁵. То обстоятельство, что эмигрировавший позднее из СССР Амальрик так и не получил в США никакой работы историка, уже никак не беспокоило А. Шлезингера и не вызвало никаких протестующих демаршей. В декабре 1977 г. совет АИА принял подготовленную комиссией под председательством Д. Тредголда лицемерную резолюцию в «поддержку академических свобод чешских и словацких историков». В декабре 1981 г. на ежегодном съезде во время делового собрания президент АИА Гор-

¹³⁵ R. R. Palmer — A. Schlesinger, Dec. 4, 1970.— Library of Congress. Manuscript Division. AHA Papers. Box 677.

дон Крайг выступил с крайне неубедительными «разъяснениями насчет быстрого ответа ассоциации по поводу развития событий в Польше, касающихся наших коллег»¹³⁶. В то же время за все эти годы со стороны руководства ассоциации ни разу не раздался голос в защиту безработных или преследуемых за политические убеждения (вплоть до запрета на работу) историков западных стран, хотя фактов и информации у американских историков на этот счет имеется более чем достаточно.

Одним из важных направлений международной деятельности АИА является подготовка американских историков к международным конгрессам исторических наук. Ассоциация, помимо постоянно действующей комиссии по международным связям, обычно создает в преддверии очередного конгресса комитет, который занимается подготовкой американских докладов и организацией поездки как можно более представительной делегации. Часть участников конгресса (докладчики, официальные лица, организаторы научных сессий, эксперты) получают финансовые субсидии от АИА. Так, например, подготовку к XVI международному конгрессу исторических наук, который состоится в августе 1985 г. в г. Штутгарте (ФРГ), АИА начала весной 1982 г., создав программный комитет из 13 профессоров во главе с Нэнси Релкер — специалиста по европейской истории из Бостонского университета. Члены комитета собрали более 80 заявок на доклады по заранее объявленным темам, из которых бюро МКИН отобрало девять докладов. Что касается денежных средств, то к весне 1984 г. АИА уже получила 25 тыс. долл. от благотворительного фонда компании «Эксон» на подготовку американских историков к конгрессу¹³⁷.

Кстати, компания «Эксон» совместно с федеральным министерством образования финансировала организованную АИА поездку 12 историков в Камерун летом 1982 г. Эта поездка преследовала прежде всего образовательную цель для специалистов, читающих курсы по всемирной истории, но АИА в последние годы проявляет особый интерес к установлению более регулярных контактов с историками развивающихся стран. Пока эти связи остаются крайне эпизодическими, хотя при ассоциации действует специальный комитет по американо-восточноазиатским отношениям. Он был создан после получения в 1969 г. от фонда Форда

¹³⁶ АНА Newsletter, 1978, Sept., vol. 16, N 6, p. 3; 1982, Febr. vol. 20, N 2, p. 2, 6.

¹³⁷ Интервью с С. Гэммоном 25 апреля 1984 г. — Архив автора.

142 тыс. долл. на программу развития исследований по истории стран Восточной Азии и расширение контактов с учеными этого региона. Затем в 1973 г. из этого же источника на эти же цели АИА получила еще 60 тыс. долл., что позволило организовать несколько научных конференций с участием сотен историков, а также командировать ряд специалистов в страны Восточной Азии. В 1978 г. выполнение программы фактически приостановилось, так как фонд Форда прекратил ее финансирование¹³⁸.

Укреплению международной репутации АИА служит практика избрания в ее состав почетных иностранных членов — историков, имеющих крупные научные достижения и внесших вклад в развитие американской исторической науки. После Леопольда фон Ранке почетными членами до 1906 г. были избраны немец Т. Моммзен и три англичанина, в том числе С. Гардинер. После почти 40-летнего перерыва в 1943 г. был избран итальянец Бенедетто Кроче, а в 1944 г. — еще десять зарубежных ученых, среди которых были голландец Й. Хойзинга, англичанин Дж. Тревельян, китаец Ху Син, канадец Дж. Ронг. В послевоенный период (до 1967 г.) число почетных членов достигло 25, и среди них были избраны французы П. Ренувен, Ж. Лефебр, Р. Мунье, Ж. Годшо, Ф. Бродель, Ш.-Б. Дюрозель, англичане Ч. Уэбстер, У. Черчилль, Д. Броган, Г. Баттерфильд, итальянцы М. Тоскано, Д. Кантимори, А. Момigliано, а также ученые из Индии, Японии, Мексики, Турции, Австралии, Бельгии и других стран. В 1963 г. почетным иностранным членом АИА был избран советский академик М. Н. Тихомиров, а в 1967 г. — профессор МГУ П. А. Зайончковский. В 1981 г. АИА возобновила процедуру избрания почетных иностранных членов, и была избрана группа зарубежных ученых, главным образом из Англии и Франции.

В декабре 1984 г. на съезде в Чикаго с участием большого числа иностранных гостей был отмечен 100-летний юбилей ассоциации. Значительным событием стало также начало издания научно-популярного журнала по истории «Хистори», рассчитанного на массового читателя.

¹³⁸ АНА Annual Report, 1978. Wash., 1979, p. 133—134.

6. Тихоокеанское отделение и аффилированные исторические общества

С 1903 г. в АИА действует Тихоокеанское отделение, которое объединяет историков штатов Дальнего Запада. В начале 80-х годов отделение имело около 1300 членов. Это историки — члены АИА, живущие в штатах к западу от Скалистых гор и в западных провинциях Канады. Они не платят дополнительных взносов, но по согласованию с руководством АИА часть взносов этих историков отчисляется отделению. Дополнительные взносы платят только те историки, которые проживают в других регионах страны, но желают состоять членами Тихоокеанского отделения.

Согласно уставу отделения, его цель — развитие интереса в Американской исторической ассоциации к проблемам истории Тихоокеанского побережья США и поддержка исторических исследований в этом регионе. Ежегодно в августе проходят съезды этой организации. Руководящим органом отделения является совет, который состоит из президента, вице-президента, казначея и 13 других членов. Ежегодно проводятся голосованием по почте выборы вице-президента, который через год автоматически становится президентом.

Научное лицо этой организации, круг исследовательских интересов ее членов в полной мере отражает издающийся с 1932 г. орган Тихоокеанского отделения — журнал «Пасифик хисторикел ревью»¹³⁹. Журнал этот имеет репутацию одного из лучших исторических журналов в США. На его страницах публикуются статьи преимущественно по истории Дальнего Запада США и Канады, а также истории американского экспансионизма и международных отношений в бассейне Тихого океана в XIX—XX вв. Иногда публикуются статьи по методологии и философии истории и по историографии.

Тихоокеанское отделение на протяжении всей своей деятельности старается отстаивать интересы историков западного побережья США прежде всего перед лицом долго господствовавшего в профессии северо-восточного истеблишмента. Еще в начале 60-х годов представители этой организации поставили перед руководством АИА вопрос о необходимости проводить хотя бы один раз в четыре года съезд ассоциации на западном побережье страны. «АИА да-

¹³⁹ О нем см.: *Троицкая Л. М.* «Пасифик хисторикел ревью» (1974—1981 гг.). — Новая и новейшая история, 1984, № 1.

леко позади других профессиональных обществ в вопросе признания законных потребностей своих членов, проживающих к западу от 100-го меридиана, возможно по той причине, что историки по своей природе очень консервативны», — писал член совета АИА Карл Бринденбоуг после участия в заседании руководства отделения в Сан-Хосе в августе 1961 г. В письме Б. Шейферу он сообщал о «подлинном недовольстве отношением к отделению со стороны ассоциации». «Мы просто не можем больше проходить мимо наиболее быстро растущего региона страны, который уже имеет один из двух крупнейших исторических факультетов, а также большое число активных и растущих факультетов в других учебных заведениях»¹⁴⁰.

Под эгидой АИА на правах аффилированных (примыкающих) организаций действуют 75 научных исторических обществ и ассоциаций¹⁴¹. Эти аффилированные общества платят в АИА коллективные членские взносы, которые составляют около одной трети ее бюджета. В свою очередь общества имеют право организовывать во время ежегодных съездов АИА самостоятельные научные и деловые собрания, выступать с совместными акциями организационного характера и в целом рассчитывать на поддержку общенациональной официальной организации историков. Однако аффилированные общества в значительной мере представляют собой автономные организации: они имеют собственные конституции или уставы, руководящие органы, регистрируемое членство с уплатой ежегодных взносов, большинство выпускают информационный бюллетень, а около 40 обществ имеют периодические научные издания. Менее половины обществ проводят свои ежегодные собрания во время съездов АИА, другие предпочитают созывать самостоятельные съезды, а некоторые общества проводят их в рамках ежегодных съездов Организации американских историков, которые проходят не в декабре, а в апреле. В период подготовки съезда АИА в декабре 1983 г. в Сан-Франциско программный комитет предпринял особые меры по привлечению исторических обществ к участию в работе ежегодного собрания. В итоге 32 аффилированных общества смогли организовать научные сессии или собрания.

¹⁴⁰ C. Brindenbough — B. Shafer, Oct. 9, 1961.— Library of Congress. Manuscript Division. Box 614. Executive Council.

¹⁴¹ Данные об исторических обществах получены из справочника АИА (Directory of Affiliated Societies. 1983—84. АНА. Wash., 1984) и других материалов рекламно-информационного характера.

В последние два десятилетия число и роль специализированных научных ассоциаций и обществ в американской исторической профессии заметно возросли. Достаточно сказать, что из ныне действующих при АИА 29 обществ возникли в период с конца XIX в. до конца 50-х годов XX в., а 46 — в 60—70-е годы. Особенно интенсивно процесс образования научных объединений историков протекал в 70-е годы, когда возникло около 30 обществ, примкнувших к АИА. Это отражало, на наш взгляд, два явления, имевших место в американской исторической науке. С одной стороны, вполне закономерный процесс дифференциации научных знаний в области истории и стремление специалистов близкого профиля и интересов к научным контактам и организационному единству. С другой стороны, вполне очевидно проявилось недовольство рядовой массы историков деятельностью АИА, особенно политикой ее руководства как в области научных исследований, так и в отношении к общественным проблемам. Все больше историков стали предпочитать членство в ассоциациях по более узким интересам, чем состоять в рядах общенациональной организации, а также собираться на небольшие научные собрания коллег-специалистов, чем проводить время на многочисленных и не всегда плодотворных с научной точки зрения съездах АИА. Только часть историков сохраняют свое членство одновременно в АИА и в одном или даже нескольких научных объединениях, примыкающих к АИА или же действующих самостоятельно. Так, например, 27% членов другой общенациональной организации историков — ОАИ — одновременно являются членами АИА. Примыкающее к АИА Общество истории науки имеет только около 10% своих членов в составе АИА. В настоящий момент, по данным, сообщенным исполнительным директором АИА Сэмюелем Гэммоном, членами различных научных обществ и организаций историков в США состоит около 70 тыс. человек, но реально это означает существование примерно 40 тыс. историков¹⁴².

Появление большого числа специализированных научных объединений историков стало одной из причин уменьшения общей численности общенациональной организации: далеко не все могли позволить себе платить ежегодные взносы сразу в несколько организаций. Уход многих историков в мелкие общества, предпочтение исследователями более камерных, узкоспециализированных форм научного

¹⁴² Интервью с С. Гэммоном 25 апреля 1984 г. — Архив автора.

общения и организации означает в целом процесс дальнейшей дефрагментации некогда более или менее цельной в организационном плане американской исторической науки.

Мы не имеем возможности детально охарактеризовать деятельность хотя бы части специализированных научных обществ историков и ограничимся только их краткой общей характеристикой. Эти общества сильно отличаются между собой по своим масштабам, целям и характеру деятельности. Только девять обществ при АИА имеют от 3 до 5 тыс. членов. Причем самые крупные из них носят скорее просветительский, а не строго научный характер. Основанное в 1966 г. Викторианское общество Америки (5,5 тыс. человек) ставит перед собой цель не столько изучения, сколько пропаганды и сохранения американского историко-культурного наследия прошлого столетия. Общество издает ежемесячный журнал «Викториен» и кварталный — «Найнтинс сэнчурри». Деятельность Исторической организации военно-воздушных сил (5 тыс. человек, основана в 1953 г.) направлена на поддержку исследований и пропаганду истории авиации, прежде всего военной авиации США. Организация издает кварталный журнал «Аэроспейс хисториен», а также книги преимущественно историко-биографического характера. Цель Общества историков архитектуры (4,6 тыс. человек, основано в 1940 г.) — «изучение истории градостроительства и сохранение архитектурного наследия по всему миру». Не менее широко формулирует свою цель Ассоциация народной культуры (3 тыс. человек, основана в 1970 г.): «Изучение народной культуры в ее самом широком понимании без исторических или географических рамок и без каких-либо методологических ограничений». Общество истории науки (3 тыс. человек, основано в 1965 г.) имеет своей главной целью «накопление и распространение знаний по истории различных наук с древнейших времен до сегодняшнего дня, включая их меняющиеся институционные основы, их взаимосвязи с техникой, религией, образованием и правительством, а также их влияние на общество».

Из самых крупных обществ, пожалуй, только Ассоциацию эконоимической истории (3750 человек, основана в 1940 г.) можно назвать строго научной организацией. Свою цель она определяет как «поддержку исследования и преподавания истории экономической деятельности и экономической мысли» и ее кварталный «Джорнел оф икономик хистори» имеет солидную международную репутацию в научных кругах.

Среди обществ меньшего масштаба (от 1 до 3 тыс. членов) имеется целый ряд известных в американской исторической науке объединений: Западная историческая ассоциация (2300 человек, основана в 1961 г.) с ее периодическими изданиями «Америкен уэст» и «Уэстерн хисторикел куотерли»; Американское общество истории церкви (1570 человек, основано в 1888 г.) с кварталным журналом «Черч хистори», Общество аграрной истории (1500 человек, основано в 1919 г.) с кварталным журналом «Агрикалчерэл хистори», Американский военный институт (1155 человек, основан в 1933 г.) с кварталным журналом «Милитари афферс», Американская католическая историческая ассоциация (1100 человек, основана в 1919 г.) с кварталным журналом «Католик хисторикел ревью».

Историческими обществами среднего размера можно считать те, в составе которых примерно от 500 до тысячи членов. Таких обществ к АИА примыкает 16, среди которых также есть вполне авторитетные и солидные объединения. Американская ассоциация истории медицины, основанная в 1925 г., имеет в своем составе 950 членов и издает кварталный журнал «Буллетин оф зе хистори оф медисин». Мормонская историческая ассоциация (900 человек, основана в 1965 г.) поддерживает научные изыскания и осуществляет публикаторскую деятельность по истории секты мормонов, издает ежегодник «Джорнел оф мормон хистори». Столько же членов насчитывает действующее с 1967 г. Общество историков американской внешней политики, издающее кварталный журнал «Дипломэтик хистори». Конференция по латиноамериканской истории, основанная в 1926 г., имеет 830 членов и своей деятельностью способствует исследованию и преподаванию в США истории стран Латинской Америки. В 1977 г. было создано Общество историков ранней американской республики, ныне объединяющее 820 специалистов по истории США периода 1789—1848 гг. и имеющее свой орган — «Джорнел оф еали рипаблик». С 1974 г. действует Ассоциация историков-античников (600 человек).

Среди этой же категории обществ среднего масштаба имеются объединения историков страноведческого или иммигрантоведческого характера: Американский комитет ирландских исследований (800 человек, основан в 1958 г.), Североамериканская конференция британских исследований (650 человек, основана в 1951 г.), Историческая ассоциация польских американцев (600 человек, основана в 1942 г.), Общество итальянской истории (700 человек, основано в

1863 г.), Историческая ассоциация итальянских американцев (500 человек, основана в 1966 г.), Общество французской колониальной истории (500 человек, основано в 1974 г.).

И, наконец, самую многочисленную группу составляют объединения историков, насчитывающие в своих рядах от 50 до 500 человек. Эти «карликовые» общества, как правило, не имеют собственных периодических изданий, их деятельность ограничивается ежегодными собраниями и эпизодическими конференциями. Цели и предметная область таких обществ самые различные, и порой даже трудно найти какое-либо разумное объяснение их существованию. В ряде случаев их создание — результат энергичной инициативы отдельных личностей, а чаще всего — результат целенаправленных акций политико-идеологического или просто престижного характера со стороны определенных кругов в академической среде. Некоторые группы созданы и существуют исключительно для организации небольших научных собраний во время ежегодных съездов АИА. Например, целью Конференции по славянской и восточноевропейской истории (100 человек, основана в 1956 г.) является «развитие интереса к славянской и восточноевропейской истории среди членов АИА путем организации объединенного заседания и встречи за обедом во время ежегодного съезда АИА». Целью Конференции по азиатской истории (50 человек, основана в 1953 г.) является «обмен информацией об Азии на основе континентального подхода, организация ежегодного обеда во время съезда АИА».

При всей внешне декларируемой «академической свободе» в рядах американской исторической профессии и «открытости» главной общенациональной организации для историков разных взглядов и научных направлений уже сам перечень примыкающих к АИА исторических обществ вызывает ряд довольно серьезных вопросов. Среди этих обществ фактически нет ни одного объединения прогрессивно мыслящих историков и даже таких, чье общественное лицо можно определить как «левее центра». Для примера достаточно назвать такие организации, как Среднеатлантическая радикальная историческая организация (МАРХО), издающая уже около 10 лет три раза в год интересный журнал «Радикал хистори ревью» и много сделавшая для пропаганды марксистских взглядов среди историков США, или же Историческое общество американских индейцев, созданное в Сан-Франциско в 1964 г. и издающее журнал «Индиен хисториен». Публикации этого общества направлены на

восстановление исторической правды о судьбе коренных жителей Соединенных Штатов. В то же время под эгидой АИА достаточно свободно действуют весьма сомнительные не только с точки зрения научной репутации, но даже элементарной морали и здравого смысла объединения и общества. Например, в перечне аффилированных исторических обществ значится Комитет по истории лесбиянства и гомосексуализма, созданный в 1978 г. и насчитывающий 120 членов. К этой же категории можно отнести и некоторые из довольно многочисленных групп, создаваемых представителями иммигрантских и клерикальных кругов.

По нашим подсчетам, из 75 примыкающих к АИА обществ 11 так или иначе образованы и действуют на иммигрантоведческой основе. Среди них есть вполне солидные объединения. Это, например, Общество истории иммиграции (600 человек, основано в 1965 г.), которое ставит своей целью «развитие исторических исследований иммиграции в США и Канаде и этнических групп, сложившихся и существующих в результате этой иммиграции». Общество издает журнал «Джорнел оф америкен этник хистори». Помимо этих довольно известных организаций, за спиной которых стоят старые и многочисленные иммигрантские общины США (итальянцев, ирландцев, шотландцев и др.), при АИА зафиксировано существование таких групп, о научной деятельности которых трудно сказать что-либо определенное. Украинская историческая ассоциация (380 человек, основана в 1965 г.) претендует на поддержку исследований по истории Украины и истории украинцев в США, издавая кварталный журнал «Юкрэйннен хисториен», известный своими антисоветскими публикациями крайне низкого научного уровня. С 1971 г. в США существует официально инкорпорированная Ассоциация по изучению национальностей в СССР и Восточной Европе (325 человек), цель которой «играть ведущую роль в качестве инициатора по развитию интереса среди ученых, студентов и обычной публики к глубокому изучению и знанию проблемы национальностей в СССР и различных меньшинств в странах Восточной Европы». В 1970 г. была создана Американская ассоциация изучения венгерской истории, насчитывающая 180 человек, в 1975 г. — Конференция чехословацкой истории, в которой числится всего 50 членов.

Можно вполне определенно сказать, что ни одно из последних обществ не добавило престижа и авторитета американской исторической науке. Зато довольно часто на различных международных конгрессах и конференциях с уча-

ствием ученых-историков из социалистических стран от имени этих организаций появляются всевозможные низкопробные памфлеты, брошюры или листовки, призванные представить в искаженном свете состояние исторических исследований и положение историков в этих странах.

Еще одна примечательная характеристика исторических обществ — наличие довольно большого числа объединений, так или иначе связанных с религией. Помимо уже названных католической и мормонской исторических ассоциаций и Американского общества истории церкви, при АИА действует еще по меньшей мере не менее пяти аналогичных обществ. С 1964 г. действует Конференция по вере и истории (600 человек), цель которой — «способствовать христианским исследователям вырабатывать взаимосвязь их верований с историческими изысканиями», в 1978 г. оформилось Историческое общество унитариев-универсалистов (450 человек), «поддерживающее изучение истории либеральной религии», в 1972 г. создана Ассоциация историков-адвентистов Седьмого дня (125 человек). Невозможно представить себе, как можно соединять процесс научного познания, современный уровень профессиональных исторических исследований с религиозными догмами, а тем более с обскурантистскими постулатами адвентистов! Однако, судя по всему, такой вопрос не ставится и даже не обсуждается в среде профессиональных историков США.

При АИА действует также ряд научных комитетов и комиссий, которые являются американской частью международных комиссий, аффилированных при МКИИ. Это, в частности, Американский комитет по истории второй мировой войны (240 человек, основан в 1967 г.), Североамериканская секция Международной комиссии по истории представительных и парламентских институтов (65 человек, основана в 1933 г.). Американская комиссия по военной истории (150 человек, основана в 1973 г.). Их задача — обеспечение участия американских историков в заседаниях комиссий во время международных конгрессов исторических наук, а также в научных мероприятиях, организуемых международными комиссиями самостоятельно в период между конгрессами.

Трудно определить, какие именно исторические общества оказываются аффилированными с АИА и какие все же предпочитают сохранять полную самостоятельность и не связывать свою деятельность с официальной организацией американских историков. По крайней мере, ряд крупных научных объединений и ассоциаций также общенационального характера существует в исторической науке США, и, более

того, некоторые из них в последние годы вполне успешно оспаривают у АИА роль своего рода «зонтичной» организации для всех объединений историков. Это, в частности, относится к Организации американских историков. Предпочитает сохранять полную самостоятельность Южная историческая ассоциация, издающая научный журнал «Джорнел оф саузерн хистори» и созывающая собственные ежегодные съезды. С 1976 г. начала самостоятельное существование Ассоциация социальной истории с ее уже завоевавшим авторитет журналом «Сошиэл хистори».

Особо следует сказать об Ассоциации по изучению афроамериканской жизни и истории, организованной в 1915 г. в Чикаго выдающимся негритянским историком Картером Вудсоном. Задачи этой ассоциации: развитие исторических исследований и публикация их результатов; поддержка изучения и преподавания истории негров в школах, колледжах, клубах и пр.; собирание исторических материалов и пропаганда историко-культурного наследия черных американцев. В то же время Ассоциация по изучению афроамериканской жизни и истории действует в качестве одной из головных организаций в движении американских негров за гражданские права. Созываемые ею ежегодные съезды собирают до 3 тыс. участников. С 1926 г. ассоциация проводит ежегодные недели афроамериканской истории. Широкой известностью в научных кругах пользуются издаваемые ею «Джорнел оф нигроу хистори» (выходит ежеквартально с 1916 г.) и «Буллетин оф нигроу хистори» (выходит один раз в два месяца с 1937 г.).

Большим влиянием и известностью в США пользуется Американская ассоциация местной истории (ААМИ). Эта общественная, полупрофессиональная организация общенационального характера была основана в 1940 г. с целью поощрения и содействия развитию местной истории. Первоначально она создавалась исключительно в интересах исторических обществ и музеев США и Канады, но в последние годы, когда число индивидуальных и коллективных членов превысило 6 тыс., ассоциация расширила сферу своей деятельности. Согласно конституции, ее цели включают содействие отдельным личностям и организациям, интересующимся американской местной историей, координацию действий и обмен информацией о разного рода деятельности местных исторических учреждений, подготовку специальных изданий и методической литературы, сотрудничество со средствами массовой информации и другими институтами в деле пропаганды исторических традиций и сохранения культурного

наследия. Состав ААМИ самый разный: работники музеев, местные историки и архивисты, краеведы, реставраторы и архитекторы, студенты.

Орган ассоциации — ежемесячный журнал «Хистори ньюс», тираж которого около 80 тыс. экземпляров. Кроме этого, ААМИ издает литературу научно-методического и справочного характера. К началу 80-х годов вышло в свет более 50 книг, в том числе пособия по музейной работе, хранению и реставрации звукозаписей и фотоматериалов, а также периодически обновляемый путеводитель по историческим обществам и учреждениям США и Канады, в последнем издании которого содержатся сведения о 4442 обществах и учреждениях.

ААМИ оказывает консультативную помощь практическим работникам, организуя ежегодно при штаб-квартире в г. Вустере несколько тематических семинаров и направляя специалистов-консультантов на места. К началу 80-х годов в 118 семинарах повышали свою квалификацию около 2,5 тыс. человек и консультативная помощь была оказана 275 организациям. Из крупных проектов научно-исследовательского характера следует отметить изданную под эгидой ААМИ в связи с 200-летием США 50-томную серию по истории американских штатов.

Все это позволяет говорить о том, что в современной исторической науке США существует довольно сложная структура и иерархия профессиональных организаций. Ни одна из исторических ассоциаций не может претендовать на безраздельное представительство американских историков. Американская историческая ассоциация, как самая многочисленная и единственная, имеющая хартию от конгресса США, сохраняет свои позиции самой главной профессиональной научной ассоциации общенационального масштаба. За ней остается право представительства американских историков перед федеральным правительством и на международной арене, прежде всего в Международном комитете исторических наук. В целом же деятельность АИА в последние два десятилетия отразила процесс дезинтеграции профессии, ослабления организационных основ исторической науки в США.

ОРГАНИЗАЦИЯ
АМЕРИКАНСКИХ ИСТОРИКОВ

Американская историческая ассоциация (АИА) вместе с примыкающими к ней организациями уже на протяжении 100 лет осуществляет роль главного представителя профессиональных интересов американских историков. Но это лидерство самым серьезным образом оспаривается в последние годы другой, уже не менее многочисленной и активной профессиональной ассоциацией общенационального характера — Организацией американских историков (ОАИ). В советской литературе об этой организации до сих пор не было каких-либо публикаций, и мы остановимся на характеристике ОАИ несколько подробнее.

1. История создания

В октябре 1907 г. в г. Линкольне (Небраска) на встрече семи руководителей исторических обществ штатов Канзас, Миссури, Айова и Небраска было принято решение о создании Исторической ассоциации долины Миссисипи (ИАДМ). Инициатором этой встречи был секретарь исторического общества штата Небраска Кларенс Пэйн. В декабре 1907 г. во время ежегодного съезда АИА в г. Мэдисоне состоялось первое заседание исполнительного комитета новой организации, на котором были сформулированы довольно скромные задачи организации: установить связь со всеми историческими обществами долины Миссисипи, публиковать материалы этих обществ, а также библиографию по истории¹. Несмотря на то что начало организации положили активисты исторических обществ, очень быстро ведущие позиции перешли к университетским преподавателям-историкам. ИАДМ стала объединением специалистов, занимающихся преимущественно историей региона долины Миссисипи².

¹ *Aeschbacher W. D. The Mississippi Valley Historical Association, 1907—1965.*— *JAHR*, 1967, Sept., vol. 54, N 2, p. 340.

² О первых годах деятельности ассоциации см. также: *Sellers J. L. Before We Were Members.*— *Mississippi Valley Historical Review*, 1953, June, vol. 40, p. 3—24. (Далее: *MVHR*).

В 1914 г. организация начала издавать научный журнал «Миссисипи вэлли хисторикел ревью», в котором также печатались материалы главным образом по истории западных штатов. На этих материалах лежала печать сильного влияния тернеровской теории «подвижной границы» и тематика истории передовой черты поселений («фронтира») была самой популярной и преобладающей. Что касается членов ассоциации, то это были в подавляющем большинстве местные историки, хотя со временем появились представители других штатов. Однако долгое время негласным правилом было избирать руководство ассоциации и редактора журнала только из историков региона долины Миссисипи³.

Первые два-три десятилетия ИАДМ была немногочисленной, но постепенно ее ряды увеличиваются: в 1908 г. в ней насчитывается 80 членов, в 1917 г.— 667, в 1927 г.— 921, в 1939 г.— 1118, в 1947 г.— 1470, в 1957 г.— 3119 членов⁴. Эти данные включают как индивидуальное членство, так и коллективное. В 1957 г. индивидуальных членов было 1800, а остальные составляли коллективные подписчики журнала (исторические факультеты, библиотеки, музеи, общества и пр.).

В первые годы главной и, пожалуй, единственной формой деятельности ассоциации были ежегодные съезды, на которые редко собиралось более 100 человек. На съезде выступали с докладами, устраивали скромный обед, на котором обменивались тостами, новостями и слухами. Как вспоминает один из первых исполнительных секретарей ИАДМ, Томас Кларк, в 1928 г., когда он познакомился с работой ассоциации, это была «приятная, если даже не веселая, компания живших по соседству интеллектуалов, работающих на „общем научном винограднике“»⁵.

Историческая ассоциация долины Миссисипи не желала вмешиваться в социальные проблемы окружающего мира и всячески стремилась отгородиться от таких острых вопросов тогдашней американской действительности, как расовая сегрегация и дискриминация. Ассоциация проводила съезды в городах Луисвилл или Мемфис, не особенно заботясь о том, что части ее членов — историкам негритянского происхождения — запрещалось селиться в отелях и присутст-

³ Billington R. A. From Association to Organization: The OAH in the Bad Old Days.— JAH, 1978, June, vol. 65, N 1, p. 75; Aeschbacher W. D. Op. cit., p. 343.

⁴ Aeschbacher W. D. Op. cit., p. 349—350.

⁵ Clark Th. O. Our Roots Flourished in the Valley.— JAH, 1978, June, vol. 65, N 1, p. 85.

зовать на научных заседаниях. Не волновали руководство трудоустройство и оплата труда историков, подготовка кадров и т. п. Как заметил один из патриархов этой ассоциации и ее многолетний руководитель Рэй Биллингтон, делом историков в те дни было «писать историю реформ, а не быть их инициатором»⁶.

По мере роста ассоциации менялись ее роль и место среди американских историков. Она все больше становилась общенациональным объединением специалистов по отечественной истории. Важные перемены принесла вторая мировая война, когда обнаружилось слабое знание американскими гражданами истории своей страны, что в свою очередь проявлялось в недостатке патриотических настроений в годы серьезных военных испытаний. Именно тогда ассоциация впервые в своей деятельности вышла за сугубо научные и региональные рамки. Была создана совместно с АИА комиссия по изучению состояния преподавания американской истории в школе, и доклад этой комиссии был обнародован в 1944 г.⁷

В военные и первые послевоенные годы руководство ассоциации оставалось на консервативных позициях, сохраняло политическую инертность. Например, в 1942 г., когда уже появились первые признаки маккартизма, руководство отменило проведение съезда в Канзас-Сити, так как местный университет был занесен в черные списки политически неблагонадежных учебных заведений. Однако следует заметить, что в эти же годы ассоциация приняла ряд резолюций, осуждавших деятельность комитета по расследованию антиамериканской деятельности и маккартистские гонения⁸.

50-е годы стали переломными в истории ассоциации: перед ней остро встали вопросы обновления устаревших структуры и программы, а самое главное — определения твердой позиции по вопросам расовой дискриминации и маккартизма. Инициатором радикальных перемен выступила небольшая группа историков во главе с Мерлом Курти, Говардом Билем и Полом Гейтсом. Именно они, как пишет Р. Биллингтон, в 1950 г. начали «пятилетнюю войну», когда Чарлз Баркер из Университета Джонса Гопкинса потребовал на деловом собрании ассоциации высказаться против принятия присяги на лояльность, которую руководство

⁶ *Billington R. A. Op. cit.*, p. 78.

⁷ *American History in Schools and Colleges* / Ed. by E. Wesley. N. Y., 1944.

⁸ *Clark Th. D. Op. cit.*, p. 91—93.

Калифорнийского университета установило для преподавателей. Такая резолюция протеста в поддержку тех, кто отказался принимать присягу на лояльность, была принята членами ассоциации в 1951 г.⁹

Весной 1951 г. Мерл Курти, избранный на год президентом ассоциации, объявил членам исполнительного комитета, что он не будет зачитывать президентское послание на очередном съезде, если в зале не смогут присутствовать все члены ассоциации. Это решение отвечало настроениям значительной части рядовых членов, подвергавших критике руководство ассоциации за принятие приглашения от Тюлейнского университета из Нового Орлеана.

Исполком ассоциации не смог выработать единую позицию по данному вопросу, и была назначена специальная комиссия во главе с деканом одного из колледжей Ч. Уиттке, которой поручалось выработать решение в отношении политики сегрегации, которое отвечало бы мнению большинства членов ассоциации¹⁰.

После долгих дискуссий было решено перенести съезд 1952 г. в Чикаго, где расовая сегрегация не была столь открытой. 12 апреля на заседании исполкома секретарь ассоциации Т. Кларк зачитал, как его просил Уиттке, «скучным, монотонным голосом» доклад комиссии. Доклад содержал рекомендацию, чтобы ассоциация больше не принимала приглашений на проведение съездов в городах и отелях, где будет иметь место дискриминация кого-либо из членов ассоциации. Члены исполкома отвергли это предложение и одобрили менее решительную политику по отношению к расовому вопросу¹¹. Однако впервые на съезде президентом ассоциации не был избран представитель южных штатов: им стал профессор Фред Шэннон из Иллинойса, резко настроенный против расовой сегрегации.

Съезд 1953 г. собрался в южном городе Лексингтоне, но исполнительный секретарь дал заверение, что все члены ассоциации будут обслуживаться в отеле одинаково. А тем временем внутри ассоциации продолжалась острая дискуссия, завершившаяся в апреле 1954 г. голосованием ее членов по почте. 673 человека против 567 высказались за проведение последовательной политики десегрегации всей деятельности ассоциации, включая места и условия проведения ежегодных съездов. 23 апреля, менее чем за месяц до знаменитого решения Верховного суда США по делу

⁹ Billington R. A. Op. cit., p. 79.

¹⁰ Historical News and Comments.— MVHR, 1951, June, vol. 38, p. 154.

¹¹ Clark Th. D. Op. cit., p. 94.

«Браун против министерства образования», результаты голосования были одобрены на общем собрании во время съезда в г. Мэдисоне ¹². Таким образом, по важнейшему вопросу общественной жизни США рядовые члены организации оказались настроенными более демократично, чем руководство, занявшееся длительными дискуссиями.

Линия на десегрегацию осуществлялась с трудом. Не все отели городов южных штатов были готовы предоставить свои услуги для проведения съездов организаций, которые занимали твердую позицию равенства по отношению к своим членам. По свидетельству Т. Кларка, его переговоры о проведении съезда в Лексингтоне закончились отказом одного владельца отеля обслуживать черных и согласием другого, решившего попытаться сделать первый шаг по десегрегации своего заведения ¹³.

Следующим этапом по демократизации организации была реформа порядка выборов руководящих органов. Дело в том, что с момента основания организации все ее президенты входили в состав исполкома пожизненно. Председателем исполкома обычно был экс-президент, который, по словам Р. Биллингтона, занимал этот пост ряд лет «как настоящий царь» ¹⁴, и вся система была построена так, что исполком назначал комиссию по выдвижениям, а та в свою очередь выбирала новых членов исполкома и других комиссий.

«Реформаторы» во главе с историком Полом Гейтсом добились в 1955 г. отмены авторитарной системы руководства ассоциацией. Бывшие президенты должны были выходить из состава исполкома по истечении шестилетнего срока, а комиссия по выдвижениям, избираемая всеми членами, — отбирать пары кандидатов на вакансии в исполкоме и в комиссии по выдвижениям для голосования их всеми членами ассоциации.

Еще одним назревшим шагом было изменение названия организации. Историческая ассоциация долины Миссисипи к 50-м годам фактически перестала быть узкорегionalным объединением историков. Ее члены занимались различными проблемами истории США и преподавали на исторических факультетах во всех регионах страны. Прочную популярность завоевал и журнал, как главное научное периодическое издание по проблемам отечественной истории. Однако

¹² Report of the Secretary-Treasurer for the Year 1953—1954.— MVHR, 1954, Sept., vol. 41, p. 391—392.

¹³ Clark Th. D. Op. cit., p. 96.

¹⁴ Billington R. A. Op. cit., p. 83.

в 1951 г. попытка изменить название путем опроса членов ассоциации закончилась провалом.

В первой половине 50-х годов, которые один из лидеров ассоциации назвал «недобрыми старыми временами», процесс относительной демократизации лишь только начинался, сопровождаясь острыми коллизиями между различными группами историков и личными конфликтами. Р. Биллингтон так вспоминал об этих днях: «Они были утомительными и волнующими — эти собрания комитетов начала 50-х годов. Но когда я смотрю на них сейчас, я едва ли могу их называть „старыми добрыми временами“. Что было хорошего в тех спорах, когда разум уступал место эмоциям, а старые друзья ополчались друг против друга? Какое удовольствие можно было найти в том, чтобы слушать, как всеми уважаемые ученые утверждали, что изменение названия ассоциации позволит восточному истеблишменту захватить над ней контроль, или что нам следует пренебречь правами наших нескольких черных коллег, чтобы остальные могли наслаждаться сытой жизнью Нового Орлеана, или что демократические порядки могут лишиться старую гвардию их права управлять? Старые добрые времена должны быть прокляты, сказал я себе, когда перечитал записи тех лет»¹⁵.

2. От регионального объединения к общенациональной ассоциации

Внутренняя перестройка ассоциации и превращение ее в общенациональное объединение историков завершились в 60-е годы. В 1963 г., отслужив годичный президентский срок, председателем исполкома на шесть лет был избран Рэй Биллингтон, а занимавший этот пост предыдущие шесть лет Томас Кларк был назначен председателем вновь созданной комиссии по вопросу о будущем ассоциации. Первым шагом комиссии было предложение изменить название журнала на более точное и более широкое — «Джорнел оф америкен хистори». Это предложение было одобрено исполкомом, и с июня 1964 г. журнал стал выходить под новым названием, сохранив свою эмблему — рисунок плывущего по реке парохода. Местопребыванием редакции журнала стал Индианский университет (г. Блумингтон).

Не менее настоятельной была необходимость изменить название ассоциации — старое совсем не отвечало ее изменившейся сути, а к тому же становилось все более непопу-

¹⁵ Ibid.

лярным в разгар движения за десегрегацию. Т. Кларк вспоминал следующие любопытные обстоятельства из истории переименования ассоциации на съезде в Кливленде в апреле 1964 г.: «Перед тем как появиться перед исполнительным комитетом, мне еще раз понадобилось ублажить свою разыгравшуюся язву, и я зашел в кафетерий недалеко от входа в Хилтон-отель. Я услышал как один официант спрашивал другого: „Что это за Историческое общество Миссисипи устроило свое собрание в Кливленде?“ Это было время, когда штат Миссисипи и особенно его губернатор Фосс Барнетт предавались всеобщей анафеме сторонниками десегрегации»¹⁶.

Аргументы Т. Кларка, в том числе пересказ слышанного в кафе, убедили руководство изменить старое название на новое — Организация американских историков (ОАИ).

Эта давно назревшая перемена сказалась положительно: ряды ОАИ стали быстро расти (70—80 новых членов каждую неделю), и к началу 1966 г. численность ОАИ достигла почти 11 тыс. человек. «В одно мгновение ОАИ стала крупнейшим обществом, по численности приближающимся к АИА, а также с задачами и проблемами, которые могут сравниться с теми, что уже стоят перед Вами», — писал Р. Биллингтон исполнительному директору АИА Полю Уорду¹⁷.

Действительно, вопрос о связях двух крупнейших исторических ассоциаций был первостепенной важности. «Следует ли ОАИ отказаться от своей ответственности и позволить АИА взять руководство в вопросах политики, касающихся всей исторической профессии? Следует ли ей действовать независимо от АИА, разрабатывая свои собственные программы и конкурируя с последней в сфере как финансовых ассигнований, так и поддержки со стороны общественности? — был поставлен вопрос в письме Р. Биллингтона на имя П. Уорда. — Я думаю, мы согласимся, что ни одна из этих альтернатив не может нас устроить... Ясно, что идеальный курс — это сотрудничество, в котором мы выработаем некую формулу, позволяющую нам представлять единый исторический фронт перед общественностью, правительством и фондами. Остается только вопрос: как этот единый фронт должен быть достигнут?»¹⁸.

¹⁶ *Clark Th. D. Op. cit.*, p. 103.

¹⁷ R. A. Billington — P. L. Ward, Febr. 29. 1966. — The Henry Huntington Library (San Marino). R. A. Billington's Papers.

¹⁸ Ibid.

Как одну из конкретных форм сотрудничества руководство ОАИ предлагало совместные акции по наиболее злободневным проблемам, затрагивающим всех американских историков или же историческую науку в целом.

Аналогичное послание тому же адресату (П. Уорду), хотя и в несколько более осторожной форме, было направлено президентом ОАИ Томасом Кохрэном: «Мне представляется, что отношения между двумя организациями в настоящий момент не могут быть оформлены как-то в законодательной форме на будущее. ОАИ выросла так быстро, что потребуется время, чтобы оценить интересы и позиции ее новых членов. Подлинно национальный масштаб организации также потребует некоторых переосмыслений и со стороны старых членов. В свете этих неизвестных факторов я думаю, что нам следует иметь объединенную комиссию двух организаций, которая будет следить за развитием ситуации и время от времени давать рекомендации руководствам обеих ассоциаций. Другими словами, я думаю, что политика должна вытекать из ситуации и что главная забота — это чтобы руководство обеих организаций было в курсе возникающих проблем»¹⁹.

Такого объединенного органа, координирующего действия двух организаций, создано не было. Но по отдельным конкретным случаям совместные действия ОАИ и АИА наладить удалось. Уже в марте 1966 г. совет АИА одобрил резолюцию по созданию объединенной комиссии историков в защиту одного из коллег — доктора Сильвестра Стевенса, против которого было возбуждено частным лицом судебное дело по обвинению в искажении исторических фактов. Речь шла об иске дочери одного из местных политических деятелей автору книги по истории Пенсильвании, в которой якобы содержались «полностью фальшивые, скандальные и оскорбительные оценки» ее отца²⁰.

Американская историческая ассоциация предлагала ОАИ выступить в защиту С. Стевенса, ибо данный вопрос затрагивал основополагающие права историков на объективное изложение и оценку описываемых ими событий. ОАИ в данном случае решительно выступила в пользу обвиняемого коллеги, и в конечном итоге дело было выиграно.

Совместно действовали две ассоциации и в вопросе о преподавании истории в школах и вузах. В октябре 1966 г. руководство ОАИ предложило АИА образовать комиссию,

¹⁹ Th. C. Cochran — P. L. Ward, Mar. 23, 1966.— Ibid.

²⁰ Об этом подробнее см.: P. L. Ward — W. D. Aeschbacher, Mar. 21, 1966.— Ibid.

которая выработала бы рекомендации, какими должны быть программы и содержание преподавания истории в различных образовательных институтах²¹. Такая комиссия была создана и действует по сегодняшний день.

Пожалуй, самым многообещающим шагом в деле утверждения организации в качестве общенациональной были попытки ее руководства установить регулярные отношения с американским правительством на основе учреждения при Белом доме постоянной должности официального историка. Эта идея исходила от профессора Техасского университета Джо Франца, ему она была в свою очередь подсказана примером Эрика Голдмена, историка по образованию, автора известной книги о послевоенном десятилетии. «Почему бы научной общине не быть представленной среди советников президента Джонсона? Почему бы при президенте не быть специалисту по американской истории, который обеспечивал бы порой так недостающую историческую глубину в рассмотрении и решении вопросов?» — так был поставлен впервые вопрос в разговоре Джо Франца с редактором журнала «Джорнел оф америкен хистори» Мартином Риджем²².

Узнав после предварительной консультации, что президент проявил интерес к такому предложению, председатель исполнительного комитета ОАИ Р. Биллингтон направил президенту организации Томасу Кохрэн письмо с призывом к срочным действиям. «Имеются два основных вопроса. Первый: если такому назначению суждено осуществиться, будет ли ОАИ давать на него свою официальную санкцию? Второй: если мы с этим согласимся, какие фамилии предлагать? Эти люди по крайней мере должны в определенной степени симпатизировать программам президента, что, к сожалению, сразу же исключает из рассмотрения многих наших лучших молодых людей», — писал Р. Биллингтон²³.

В течение одной недели Т. Кохрэн, Р. Биллингтон и У. Эшбакер согласовали шесть кандидатур историков, занимающихся исследованием политической истории США новейшего периода, которых можно было бы рекомендовать для работы в Белом доме²⁴. Причем было решено не ставить пока в известность руководство АИА о предпринимаемых шагах, пока штат президента не запросит список имен²⁵.

²¹ R. A. Billington — P. L. Ward, Oct. 21, 1966.— Ibid.

²² R. A. Billington — Th. C. Cochran, Dec. 9, 1966.— Ibid.

²³ Ibid.

²⁴ R. A. Billington — M. Ridge, Dec. 14, 1966.— Ibid.

²⁵ M. Ridge — R. A. Billington, Dec. 21, 1966.— Ibid.

3 января 1967 г. Р. Биллингтон направил в Белый дом на имя президента Л. Джонсона письмо: «Я пишу Вам как председатель исполнительного совета Организации американских историков (профессиональная ассоциация преподавателей и ученых по истории Соединенных Штатов) с предложением на Ваше рассмотрение.

До своей отставки с должности пресс-секретаря Уильям Мойер сообщил члену нашей ассоциации, что Вы можете быть заинтересованы во включении в штат Белого дома профессионального историка. Подготовленный наблюдатель, облеченный Вашим доверием, мог бы зафиксировать историю Вашей администрации лучше всяких официальных документов. Такая фиксация имела бы неоценимую значимость для исследователей и обеспечила бы более точную интерпретацию Вашего многостороннего вклада в развитие нашей страны. Постоянный историк мог бы быть также полезен для Вас при подготовке речей и документов.

Я пишу Вам сейчас, чтобы заверить в поддержке такого назначения со стороны всей нашей профессии и сообщить о готовности руководства Организации американских историков представить список полдюжины историков, которые могли бы подойти для такой должности, если Вы того пожелаете»²⁶.

Насколько нам известно, попытка ОАИ установить постоянный контакт с Белым домом закончилась безрезультатно. От Л. Джонсона ответа не поступило. Более того, через А. Невинса стало известно, что президент уже имеет в своем штате некоего Ральфа Ньюмена, которому поручено собирать и регистрировать все материалы администрации Джонсона. Расстроенный Р. Биллингтон писал по этому поводу У. Эшбакеру: «Мне нравится Ральф и я уважаю его, но нельзя, учитывая его научные интересы, степень уважения, которым он пользуется среди историков, его разбросанность и его характер, представить менее подходящего человека для этой должности, чем он. Во всяком случае, если мистер Джонсон избрал кого-то, кто бы запечатлел его имя в истории, нам нечего больше заботиться об этом. Но я боюсь, что президент сделал не совсем точный выбор персоны, которая должна увековечить его имя на страницах школьных учебников»²⁷.

Руководство организации, однако, продолжало прорабатывать вопрос о связи историков с федеральным правитель-

²⁶ R. A. Billington → President Lyndon B. Johnson, Jan. 3, 1967.— Ibid.

²⁷ R. A. Billington — W. D. Aeschbacher, Jan. 9, 1967.— Ibid.

ством. В 1968 г. ОАИ выступила с предложением к АИА создать объединенную комиссию по связи с федеральным правительством, но, видимо, нежелание руководства АИА уступать ОАИ приоритет представительства в правительстве помешало осуществлению этого предложения²⁸.

Намерение объединить и интегрировать свою деятельность с АИА зашло в конце 60-х годов столь далеко, что у руководства ОАИ были даже планы слить исполнительный аппарат двух ассоциаций, особенно после решения У. Эшбакера оставить пост секретаря-казначея. Президент ОАИ Т. Кохрэн направил Р. Биллингтону письмо с предложением обсудить возможность создания объединенного секретариата в Вашингтоне, откуда и будут осуществляться рутинная администрация, управление финансами и вопросами членства (объединенного или раздельного для каждой из организаций). «Компьютеры скоро будут давать большую экономию, и двум организациям вместе легче будет приобрести его, чем в одиночку. Возможно, и другие исторические общества могли бы пользоваться такими централизованными услугами. Все же чувствительные вещи, которые составляют традицию каждой организации, могут оставаться раздельными. Журналы могут издаваться как и сейчас, нам в любом случае необходимы оба годовых собрания. Раздельные советы во главе с президентами обходятся недорого, и, кроме некоторых совместных расходов, финансы должны быть раздельными. Тем не менее все большее число комиссий должны быть объединенными»²⁹.

Предложения президента ОАИ были позднее изложены секретарем-казначеем У. Эшбакером в письме и в личном разговоре с исполнительным директором АИА П. Уордом. Результаты этих инициатив со стороны руководства ОАИ оказались обескураживающими: АИА фактически отвергла предложения о более тесном сотрудничестве двух ассоциаций. П. Уорд ответил отрицательно на предложения о возможности как объединенного членства, так и совместных комиссий. Не была подтверждена даже уже достигнутая перед этим договоренность о включении представителя от ОАИ в комиссию АИА по связи с федеральным правительством. «Я бы рекомендовал, чтобы политика нашей организации, если это что-либо меняет, была независимой, и нам следует действовать без каких-либо консультаций, пока не будут очевидны явные преимущества от совместных действий по

²⁸ W. D. Aeschbacher — P. L. Ward, Jan. 9, 1969.— Ibid.

²⁹ Th. C. Cochran — R. A. Billington, Mar. 4, 1968.— Ibid.

особым конкретным случаям», — подвел итог консультациям с руководством АИА У. Эшбакер³⁰.

Реакция Р. Биллингтона на происшедшую в настроениях П. Уорда перемену была аналогичной: «Ваше сообщение о разговоре с Полем Уордом внушает тревогу. Его позиция выглядит до странности нереалистичной. До этого он так много обещал в вопросах нашего сотрудничества, а сейчас, кажется, так резко изменил свою позицию. Отношение П. Уорда напоминает поведение лисы в кормушке, хотя его структуре власти ничего не угрожает. И все же мы столь многочисленны и столь энергичны в выражении интересов американистов, что было бы логичным действовать совместно на благо истории.

Однако, если он не желает иметь с нами дело, нам придется пересмотреть всю нашу политику во время съезда в Филадельфии»³¹. Примерно так же Р. Биллингтон выразился и в письме на имя профессора Чарлза Петерсона: «Мне кажется, что, если АИА хочет вести себя как собака на сене, нам следует подумать о создании собственных комиссий. Я столь чувствителен к вопросу о сотрудничестве, что отказываюсь понимать неожиданный поворот Поля, и мне интересно, отражает ли он точку зрения совета»³².

В конечном итоге желаемое сближение не состоялось и ОАИ активизировала свои усилия по укреплению собственной организационной структуры и материальной базы. Для этого было решено прежде всего учредить постоянную должность исполнительного секретаря, который взял бы на себя руководство организационными вопросами, а также создать постоянную резиденцию организации. Последней фактически был Ютский университет в Солт-Лейк-Сити, где преподавал Ч. Петерсон — казначей ОАИ.

Авторитет и масштабы деятельности организации стали заметно расти, и к 1970 г. ей уже удалось учредить постоянную штаб-квартиру на территории все того же Индианского университета, администрация которого приобрела для этих целей небольшой особняк, построенный в 40-е годы XIX в.

Существенным шагом в укреплении позиций штаб-квартиры и централизации деятельности ОАИ было решение исполкома об издании информационного бюллетеня два раза в год. Издание бюллетеня под эгидой исполнительного сек-

³⁰ W. D. Aeschbacher — R. A. Billington, Nov. 14, 1968.— Ibid.

³¹ R. A. Billington — W. D. Aeschbacher, Nov. 19, 1968.— Ibid.

³² R. A. Billington — Ch. S. Peterson, Nov. 25, 1968.— Ibid.

ретаря началось с 1973 г. Этим завершился этап становления Организации американских историков в ее современном виде.

3. Конституционные основы, финансы и состав

Общественный климат конца 60-х — первой половины 70-х годов способствовал некоторой демократизации конституционных основ ОАИ. Это прежде всего коснулось структуры руководящих органов. Согласно старой конституции, президент и вице-президент (будущий президент) организации избирались сроком на один год путем голосования членов ОАИ по почте накануне ежегодного съезда. Единственная кандидатура вице-президента вносилась в избирательный бюллетень по представлению комиссии по выдвижениям, которая в свою очередь формировалась исполнительным комитетом. Состав комитета формировался из президента, вице-президента, бывших президентов, которые сохраняли членство в течение шести последующих лет. В комитет входили также редактор журнала, исполнительный секретарь, казначей и шесть избираемых путем голосования по почте членов.

Такой порядок неизбежно создавал достаточно ограниченную «элитную» группу, которая обладала возможностью вершить политику ОАИ без особой оглядки на настроения и мнения рядовых членов. Что же касается выборов руководства, то они сводились к одобрению определенных кандидатур, фактически подобранных исполнительным комитетом. Эта практика вызывала все больше возражений рядовых членов, в частности резкие критические высказывания в большом числе были зафиксированы в баллотировочных бюллетенях 1972 г.³³

В 1973 г. председатель комиссии по назначениям Б. Фледеленд заявила на заседании исполкома о необходимости изменения порядка выборов вице-президента и выдвижения для голосования двух соперничающих кандидатур: «Каждый год комиссия сталкивается с тем, что многие видные историки, заслуживающие чести быть президентами, уходят в отставку, так и не получив признания, ибо выбирается только один человек в год. Выдвижение даже без победы на выборах будет свидетельствовать о таком публич-

³³ ОАН Executive Board Meeting Minutes, Apr. 11, 1973, p. 8.— ОАН Office in Bloomington (Ind.).

ном признании. Более того, это даст электорату возможность выбора и делает работу комиссии по выдвижениям не столь напоминающей деятельность органа, обделывающего свои дела в прокурорской комнате»³⁴. Исполком оказался не готовым принять решение по этому предложению, и вопрос был отложен.

Летом 1974 г. вопрос об изменении статей конституции о порядке выборов руководства был вынесен на референдум среди всех членов организации. В номере информационного бюллетеня, к которому был приложен бюллетень для голосования, два бывших президента ОАИ изложили свои аргументы за и против предлагаемых изменений. Джон Хайем из Университета Джонса Гопкинса выступил в поддержку изменений, ибо, по его мнению, они покончат с «элитарными порядками» и открытая выборная политика «будет больше соответствовать высоким стандартам нашей профессии, чем тихая политика, творимая комиссиями в закрытых кабинетах»³⁵. Гарри Уильямс из Университета штата Луизиана выступил против, высказав опасения, что соперничество уважаемых коллег за всего лишь почетное место «внесет разобщение в нашу организацию и создаст возможность для попыток инспирировать кампании по мобилизации голосов»³⁶.

Несмотря на большой интерес к вопросу о порядке выборов президента, в референдуме приняло участие всего 16% членов ОАИ, его результаты: 708 голосов за изменение порядка выборов и 626 голосов против. Более единодушным было голосование за ограничение пребывания бывших президентов в составе исполкома сроком в три года.

Как показали последующие события, поправка к конституции оказала довольно существенное влияние на активность рядовых членов организации при голосовании по кандидатурам на руководящие посты. Так, в 1975 г. в голосовании за вице-президента приняло участие 1280 человек, в 1976 г. — 1847 человек³⁷. В бюллетенях 1975 г. было дополнительно внесено 400 имен историков³⁸.

Изменение конституции, бесспорно, позволило усилить представительство в руководстве историкам более левых убеждений и потеснить консервативно настроенные элементы. Наиболее ярко это проявилось во время выборов вице-

³⁴ Ibid.

³⁵ OAH Newsletter, 1974, July, vol. 2, N 1, p. 2.

³⁶ Ibid., p. 3.

³⁷ OAH Executive Board Meeting Minutes, Apr. 7, 1976, p. 4.— OAH Office in Bloomington (Ind.).

³⁸ OAH Executive Board Meeting Minutes, Apr. 16, 1975, p. 7.— Ibid.

президента в 1976 г., когда Ю. Джиновезе из Рочестерского университета нанес поражение консервативному гарвардскому профессору О. Хэндлину. Ю. Джиновезе получил 991 голос, О. Хэндлин — 775. В выборах участвовало 1811 человек (22% членов ОАИ) ³⁹.

После этих выборов некоторые деятели ОАИ, в том числе тогдашний президент Кеннет Стэмп, повели новую кампанию за изменение конституции, и прежде всего за возврат к старому порядку выборов президента. В январе 1978 г. было объявлено о проведении нового референдума среди членов организации, а проведенный в спешке летом 1977 г. референдум по конституционным изменениям был признан недействительным, так как многие не успели своевременно отправить по почте результаты голосования, и в итоге в референдуме приняло участие менее 4% членов вместо примерно 15% во время предыдущих голосований ⁴⁰. С публичными заявлениями в пользу новых изменений выступил ряд известных историков (К. Деглер, Л. Литвак, П. Гэстон), объясняя свою позицию тем, что выдвижение двух кандидатур на пост вице-президента превращает выборы в «соревнование по популярности», что такая система «наносит удар по чувствам многих членов, которые хотели бы оказать честь определенному историку избранием на должность, которая обычно рассматривалась как почетная, а не исполнительская» ⁴¹.

Представители молодого и более радикально настроенного поколения историков, однако, встали на защиту системы выборов высших должностных лиц из парных кандидатур. «С 60-х годов это было средство, которым историки-негры и историки-женщины обеспечивали свое представительство в руководстве ассоциацией, — указывали Р. Браун и А. Янг. — А совсем недавно появилась перспектива избрания в исполнительный комитет лиц, которые занимаются историей в „нетрадиционных“ сферах, например в исторических обществах и архивах» ⁴². В заявлении Э. Фонера, Дж. Лемиша, К. К. Скляр отмечалось, что «в первой половине 70-х годов были достигнуты некоторые скромные перемены, которые помогли демократизировать ОАИ. Настоящие предложения направлены на неопределенные и губительные изменения в конституции. Действующая ныне система в большой степени способствовала росту участия в голосовании членов органи-

³⁹ ОАН Business Meeting Minutes, Apr. 8, 1977, p. 1—2. — Ibid.

⁴⁰ ОАН Newsletter, 1978, Jan., vol. 5, N 2, p. 1.

⁴¹ Ibid.

⁴² Ibid., p. 2.

зации и созданию разнообразных и представительных по составу исполнительных комитетов и комиссий по выдвижениям. Мы полагаем, что эта система должна быть сохранена, и поэтому призываем проголосовать „нет“ по всем трем предложениям»⁴³.

Более 1500 бюллетеней вернулись по почте в штаб-квартиру ОАИ. В референдуме, таким образом, приняло участие 18,4% членов ассоциации. За выдвижение на должность вице-президента одной кандидатуры с предоставлением права путем петиции (от лица не менее 100 членов) выдвигать дополнительные кандидатуры проголосовали 806 человек, против — 695 человек⁴⁴. Был изменен также порядок выборов членов исполкома: вместо парных кандидатур комиссия по выдвижениям предложила список не менее чем из шести человек, из которых трое набравших большее количество голосов проходят в состав исполкома на трехлетний срок.

При ныне действующей конституции важную роль в подборе кандидатов на руководящие должности играет комиссия по выдвижениям. Именно к ней стекаются предложения от отдельных членов организации, от групп историков, от исторических факультетов. В 1979 г., например, комиссии было предложено более 200 историков для рассмотрения их в качестве кандидатов в состав исполкома ОАИ⁴⁵. Какими критериями руководствуется комиссия при отборе кандидатов? Как заявил председатель комиссии по выдвижениям 1980 г. Дж. Энретта, «комиссия по выдвижениям исходит из своей обязанности обеспечить представительство различных групп внутри организации и отобрать преданных делу ученых, преподавателей и неакадемических историков, способных руководить профессией в целом»⁴⁶.

Конечно, основным критерием для выдвижения и избрания является научная репутация историка, список его трудов, их значимость для историографии. Но наряду с этим с каждым годом все больше учитываются способности и готовность кандидата, особенно если речь идет о будущем президенте, внести реальный вклад в решение насущных профессиональных вопросов. «Комиссия по выдвижениям хотела, чтобы организация имела на должности будущего президента историка, способного обеспечить энергичное и умное руководство. Она рассматривала научные публикации

⁴³ Ibid., p. 3.

⁴⁴ Ibid., 1978, July, vol. 6, N 1, p. 1.

⁴⁵ Ibid., 1980, Jan., vol. 7, N 2, p. 6.

⁴⁶ Ibid.

предложенных кандидатов с точки зрения их вклада в науку и новаторских подходов, оказавших влияние на развитие дисциплины. Комиссия также придавала значение деятельности в интересах организации и исторической профессии»⁴⁷.

Следует признать, что список историков, занимавших в последние пять лет посты президента ОАИ, подтверждает действенность данной декларации. Имена таких ученых, как Ю. Джиновезе, К. Деглер, У. Э. Уильямс, Г. Лернер, А. Боуг, связываются в современной американской историографии с новаторством в исследовательской работе и с активной организаторской деятельностью.

Важной фигурой в руководстве ассоциации является ее исполнительный секретарь, который осуществляет контроль за всей повседневной деятельностью ОАИ, готовит издание информационного бюллетеня и непосредственно отвечает за исполнение принятых исполкомом решений, а также рекомендаций президента организации. Исполкомы назначают исполнительного секретаря после рассмотрения и рекомендации его кандидатуры двумя комиссиями: от ОАИ и от исторического факультета Индианского университета. Назначение нынешнего секретаря Джоан Хофф-Уилсон, бывшего профессора Университета штата Аризона, состоялось, например, после рассмотрения более 30 кандидатур на эту должность и интервью с 7 из них во время ежегодного съезда в Детройте в 1981 г.⁴⁸

ОАИ является неправительственной организацией и никакой финансовой поддержкой властей не пользуется. Будучи научной добровольной ассоциацией, ОАИ не получает также никаких регулярных субсидий от монополий, корпораций или благотворительных фондов. Основным источником ее денежных поступлений — это членские взносы, составляющие около 70% ежегодного бюджета организации. Часть средств поступает от регистрационных взносов участников ежегодного съезда, от рекламы издательской продукции на страницах «Джорнел оф америкен хистори». Небольшой доход дает созданный из разных пожалований денежный фонд. Всего поступления 1981 г. составили 383 тыс. долл.

Основные статьи расходов состоят из зарплаты исполнительного секретаря и других сотрудников в аппарате штаб-квартиры (133 тыс. долл.), печатания журнала (110 тыс. долл.), оплаты расходов при созыве ежегодных съездов,

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Ibid., 1981, July, vol. 9, N 2, p. 1.

а также заседаний исполкома и комиссий. Всего за 1981 г. расходы ОАИ составили 370 тыс. долл.⁴⁹ Таким образом, при скромном бюджете ОАИ вынуждена постоянно бороться за улучшение своего финансового положения, за то, чтобы ежегодно сводить концы с концами, несмотря на быстрый рост цен и инфляцию.

Некоторую финансовую помощь ОАИ оказывает Индианский университет, по крайней мере, с самого начала администрации покрывала около 85 тыс. долл. в год расходов по содержанию штаб-квартиры⁵⁰.

В 1980 г. организация обратилась с заявкой в Национальный гуманитарный фонд о выделении 2,5 млн. долл., которые составили бы капитальный фонд ОАИ. Проценты с этого капитала (около 180 тыс. долл. в год) предполагалось использовать для оплаты содержания представителя ОАИ в Вашингтоне, постоянного исполнительного секретаря и штата редакции журнала. Однако эта заявка не была удовлетворена, тем более что с приходом администрации Рейгана бюджет НГФ был сокращен почти в два раза.

Один из самых вероятных путей увеличения доходов — повышение размеров ежегодных членских взносов. На протяжении последнего десятилетия они повышались несколько раз, что, естественно, вызывало возмущение части рядовых членов. «Еще одно увеличение взносов, и я перестану играть в Ваши игры», — заявил один из историков в 1974 г.⁵¹

В настоящее время (после очередного повышения взносов в 1982 г.) ежегодные взносы составляют: 12 долл. при доходе до 10 тыс. долл. в год, 20 долл. при доходе от 10 до 15 тыс. долл. в год, 25 долл. при доходе от 15 до 20 тыс. долл. в год, 30 долл. при доходе от 20 до 25 тыс. долл. в год, 35 долл. при доходе от 25 до 30 тыс. долл. в год, 40 долл. при доходе свыше 30 тыс. долл. в год.

Вполне естественно, что организация всячески заинтересована в привлечении новых членов; это придает ей авторитет и улучшает состояние бюджета. Бурный рост конца 60-х — начала 70-х годов довел численность организации примерно до 12,5 тыс. человек, и последние десять лет это число незначительно колеблется с некоторой тенденцией к снижению. Так, например, на съезде 1977 г. в Атланте

⁴⁹ Ibid., 1982, May, vol. 10, N 2, p. 5.

⁵⁰ OAH Executive Committee Meeting Minutes, 12—13 Nov., 1971, p. 1.—OAH Office in Bloomington (Ind.).

⁵¹ Report of the Executive Secretary for the Year 1974—1975, p. 1.—Ibid.

было зафиксировано сокращение членов ОАИ за год на 313 человек, из них 202 из 5 штатов (Иллинойс, Массачусетс, Мичиган, Нью-Йорк и Пенсильвания), где сфера образования переживает наиболее серьезные финансовые трудности⁵². В 1980 г. в ОАИ состояло 11 427 членов, в том числе 8057 индивидуальных.

4. Ежегодные съезды и премии

Безусловно главным событием в деятельности ОАИ являются ее ежегодные съезды, которые проводятся обычно в апреле в разных городах страны. Ежегодный съезд — крупное научное мероприятие, в котором участвуют около 2 тыс. историков, занимающихся историей США. Число участников зависит в некоторой степени от расположения избранного города, стоимости обслуживания, прежде всего цен на номера в гостиницах, стоимости проезда. Эти обычные материальные факторы в годы инфляции и сокращения университетских ассигнований на командировки ученых имеют довольно существенное значение. Большинство историков сами оплачивают свое участие, и для многих из них, особенно для молодежи, эти расходы не по карману.

В 1980 г. автору книги довелось участвовать в ежегодном съезде ОАИ в Сан-Франциско, где средняя цена за номер в сутки в отеле — резиденции конгресса составляла 70 долл.! Неудивительно, что на одном из заседаний был зачитан и обсужден доклад историка, который предварил доклад письмом-протестом по поводу высокой стоимости участия в съезде, делающей невозможным для многих непосредственное на нем пребывание.

На съездах заслушивается от 200 до 300 докладов, которые разбиваются на многочисленные тематические заседания. Формирование программы съезда происходит заранее, уже за два года до него создается программный комитет, члены которого, кстати, не включают собственные доклады в программу данного съезда. Формирование программы основывается на определенных, но не очень жестких общих принципах, одобренных в свое время исполкомом ОАИ. Программа должна отражать некоторую разумную пропорцию в тематике, возрасте и квалификации авторов докладов. Программный комитет может оценивать заявленные доклады и не обязан включать в программу любой доклад, качество которого не может быть оценено на

⁵² ОАН Business Meeting Minutes, Apr. 8, 1977, p. 2.— Ibid.

основе предварительной заявки. Комитет имеет право запросить текст или развернутые тезисы доклада для принятия решения о включении доклада в программу⁵³.

Программный комитет старается выбрать какую-то сквозную, главную тему научной программы съезда. Докладам, связанным с этой темой, в этом случае отдается предпочтение. Так, например, программа 1980 г. имела девиз: «Изучать людей», и, естественно, в ней широко были представлены доклады прежде всего по социальной истории. Программа 1981 г. — «Что предстоит делать?» — открывалась двумя пленарными сессиями: «Кризис в истории» и «История в кризисе». Председатель программного комитета съезда 1981 г. в Детройте профессор Уоррен Сасмен так комментировал главную направленность очередного собрания: «Общепризнано, что наше развитое индустриальное общество находится в состоянии кризиса. Но что это означает более точно? Каково в действительности наше положение и какой вклад истории могут внести в его анализ и объяснение? Наш ежегодный съезд — отчасти попытка найти ответ на некоторые из этих вопросов. Но мы особо заинтересованы посмотреть, чему мы можем научиться на опыте принимающего нас города, который представляет собой своеобразную лабораторию». Поэтому первое пленарное заседание будет посвящено определению исторического кризиса на примере истории Детройта в XX в., а второе — «попытке рассмотреть утрату среди части историков веры в свою профессию, отсутствие определенности в понимании ее характера и задач, ее места среди других научных дисциплин и в обществе в целом»⁵⁴.

В нашу задачу не входит историографический анализ тематики и содержания докладов, представляемых на съездах. В каждом июньском номере журнала «Джорнел оф америкен хистори» публикуется пространная статья на эту тему, подводящая основные научные итоги очередного съезда. Отметим, что программы съездов достаточно полно отражают новейшие тенденции в области изучения американской истории, а также общественные сдвиги, происходящие в профессии в целом. Так, например, организаторы программы съезда 1981 г. подчеркнули, что современные тенденции в исторических исследованиях «привели нас к тому, чтобы особо выделить обсуждение вопросов социальной структуры, особенно структуры наемного труда, также

⁵³ OAH Executive Board Meeting Minutes, Apr. 5, 1972, p. 9. — Ibid.

⁵⁴ OAH Newsletter, 1981, Jan., vol. 9, N 1, p. 2.

расово-этнических структур, особенно в индустриально-городской среде. Но при всем при этом мы старались выделить также заседания, на которых поднимаются теоретические и методологические вопросы»⁵⁵.

Что же касается программы съезда в 1983 г. в г. Цинциннати, то ее главное внимание было сосредоточено на теме «Возрождение единства исторического объяснения», а организаторы поставили цель по возможности «найти одну (или более) объединяющую идею (или идеи), чтобы применить ее к самым разным сторонам американского исторического опыта и придать ему твердость и направленность». Организаторов не устраивает, что в настоящее время «не существует никакого всеобщего взгляда, который бы объединил наше понимание прошлого, и в результате прошлое трактуется самыми различными и противоречивыми путями — от марксистского до плюралистского»⁵⁶.

Нет сомнений, что в этих рассуждениях и, конечно, в конкретных действиях программного комитета во главе с профессором Корнельского университета Дж. Силби нашла отражение новейшая тенденция возрождения неоконсервативных, «консенсусных» трактовок в американской историографии, а также попытка покончить с идеологическим «разбродом» и «шатаниями» среди историков США.

Симптомы этой тенденции были заметны уже на предыдущем съезде, в программу которого был включен ряд симпозиумов, посвященных идеологическим дискуссиям в среде американских историков и влиянию школы «консенсуса» на современную историографию США. Главной темой съезда 1982 г. в Филадельфии, однако, была тема: «Что значит быть историком: жизнь, политика, общество и научная работа». Тема эта представляет особый интерес для нашего исследования.

Хотя география участников съезда самая широкая и есть даже иностранные ученые, его основную часть составляют историки того штата, где проходит съезд, и соседних районов. Так, например, на съезде 1978 г. в Нью-Йорке из 412 участников программы 85 были из Нью-Йорка (21%), 36 из Массачусетса, 33 из Калифорнии, 28 из Огайо, 26 из Иллинойса. Жители этих пяти штатов составили около 50% докладчиков на съезде⁵⁷. На съезде 1981 г. в Бостоне из местного штата Мичиган было 237 человек, из Нью-Йорка

⁵⁵ Ibid.

⁵⁶ OAH Newsletter, 1981, July, vol. 9, N 2, p. 2.

⁵⁷ OAH Executive Board Minutes, Apr. 11, 1978, p. 2.— OAH Office in Bloomington (Ind.).

146, из Огайо 144, из Иллинойса 106. По районам география выглядела следующим образом: от штатов Среднего Запада — 721 человек (около 50% участников), от восточных штатов — 426, от южных — 183, от западных — 87 человек⁵⁸.

Что касается профессионального состава, то в большинстве это университетские преподаватели. На съезде 1981 г., например, они составили около 1100 человек из общего числа участников 1500, значительное число составили работники музеев, библиотек, издательств, 45 участников работали в правительственных учреждениях, 39 были учителями средней школы⁵⁹.

Интересно отметить, что иногда до половины участников съезда не являются формально членами ОАИ. Руководство организации не ставит запретов на участие, но стремится, чтобы по крайней мере докладчики были из числа тех, кто платит ежегодные членские взносы.

На ежегодных съезда ОАИ объявляют лауреатов премий, которые присуждает эта организация. Таких премий шесть.

С 1946 г. установлена награда имени Луиса Пелцера, которая ежегодно присуждается за лучшую аспирантскую статью по американской истории, рукопись которой представляется комиссии по награде из пяти человек во главе с редактором журнала. Члены комиссии, помимо редактора, назначаются исполкомом попеременно на четыре года по представлению редактора. Награда заключается в денежной премии в 500 долл., медали лауреату и публикации статьи в «Джорнел оф америкен хистори». На конкурс обычно присылается несколько десятков статей (в 1972 г. — 25 статей). Получить приз — большая честь для молодого исследователя. Это имеет и существенную практическую значимость. Призывая к большей соревновательности, М. Ридж как председатель комиссии на заседании исполкома в 1976 г. заметил, что «в последние годы ни один лауреат премии не уехал с ежегодного съезда без предложения работы»⁶⁰.

В 1958 г. была установлена награда имени Фредерика Джексона Тернера за лучшую книгу по американской истории. Первоначально для рассмотрения представлялись рукописи будущих книг. Чтение этих текстов (в 1972 г., например, было представлено 40 рукописей) было довольно

⁵⁸ ОАН Newsletter, 1981, July, vol. 9, N 2, p. 2.

⁵⁹ Ibid.

⁶⁰ ОАН Executive Board Meeting Minutes, Apr. 7, 1976, p. 6.

обременительным занятием. В 1974 г. исполком назначил комиссию под руководством Дж. Гаратти по пересмотру условий присуждения этой награды. По предложениям комиссии в исполкоме развернулась дискуссия. Тогдашний президент ОАИ Ф. Фридел, в частности, заявил, что «раздача денег не столь эффективна, как полагают некоторые, и что красиво сделанная медаль с приложением имени лауреата могла бы выполнить ту же задачу, что и деньги». Он также предложил, чтобы серия статей, а не только книга могла представляться на конкурс, ибо «пришло время признать, что монография — не единственный путь, которым можно вносить существенный вклад в науку»⁶¹.

В конечном итоге на ежегодном деловом собрании ОАИ в 1976 г. в Сент-Луисе были утверждены новые условия. Премия присуждается автору книги по американской истории, который до этого не публиковал монографических исследований. Премия состоит из медали, диплома и денежной суммы в 500 долл. Книги представляются только издательствами в опубликованном виде или в виде окончательных гранок. Издательство, чья книга завоевала премию, получает 3 тыс. долл. для публикации еще одной книги по истории США. «Джорнел оф америкен хистори» публикует бесплатно на полную страницу объявление о премированной книге⁶².

Комитет по присуждению премии Тернера состоит из прошлогоднего президента (председатель) и двух других членов, назначенных настоящим президентом организации.

В 1975 г. известный историк Мерл Курти пожертвовал ОАИ 10 тыс. долл. для установления премии для лучшей работы по интеллектуальной или социальной истории США. С 1977 г. эта премия в размере 500 долл. присуждается ежегодно с чередованием по интеллектуальной и социальной истории. Две комиссии (из трех человек каждая) отбирают на конкурс от трех до шести книг и выносят по ним свое решение.

С 1981 г. ОАИ присуждает раз в два года премию имени Рэя Биллингтона — за лучшую книгу по истории американской границы. Фонд для этой премии (500 долл.) был составлен из пожертвований учеников и друзей бывшего президента организации. Также ежегодно присуждаются премии имени Бинкли—Стефенсона — за лучшую статью, опубликованную в «Джорнел оф америкен хистори», и со-

⁶¹ ОАН Executive Board Meeting Minutes, 23 Nov., 1974, p. 2—3.— ОАН Office in Bloomington.

⁶² ОАН Business Meeting Minutes, 9 Apr., 1976, p. 2.— Ibid.

вместно с Национальным архивом — премию имени Чарлза Томсона за рукопись исследовательской статьи по материалам Национальной архивной службы.

5. Общественная и лоббистская деятельность

Согласно действующей ныне конституции, целью ОАИ является «содействие историческому образованию и научным исследованиям в области американской истории» и членство в ней открыто для всех, «кто интересуется американской историей». Такая формулировка целей организации ориентирует ее руководителей на поиск все более активных и новых форм деятельности, чтобы утвердить лидерство среди американских историков. Обосновавшись в г. Блумингтоне, ОАИ действительно могла претендовать на право называться общенациональной организацией. На деловом собрании членов ОАИ в 1973 г. в ежегодном отчете исполнительный секретарь Т. Кларк отметил, что последние три года руководство «интенсивно занималось совершенствованием нашей деятельности, в том числе форм внутренних связей и оказания всевозможных услуг членам организации. За этот короткий срок круг обязанностей национальной профессиональной организации так вырос, что ее основатели не могли себе и представить подобное»⁶³.

Призыв к расширению целей и функций организации в 70—80-е годы звучит из уст ее руководителей постоянно, хотя такой подход и не разделяется всеми ее членами. Примечательно в этом плане заявление исполнительного секретаря Р. Киркендейла на собрании организации в 1979 г.: «Мы должны стать гораздо более широкой организацией по характеру своего членства и осуществляемого лидерства, привлекая к себе новых людей и развивая новые формы деятельности. Это должно делаться без ущерба нашим важнейшим функциям и без отчуждения ценных для нас членов. И мы должны бороться против тех историков, которые пытаются навязать Организации американских историков свои узкие взгляды»⁶⁴.

Под «узкими взглядами» Р. Киркендейл, несомненно, имел в виду нежелание некоторых историков из академической элиты поступиться спокойным реноме сугубо научной ассоциации. Подобные взгляды не нашли поддержки большинства. В программном заявлении нынешний исполнитель-

⁶³ OAH Business Meeting Minutes, 13 Apr., 1973, p. 2.— Ibid.

⁶⁴ Report of the Executive Secretary for the Year 1979, p. 5.— Ibid.

ный секретарь ОАИ доктор Джоан Хофф-Уилсон определила так центральную задачу общества — отстаивать интересы трех основных групп историков: «академических» (колледжи и университеты), «административных» (музеи, архивы, правительство и т. п.) и «независимых» (литераторы-историки), — способствовать объединению этих групп, «препятствуя дальнейшей фрагментации профессии». Преодолевать кризис профессии руководство ОАИ намерено, действуя по следующим направлениям: содействие подготовке студентов-историков, способных работать в различных областях, «внося гуманитарный вклад в решение проблем страны»; усиление общественной активности историков с целью добиться от правительственных органов большей поддержки научных исследований, улучшения условий для научной работы; осуществление конкретных мер по устранению безработицы среди историков, организации летних курсов по повышению квалификации и изменению специализации; учреждение премий, конкурсов за лучшие работы по истории.

Главный вопрос, который пытается решить для себя руководство ОАИ, — это продолжать ли обществу оставаться чисто научной ассоциацией или же стать профессиональной организацией историков, занимающейся и общественной деятельностью? «В наше время, отмеченное экономическим кризисом, можно легко поддаться панике и слишком быстро переключиться полностью на общественную деятельность в ущерб нашим традиционным функциям. Излишняя общественная деятельность в 80-е годы будет для нас не лучшим вариантом, чем были излишняя ограниченность и специализация в 70-е годы», — заявляет в этой связи Дж. Хофф-Уилсон⁶⁵.

Процесс профессионализации некогда обычного научного общества, однако, не следует трактовать как складывание подобия профессионального союза историков-американистов. Таких специализированных профсоюзов среди американских историков нет. Естественно, цели ОАИ определяются реальными возможностями организации. Так, например, в начале 70-х годов деловое собрание организации на ежегодном съезде приняло резолюцию с поручением исполкому «изучить совместно с Американской исторической ассоциацией, каким образом обе организации могут сформулировать основополагающие принципы для профессии историка

⁶⁵ *Hoff-Wilson J. Profession in Crisis.* — OAH Newsletter, 1981, Oct., vol. 9, N 3, p. 12.

по таким вопросам, как объем учебной нагрузки в системе высшего образования, принципы найма на работу, заработная плата, условия труда и т. п.». В апреле 1973 г. исполком ОАИ командировал в Вашингтон исполнительного секретаря для обсуждения с исполнительным директором АИА вопроса о создании совместной комиссии по выработке своеобразного «кодекса профессии».

Том Кларк обсуждал с Полем Уордом этот вопрос, и оба пришли к выводу, что рекомендации такой комиссии будут просто игнорироваться администрацией университетов. В декабре 1973 г. исполком ОАИ согласился, что организация не в силах предпринять какие-либо действия в этой области: «В некоторых сферах ОАИ может кое-что сделать, но не в ее компетенции устанавливать принципы найма на работу, заработную плату, рабочие часы, условия труда и т. п.»⁶⁶. Единственный вопрос, по которому исполком счел возможным высказать свою позицию, — это нежелательность по соображениям финансовой экономии⁶⁷ увеличения численности студенческих групп.

Точно так же ОАИ не смогла выработать какие-то эффективные меры воздействия на факультеты в вопросах найма на работу историков, хотя проблемы трудоустройства занимают одно из важных мест в деятельности организации. Это вызвано прежде всего ростом безработицы среди историков с начала 70-х годов. Ежегодно на каждом съезде за последние десять лет функционировало бюро по регистрации историков, ищущих работу, и открываемых вакансий. Из года в год число ищущих работу многократно превосходило число предложений со стороны университетов

Запросы и вакансии	1972 г.	1973 г.	1974 г.	1975 г.	1976 г.	1977 г.	1978 г.	1982 г.
Число ищущих работу историков	334	450	212	302	290	239	1131	180
Число открываемых вакансий	34	34	57	52	74	56	57	70

Источник: Информационные бюллетени ОАИ, 1972—1980 гг.

⁶⁶ OAH Executive Board Meeting Minutes, Nov. 30.— Dec. 1, 1973, p. 5.— OAH Office in Bloomington (Ind.).

⁶⁷ Report of the Executive Secretary for the Year 1973—1974, p. 4.— Ibid.

или других организаций, о чем свидетельствуют данные бюро регистрации на съездах ОАИ (см. с. 320).

Из этих данных ясно видно, насколько напряженной сложилась ситуация на рынке труда профессиональных историков в 70-е годы. С нескрываемой озабоченностью был вынужден высказаться по этому вопросу на ежегодном деловом собрании исполнительный секретарь Т. Кларк: «Деятельность нашего бюро по регистрации рабочих мест на последних двух съездах была в значительной мере обескураживающей. Мы снова в этом году получили непропорционально большое число запросов на работу и очень мало информации об открывающихся рабочих местах... Абсолютно ясно, что объем подготовки профессиональных историков далеко превосходит количество открываемых рабочих мест в традиционных сферах преподавания и научной деятельности. Пришло время, когда профессия должна трезво взглянуть на то, что происходит в области профессиональной подготовки. Иначе всю область исторических штудий может постигнуть катастрофическое разочарование... пришло время, когда нужно дать честную оценку состоянию профессии историка»⁶⁸.

В 1973 г. на деловом собрании ОАИ была принята резолюция по вопросу о кризисе занятости историков. В ней рекомендовалось исполкому «рассмотреть и принять соответствующие меры... и доложить о них на очередном ежегодном собрании»⁶⁹. Перечень этих мер включал устройство постоянного регистрационного бюро для желающих получить работу, сбор информации о возможностях трудоустройства, действия по созданию дополнительных возможностей для найма историков на работу в нетрадиционных областях. Особое внимание было обращено на систему правительственных служб, как возможного работодателя для историков. По сведениям исполнительного секретаря, организация «изыскивала возможность создать агентство в Вашингтоне, которое выполняло бы роль лоббиста или непосредственного исполнителя правительственных программ исторического профиля». По убеждению руководства ОАИ, «в Вашингтоне и в других местах существует достаточно много рабочих мест, которые могут быть успешно заняты историками, если эти должности будут по-другому классифицироваться и к ним привлечено внимание последних»⁷⁰.

⁶⁸ OAH Business Meeting Minutes, Apr. 7, 1972, p. 8.— Ibid.

⁶⁹ OAH Business Meeting Minutes, Apr. 13, 1973, p. 5.— Ibid.

⁷⁰ Report of the Executive Secretary for the Year 1973—1974, p. 6—7.— Ibid.

Все эти благие намерения руководства ОАИ открыть для коллег новые сферы занятости оказалось не так легко реализовать, а уж тем более выступить в роли лоббиста в вашингтонских коридорах власти. Год от года ситуация с безработицей обострялась. Все труднее было найти работу для молодых специалистов, участились случаи сокращений и увольнений преподавателей с уже занимаемых должностей. В 1976 г. администрация Нью-Йоркского городского колледжа объявила об увольнении всех преподавателей исторического факультета, взятых на работу после 1963 г., чтобы привести в соответствие число преподавателей с сократившимся числом студентов ⁷¹.

Под давлением рядовых членов, особенно безработных или частично занятых историков, ОАИ на ежегодном съезде в 1976 г. в Сент-Луисе приняла развернутую резолюцию. В ней отмечалось, что «историческая профессия в США переживает кризис занятости в беспрецедентных масштабах и этот кризис затрагивает не только обычных получателей докторских степеней из университетов среднего уровня, но и историков с первоклассной репутацией из университетов с общенациональной и международной репутацией, а нередко и с длинным списком отличных публикаций». Собрание постановило, чтобы внимание кандидатов на руководящие должности в ОАИ было привлечено к вопросу о кризисе занятости историков и чтобы предложения кандидатов по преодолению этого кризиса были изложены для всех членов ОАИ одновременно с рассылкой избирательных бюллетеней. Кроме этого, комиссии по выдвижениям было поручено рассматривать кандидатуры на должности из числа частично занятых и безработных историков. Особое внимание также должно быть уделено выдвижению кандидатов женского пола и представителей национальных меньшинств ⁷².

После принятия такого документа руководство организации действительно стало проявлять больше активности в оказании помощи безработным. Президент ОАИ Ю. Джиновезе выдвинул план создания постоянной комиссии по проблемам занятости и сбора средств для нее путем чтения публичных лекций членами исполкома и передачи гонораров. Лично Ю. Джиновезе пожертвовал 500 долл. на пужды комиссии, предложив также «не устраивать прием после за-

⁷¹ OAH Executive Board Meeting Minutes, Nov. 10, 1976, p. 5.— Ibid.

⁷² OAH Business Meeting Minutes, Apr. 9, 1976, p. 7.— Ibid.

чтения ежегодного президентского послания, а перевести сэкономленные таким образом деньги на тот же счет»⁷³.

Руководство ОАИ осознает, что проблема занятости чревата ухудшением морального климата внутри профессии, конфликтом различных поколений историков. Предлагая создать лекторское бюро из известных историков для сбора денег в пользу организации, президент ОАИ Ю. Джиновезе отметил, что «такое бюро показало бы готовность старших членов профессии пойти на жертвы в этом деле. Это помогло бы созданию позитивного впечатления об организации... Для морального состояния молодых ученых было бы хорошо, если бы был создан особый фонд для помощи им...»⁷⁴. Еще раньше на эту проблему обратил внимание президент ОАИ Ф. Фридел, который в своем президентском послании процитировал письмо одного из молодых американских историков, открыто обвинившего старших коллег в том, что они «ничего не делают, а только в бессилии разводят руками и проливают крокодиловы слезы, но в то же время добиваются дополнительных денежных пожалований, которые они часто используют для перестройки своих загородных вилл или для поездок в Европу»⁷⁵.

Рядовые члены организации все чаще ставят вопрос о том, насколько в современных условиях общенациональные объединения типа ОАИ и АИА своей деятельностью отвечают профессиональным интересам историков и способны разрешать наболевшие проблемы. 2 декабря 1978 г. главный историк лесной службы США Д. Клэри распространил письмо, которое он направил президентам ОАИ и АИА Ю. Джиновезе и Дж. Фрэнклину. Письмо было опубликовано в очередном номере информационного бюллетеня ОАИ «с надеждой, что оно поможет прийти к необходимым решениям по злободневному вопросу о будущем исторических организаций». В письме говорилось, что последние годовые отчеты обеих организаций указывают на печальное обстоятельство — сокращение их численности. АИА потеряла в этом десятилетии почти $\frac{1}{4}$ своих членов, ОАИ в прошлом году покинули 250 человек. Причину этого явления Д. Клэри видит в том, что ведущие исторические организации отошли от тех целей, которые были ими провозглашены, т. е. «служить интересам тех, кто интересуется историей Америки». АИА и ОАИ не проявляют интереса к нуждам

⁷³ OAH Executive Board Meeting Minutes, Nov. 8, 1978, p. 22.— Ibid.

⁷⁴ Ibid., p. 2.

⁷⁵ Freidel F. American Historians: A Bicentennial Appraisal.— JAH, 1976, vol. 63, N 1, p. 12.

всех категорий историков, а уж тем более к простым любителям истории, и превратились в замкнутые гильдии профессоров-историков. «Наши главные ассоциации совершили две большие ошибки, которые сейчас пагубно сказываются на профессии. Они приняли точку зрения, что историки должны только писать книги и статьи, предназначенные для самих себя, а также исходили из еще более абсурдной идеи, что историк не может быть не кем другим, как преподавателем». Но среди историков, отмечает Клэри, всегда были те, кто не хотел замыкаться в университетских стенах и искал настоящих дел «в реальном мире». Академические коллеги не одобряли занятия этих историков и повесили на них ярлыки вроде «альтернативных» или «нетрадиционных». «Нигде мы не были в такой степени жертвами кастового снобизма, как в АИА и ОАИ... Нас считали нахлебниками на профессорских пикниках, которым позволено платить взносы и посещать собрания, но не более. В наших двух крупнейших обществах мы намеренно исключены из руководства»⁷⁶.

Цель этого обращения, пишет Д. Клэри, предложить путь предотвращения дальнейшего упадка ОАИ и АИА. Он состоит в возврате к первоначально провозглашенным целям организаций. Хорошим началом было бы открытое официальное признание, что историки, которые не являются профессорами, — это тоже историки, что их работа необходима и важна, что они в полном смысле «традиционные» историки. Этим историков нужно пригласить в организацию как равных. «Джентльмены! В качестве руководителей ваших ассоциаций, вы имеете возможность предотвратить их упадок и, возможно, заодно кое-что сделать, чтобы предотвратить упадок истории и вернуть историкам подобающее место в обществе. Вы ничего не добьетесь, если будете утверждать, что единственные законные интересы историков — это интересы академических историков, если будете утверждать, что ОАИ и АИА должны оставаться профессорскими клубами и совсем почти не обращать внимания на нас, остальных. Готовы ли вы принять нас как историков независимо от наших занятий? Готовы ли вы допустить нас в качестве полных и равноправных членов ОАИ и АИА? Многие профессиональные историки хотели бы услышать от вас ответы на эти вопросы, а также стать свидетелем конкретных действий со стороны обеих организаций»⁷⁷.

⁷⁶ OAH Newsletter, 1979, Jan., vol. 6, N 2, p. 9.

⁷⁷ Ibid.

Такие действия действительно были предприняты, особенно со стороны ОАИ. В апреле 1979 г. на ее ежегодном собрании по предложению президента Карла Деглера была принята резолюция о создании комиссии из трех человек по вопросу о включении неакадемических членов ОАИ в деятельность организации. Комиссия предприняла обследование (с помощью вопросника и обработки ответов на ЭВМ) тех историков, которые работают за пределами университетов в федеральных, а также местных государственных и частных учреждениях. На основе анализа около 500 полученных анкет комиссия уже в ноябре 1979 г. представила исполкому ОАИ свой доклад с рекомендациями долгосрочного и краткосрочного характера.

Общие рекомендации включали, в частности, следующие положения:

1. ОАИ немедленно должна взяться за возрождение среди историков мнения о широких возможностях исторических занятий и границах профессии историка, включая области преподавания, исследований, редактирования, архивоведения, охраны памятников, устной истории и т. д.

2. В ОАИ и среди историков в целом больше не должен употребляться термин «публичный» историк в отношении тех, кто работает за пределами академической общины, а лучше, если эти историки будут называться «практическими», «прикладными» историками или «историками государственного и частного» сектора.

3. Не должен также употребляться и термин «публичная история», а вместо него более точные понятия — «прикладная история», «охрана памятников», «правительственная история».

4. ОАИ должна разработать и осуществить программу по обеспечению профессиональных услуг для неакадемических историков, включая привлечение последних к работе комиссий, подготовке публикаций, присуждению премий и пр.

В докладе содержались предложения, реализацию которых предполагалось осуществить незамедлительно: в 1980—1981 гг.:

1. Открыть страницы «Джорнел оф америкен хистори» для исследовательских статей историков из неакадемической среды и по интересующей их тематике, а также для рецензирования книг, подготовленных специалистами в прикладных областях исторического знания.

2. Расширить на страницах информационного бюллетеня публикацию сведений о деятельности неакадемических историков, возможностях трудоустройства специалистов в самых

разных областях, требованиях к подготовке для работы в преподавательских сферах и пр.

3. Установить награды за лучшие работы в области прикладной истории, а также учредить постоянную комиссию ОАИ по вопросам истории в государственном и частном секторе.

4. Обеспечить избрание неакадемических историков в состав исполкома и комиссий ОАИ, их представительство в программах ежегодных съездов.

Кроме того, в докладе содержались рекомендации укрепить связи с организациями архивистов, консервационистов, местных историков-краеведов и разработать вместе с ними образовательные программы с учетом различной специализации студентов-историков⁷⁸.

Перемены в этом направлении, бесспорно, имеются. В 1981 г. в состав исполкома ОАИ среди трех новых членов был избран Дж. М. Смит из Уинтертурского музея, а в состав комитета по выдвижениям — Дж. Боднар из комиссии по делам истории и музеев штата Пенсильвания.

Летом 1982 г. группа профессоров (Р. Феррел, Г. Хесс, Л. Каплан, С. Тейлор, Б. Унтербергер, П. Берг) направила открытое письмо президентам АИА и ОАИ следующего содержания: «Все мы пользуемся благами, которые предлагают нам АИА и ОАИ. Эти организации имеют давнюю и достойную историю. Сейчас пришло, однако, время задать серьезные вопросы о будущем этих ассоциаций, о том, как они могут наилучшим образом служить интересам профессии. Способны ли они выжить в современной ситуации? Таковые наши реалии — инфляция, все более высокая стоимость публикации работ, сокращение реальных доходов ученых, растущие цены на транспорт и гостиницы. Не означают ли все сокращающиеся бюджеты колледжей и университетов и повсеместное урезание расходов на поездки, что пришло время бросить свежий взгляд и тщательно подумать о том, как можно обеспечить будущее наших профессиональных организаций?.. Не следует ли нам больше ориентироваться на региональные встречи на территории университетских городков, где цены еще под силу нашим карманам? Не следует ли нам подумать о более скромном журнале? Может быть, двум организациям есть смысл слиться в одну? Следует ли нам признать, что возникшая в последние годы сеть аффилированных организаций по отдельным областям исторических исследований достигла сейчас такой

⁷⁸ Ibid., 1980, Jan., vol. 7, N 2, p. 7—10.

стадии, когда эти организации лучше учитывают особые интересы отдельных групп, чем известные нам общества-конгломераты? Не сродни ли сегодня роль АИА акционерной компании, которая имеет в своем составе более мелкие компании с абсолютно противоположными интересами и пытается, однако, выступать от всех них единым голосом?

Время уходит, и откладывать со дня на день решение вопросов — это нежизнеспособная стратегия. Среди людей разных профессий историки лучше всех понимают неизбежность перемен. Сможем ли мы преодолеть кризис, или же кризис возьмет верх над нами?»⁷⁹

Нельзя сказать, чтобы подобные призывы оставались без ответа. Руководство ОАИ, например, приняло решение в порядке эксперимента провести один из своих очередных ежегодных съездов не в дорогостоящем отеле, а на территории Индианского университета, где аренда аудиторий и проживание в комнатах стоят дешевле. В последние годы ОАИ, прежде всего в лице президента и исполнительного секретаря, активизировала деятельность по защите интересов историков и профессии в целом перед лицом различных институтов, в том числе правительства США. Говоря о «внешних приоритетах» организации, президент Г. Лернер так сформулировала новые задачи: «Нашей главной целью в этом направлении должна быть защита и поддержка профессиональных интересов, и особенно тех, которые имеют отношение к изучению истории, а также защита наших интересов, как исследователей (сохранение исторической документации, свободный доступ к документам, сохранение исторического наследия)»⁸⁰.

Главным образом через Национальную координационную комиссию по поддержке истории, которая была создана ОАИ совместно с АИА, ныне осуществляется активная лоббистская деятельность в законодательных и других правительственных органах на федеральном уровне, а иногда и на уровне штатов. Каждый выпуск информационного бюллетеня в последние годы содержит колонку «капитолийского комментария», где обычно председатель координационной комиссии П. Миллер информирует о предпринятых акциях, достигнутых результатах, необходимых и срочных действиях со стороны членов организации.

С приходом к власти в Белом доме администрации антиинтеллектуалов во главе с Р. Рейганом главные усилия лоб-

⁷⁹ Ibid., 1982, Aug., vol. 10, N 3, p. 5.

⁸⁰ Ibid., 1981, July, vol. 9, N 2, p. 14.

бистской деятельности американских историков направлены на борьбу против рейганомии, предусматривающей безжалостные сокращения бюджетных ассигнований на нужды науки, образования и культурно-просветительской деятельности в пользу поощрения военных программ и крупного частного бизнеса. ОАИ активно выступила против объявленных в 1981 г. предложений Белого дома сократить на 50% бюджет Национального гуманитарного фонда (НГФ). Выступления историков и представителей других наук помогли отстоять бюджет НГФ не в столь урезанном виде. Упорная борьба велась против решения администрации лишить финансирования, а значит, свернуть деятельность Национальной комиссии по историческим публикациям, но отстоять свою позицию историкам не удалось. Не дали пока желаемых результатов действия против предложения финансистов Рейгана не выделять на 1984 г. ассигнований на государственную службу по охране и использованию памятников истории, включая деятельность Национального треста по сохранению прошлого.

Кое в чем лоббистская деятельность дала реальные результаты. По предложению и под нажимом национальной координационной комиссии в 1982 г. при палате представителей конгресса США был создан Отдел историка (в 1976 г. такой же отдел создан в сенате), который будет выполнять исследовательские и популяризаторские функции, а значит, способствовать престижу исторической науки в целом. Лоббистская деятельность историков-женщин завершилась принятием в 1983 г. совместной резолюции обеих палат конгресса США о ежегодном праздновании 8 марта Недели женщины в истории. Резолюции ОАИ помешали, в частности, президенту Рейгану сместить архивиста Соединенных Штатов Р. Вагнера и сделать эту должность предметом политического патронажа.

Обычно руководство организации обращается к своим членам со страниц информационного бюллетеня с призывом выступить в защиту той или иной позиции перед представителями своих избирательных округов или штатов в законодательных органах. Для этого используются письма, телеграммы, телефонные звонки, личные встречи. Руководство в лице президента и исполнительного секретаря довольно часто выступает с соответствующими показаниями во время слушаний в комиссиях палаты представителей и сената в конгрессе США.

ОАИ пытается оказать возможное давление и на органы просвещения в штатах по вопросам преподавания истории.

В майском 1983 г. номере информационного бюллетеня помещено, например, следующее характерное объявление, адресованное всем членам организации: «Штат Нью-Йорк при пересмотре программы социальных наук принизил роль истории как одной из основных дисциплин. Он урезал обязательный курс американской истории в 11-м классе до одного семестра. Хронологический подход к изучению истории будет подчинен или заменен концептуальным подходом социальных наук. Пожалуйста, выразите Вашу озабоченность этим вопросом до конца июня по адресу: Доктор Джеральд Фриборн, Департамент образования штата, Элбани, Нью-Йорк»⁸¹.

В конце 70-х — начале 80-х годов ОАИ приняла активное участие в ряде общенациональных кампаний и общественных движений, которые имеют прямое отношение к профессиональным интересам историков. Это прежде всего участие в кампании по борьбе за обеспечение доступа к правительственной информации, и прежде всего к архивным документам и бумагам официальных лиц. Эта кампания приобрела особую остроту после «уотергейта» и попыток президента Р. Никсона скрыть и даже уничтожить всякие свидетельства неблагоприятных действий своего окружения и себя лично. Организация была инициатором проведения в 1976 г. совместно с архивистами специальной научной конференции по обсуждению вопросов доступа к бумагам официальных лиц. После конференции в Нью-Хармони и издания ее материалов руководство ОАИ продолжало активно отстаивать позиции историков в вопросе доступа к первоисточникам. Эти действия стали особенно настоятельными, когда президент Рейган сделал небезуспешную попытку покончить с законом о свободе информации, который был принят во времена либерализации и общественных движений 60-х — начала 70-х годов.

Много сил и энергии потребовало от ОАИ участие в общенациональном феминистском движении, в кампании за принятие поправки к конституции о равноправии женщин с мужчинами. Женская комиссия ОАИ во главе с Дианой Кемпбелл фактически была одним из лидеров этой кампании и организатором общенациональной ассоциации женщин, работающих преподавателями колледжей и университетов. Как мы уже знаем, многолетние упорные усилия не увенчались успехом, так как добиться принятия поправки не удалось. Информационный бюллетень ОАИ писал по

⁸¹ Ibid., 1983, May, vol. 11, N 2, p. 14.

этому поводу достаточно резонно и пессимистично следующее: «Вопрос конституционной поправки о равных правах перешел из сегодняшней жизни на страницы учебников по истории, где ему уготовано должное место в главе о новом консерватизме 70-х годов. Возможно, подъем маховика консерватизма после эры войны, волнений и социальных реформ более чем достаточное объяснение причин поражения поправки о равных правах. Идея о равноправии полов плохо приживается в трудные времена, а тем более когда они сопровождаются оживлением протестантской религии, которая стремится возродить традиционные религиозные взгляды на место женщины в обществе и семье. Страх перед неминуемым страшным судом, скорее экономического, чем религиозного характера явно проступал с большой отчетливостью в настроениях общественности, которая выступала против поправки о равных правах, опасаясь, что ее ратификация может привести к усилению соперничества между мужчинами и женщинами за рабочие места...»⁸².

Неудачные итоги феминистской кампании в общенациональном масштабе все же имели необратимые позитивные последствия для самой ОАИ. Роль и представительство женщин-историков в организации ныне выглядят стабильно и достаточно внушительно. В 1983 г. президентом ОАИ вновь избрана женщина — профессор Энн Фирор Скотт, а в состав исполкома избраны несколько женщин.

ОАИ в последние годы стала с большим вниманием относиться к вопросам международного научного сотрудничества, к установлению более регулярных связей с историками-американистами других стран. Однако никакой специальной комиссии и никаких проектов международного характера ОАИ (в отличие от АИА) не имеет. Все связи организации ограничиваются небольшим контингентом иностранных членов, а также эпизодическим участием зарубежных ученых в программах ежегодных съездов. Тем более примечательным выглядит факт принятия на заседании исполкома в апреле 1983 г. специальной резолюции памяти видного советского американиста, заведующего кафедрой новой и новейшей истории стран Западной Европы и Америки на историческом факультете МГУ, профессора Н. В. Сивачева. В ней, в частности, говорится: «Профессор Сивачев, умный и душевный человек, обладавший большой энергией ученого и организатора, был глубоко предан идеологии и целям своей страны, испытывал глубокую веру и

⁸² Ibid., 1982, Aug., vol. 10, N 3, p. 3.

преданность Советскому Союзу. Он также верил, что Соединенные Штаты, страна, к которой он был привязан и изучению которой посвятил всю свою научную и преподавательскую деятельность, и его родная страна, Советский Союз, могут жить в мире и дружбе без ущерба своим основополагающим принципам. ОАИ выражает свою глубокую признательность проницательности, человечности и большим достижениям Николая Васильевича Сивачева. Мы надеемся, что прочным и постоянным памятником ему будет продолжение и развитие его дела в Московском государственном университете по созданию устойчивых связей между историками Соединенных Штатов и Советского Союза»⁸³.

Принятие резолюции памяти зарубежного ученого, а тем более советского историка-коммуниста, не имело прецедентов в истории этой организации. Такой шаг в обстановке разгула антисоветизма и антикоммунизма, резкого поправления всего общественного климата в США — свидетельство не только действительно искреннего чувства соболезнования по поводу безвременной кончины достойного всяческого уважения коллеги-историка. Это и достаточно определенное выражение позиции ОАИ по острому и злободневному вопросу о необходимости мирных отношений между нашими двумя странами, плодотворных научных контактов, в том числе между историками. Придерживаться и отстаивать такую позицию в Соединенных Штатах в последние годы становится все сложнее, и, если ОАИ это удастся, значит, ее либерально-демократический потенциал оказался достаточно прочным, чтобы его могли подорвать силы реакции.

И все же следует заметить, что возрождение в конце 70-х — начале 80-х годов неоконсервативных тенденций как в общественной жизни страны, так и в историографии и оживление деятельности определенной части американских историков не обошли стороной и ОАИ. В мае 1980 г. в очередном информационном бюллетене было объявлено, что историки, заинтересованные в образовании в рамках ОАИ «кокуса консерваторов и неоконсерваторов», могут посетить организационное собрание во время съезда в Детройте. На этом собрании будут обсуждаться вопросы «использования и потенциальных возможностей консервативных взглядов в интерпретации проблем американской истории».

В следующем номере уже было помещено заявление конференции консервативных историков, принятое во время съезда в Детройте. В этом заявлении выражается озабочен-

⁸³ Ibid., 1983, May, vol. 11, N 2, p. 9.

ность направленностью современных исследований по американской истории, «в которых излишний упор делается на либеральные и левые точки зрения, взгляды и подходы». Эти же взгляды ныне преобладают в учебной литературе для студентов и в программах таких организаций, как ОАИ. Такая направленность, отмечается в заявлении, содержит в себе потенциальную изоляцию исторической профессии «от широкого спектра умеренных и консервативных взглядов». «Мы выражаем сожаление, что консервативным идеям не отводится должного места в интерпретации истории Соединенных Штатов... Конференция консервативных историков ставит своей задачей изучение консервативных и неоконсервативных идей как средства познания и интерпретации американского прошлого» ⁸⁴.

В заявлении сообщалось о намерении оказывать поддержку и укреплять связи среди единомышленников в составе ОАИ, а также с консервативно-мыслящими исследователями из других научных дисциплин. Координатором данной группы был назван некто Джон Уоттерсон из Иллинойса.

⁸⁴ Ibid., 1981, July, vol. 9, N 2, p. 26.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Заключение дает возможность не только выделить основные положения и выводы, полученные в итоге анализа статуса исторической профессии в США и положения истории как науки и учебной дисциплины в американском обществе, но и сверить эти выводы с некоторыми самыми новейшими данными, которые были получены автором уже после завершения основной работы над книгой. В частности, в 1984 г. Американская историческая ассоциация подготовила новый обзор положения исторической профессии в сфере высшей школы, в основу которого легли результаты повторного социологического обследования в 1982 г. исторических факультетов по более совершенной методике, чем это было сделано в 1980 г. Около 600 исторических факультетов и отделений колледжей и университетов ответили на более чем 50 вопросов, дав тем самым новую информацию о состоянии высшего исторического образования и условиях исследовательской работы профессоров-историков в США.

Эти данные подтвердили описанные нами кризисные явления в исторической профессии, в том числе процесс сокращения численности студентов-историков в целом по стране на протяжении последнего десятилетия. В 1982 г. один из пяти факультетов сообщил о сокращении набора студентов на 5 и более процентов за предыдущий год. Причем самое большое сокращение переживают факультеты крупных колледжей и университетов с числом студентов более 15 тыс. Хотя признаки улучшения положения действительно появились (один из шести факультетов сообщил об увеличении набора студентов), кризис с набором оказался сильным, затяжным и до сих пор не преодолен. В итоге с 1970 по 1979 г. число подготавливаемых бакалавров по истории сократилось в США почти вдвое — с 43 386 до 21 019 человек¹.

Анализ причин этого кризиса — дело прежде всего специалистов по проблемам образования. Возможно, в его осно-

¹ Survey of the Historical Profession. Academia, 1981—1982: Summary Report. ANA. Wash., 1984, p. 5.

ве лежат причины экономического и социального характера, свое воздействие могут оказывать демографические факторы, а также тенденции в области массовой культуры и сознания. Своего рода ограничителями общего значения для притока наиболее способной молодежи независимо от социального происхождения в историческую профессию является дороговизна образования. Стоимость обучения в колледжах и университетах, как мы уже отмечали, была постоянно очень высокой в США и росла на протяжении 70-х годов, но в период действия рейганомии плата за учебу, особенно в престижных частных заведениях, достигла невиданных размеров. В 1979/80 учебном году обучение на историческом факультете Гарвардского университета стоило 5550 долл. в год, в 1983/84 учебном году — 9343 долл. в год, а с платой за общежитие и учебники ежегодная стоимость обучения для студента-историка младших курсов превысила 14 тыс. долл.! На историческом факультете Принстонского университета плата только за обучение выросла за последние четыре года с 5100 долл. для младших курсов и 5175 долл. для старших курсов до 12 900 и 9550 долл. соответственно. И так в целом по всем факультетам, включая государственные колледжи и университеты².

Важно отметить, что кризис с набором студентов-историков оказался довольно чувствительным моментом для всей исторической профессии. Он тесно связан с развитием основных тенденций в американской историографии и положением исторической науки в стране. Ограниченность мировидения, свойственная буржуазной исторической мысли, неспособность американских историков дать верный анализ происходящих в стране и за рубежом процессов немало способствовали падению общественного престижа исторической науки в современной Америке, а значит, и профессии историка. Особенно это проявилось во времена крупных социальных и политических потрясений (война США во Вьетнаме, общественные движения 60-х годов, «уотергейтский скандал» и политические дебаты 70-х годов и др.), когда все больше американцев, в том числе в среде профессиональных историков, приходили к заключению о бесполезности попыток научиться извлекать необходимый и полезный опыт из уроков прошлого. Верными оказались сказанные еще в конце 50-х годов слова историка К. Вэн Вудворда, что «беды аме-

² Стоимость обучения на исторических факультетах США указана в справочнике: Guide to Departments of History. 1983—1984. AHA. Wash., 1983.

риканцев вытекают из их привычки всматриваться в себя для понимания значения исторического опыта и осмысливать его узко — в соответствии с априорными схемами и легендами о демократии, равенстве и догматами об исключительности»³.

Все эти обострившиеся настроения исторического пессимизма не могли не оказать влияние на молодое поколение американцев, думающих о своей жизненной карьере. Многие из них решили заниматься не историей, а выбрать более спокойные и практичные профессии.

Сокращение числа студентов, желающих изучать историю, вызвало своего рода цепную реакцию: оно уменьшило потребности в профессорско-преподавательском труде, сократило возможности найма для историков в условиях почти синхронно совпавшего высшего пика в численности подготавливаемых в стране кадров высшей квалификации — докторов по истории. Все это отрицательно сказалось на качестве и содержании исторического образования: исторические факультеты недосчитались многих наиболее способных студентов, а учебные планы — многих новых дисциплин и курсов, которые могли бы предложить преподаватели. В целом же во всей этой ситуации проявился фактор стихийности, присущий капиталистическому строю, который захватывает не только сферу экономических и социальных отношений, но и сферу образования и науки.

При анализе содержания высшего исторического образования нами были отмечены ограниченный подход в преподавании учебных дисциплин, отсутствие на подавляющем большинстве факультетов подлинно университетского преподавания истории, предполагающего систематизм и глобальный охват в изучении мирового человеческого опыта, а также большие различия в учебных планах и программах между факультетами, наличие элементов случайности и субъективности, диктуемых своего рода рыночным принципом спроса и предложения при определении объемов и содержания образования будущих историков. Почти аналогичный вывод относительно этноцентричности сделан и в докладе АИА по материалам 1981/82 учебного года: «В идеале каждый исторический факультет хотел бы предлагать курсы, которые охватывают важнейшие с точки зрения хронологического, географического и тематического подхода стороны этой дисциплины. Для нашей профессии является аксиомой:

³ Vann Woodward C. The Test of Comparison.— In: The Comparative Approach to American History / Ed. C. Vann Woodward. N. Y., 1958, p. 352.

этноцентризм — неподходящий определитель того, что имеет и что не имеет историческую значимость. Поэтому мы хотели бы надеяться, что студенты колледжа могут удовлетворять свои самые разнообразные интересы к истории: будь это Латинская Америка, Соединенные Штаты или Азия. Но реалии, в которых существуют факультеты, выдвигают другую аксиому: при ограниченных финансовых ресурсах для найма преподавателей факультеты должны неизбежно специализироваться, ограничивая предлагаемые курсы до нежелательных масштабов»⁴. Ныне, как и много лет назад, главными учебными курсами для студентов-историков остаются история западной цивилизации, вводный курс по истории США и история стран Западной Европы (около 90% факультетов имеют эти курсы в учебных планах). По-прежнему слабо представлены курсы по истории стран Азии и Африки. Только 37% факультетов предлагают студентам курсы по истории стран Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки, 28% — по истории стран Африки к югу от Сахары, 25% — по истории Южной и Юго-Восточной Азии. Наиболее заметные перемены произошли только в отношении таких курсов, как количественные методы в истории (в 1984 г. их имело 52% факультетов), история женщин (44%), публичная или прикладная история в виде курсов по музееведению, охране исторических памятников и пр. (14%)⁵. Двадцать лет назад такие курсы вообще отсутствовали в обучении историков.

Что касается подготовки специалистов высшей квалификации — докторов по истории, то здесь острота ситуации с перепроизводством кадров несколько ослабла за последние два-три года. Сейчас в США ежегодно получают ученую степень около 650 историков, из которых около 40% имеют специализацию по истории США, 23% — по истории стран Западной Европы, а остальные — по другим областям исторической науки. Однако кризисная ситуация с перепроизводством кадров профессиональных историков и их трудоустройством по специальности сохраняется и останется таковой, по крайней мере в сфере высшей школы, еще на протяжении ряда лет. АИА в настоящий момент ежегодно объявляет примерно о 450 открывающихся вакансиях, значительная часть которых — это временные замещения уходящих в творческие отпуска преподавателей. Что касается постоянных должностей, то за 1981—1983 гг. на 590 исторических факультетах их появилось всего 82 и, учитывая

⁴ Survey of the Historical Profession. Academia, 1981—1982, p. 5—6.

⁵ Ibid., p. 9.

возрастные характеристики фактически полностью укомплектованных штатов (36% факультетов уже имеют всех без исключения преподавателей на постоянных должностях), новые места для молодых историков будут появляться в мизерном количестве⁶.

Опубликованный в 1983 г. Национальным исследовательским советом новый обзор получателей докторских степеней в университетах США⁷, подтвердил описанное нами явление ухода историков с учеными степенями из академической сферы в другие области, и прежде всего на работу в систему государственных учреждений и частного бизнеса. Если в настоящий момент 77% всех молодых ученых-гуманитариев, получивших в 1973—1976 гг. докторские степени, работают в колледжах и университетах, то среди историков только 67% нашли себе здесь место. Причем большая часть историков среди представителей других гуманитарных наук вынуждена идти на преподавательскую работу в двухгодичные колледжи, которые не являются высшими учебными заведениями. Из тех, кто нашел себе работу за пределами преподавательского труда, около половины вынуждены были это сделать по причине невозможности получить место в колледже или университете и только около трети сделали это по соображениям лучших возможностей для жизненной карьеры.

Последние данные АИА рисуют еще менее благоприятную картину в отношении историков, получивших докторские степени в 1978—1982 гг.: из них только 57% имеют преподавательскую работу, 8% ушли работать в государственные учреждения, 9% — в систему бизнеса и промышленности, 8% — в различные общественные организации, 9% заняты в «других» сферах и 9% числятся безработными⁸. Таким образом, примерно один из десяти получивших ученую степень молодых историков является сегодня безработным, пополняя многомиллионную армию таких же обездоленных американцев, лишенных важнейшего жизненного права — права на труд.

Безработица, ограниченные финансовые возможности факультетов в связи с уменьшением численности обучающихся студентов и сокращением государственных расходов на нужды образования и науки в стране прежде всего в пользу военных расходов ухудшают условия профессиональной дея-

⁶ Ibid., p. 6, 27.

⁷ Departing the Ivy Halls: Changing Employment Situations for Recent Ph. D.'s. NRC Report. Wash., 1983.

⁸ Survey of the Historical Profession. Academia, 1981—1982, p. 35.

тельности американских историков, отравляют моральный климат в их среде и в целом снижают социальный статус представителей этой профессии в обществе, подрывают престиж и значимость исторической науки в целом.

Во-первых, в самые последние годы заметно сократились источники и размеры финансовой поддержки научно-исследовательской работы профессорско-преподавательского состава исторических факультетов. В 1981/82 учебном году около $\frac{1}{4}$ всех факультетов не получили вообще никакой финансовой поддержки для научной работы преподавателей из внешних источников, а другая четверть факультетов получила ничтожные суммы⁹. Деньги, поступающие из государственных источников, прежде всего из Национального гуманитарного фонда, а также от частных благотворительных фондов и корпораций, главным образом достаются историкам, работающим в крупных университетах, где и без того выше заработная плата и больше возможностей для дополнительных доходов. Все это усиливает различия между категориями и группами историков, включая условия для научной деятельности и материальное положение. Вполне справедливым представляется вывод, сделанный советским исследователем В. Б. Кувалдиным относительно всей вузовской интеллигенции США: «При всем значении иерархических ступеней основные линии водораздела в академическом мире проходят не по горизонтали, а по вертикали, между различными учебными заведениями и преподавателями разных факультетов»¹⁰.

Во-вторых, в условиях инфляции и растущей дороговизны скромный рост заработной платы преподавателей не компенсировал увеличивающиеся жизненные расходы. Средняя заработная плата профессорско-преподавательского состава исторических факультетов в 1982 г. составила около 20 тыс. долл. в год в целом по стране. Это значительно меньше доходов представителей так называемого среднего класса в американском обществе, к которому всегда до этого относилась университетская профессура. Что же касается средних размеров «начальной» заработной платы молодых историков, получивших докторскую степень, то она вообще составляет в настоящее время 17 тыс. долл. в год. Мы далеки от вывода о наличии процесса «обнищания» среди американских историков, но налицо явное относительное ухудшение материального положения представителей этой профессии в со-

⁹ Ibid., p. 14.

¹⁰ Кувалдин В. Б. Американский капитализм и интеллигенция. М., 1983, с. 179.

временной Америке. Особенно это касается еще не утвердившихся в науке специалистов, а также женщин, негров, выходцев из этнических меньшинств. Разница между этой категорией историков и представителями элиты, особенно в крупных университетах, исключительно велика в плане как материального положения, так и общественного статуса.

Существующая ныне социальная неоднородность и градация внутри представителей одной и той же профессии заметно сказывается на усиливающейся среди историков идеологической и политической поляризации, на расширяющемся спектре их теоретико-методологических установок и научных интересов. Сегодня мы не можем привести социальные и политические характеристики американских историков к какому-либо одному знаменателю. «Различия между людьми, входящими в состав интеллигенции,— отмечает В. Б. Кувалдин,— порой приобретают такой характер, что по своему объективному положению они оказываются на разных классовых полюсах буржуазного общества. Все более полное включение умственного труда в сферу товарно-денежных отношений современного капитализма ведет к превращению подавляющего большинства лиц интеллектуального труда в классические социальные фигуры буржуазного общества: предпринимателей и представителей ассоциированного капитала, с одной стороны, и наемных тружеников — с другой. Процесс классовой дифференциации интеллигенции в американском обществе зашел дальше, чем где бы то ни было. Основная ее часть, подобно представителям традиционной мелкой буржуазии, из самостоятельных мелких производителей услуг превратилась в наемных работников, являющихся объектом капиталистической эксплуатации»¹¹.

В-третьих, имеется достаточно оснований говорить не только об ужесточении условий найма и конкуренции, но и об усилении трудовой эксплуатации представителей умственного труда в США, по крайней мере на примере профессиональных историков. Если еще в 70-х годах, как отмечалось в книге, основной причиной увольнения преподавателей из штатов исторических факультетов был уход на пенсию, то в 80-х годах главными причинами стали невозобновление условий контракта на новый срок или отказ в назначении на постоянную должность. В 1981/82 учебном году почти одна треть всех увольнений попала именно в эту

¹¹ Там же, с. 124.

катеорию¹². В условиях ужесточившейся конкуренции на рынке наемного труда историков администрации учебных заведений получают дополнительные возможности увеличения производственной нагрузки преподавателей. Хотя в среднем по стране учебная (аудиторная) нагрузка преподавателей исторических факультетов в 1981/82 учебном году составила 11—12 часов в неделю, почти 75% преподавателей средних и мелких вузов вынуждены вести аудиторные занятия 15 и более часов в неделю¹³.

Американские историки фактически не имеют самостоятельных профсоюзных объединений; только работающие на постоянных должностях профессора могут входить в Американскую ассоциацию университетских профессоров, которая, кстати, никогда не отличалась особой боевитостью перед лицом работодателей. Что же касается научных ассоциаций историков, и прежде всего общенациональных — АИА и ОАИ, то они предпочитают не брать на себя функции профсоюзных объединений и ограничиваются общими заявлениями и резолюциями по вопросам условий труда историков, которые никакого реального значения для администраций колледжей и университетов не имеют. Только в самые последние годы под давлением рядовых членов эти организации стали более активно выступать в защиту интересов историков, особенно женщин, представителей национальных меньшинств, молодых получателей ученых степеней, но и в данном случае эти выступления не идут дальше призывов и рекомендаций в адрес исторических факультетов.

По этой причине в среде американских историков практически отсутствуют коллективные действия и тем более коллективный протест в защиту своих профессиональных и жизненных интересов, которые демонстрируют многие другие слои и группы трудящегося населения Америки. Лишь в редких случаях работающие на исторических факультетах ассистенты, лаборанты и другой низкооплачиваемый персонал участвуют в общих забастовках этих категорий служащих. Что же касается основной категории — профессоров, то их социальное поведение в этом плане остается типичным для представителей среднего класса с мелкобуржуазными ценностями и типом мышления. Они предпочитают не связывать себя узами трудовой солидарности, четко противопоставлять свои действия лагерю работодателей в

¹² Survey of the Historical Profession. Academia, 1981—1982, p. 33.

¹³ Ibid., p. 25.

лице прежде всего администраций университетов. Особенно это заметно среди преподавателей крупных, элитарных вузов. Справедливо замечание В. Б. Кувалдина: «Несмотря на свой либерализм, преуспевающие представители академической общины часто выступают против распространения деятельности профсоюзов на высшую школу. Неприятие ведущими профессорами тред-юнионистских норм объясняется их приверженностью к традиционному принципу продвижения, основанному на индивидуальных научных достижениях»¹⁴.

В США до сих пор широко распространен имедж университетского профессора как воплощения «академической свободы», индивидуалиста-ученого, служащего истине вне всяких идеологических и партийных ориентаций или обязательств. Конечно, труд американского историка не так жестко регламентирован и носит творческий характер, если сравнивать его с деятельностью основной массы трудящихся. В отличие от служащих государственного аппарата и бизнеса профессура, особенно специалисты с твердой научной репутацией, преподаватели ведущих факультетов обладают известной независимостью в вопросах организации своего труда, характера научных изысканий, в целом общественного поведения, включая идеологические воззрения и политическую активность. Объясняется это прежде всего тем, что в условиях возрастающей роли научной интеллигенции в системе государственно-монополистического капитализма США вузы не только сохранили свой либеральный статус, но в последние десятилетия стали одним из основных средоточий критического потенциала американского общества. Как писал один из представителей радикальной интеллигенции, Р. Вольф, «в настоящее время университеты стали надежным убежищем для людей критического склада ума, которым было бы очень трудно заработать на жизнь где-нибудь в другом месте. Кто в наши дни, кроме университета, примет на работу Герберта Маркузе, Юджина Джиновезе или Баррингтона Мура-младшего? Где еще анархистов, социалистов и приверженцев других непопулярных идей ждут ученые звания, награды, долгосрочный трудовой договор?»¹⁵.

Однако не следует переоценивать степень академических свобод, идеологической нейтральности и терпимости в стенах американских университетов. Что касается обществоведов, особенно историков, то они не только своими трудами,

¹⁴ Кувалдин В. Б. Указ. соч., с. 322.

¹⁵ Wolff R. The Ideal of the University. Boston, 1969, p. 75.

но и всей своей практической деятельностью проявили себя как последовательные пропагандисты и проводники господствующей в стране буржуазной идеологии, государственных и политических устоев. В целом идейно-политический климат в среде американских историков при внешне провозглашаемой плюралистичности и терпимости отличается активным неприятием подлинно передовых и прогрессивных взглядов, идей и методологии. В реальной жизни это проявляется прежде всего в осуждении и гонениях тех немногих представителей профессии, которые осмеливаются своими трудами и общественной деятельностью выразить неприятие господствующих в обществе институтов и воззрений, а уж тем более призвать к их переустройству. Против таких обрушиваются не только твердолобые консерваторы, но и те, кто сделал себе карьеру на громкой, но непоследовательной репутации историка-«марксиста», как это произошло с тем же Юджином Джиновезе, который нанес ощутимый удар по действиям историков-радикалов в исторической профессии в начале 70-х годов.

Особую нетерпимость по отношению к себе испытывают историки-марксисты. Членство в рядах Коммунистической партии США фактически исключает для американского историка возможность получить преподавательское место в колледже или университете. Наглядным примером этого стало приобретшее широкую известность «дело Аптекера», когда в 1975 г. руководство исторического факультета Йельского университета отказало известному американскому историку-марксисту Герберту Аптекеру в праве даже прочитать единственный семестровый курс о выдающемся негритяпском деятеле США Уильяме Дюбуа. Это была явная политическая акция со стороны консервативно настроенной профессуры факультета против историка-коммуниста, очевидное нарушение прав ученого-историка, противоречащее провозглашаемым американской конституцией гражданским свободам. Только под давлением рядовых членов ОАИ, от которых поступила соответствующая петиция более чем со 100 подписями, действующая с 1967 г. совместная комиссия АИА и ОАИ по защите прав историков была вынуждена провести расследование случая отказа Г. Аптекеру в праве на преподавание. Почти двухлетнее разбирательство завершилось беспомощным докладом, который, по сути дела, стал косвенным одобрением позиции администрации Йельского университета¹⁶.

¹⁶ Текст доклада и его обсуждение, включая ответ Г. Аптекера, см.: Yale University and Dr. Herbert Aptheker: A Report of the АНА—

Все это происходило во второй половине 70-х годов, когда еще в академических кругах сохранялась инерция положительного воздействия времен разрядки международной напряженности и некоторой либерализации идеологического климата в исторической профессии. Ныне, в период рейгановской администрации, ситуация стала более жесткой и в некоторых аспектах напоминает времена «холодной войны» и маккартизма. По некоторым сведениям, зачисление преподавателей в штат исторических факультетов, как и в старые времена, сопровождается дачей подписки о непринадлежности к коммунистической партии и даже об отсутствии каких-либо связей с такими общественными организациями, как Общество дружбы США—СССР. Активность историков-радикалов, будораживших профессию десятилетие тому назад и оказавших сильное влияние на развитие историографии, заметно уменьшилась, ибо именно ученые левых убеждений прежде всего страдают от дискриминации в сфере найма и трудовых отношений.

Общий сдвиг общественного климата вправо вызвал активизацию консервативных элементов в среде американских историков. В 1980 г. среди членов АИА был создан так называемый Консервативный форум историков, бросивший призыв возродить «подлинно консервативную традицию» в американской исторической науке. Эта организация на последних съездах АИА созывала специальные сессии и собрания и в целом пользуется вполне благосклонным отношением со стороны руководства общенациональной ассоциации.

Весной 1980 г. некий полулегальный Институт исторического обозрения со штаб-квартирой в г. Торренсе (Калифорния) разослал членам ОАИ первый номер своего журнала «Джорнел оф хисторикел ревью», содержание которого представляло собой неприкрытую неонацистскую, ультраправую пропаганду, ничего общего не имеющую с исторической наукой. Об этом свидетельствуют многочисленные негодующие письма, присланные рядовыми членами организации в адрес исполнительного секретаря. Вот некоторые из этих откликов:

«Насколько я могу судить, это не научный журнал, а скорее апология Адольфа Гитлера».

ОАН Committee on the Defence of the Rights of Historians under the First Amendment.— ОАН Newsletter, 1978, Jan., vol. 5, N 2; The Debate Over the Report on Yale University and Dr. Herbert Aptheker.— ОАН Newsletter, 1978, July, vol. 6, N 1.

«Несмотря на безобидно звучащее название, эта публикация представляет собой презренную ультраправую, антисемитскую стряпню, которая не имеет никакого отношения к истории или к науке».

«Я решительно протестую против того, чтобы эта нацистская чепуха проникала в мой дом, и считаю, что, если ОАИ намерена существовать как организация, она не должна иметь каких-либо контактов с фашистами».

«Мне трудно согласиться с тем, что такая достойная научная организация... могла предоставить список адресов своих членов такой непрофессиональной, расистской и фашистской группе, как Институт исторического обозрения»¹⁷.

В ноябре 1980 г. исполком ОАИ обсуждал вопрос о факте рассылки этого журнала и решительно отмежевался от содержания этой публикации, хотя и не осудил предоставление списка адресов ультраправой группе: «Мы верим в интеллект членов нашей организации, чтобы различать качество получаемых материалов»¹⁸.

Возрождение консервативной идеологии в исторической профессии едва ли может означать возвращение к старым временам. Нельзя забывать, что в 60—70-е годы в американской исторической профессии произошли заметные и труднообратимые перемены, связанные с резким увеличением общего числа членов профессии, с усложнением состава историков по своему социальному и этническому происхождению, политическим взглядам, что неизбежно отразилось в направленности и содержании исторических исследований, усложнив картину развития современной американской историографии, а также изменив общую обстановку внутри профессии. Бывший исполнительный секретарь ОАИ Р. Киркендейл охарактеризовал эту ситуацию следующим образом: «Наша профессия, если смотреть на нее с точки зрения социального состава, стала более сложной, и в том же направлении развивались в ней подходы к познанию истории. Покончив с монопольным господством мужчин-„ангლოსаксов“, профессия больше не считает, что исторические исследования должны концентрироваться только на изучении политической элиты. Эти две тенденции развития воплощаются одновременно в росте представительства среди историков различных групп американского общества, что в свою очередь гарантирует возрастающее внимание, уделяемое всем

¹⁷ OAH Newsletter, 1980, July, vol. 8, N 1, p. 14.

¹⁸ Ibid., 1981, Jan., vol. 9, N 1, p. 8.

этим группам в самих исторических исследованиях, описанию и показу их исторической значимости»¹⁹.

И все же самые последние данные подтверждают наше заключение, что, несмотря на растущее число женщин, негров и представителей этнических меньшинств среди историков, усложняющиеся характеристики социального происхождения членов профессии, прогресс в этой области остается незначительным. Сравнительно привилегированное положение этой категории интеллектуального труда продолжает влиять на ее социальный состав. Подавляющее большинство профессорско-преподавательского состава исторических факультетов в начале 80-х годов по-прежнему составляют мужчины (86%), значительная часть которых — выходцы из средних классов. Среди представителей этнорасовых меньшинств больше всего представлены американцы азиатского происхождения (4%) и афроамериканцы (3%)²⁰.

При оценке политического климата в американской исторической профессии необходимо учитывать и тот факт, что в целом профессию издавна отличает принадлежность к либерально-буржуазному крылу политического спектра США: большинство представителей академического мира на выборах голосуют за кандидатов демократической партии. Историки в данном случае не являются исключением. В книге мы не рассматривали специально вопрос об избирательном поведении и политической деятельности представителей исторической профессии, хотя он, несомненно, очень важен и заслуживает внимания исследователей-историографов. Главная трудность заключается в том, что, как правило, авторитетные и влиятельные ученые-историки предпочитают не афишировать свою деятельность в качестве политических активистов и — более того — по их собственным научным трудам далеко не всегда можно адекватно судить о подлинных взглядах и настроениях. Элементы раздвоенности, конформизма, скрытой оппозиционности и критического отношения не столь редкое явление в их среде.

Мы располагаем, например, интересными документами из фонда личной переписки недавно скончавшегося известного историка Рэя Биллингтона, которые хотя бы отчасти иллюстрируют, каковы могут быть подлинные взгляды и политические убеждения тех, кого заслуженно относили к «лидерам профессии». Все свое научное творчество этот

¹⁹ Показания Р. Киркендейла в суде г. Канзас-Сити по делу «Штат Миссури против Национальной организации женщин» от 10 ноября 1978 г. — Архив автора.

²⁰ Survey of the Historical Profession. Academia, 1981—1982, p. 27.

ученый посвятил истории американского Запада, и его многочисленные книги по этой тематике неизбежно пропагандировали экспансионизм и исключительность исторического опыта США. Однако в профессиональной среде, будучи много лет одной из влиятельнейших фигур в ведущих исторических ассоциациях, он проявил себя как последовательный поборник либерально-демократических взглядов и принципов. Многие из представителей молодого поколения историков, активистов «нового левого» движения (сам он иронически называл себя «старым левым») были обязаны ему ощутимой поддержкой, о чем свидетельствует его переписка с такими историками, как Альфред Янг, Джесси Лемиш и др. Р. Биллингтон был когда-то сторонником взглядов прогрессиста Дж. Уоллеса, баллотировавшегося в президенты США на выборах 1948 г., а в 60—70-е годы активно поддерживал политическую платформу своего бывшего студента, сенатора-демократа Дж. Макговерна. Еще в 1962 г., отвечая на просьбу Дж. Макговерна оказать поддержку его кандидатуре на очередных выборах в сенат США и провести соответствующую работу среди историков Р. Биллингтон писал следующее: «Когда ты будешь баллотироваться в президенты, я буду счастлив выбраться из своего уединения и снова выстроить историков по струнке (whip the historians into line again)...»²¹.

Уже после неудачной попытки Дж. Макговерна стать президентом (кстати, большинство представителей академического мира отдали ему свои голоса) Р. Биллингтон написал этому политическому деятелю несколько интересных писем. Письмо от 10 марта 1978 г.: «Будущие историки увидят в тебе пророка, которому не отдали должное его современники, но который прокладывал путь в будущее, способное принести желанные величие (и мир) нашей стране. Ибо ты был абсолютно прав по всем вопросам. Если бы наш народ последовал за Уоллесом в 1948 г., если бы тогда удалось задуть холодную войну, как это могло вполне случиться, если бы мы не раздули конфликт с Россией до неразумных размеров путем нечестной дипломатии и трагической войны. (Имеется в виду война в Корее.— В.Т.), тогда бы и не было конфликтов, которые разделили мир и угрожают человечеству сегодня. Я достаточно оптимистичен, чтобы верить, что страна последует в конечном итоге провозглашаемому тобой курсу и что тебя не только оценят, но и прославят как лидера, опередившего свое время.

²¹ R. A. Billington — G. McGovern, May 18, 1962.— The Henry Huntington Library. San-Marino (Cal.). R. A. Billington's Papers.

Я целиком уверен в этом своем заключении не только потому, что историки пишут историю и историки среди тех немногих, кто признает правильность твоих взглядов, но потому, что по этим вопросам и не может быть никаких сомнений. Россия никогда и никому не угрожала установлением мирового господства и не намеревалась продвигаться за кольцо защищаемых ею стран. В начале века мы поступили так же, окружив себя карибскими и тихоокеанскими колониями. И все же ты один из немногих политических деятелей, который был достаточно смел, чтобы сделать такое заявление. Как трудно достается истина в век, когда больше уже не правит разум.

... Я скрываюсь от всего этого в Хантингтонской библиотеке, где среди ученых преобладают твои взгляды, пишу свои книги и я счастлив» ²².

И еще одно письмо тому же адресату, вероятно последнее перед смертью: «...когда я прослеживаю твою замечательную карьеру, я не только бесконечно горд, что имел кое-какое отношение к твоему обучению, но еще больше сожалею, что наша страна не доверилась тебе, как это сделал я. Действительно, Джордж, чем больше я беспокоюсь за положение нашей страны, тем все больше я убеждаюсь, что катастрофическая цепь событий, в которых мы участвуем, могла быть изменена только двумя путями: если бы был жив Джон Ф. Кеннеди или если бы ты был избран президентом. Возможно, что я стараюсь выдать желаемое за действительное, когда полагаю, что Джон Кеннеди не стал бы вовлекать нас еще глубже во Вьетнаме. Но я уверен, что прав, когда полагаю, что тебе бы удалось сохранить жизнь разрядке, ослабить нашу напряженность в отношениях с третьим миром и затормозить абсурдную гонку вооружений, которая несет банкротство Западу...» ²³.

Такие глубокие и точные мысли и в столь проникновенной форме о ключевых проблемах современного мира и об американской политике редко высказывались историками этой страны. Но значит ли это, что таких, как Биллингтон, единицы? Нет, не значит: в частной переписке и разговорах очень многие историки выражают подобные настроения и взгляды. В последние годы среди них довольно широко распространились антирейгановские настроения, негативное отношение к курсу на возрождение шовинистических настроений в стране, антикоммунизма и идеологической нетер-

²² R. A. Billington — G. McGovern, Mar. 10, 1978.— Ibid.

²³ R. A.— Billington — G. McGovern, Mar. 17, 1980.— Ibid.

пимости, на милитаризацию и нагнетание международной напряженности, на подготовку ядерной войны. Далеко не все осмеливаются высказываться на этот счет публично, а тем более отстаивать свои взгляды через печатное слово, своими научными трудами. Многие, особенно из числа признанных и респектабельных ученых, предпочитают молчаливое уединение в университетских «башнях из слоновой кости», оправдывая эту достаточно традиционную для буржуазных ученых позицию якобы несовместимостью науки с политикой. Но есть и такие, кто пытается возвысить свой голос протеста и неодобрения, публично высказать свою озабоченность ситуацией в собственной стране и состоянии мировых проблем.

В апреле 1980 г. большая группа американских ученых, собрав 20 тыс. долл., поместила в газете «Нью-Йорк таймс» в виде платного объявления документ под названием: «Остановим новую холодную войну!» В этом воззвании говорилось о том, что «в Вашингтоне поселился дух войны»: правительство США выступило инициатором массивных военных приготовлений на предстоящие пять лет, из ничего состряпало «кризис» по поводу Кубы, решило разместить в Западной Европе ракеты среднего радиуса действия, разрушило процесс переговоров по ОСВ. «Кому нужна новая холодная война? Президент Картер заявил, что советское вторжение в Афганистан явилось самой большой угрозой миру со времени второй мировой войны. Такая угроза действительно появится, если определенные люди получат свободу действий. Военный бизнес жаждет новых жирных заказов. ЦРУ и Пентагон пытаются освободиться от ограничений, наложенных на них после окончания войны во Вьетнаме. Слишком большое число политиков, не желающих обсуждать вопросы по существу, хотели бы вместо этого поразмахивать флагом... Возрождающийся милитаризм служит тем, у кого близорукие интересы, но он несет опасность большинству американцев. Поборники новой холодной войны не только разрушают институты, помогавшие ослабить напряженность,— культурный обмен, торговлю, Олимпийские игры,— но и спешат дать жизнь новому поколению ядерных вооружений, которое может разрушить непрочный баланс устрашения, который все же сдерживает обе стороны от нападения. Америке нужна внешняя политика, основанная на учете реальностей мира, а не на извлеченных из прошлого стереотипах холодной войны...»²⁴

²⁴ The New York Times, 1980, Apr. 27.

Под этим документом среди прочих стоят подписи историков, достаточно широко известных в профессиональной среде. Это Дэвид Монтгомери из Йельского университета, Говард Зинн из Бостонского, Элен Шрекер из Гарвардского, Эрик Фонер из Колумбийского, Лоуренс Каплан из Кентского, Дэниел Вэлковитц из Нью-Йоркского, Артур Екирч из Университета штата Нью-Йорк в Олбани, Георг Иггерс и Джесси Лемиш из Университета штата Нью-Йорк в Буффало, Уильям Маклафлин из Браунского, Майкл Фриш из Пенсильванского, Роберт Заграндо из Акронского и др. Это свидетельство того, что среди историков есть и такие, кто способен открыто и смело выступить с осуждением нынешнего безумного политического курса правящих кругов США, грозящего ввергнуть мир в глобальную катастрофу. Но таких ученых, к сожалению, не так уж много и не они задают тон в исторической профессии. В целом американская историческая наука остается существенным элементом в идеологическом механизме современного государственно-монополистического капитализма США, служа его интересам, отстаивая его идеалы и ценности.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I. ВЫСШЕЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ПОДГОТОВКА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ИСТОРИКОВ	17
1. Особенности американской системы высшего исторического образования и характеристика исторических факультетов	17
2. История в колледжах и подготовка бакалавров	25
3. Подготовка магистров искусств по истории	37
4. Подготовка кадров высшей квалификации	46
5. Общая характеристика историков, получивших ученую степень	54
ГЛАВА II. КАДРЫ ИСТОРИКОВ: СФЕРЫ ЗАНЯТОСТИ, ОБЛАСТИ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ И УСЛОВИЯ ТРУДА	63
1. Историки академического мира	64
2. «Публичная история». Историки в бизнесе и правительстве	81
3. Статус женщин-историков	100
ГЛАВА III. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ БАЗА ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ	117
1. Государственная архивная служба	118
2. Частные архивы и библиотечные коллекции	127
3. Публикация документов	135
4. Устная история	144
5. Микрокопирование и машинные банки данных	155
6. Ограничения доступа к архивным документам	166
ГЛАВА IV. ОРГАНИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	180
1. Источники и формы финансирования	180
2. Научные центры и результаты исследований	190
3. «Американское историческое обозрение»	199
4. «Журнал американской истории»	206
ГЛАВА V. АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ	217
1. Первые десятилетия деятельности	217
2. «Холодная война» и американские историки	228
3. Новые задачи и старые тенденции	240

4. Бунт «новых левых»	247
5. Современные проблемы	271
6. Тихоокеанское отделение и аффилированные исторические общества	285
ГЛАВА VI. ОРГАНИЗАЦИЯ АМЕРИКАНСКИХ ИСТО- РИКОВ	295
1. История создания	295
2. От регионального объединения к общенацио- нальной ассоциации	300
3. Конституционные основы, финансы и состав	307
4. Ежегодные съезды и премии	313
5. Общественная и лоббистская деятельность .	318
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	333

CONTENTS

INTRODUCTION	5
CHAPTER I. HISTORY IN HIGH EDUCATION AND TRAINING OF HISTORIANS	17
1. Departments of history in American system of high education.'	17
2. History in colleges and training of BA . .	25
3. Training of MA in history.	37
4. Training of PhD in history.	46
5. Recipients of PhD in history.	54
CHAPTER II. PROFESSIONAL HISTORIANS: FIELDS OF EMPLOYMENT, SPECIALIZATION AND CONDITIONS OF LABOR	63
1. Historians in Academia.	64
2. Public history. Historians in government and business.	81
3. Status of women in historical profession. . . .	100
CHAPTER III. RESEARCH BASE OF HISTORICAL SCIENCE	117
1. State archives	118
2. Private archives and library collections. .	127

3. Publication of documents	135
4. Oral history	144
5. Mass data and machine archives	155
6. Access to archival materials	166
 CHAPTER IV. ORGANIZATIONAL ASPECTS OF HIS- TORICAL RESEARCH	 180
1. Sources and forms of financing	180
2. Research centers	190
3. American Historical Review	199
4. Journal of American History	206
 CHAPTER V. AMERICAN HISTORICAL ASSOCIATION.	217
1. From foundation to Second World War . .	217
2. Cold War and American historians	228
3. New tasks and old tendencies	240
4. The New Left revolt.	247
5. Contemporary issues	271
6. Pacific Branch and affiliated societies	285
 CHAPTER VI. ORGANIZATION OF AMERICAN HIS- TORIANS	 295
1. History of formation	295
2. From regional to national association.	300
3. Constitution, finances and membership . . .	307
4. Conventions and prizes	313
5. Public and lobbying activities	318
 CONCLUSION	 333

2р.60к.

В.А.Тышков ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ В США